

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Ивановский государственный университет»

На правах рукописи

РУЖЕНЦЕВ Сергей Евгеньевич

**ПРОБЛЕМА МОРАЛИ И ПОЛИТИКИ
В СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССАХ РОССИИ**

Специальность 09.00.05 - Этика

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени
доктора философских наук

Научный консультант:
доктор философских наук, доцент
Назарова Юлия Владимировна

Иваново – 2020

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	3
Глава I. Рецепция западноевропейских теорий взаимодействия морали и политики в русском общественном сознании	
1.1. Модели взаимодействия морали и политики в западноевропейской философской традиции.....	29
1.2. Рецепция морали и политики в русской философии. Модели их взаимодействия в современном российском философском дискурсе.....	85
Глава II. Мораль и политика в русской истории: историческая ретроспектива взаимодействия	
2.1. Системоцентристская модель политики в дореволюционный период исторического развития России. Мораль как способ регуляции политических практик в период исторических кризисов.....	124
2.2. Системоцентричность политики в контексте авторитарности государственного управления в советский период. Мораль как основа государственно-партийной политики	158
2.3. Демократизация общества в перестроечный период развития России: конфронтация политики и морали.....	192
Глава III. Персоноцентрированная модель взаимодействия морали и политики в постперестроечный период развития России: публичность политики и морали	
3.1. Демократизация общества в контексте переоценки ценностей в современной России: персоноцентрированность морального сознания и его влияние на политические практики.....	221
3.2. Демократизация социально-политической системы и нравственное сознание современного российского общества.....	254
3.3. Современная идеология: мораль как поле взаимодействия традиционных и либеральных ценностей	293
Заключение	328
Библиографический список.....	343

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. В современную кризисную эпоху становится крайне актуальной проблема этико-философского осмысления социально-политических процессов в России. Эти процессы в любой стране имеют сложную и неоднозначную природу, определяя возможности и глубину модернизационных изменений и вектор развития социума не только в экономическом, но и в духовном плане. Но в российских условиях они усложняются социокультурной спецификой и значительным уровнем внутренней противоречивости, что связано как с влиянием традиционных установок прошлого, так и с достаточно высоким уровнем социального противостояния, которые обусловлены переходным состоянием общества. Этот переход предполагает сосуществование и взаимодействие ценностных ориентаций дореволюционной России, советского общества и современного постсоциалистического уклада, порождая сложные отношения между политической властью и обществом. Складывается напряженная духовно-нравственная ситуация в ценностном поле отечественного социума.

Проблемы взаимодействия политики и морали, которые связаны между собой посредством ценностей, во все времена имели значимый характер, поскольку связаны с пониманием и признанием действий властных органов и политиков, нравственными границами, ответственностью перед обществом. Поэтому этический анализ отношений морали и политики позволяет соединить научный дискурс с пониманием мотивов политических акторов, особенностей проявления менталитета и ценностных предпочтений общественного сознания, влияющих на сложившиеся социальные взаимодействия. Это привносит в теоретическую рефлексию необходимую глубину и многомерность при изучении политической практики.

Очевидно, что использование аморальных средств в политической деятельности не может обеспечивать высокие моральные стандарты в обществе и эффективность социальной саморегуляции. Значительный уровень проявления нерациональности и алогичности поведения политических субъектов во многом

связан не только с тем, что их действия обусловлены объективно складывающимися социальными интересами и противоречиями, но и влиянием существующих моральных установок, воздействием норм и ценностей социальной среды, в которой они действуют. Ведь размывание ценностных оснований общества порождает дисгармонию внутри социальной системы. Поэтому необходимой потребностью становится концептуальное осмысливание российских социально-политических процессов с разных сторон, в том числе и с этико-философской точки зрения.

Обращаясь к этическим аспектам развития российского общества, исследователь сталкивается с настоятельной потребностью в выявлении и характеристике связей между моралью, нравственностью и политикой, определения возможности и границах применения моральных оценок к политике, фиксации специфики сочетания практической политической деятельности с моральными нормами и идеалами, господствующими в социуме. Ведь моральные нормы и традиции обеспечивали на всем протяжении российской истории известное единство общества и его самосохранение. Вот почему в современных условиях, когда происходит радикальная трансформация социума, важным являются не только политическое устремление власти к внедрению инновационных трендов, но и опора на базовые ценности и традиционные моральные основы. Весь опыт России показывает, что без учёта морального фактора любым политическим лидерам сложно осуществить модернизационные изменения в стране и обеспечить эффективность действий власти. Поэтому ценностный баланс морали применительно к политической деятельности призван определить такие основания, которые регулировали бы поведение людей в политической сфере и придавали ценностную значимость решениям властных структур.

При этом необходимо учитывать, что моральные ценности и нормы связаны с правом, которое обеспечивает преемственность ценностно-мировоззренческих установок на уровне государственных и социальных институтов, опираясь на систему норм, представлений о естественных правах, правовых возможностях

конкретных субъектов. Тем самым правовые установки призваны гармонизировать социальные отношения через обезличенные интересы, регулируя посредством ценностей свободы и справедливости общественные взаимодействия. Однако правовые основания имеют иной характер выражения и применения, чем мораль. Ведь право предполагает директивное регулирование и непосредственно связано с государством. Поэтому в политической сфере право играет субсидиарную роль, выполняя вспомогательно-служебную функцию, а правовые аспекты занимают в системе ценностных взаимоотношений морали и политики специфическую нишу, которая требует своего отдельного изучения.

На всех этапах развития российского государства и общества мораль всегда незримо присутствовала и продолжает присутствовать в системе политических отношений. И, хотя мораль непосредственно не включена в механизм властвования, она влияет на него трансцендентным образом в качестве ориентиров должного, сопоставляемых с фактами сущего, что позволяет искать рациональные, одобряемые социумом пути осуществления политического курса. Тем самым, роль моральных ценностей в политике связана с потребностью выработки таких принципов и норм, которые обеспечивают регулирование поведения людей в системе властных отношений, придание политическим решениям социально приемлемых гуманистических ориентиров, создание благоприятной высоконравственной атмосферы и принятия обществом проводимой политики. А потому действия конкретных лиц и институтов должны вписываться в рамки существующих представлений рядовых граждан и широких слоёв общества о моральных нормах и ценностях.

Любые властные конструкции, от военно-бюрократической до идеократической модели, игнорирующие моральные ценности, неизбежно «скатываются» к открытому применению силовых методов, вызывая сопротивление, недовольство или апатию общества, радикальную критику проводимой политики. Важность учёта социокультурного фактора в современной ситуации связана с неконтролируемым ростом издержек и цены политических действий, с информированностью общества о процессах принятия и реализации

того или иного решения, а также с отчётливой зависимостью субъектов любого ранга от общественного мнения, используемого в качестве одного из механизмов обеспечения власти в условиях демократии. Поскольку мораль позволяет осуществлять выбор и иерархию приемлемых целей в политической практике и необходимых средств для их реализации.

Роль ценностных ориентиров в политике можно определить в качестве основания для согласования социальных интересов и облагораживания политической деятельности. В прикладном контексте ценности морали выступают специфическим посредником между политическим деятелем и обществом. Ведь любое отрицание морали неизбежно формирует закрытый способ принятия решений, а также склонность к произволу и злоупотреблениям, что обнаруживается на протяжении всей российской социально-политической эволюции. Политика должна стремиться использовать моральные ценности и нормы для регулирования политических отношений, ориентируя индивида на исполнение своего долга, реализацию социальной справедливости и нравственное самосовершенствование. На основе взаимодействия политики и морали возможно удержание от игнорирования широких социальных интересов, обеспечение единства общества, придание политическому курсу гуманистического содержания. Поэтому *баланс* (равнодействие) морали и политики основан на поиске оптимального соотношения наиболее значимых норм и целей процесса деятельности, обеспечивающий согласование интересов власти и общества.

Таким образом, проблемы, связанные с научным анализом складывающихся противоречий между моральными ориентирами и политической практикой, являются актуальными для понимания роли моральных ценностей в российских политических процессах, а потому нуждаются во всестороннем их изучении и осмыслении с этических позиций.

Степень научной разработанности проблемы. Моральная составляющая в политике всегда привлекала внимание, как мыслителей прошлого, так и современных исследователей самых различных направлений и школ. Анализ влияния ценностных установок и моральных императивов даёт возможность

более объективного и всестороннего осмысления сложных и противоречивых социальных процессов.

Характер темы и её междисциплинарная специфика обусловили использование исследований разных отраслей гуманитарного знания.

Исторические сочинения является тем важным фактологическим материалом, который помогает отразить проявления социокультурных условий и моральных норм в практической политической деятельности. Обобщающие исторические работы позволяют выделить устойчивые морально-правовые мотивации осуществления определённого курса политики.

Заметное место в диссертационном исследовании занимает политологическая литература, затрагивающая ряд теоретических проблем морали, которые касаются процедуры осуществления власти, отношения к ней гражданского общества, целей и итогов модернизационных изменений в обществе и др. Ведь реализация публичного характера политики, которая основывается на моральном сознании акторов, требует применения моральных оценок к конкретным действиям. Тем самым политическая этика содействует поиску консенсуса и баланса интересов¹.

Прикладной характер взгляда политологии на мораль в системе социальных отношений сформировал утилитарный и ценностный подходы. В их основе лежит гегелевский принцип разведения морали и нравственности как способа поиска баланса между целями и средствами политики. Поэтому сторонники утилитарного подхода (И.А. Ерохова, С. Коэна, В.С. Мартьянова, Л.В. Сморгунова, L. Nelson и I. Kuzes, N. Rescher, A. Steen и др.), при определении нравственности используемых индивидом средств склонны к выявлению таких адекватных процедур, которые связаны с задачами развития общества, с имеющимися ресурсами, со степенью административного воздействия на

---

¹ См., напр.: Афанасьев М.Н. Клиентела в России вчера и сегодня // Политические исследования. – 1994. – № 1; Гаман-Голутвина О.В. О столкновении морального и нравственного начал в российской политике // Политические исследования. – 2005. – № 3; Перегудов С.П. Организованные интересы и российское государство: смена парадигм // Политические исследования. – 1994. – № 5.

принимаемые решения². В то же время ценностный подход склоняется к моральной критике власти, что позволяет говорить об ориентации авторов данного направления (А.П. Бутенко, А.Б. Венгеров, Н.Б. Ильина, Р.У. Семенова, А.С. Ципко, F. Cunningham, S. Kotkin, C. Schmitt, K. Smith) на корректировку развития социально-политических отношений с учётом в деятельности власти и морально-нравственного фактора³.

Отдельно можно выделить группу политологических исследований, в центре которых лежит проблема отношений между обществом и властью, элитой и массами, которая определяет механизмы властвования, характер социальных отношений. Ведь ценности солидарности, интеграции, традиционализма и другие задают содержание моральных норм и установок, поскольку социальные институты влияют на трансформацию как отношений в социуме, так и всей нормативно-ценностной системы координат власти (Т.А. Алексеева, М.Р. Зезина, Н.М. Плискевич, S. Carter, T. Gustafson, S. Fish, J. Harris, K. Ryavec, R. Sakwa, M. Urban и др.)⁴.

---

² См.: Ерохов И.А. Кризис политической нормативности // Политико-философский ежегодник. Вып. 2. – М., 2009; Коэн С. Можно ли было реформировать Советскую систему // АИРО-XX – Научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века. – Вып. 16. – М., 2005; Мартыанов В.С. Об условиях возникновения теории справедливости в российской политике // Политические исследования. – 2006. – № 4; Сморгун Л.В. Философия и политика. Очерки современной политической философии и российская ситуация. – М., 2007; Nelson, L.D., Kuzes, I.Y Radical reform in Yeltsin's Russia: political, economic, and social dimensions. – Armonk, New York, 1995; Rescher N. Fairness. Theory and Practice of Distributive Justice. – New Brunswick, 2002; Steen A. Political Elites and the New Russia: The Power Basis of Yeltsin's and Putin's Regimes. – N.Y., 2003.

³ См.: Бутенко А.П. От коммунистического тоталитаризма к формированию открытого общества в России (политические и правовые проблемы). – М., 1997; Венгеров А.Б. Патология государственности // Общественные науки и современность. – 1991. – № 5; Ильина Н.Б. Идея демократии в восприятии российского общества // Политико-философский ежегодник. Вып.2. – М., 2009; Семенова Р.У. Политическая мораль: некоторые основания когнитивного дискурса // Вестник Томского гос. ун-та. – Вып. 287. – Томск, 2005; Ципко А. О зонах, закрытых для мысли // Суровая драма народа: ученые и публицисты о природе сталинизма. – М., 1989; Cunningham F. Theories of Democracy. A critical introduction. – N.Y., 2002; Kotkin S. Armageddon Averted: Soviet Collapse, 1970 – 2000. – N. Y., 2008; Schmitt C. The Crisis of Parliamentary Democracy. – Cambridge, 2000; Smith K. Mythmaking in New Russia: Politics and Memory in the Yeltsin Era. – N.Y., 2002.

⁴ См.: Алексеева Т.А. Справедливость как политическая концепция: очерк современных западных дискуссий. – М., 2001; Зезина М.Р. Какая дорога ведет к храму: споры о перспективах развития страны в общественной мысли 80-х – 90-х гг. XX в. // Судьба России: вектор перемен. – Т. 1. – М., 2007; Плискевич Н.М. Утопизм и прагматизм российского реформаторства //

Собственно этико-философские исследования опираются на базовые труды Аристотеля, Платона, Н. Макиавелли, Т. Гоббса, Дж. Локка, И. Канта, Г. Гегеля, Н.А. Бердяева и др., в которых обращалось внимание на ценностные аспекты политической деятельности. Обозначенные ими проблемы привели к формированию в современной философской литературе различных подходов к решению проблем морали в политике.

Особую роль в определении аксиологического подхода в рамках данного исследования сыграли работы, которые затрагивали вопросы о ценностных основах социально-политических отношений. Г.П. Выжлецов, В.Н. Назаров, П.Е. Матвеев, А.И. Титаренко, М.Н. Данилкова и др. рассматривали ценностные проблемы в жизни общества, особенности личностного выбора, иерархию моральных установок и пр., что позволяет охарактеризовать также и роль морального фактора в политической сфере⁵.

Существенное место также принадлежит и философскому анализу правовых норм, поскольку поведение индивида всегда находится под воздействием и моральных, и правовых требований. Ценностная составляющая морали и права непосредственным образом определяет способы реализации политического курса или степень его поддержки. Поэтому В.С. Соловьев рассматривал право как принудительное требование в реализации минимального добра. Философский анализ взаимодействия морали и права получил достаточное отражение в литературе, основополагающее место в которой принадлежит таким видным

Общественные науки и современность. – 1998. – № 1; Carter S. Civility: Manners, Morals, and the Etiquette of Democracy. – N.Y., 1999; Gustafson T. Capitalism Russian-Style. – Cambridge, 1999; Fish, Steven M. Democracy Derailed in Russia: The Failure of Open Politics. – N.Y., 2005; Harris, J. Subverting the system: Gorbachev's reform of the party's apparatus, 1986-1991. – N.Y., 2003; Ryavec K. Russian Bureaucracy: Power and Pathology. – Lanham, 2003; Sakwa R. The Crisis of Russian Democracy. – Cambridge, 2011; Urban M. Cultures of Power in Post-Communist Russia: An Analysis of Elite Political Discourse. – Cambridge, 2010.

⁵ См.: Выжлецов Г.П. Аксиология культуры. – СПб., 1996; Назаров В.Н. Прикладная этика. – М., 2005; Матвеев П.Е. Моральные ценности. – Владимир, 2004; Титаренко А.И. Антиидеи. – М., 1984; Данилкова М.П. Концепция теории ценностей с позиций диалектической методологии: Автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. философ. наук. – Новосибирск, 2008.

мыслителям как В.С. Соловьев, А.С. Яценко, Н.М. Коркунов и др.⁶

Кроме того, следует выделить работы, рассматривающие моральные аспекты общей и политической этики. Они ориентированы на поиск концептуальных подходов в определении места и роли норм и ценностей морали. Наиболее заметное место занимают работы Р.Г. Апресяна, А.А. Гусейнова, Е.Л. Дубко, Б.Г. Капустина, П. Козловски, Л.В. Максимова, А.В. Прокофьева, А.В. Разина, Б. Сутора, Ю.М. Федорова, И. Шапиро и др.⁷ Данные авторы пытаются раскрыть роль и влияние моральных норм и ценностей на политику и её восприятие обществом, выявить специфику синтеза морального и политического сознания как формы объединения политических целей и социальных ценностей, частных и общественных интересов. Указанные исследователи рассматривают политику как общественную деятельность, в которой приходится на практике решать ряд важных задач и проблем социума. Так, А.А. Гусейнов отмечает, что в современной российской политике практически отсутствуют совместные солидарные усилия, обусловленные служением общему благу⁸.

Авторами данного направления отмечается также тесная взаимосвязь между политической и частной моралью, которая создаёт определённые требования в следовании ценностным ориентирам и нравственному выбору. Ими обосновывается «логика меньшего зла», возможность моральной ответственности за совершаемые действия, складывание конкретных дилемм морального выбора. Поэтому преобладающим является нормативный подход, предоставляющий

---

⁶ См.: Соловьев В.С. Право и нравственность. – Минск, М., 2001; Яценко А.С. Философия права Владимира Соловьева. – СПб., 1912; Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. – СПб., 2003.

⁷ Апресян Р.Г. Идея морали и базовые нормативно-этические программы. – М., 1995; Гусейнов А.А. Философия, мораль, политика. – М., 2002; Дубко Е.Л. Политическая этика. – М., 2005; Капустин Б.Г. Моральный выбор в политике. – М., 2004; Козловски П. Этика капитализма. Эволюция и общество. – СПб., 1996; Максимов Л.В. Этический объективизм: основные концепции и подходы // Этическая мысль. Вып 1. – М., 2000; Прокофьев А.В. Моральная ответственность в политике: взгляд через призму этики меньшего зла // Философский журнал. 2011. – № 1; Разин А.В. Моральные дилеммы: причины возникновения и способы разрешения // Дискурсы этики. – 2013. – № 1; Сутор Б. Политическая этика // Политические исследования. – 1993. – № 1; Федоров Ю.М. Универсум морали. – Тюмень, 1992; Шапиро И. Моральные основания политики. – М., 2004.

⁸ См.: Гусейнов А.А. Указ. соч. – С. 191.

возможность обоснования ценностных оснований при осуществлении моральных требований и оценок политических явлений. В результате мораль принимает на себя роль «посредника» в отношениях между обществом и властью как некий идеал, образец допустимого или неприемлемого поведения ради общего блага. И это действие, по мнению Б.Г. Капустина, проявляется через массовые коллективные действия без гарантий правильности решений⁹. Кроме того, значительный интерес к указанной проблематике имеется в зарубежной этической литературе, в которой можно выделить работы Р. Blackledge, J. Kane, J. Rachels, M. Slote и др., а также ряд диссертационных исследований – Е.Ю. Вавиловой, Л.Д. Минкинена, И.В. Соловей, Г.С. Федорова и др.¹⁰

Другая группа этико-философской литературы связана с анализом и адаптацией макиавеллистского и кантианского подходов к ценностям политической морали. Авторы, изучающие проблемное поле морали, обращены к дилемме цели и средств, решаемой посредством рационального целеполагания самих ценностей. К данной группе исследований можно отнести работы Х. Арндт, Г.Г. Водолазова, Г.П. Гребенника, Б.Г. Капустина, И.И. Кравченко, Ю. Хабермаса, J. Marks, R. Niebuhr, M. Oakesshott, J. Tannenbaum и др.¹¹ Определённый интерес к целому ряду вопросов прослеживается и в

⁹ См.: Капустин Б.Г. Критика политической философии. – М., 2010. – С. 349 – 350, 358.

¹⁰ Blackledge, Paul. *Marxism and Ethics: Freedom, Desire and Revolution*. – Albany, 2012; Kane J. *The Politics of Moral Capital*. – Cambridge, 2003; Rachels J., Rachels S. *The elements of moral philosophy*. – N.Y., 2011; Slote M. *Moral sentimentalism // Ethical Theory and moral practice*. – 2004. – Vol. 7, № 1; Вавилова Е.Ю. *Диалектика добра и зла: Автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. философ. наук.* – Иваново, 2008; Минкинен Л.Д. *Онтологические и теоретико-познавательные основания этического идеала: Автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. философ. наук.* – СПб., 2006; Соловей И.В. *Философские смыслы поля политики: Автореф. дис. на соиск. учен. степ. доктора философ. наук.* – Ижевск, 2012; Федоров Г.С. *Диалектика взаимоотношений политической и частной морали: Автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. философ. наук.* – Чебоксары, 2010.

¹¹ Арндт Х. *О насилии // Мораль в политике.* – М., 2004; Водолазов Г.Г. *Идеалы и идолы. Мораль и политика: история, теория, личные судьбы.* – М., 2006; Гребенник Г.П. *Проблема отношений политики и морали.* – Одесса, 2007; Капустин Б.Г. *Критика политической философии.* – М., 2010; Кравченко И.И. *Политика и мораль // Вопросы философии.* – 1995. – № 3; Хабермас Ю. *Демократия. Разум. Нравственность.* – М., 1995; Marks J. – *Ethics without Morals: In Defense of Amorality.* – N.Y., 2012; Niebuhr R. *Moral Man and Immoral Society.* – Westminster John Knox Press, 2013; Oakesshott M. *Morality and Politics in Modern Europe.* – New Haven, 1993; Tannenbaum J. *Acting with Feeling from Duty // Ethical Theory and Moral Practice.* – 2002. – Vol. 5, № 3.

диссертационных работах А.Б. Веригина, А.И. Коломак, А.В. Коновалова, Ю.В. Назаровой и др.¹² Для авторов данного направления приоритетным является ограничение политики моральными ценностями или освобождение политики от моральных ограничений, выбор предпочтения политических обязательств или морального долга. Все авторы склонны признавать невозможность неморального подхода к политике. Только макиавеллисты отдают предпочтение утилитарно-прагматическому способу решения противоречий, а кантианцы настаивают на учете гуманистических ориентиров и требований в содержании результата практической деятельности. Поэтому взаимодействие морали и политики рассматривается дискурсивно через установление моральной природы политики или политической природы морали.

Заметное место в этико-философских исследованиях принадлежит работам этатистского и либерального направлений. Они обращают внимание на проблемы и ценности демократии и её институтов, на гарантии личных прав и свобод, соотношение «свобода – детерминизм», вызывающие необходимость рациональных оснований деятельности. К данному направлению можно отнести работы В.А. Бачинина, С.Н. Гаврова, У. Кимлики, Б.В. Маркова и С.П. Щавелева, В.Л. Римского, В.Г. Федотовой, А. Giddens, М. Mendras и др.¹³ Указанные авторы затрагивают ценностные коммуникации человека и государства, модели консолидации общества, пути социальной модернизации, роль традиций.

---

¹² Веригин А.Б. Нравственный долг, права и обязанности человека как социальные регуляторы общественных отношений: социально-философский анализ: Автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. философ. наук. – Краснодар, 2012; Коломак А.И. Свобода и ответственность в современном мире: Автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. философ. наук. – Ставрополь, 2006; Коновалов А.В. Ответственность в сфере социальных регуляций: политический аспект: Автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. философ. наук. – Новосибирск, 2005; Назарова Ю.В. Аксиология и антропологические практики парламентской культуры: Автореф. дис. на соиск. учен. степ. доктора философ. наук. – Белгород, 2013.

¹³ Бачинин В.А. Морально-правовая философия. – Харьков, 2000; Гавров С.Н. Модернизация во имя империи. – М., 2010; Кимлика У. Либеральное равенство // Современный либерализм. – М., 1998; Марков Б.В., Щавелев С.П. Критика тоталитарного опыта. – Курск, 2011; Римский В.Л. Нравственность не может быть регулятором поведения патримональной бюрократии // Нравственное государство как императив государственной эволюции. – М., 2011; Федотова В.Г., Колпаков В.А., Федотова Н.Н. Глобальный капитализм: три великие трансформации. – М., 2008; Giddens A. The Third Way and Its Critics. – Cambridge, 2000; Mendras M. Russian Politics: The Paradox of a Weak State. – N.Y., 2012.

Значительную активность при этом проявляет либеральное течение, представители которого склонны к рационализации социально-политических отношений и функциональному использованию различных ценностей в политическом пространстве. В частности, это проявляется в обращении к религиозным установкам, юридическим нормам, демократическим принципам как субстативным ценностным ограничениям для индивида в его повседневной практике.

Существенную роль играет этико-философская литература, посвященная различным ценностным аспектам морального поля социума. Исследования по данному направлению представлены работами А.А. Зиновьева, Г.Ю. Канарша, В.С. Мартьянова и Л.Г. Фишмана, М.В. Сахаровой, М. Сэндела, О. Хёффе и др.¹⁴ В них изучается проявление и роль основополагающих ценностей в социально-политических процессах. В зависимости от рассматриваемой проблематики, авторами делается акцент на изучении характера, особенностей, возможностей воплощения в жизнь ценностей справедливости, равенства, толерантности, долга, общественного блага и пр. Однако различия в подходах к реализации ценностных приоритетов определяют методологическую и идеологическую ориентацию самих исследователей и характер их трактовки проявления норм морали в практической деятельности. Именно поэтому эти вопросы продолжают оставаться в центре внимания научных дискурсов современных мыслителей.

Ещё одну группу этико-философских исследований составляют работы, в центре внимания которых находятся проблемы инструменталистской и консуматорной морали. Данное направление представлено сочинениями Т.П. Волковой, Б.И. Зеленко, Х. Йонаса, Г.И. Мусихина, В.И. Бакштановского и Ю.В.

---

¹⁴ Зиновьев А.А. Коммунизм как реальность. – М., 1994; Канарш Г.Ю. Социальная справедливость: философские концепции и российская ситуация. – М., 2011; Мартьянов В.С., Фишман Л.Г. Россия в поисках утопий. От морального коллапса к моральной эволюции. – М., 2010; Сахарова М.В. Свобода и равенство: история неоконченного спора о справедливости // Философские науки. – 2010. – № 1; Сэндел М. Справедливость. Как поступать правильно? – М., 2013; Хёффе О. Справедливость: Философское введение. – М., 2007.

Согомонова, Дж. Роулза, К.Б. Сафонова, В.Е. Черниковой и др.¹⁵ Реализация моральных ценностей, воспринимаемых на первый взгляд как отвлечённые проблемы, определяет отношение исследователей к наиболее актуальным аспектам демократии, модернизации, равенства возможностей в современном обществе. Ведь до сих пор остаётся дискуссионным вопрос о соотношении ценностных ориентаций и практической деятельности, связанной с их воплощением. Необходимость теоретической разработки данных проблем связана с ценностным восприятием обществом различных культур, идеологий, традиций, модернизационных стратегий.

Несмотря на значительные достижения этической мысли на данном научном направлении, имеется ряд аспектов, нуждающихся в дальнейшей разработке. Это определяет задачу исследования ценностного баланса морали и политики в российском общественном развитии. Данные обстоятельства во многом предопределили тему, объект, предмет и цели диссертационного исследования.

Объектом исследования являются социально-политические процессы развития России.

Предмет исследования составляют аксиологические аспекты взаимодействия морали и политики в российской политической практике, связанные с социокультурными условиями и необходимостью согласования социальных интересов.

Цель исследования. Теоретический анализ взаимодействия морали и

---

¹⁵ Волкова Т.П. Классические философские концепции мультикультурализма и толерантности // Вестник МГТУ. – Т. 14, № 2. – 2011; Зеленко Б.И. Демократия в Российской Федерации: аксиологический подход // Ценностные ориентиры и приоритеты в трансформирующемся мире. – М., 2010; Йонас Х. Принцип ответственности. – М., 2004; Мусихин Г.И. Дискурсивный анализ идеологий: возможности и ограничения // Политические исследования. – 2011. – № 5; Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В., Чурилов В.А. Этика политического успеха. – М., 1997; Роулз Дж. Теория справедливости. – Новосибирск, 1995; Сафонов К.Б. Этические кодексы: проблемы создания и применения // Вестник Пермского университета. Серия: Философия. Психология. Социология. – 2013. – Вып. 1; Черникова В.Е. Конфликт традиционных моральных ценностей информационного общества // Вестник Адыгейского гос. ун-та. – Серия 1: Регионоведение, философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. – 2014. – № 3.

политики в российском социуме.

Достижение поставленной цели обеспечивается решением следующих **исследовательских задач**:

- изучить специфику основных концептуальных этических подходов к проблеме ценностного взаимодействия морали и политики;
- рассмотреть эволюцию этических представлений о роли и значимости морали в политической деятельности;
- изучить влияние морально-ценностных идей на политических субъектов на различных этапах общественного развития;
- проанализировать основные индикаторы, используемые для моральной оценки власти и политики;
- изучить особенности политической морали на различных этапах российского исторического развития;
- раскрыть социокультурную специфику моральных ценностей в российском общественном сознании;
- выявить и проанализировать тенденции проявления моральных аспектов в политической сфере современного российского общества;
- исследовать взаимодействие идеологического вектора правящей элиты и ценностных установок общества;
- дать анализ демократических ценностей как политических ориентиров с моральных позиций российского общества;
- провести анализ соотношения традиций и новаций в развитии российского общества, их ценностных оснований.

Авторская концепция диссертационного исследования состоит в следующем: ценностные основания, являясь стержнем морали, ориентируют политику как особый вид социальной деятельности, позволяя определять границы, формы, характер, отношение к конкретным действиям в политическом пространстве. Мораль вводит общие и приемлемые для всех участников социально-политических взаимодействий нормы и установки, что позволяет им согласовывать свои интересы и цели. Основой этого согласования выступают

общепринятые моральные ценности и представления о них.

Ценностный подход позволяет анализировать доминирующие ценности социума, выступающие в качестве смыслозначимых ориентиров в деятельности политических субъектов и объектов. Изучение содержания и иерархии ценностей раскрывает возможности и степень влияния политических деятелей на общество, и отношение к ним основных общественных сил. Сравнение моральных установок в различные периоды развития российского общества позволяет осуществлять его аксиологическую характеристику, в которой выявляются особенности влияния различных ценностей на социально-политические отношения. Поэтому ценностный метод дает возможность раскрыть смысл конкретного события и отношение к нему участников социального процесса.

Сама же мораль отражает индивидуальный и групповой жизненный опыт, являющийся результатом взаимодействия с окружающей действительностью. Выступая в качестве ориентира деятельности, она является результатом духовного мировосприятия субъекта. Именно мораль предоставляет на практике выбор приемлемых целей и сопутствующих средств для их реализации. Среди ценностей морали особую значимость имеют ценности добра, долга, блага, тогда как для политики – ценности согласия, свободы, легитимности. И между ними идет непрерывный поиск такого соответствия, которое формирует в политической практике в данный момент необходимые социальные идеалы и условия по согласованию интересов.

Специфика российского социально-политического развития состоит в том, что мораль традиционно имеет выраженный системоцентристский и мобилизационный характер, обеспечивая ту или иную степень взаимопонимания субъектов, поддержку проводимой политики при ответах на внутренние и внешние вызовы. Проведённое исследование показывает, что взаимодействие между моралью и политикой не может быть стабильно устойчивым, и оно изменяется на каждом этапе российского исторического развития. Этот баланс зависит от экономического состояния общества, характера его политического развития, масштаба решаемых социальных задач. И каждый период общественной

эволюции по-своему трактует и интерпретирует смысл таких категорий как долг, справедливость, равенство, ответственность, патриотизм и других.

Ретроспективный анализ взаимодействия морали и политики позволяет видеть, что вся динамика отношений между ними обладает особым характером проявления. В реальности это находило выражение в виде чередования стадий относительного морального единства и латентного или даже открытого конфликта морально-ценностных установок социальных слоёв и политических акторов. Однако противоречивое взаимодействие морали и политики выступает одновременно и условием обеспечения гармонизации разнообразных социальных интересов на основе общих моральных ценностей. Потеря морального единства ведёт к существенным сбоям общественного организма и системы управления, что важно учитывать и в современных российских условиях, которые связаны со структурными и культурно-смысловыми преобразованиями. Использованный в диссертационном исследовании разнообразный инструментарий теоретического осмысления эволюции российского социума опирался на теорию социальной справедливости (Дж. Роулза), теорию социальных ценностей (П.Е. Матвеева), утилитарные теории (Н. Макиавелли, Б.Г. Капустина), этический абсолютизм (категорический императив И. Канта) и другие. Они позволяют глубже понять роль морально-ценностной составляющей в российской политической практике.

Следует также принимать во внимание, что мораль выступает мощной мотивирующей силой деятельности и условием легитимизации любых социально-политических процессов. Как дескриптивное назначение морали и этики, так и нормативное, призвано задавать ориентиры и границы политической деятельности. Исследование проблемного поля взаимодействия морали и политики выводит нас на такие важные проблемы, как: воздействие моральных ценностей на принимаемые решения, зависимость групповой моральной оценки от статусно-иерархического положения, совместимость нравственных установок политика и корпоративных моральных требований, границы морально-ценностного согласования и степень этического конфликта в политической деятельности, пределы и мера моральной ответственности политика перед

обществом, критерии оценки в реализации моральных требований и многое другое.

Теоретико-методологическая основа исследования опирается на целостную совокупность общенаучных принципов, которые позволили провести адекватное и всестороннее рассмотрение поставленной проблемы. Междисциплинарный статус исследуемой темы, предполагающий осмысление ценностного баланса политики и морали в этико-философском пространстве, вызвал потребность в определении аналитического инструментария.

Фундаментом послужили следующие принципы:

- объективности, который предполагает элиминацию субъективных мнений и оценок, а также идеологических и ценностных пристрастий, присущих практической деятельности;

- системности, предполагающий единство взаимодействующих элементов и учет всего комплекса экономических, политических, культурных и иных факторов, которые принимаются к сведению при изучении ценностных аспектов в социально-политических процессах;

- научности, означающий учёт и принятие во внимание всех сложившихся точек зрения и подходов по изучаемой проблематике;

- историзма, основанный на необходимости учета изменений ценностных предпочтений в социальных и политических процессах в их динамике;

- единства человека, общества и социального действия, нацеленный на рассмотрение взаимовлияния общественного бытия и общественного сознания в сфере социальной практики.

Из всей совокупности научных методов ведущую роль в диссертационном исследовании играют следующие:

- аксиологический, предполагающий научную интерпретацию различных социальных процессов через призму сложившихся моральных ценностей общества и моральных установок его отдельных социальных групп;

- герменевтический, имеющий целью на основе господствующих в данном социуме морально-ценностных ориентиров осмыслить российские социально-

политические процессы через их восприятие разнообразными социальными субъектами;

- системный, основанный на философском анализе поставленной проблемы во взаимосвязи индивидуального и социального, материального и духовного, конкретно-ситуативного и общего, объективного и субъективного, этического и политического в их неразрывном единстве;

- компаративный, направленный на сопоставление происходящих социально-политических процессов и соответствующих им моральных аспектов в их ценностном измерении и восприятии в различных исторических и культурных контекстах;

- диалектический, предполагающий изучение социально-политической реальности через раскрытие взаимосвязи между моральными нормами, справедливостью и свободой, идеологическими ориентациями на основе существующих противоречий и конфликтов, определяющих ценностное содержание политических дилемм в развитии социума;

- ситуационного анализа, определяющего исследование морально-ценностных проблем социально-политических событий, явлений и процессов в контексте конкретно-исторической ситуации и сложившейся социальной обстановки.

Рассмотрение поставленных вопросов, на наш взгляд, возможно на основе использования ряда понятий, которые связаны со спецификой взаимодействия политического поведения с моральными требованиями.

Существенное значение в жизни общества играют моральные ценности, представляющие собой совокупность систематизированных представлений субъектов о значимости для них тех или иных норм, установок, идеалов. На их основе складывается политическая мораль, которая представляет собой совокупность норм, принципов, ценностей, регулирующих поведение субъектов в сфере политических отношений. Их содержание раскрывается политической этикой, которая изучает и обосновывает значение и роль морали и моральных ценностей для политики.

Баланс ценностей морали и политики отражается в интерпретации понятий «добро» и «зло», «правда» и «ложь» для каждой конкретной ситуации и состояния социума. Само общество, постоянно оценивая себя по шкале «свобода – справедливость», определяет выбор действий политических деятелей. К тому же, двойственность оценки политики задают ценности «прогресса» и «стабильности». Дихотомичность морально-ценностных ориентаций проявляется и в позициях общества и правящей элиты. Результатом дисбаланса взаимодействия морали и политики является формирование морального релятивизма, морального партикуляризма, моральной амбивалентности.

Моральный релятивизм отражает такую систему установок, когда существующие нормы не выступают в качестве жёсткого, неизменного шаблона общеприемлемых предписаний, что закономерно превращает сами ценностные требования в относительные по своему содержанию установки. Именно преобладающее влияние морального релятивизма в политической деятельности неизбежно способствует ослаблению нравственных ориентиров индивидов, что порождает в обществе обострение проблемы баланса морали и политики.

Моральный партикуляризм представляет собой отсутствие в силу определённых условий единых правил в деятельности и ее оценке, а также рассогласование трактовок, приводящих к невозможности или затруднению в формировании общих ценностных установок социальных групп.

Моральная амбивалентность, в нашем понимании, выражает собой внутреннюю противоречивость, дисбаланс, отражая многозначность оценок, проблему взаимоувязывания ориентаций разных субъектов и социальных групп, но без последующего складывания единого поля согласования их ценностных подходов.

Кроме того, при изучении социально-политических процессов приходилось принимать во внимание не только баланс морали и политики, но и глубинную общность между моралью, нравственностью и этикой. Прежде всего, мораль представляет собой совокупность норм, требований, оценок, призванных регулировать жизнедеятельность индивидов и социальных групп в соответствии с

господствующей системой ценностей, социального опыта и принятых в данном социуме способов регулирования поведения и форм деятельности. Практическое воплощение ценностей морали в повседневном поведении индивида, связанного с личностными особенностями, его опытом и ценностными установками, обнаруживает свое отражение уже в нравственности. Именно нравственный выбор индивида даёт ему «право» на исполнение тех или иных моральных норм, воплощающих в себе групповые социальные требования и установки. Однако существование множества разнородных социальных групп и слоёв порождает несовпадающие, интерогантные ценностные ориентации и предписания, которые находят своё выражение в моральных требованиях. Изучение моральных установок с учётом различных факторов напрямую связано с формированием этических взглядов и теорий, призванных посредством рефлексивных подходов объяснить и защитить сложившуюся в социальной группе или в обществе систему многомерных ценностных ориентиров и предпочтений. Ведь ценности являются стержнем морали, а с другой стороны, в силу социальной специфики они являются подвижными, сопровождаясь изменениями ценностной иерархии в конкретный период развития.

Использование обозначенных методологических принципов и подходов позволило сформировать целостное понимание роли и значения морально-ценностных аспектов и их динамики в рамках российских социально-политических процессов.

Научная новизна исследования заключается в следующем:

- в результате компаративного анализа различных философских концептуальных и методологических подходов и интерпретаций в решении проблемы взаимодействия между относительно автономными моралью и политикой, выявлено и исследовано противостояние между доминирующей традицией макиавеллизма и противостоящей ей линии кантианских представлений о морали и моральных аспектах политики;

- проведено исследование моральной дилеммы, возникающей от проявления системоцентристской и персонцентристской тенденций в политической

практике, формирующих различные ценностные установки и моральные императивы в российском обществе, которые детерминируют модели нравственного поведения индивидов в складывающихся политических обстоятельствах;

- доказано, что в процессе социокультурной динамики российского политического процесса происходит изменение содержания моральных представлений о долге, справедливости, равенстве, свободе и других, используемых властью для защиты своего курса, а также восприятие и признание обществом действий правящей элиты;

- уточнено понимание моральных проблем при реализации политических задач, связанных с поддержкой обществом власти и оценкой эффективности её результатов; проявление патриархальных и матримонимальных установок, находящихся своё выражение в вере в государственные институты, коллективистских формах жизнедеятельности социума, ценностно-рациональной мотивации, создает потребность поиска баланса между традициями, стоящими на страже моральных норм, и прагматической политикой, допускающей ту или иную степень трансформации общественных отношений;

- обоснована необходимость поддержания преемственности моральных оснований в политике, связанных с завоеванием, удержанием и использованием власти; нормы общественной морали задают ориентиры для политики и систему критериев оценки политической деятельности, транслируя основополагающие моральные императивы из одного исторического периода в другой, что обеспечивает социокультурное и морально-ценностное единство общества;

- показано, что влияние моральных норм и ценностей приобретает особую актуальность в кризисные периоды, связанные с нарушением экзистенциального равновесия общества, вызываемого социальными кризисами и проводимой политической линией, подрывающими моральные регуляторы как самого социума, так и поддержку власти;

- раскрыт противоречивый характер взаимодействия морали и идеологии, связанных с ценностными ориентирами власти и общества; политика через идеологические предпочтения стремится корректировать моральные ценности

сообразно текущим политическим предпочтениям и устремлениям правящего социального слоя, пытаясь воздействовать на базовые установки, определяющие сознание и поведение социума;

- уточнено воздействие социокультурной и национальной специфики на динамику и степень влияния морали в политике, которое во многом связано с антиномичностью между защитой традиционных, устоявшихся ценностей, норм, ориентаций и периодическим стремлением к инновациям;

- осмыслены тенденции развития политической морали в современную эпоху, когда усиливается размывание моральных императивов, моральная индифферентность и релятивизм, вызывающие рост влияния узкогрупповых интересов в политической практике, которая часто склонна к прагматичным действиям и искажённому пониманию моральных норм, что обостряет проблему сохранения традиционных духовных ориентиров и ценностей, характера взаимодействия индивида и общества;

- проведено компаративное изучение роли морали на различных этапах развития российского общества, что дает возможность рационализировать существенные социокультурные основания, определяющие моральные установки и специфику социальных отношений; принципы морали, предоставляя ориентиры для политической деятельности, обеспечивают шанс на достижение не только взаимных обязательств между политиками и гражданами, но и поддержание авторитета власти, эффективности управления, стабильности общественного развития.

Исходя из вышеизложенных пунктов новизны, **на защиту выносятся** следующие основные положения:

1. В диссертационном исследовании определено, что политика, являясь особым видом социальной деятельности, имеет свои ценностные основания и критерии, которые нацелены на обеспечение задачи завоевания, сохранения и использования властных рычагов. Политическая практика чрезвычайно вариативна и конъюнктурна (от целенаправленного аморального насилия до ненасильственных действий) и изменяется в зависимости от складывающихся условий, характера и реалистичности задач, предложенных идеологических

установок. Но ведущую роль в их формировании зачастую играют моральные ценности, которые присущи правящей верхушке общества сообразно её представлениям о нравственности, справедливости, ответственности, долге и пр.

2. Выявлена роль морали в политике с ее нормативно-регулятивной функцией. В связи с этим доказано, что эта особенность позволяет устанавливать определённые правила в существующие социальные отношения, которые уравнивают всех участников политического поля, независимо от их статуса и степени влияния. Тем самым, нормы морали открывают возможность добиться принятия и соблюдения неких единых правил, ограничений, ценностей для всех социальных акторов. В результате участники социальных взаимодействий, сохраняя различие своих целей и интересов, могут согласовывать своё поведение на основе определённых общих ценностей, норм, традиций.

3. Теоретико-аксиологическая рефлексия отражает неоднозначное и противоречивое отношение между политикой и моралью. На всех этапах развития российского общества существенной тенденцией в политической практике выступала установка на согласование складывающейся целесообразности с теми доминантными традициями и социокультурными установками, которые формировались в ходе постоянного противоборства страны с разнообразными внешними и внутренними угрозами и вызовами. Поэтому политическая мораль в российском обществе носила явно выраженный мобилизационный характер. Отчего политика, имея целевую направленность своих действий, приобретала ценностно-рациональную сущность. А поскольку власть была монополизирована, то моральные установки находились в подчинённом положении и обслуживали реализацию конкретных политических задач.

4. Изучение российских социально-политических отношений позволяет проследить непрерывный поиск согласования целей политики и ценностного поля морали. На каждом этапе развития, в зависимости от кризисного состояния, осуществляемых задач модернизации или стабильного существования общества, носители власти действуют сообразно сложившимся обстоятельствам, своим интересам, вызовам времени и поставленным задачам. Это неизбежно порождает определение целого ряда моральных установок, которые оправдывают и

поддерживают предпринимаемые действия субъектов и тем самым обеспечивают полное или частичное признание проводимой политики со стороны социума, легитимацию власти, превращаясь в своеобразную общественно-политическую мораль.

5. В диссертации выявлено, что изменения в современных взглядах и подходах связаны с поиском смысла человеческого существования, которые нацелены на защиту ценностей демократии и справедливости. Однако навязывание «чужеродных» идей обнаруживает разрыв между ценностными ориентирами и ожиданиями большинства социума и практикой государства и политиков. Возникает необходимость органичной адаптации существующих традиций к имеющимся демократическим процедурам. Можно наблюдать происходящий постепенный переход от «вечевой» морали к институциональной (на парламентской основе), что отражает приспособление российских традиций к новым, демократическим условиям. И в этом процессе моральные нормы обеспечивают реализацию и закрепление демократии, ее ценностей в политическом поле.

6. В различные эпохи развития российского общества наблюдается проявление своеобразной динамики в отношениях между политикой и моралью. Она имеет неустойчивый и коэволюционный характер, который обнаруживается через стадии определённого внутреннего сосуществования, единства и конфликтного состояния, поиска новой идентичности социального взаимодействия. Следовательно, во взаимодействии морали и политики складывается некое *динамическое равновесие*, отвечающее текущему характеру, уровню, задачам и особенностям развития социума на том или ином этапе. При этом способы и формы достижения данного соотношения, как можно видеть на дихотомии реформ и контрреформ, могут быть различными.

7. Следует констатировать, что цели политики никогда не будут соответствовать полностью и безоговорочно требованиям моральных ценностей в системе их взаимодействия. Она может иметь те или иные ограничения, устойчивые целевые ориентиры, но не является безусловным отражением моральных норм. Это связано с тем, что моральные ценности имеют абстрактную

природу, тогда как политика всегда носит конкретный и ситуативный характер. Если мораль исходит из определённых идеалов, то политика – из конкретных интересов социальных групп. Поэтому транзитивное противоречие между ценностями морали и целями политики является одновременно условием их сосуществования, развития, столкновения, сообразно с требованиями моральных императивов.

Теоретическая значимость исследования определяется тем, что его результаты ориентируют научное сообщество на углубленное изучение проблем ценностной мотивации социально-политической деятельности, её моральных критериев, степени моральной и политической ответственности, оценки содержания и результатов осуществляемой политики. Проведённое исследование нацелено на то, чтобы помочь глубже и адекватнее понять роль и значение и ценностных ориентиров в российской истории, на современном этапе её развития, а также более точно оценить характер отношений политической элиты и общества, значение и особенности влияния ценностных оснований и моральных норм в этом взаимодействии.

Как представляется, этико-философский подход позволяет согласовать точки зрения многих гуманитарных наук о российском обществе, его сложном и противоречивом пути развития. Учёт морального фактора даёт возможность определить качественное наполнение деятельности субъектов политики, а также особенности влияния традиционной составляющей в существовании социума как объекта. Ретроспективный анализ морального компонента в политической практике отражает глубокую и противоречивую коэволюционную взаимосвязь между ними, которая во многом зависит от господствующих установок, ожиданий и опыта социума, формирующих соответствующее ценностное поле общественной морали и отношение к власти.

Выработанная концептуальная модель анализа поставленной проблемы позволяет согласовывать объективные и субъективистские подходы в осмыслении российских социально-политических процессов. Признавая моральную свободу выбора личности, в том числе политика, в контексте необходимости и целесообразности, соотношения целей и средств, должного и сущего, неизбежно

возникает проблема корреспондированности предпринимаемых практических действий власти с социальными ожиданиями и общественными моральными установками, сложившимся моральным полем, аксиологическими представлениями. Поэтому результаты проведенного исследования способствуют укреплению системного междисциплинарного подхода в отечественной этико-философской мысли.

Практическая значимость исследования заключается в том, что результаты диссертационной работы могут быть использованы для анализа и корректировки управленческой деятельности в социальных процессах, определения вариантов развития и совершенствования общественных отношений. Положения и выводы работы могут быть применены для уточнения и дополнения лекционных курсов по этике, социальной философии, политологии, отечественной истории. А также для научно обоснованной системы нравственного воспитания общества, выявления приоритетных направлений для достижения социальной гармонии. Поскольку исследование имеет междисциплинарный характер, его положения могут использоваться в различных видах профессиональной подготовки и способствовать поиску эффективного решения социально-значимых проблем с моральных и гуманистических позиций. И тем самым способствовать как поддержанию управленческой компетентности, так и интереса к поставленным вопросам исследователей различных областей гуманитарного знания.

Апробация работы. Основные положения диссертационной работы отражены в одной монографии, 57 научных статьях, из них 17 публикаций в журналах, рекомендованных ВАК РФ. Общий объем публикаций – 49 п.л.

Основные результаты исследования обсуждались на заседаниях кафедры культурологии и изобразительного искусства ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет», Шуйский филиал, на научно-практических конференциях международного, общероссийского, регионального уровней.

В форме статей и докладов были рассмотрены отдельные положения диссертационной работы на всероссийской научной конференции «Социокультурное пространство современной России: вызовы XXI века»

(Москва, 2013 г.), на международной научной конференции «Теоретическая и прикладная этика: традиции и перспективы» (С.-Петербург, 2014 г.), на международной научно-практической конференции «Актуальные аспекты современной науки» (Липецк, 2014 г.), на международной научной конференции «Взаимодействие науки и общества: проблемы и перспективы» (Уфа, 2015 г.), на 9-й региональной научной конференции «Власть и общество: практики взаимодействия и конфликты» (Воронеж, 2015 г.), на 7-й международной научно-практической конференции «Современные тенденции в научной деятельности» (Москва, 2015 г.), на международной научно-практической конференции «Научный поиск в современном мире» (Махачкала, 2016 г.), на международной научно-практической конференции «Научные исследования и разработки 2016» (Москва, 2016 г.), на XXV международной научно-практической конференции «Научные исследования современных ученых» (Москва, 2017), на международной научно-практической конференции «Научная дискуссия: вопросы социологии, политологии, философии, истории» (Москва, 2017), на XV международной научно-практической конференции «Наука и современность» (Москва, 2018), на международной научно-практической конференции «Наука сегодня: проблемы и пути решения» (Вологда, 2018) и ряде других.

Опубликованные материалы используются на лекционных и семинарских занятиях по философии, этике, политологии. Отдельные аспекты диссертационного исследования отражены в учебных планах по философии для студентов вузов. Разработаны учебные пособия «Этические основы политики», «Этические аспекты российской политики» (2016), «История философской мысли» (2017), предназначенные для студентов, аспирантов и преподавателей вузов, а также для всех, кто интересуется этическими аспектами российского общества.

Структура и объем работы определены общей концепцией, целью и задачами исследования. Диссертация состоит из введения, трёх глав, содержащих восемь параграфов, заключения и библиографического списка, включающего 431 источник. Общий объём работы – 376 страниц.

ГЛАВА I. РЕЦЕПЦИЯ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИХ ТЕОРИЙ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ МОРАЛИ И ПОЛИТИКИ В РУССКОМ ОБЩЕСТВЕННОМ СОЗНАНИИ

1.1. Модели взаимодействия морали и политики в западноевропейской философской традиции

Цель: Рассмотреть влияние западноевропейских теорий взаимодействия морали и политики на общественные тенденции развития российской государственности.

Задачи:

- показать учение Платона об идеальном государстве, заложившее сущностное понятийное основание социального общественного устройства, которое должно формироваться на условиях справедливости;
- рассмотреть идеи Аристотеля о справедливом благе в качестве принципа и цели политики, социального и государственного устройства;
- охарактеризовать учение Н. Макиавелли, в основу которого представляет примат политики над моралью, соотношение цели и средств;
- показать особенности соотношения морали и общественного договора, политикой и правом (Т. Гоббс и Дж. Локк);
- представить взгляды И. Канта на верховенство морали и права в политике, в основе которых лежало учение о нравственном долге;
- рассмотреть специфику морали и нравственности в философии Г. Гегеля, которое регулировалось правовыми установлениями государства и волей индивида;
- раскрыть специфику природы идеи «политического» К. Шмита, критического плюрализма К. Поппера, проблемы насилия власти и феномен свободы Х. Арндт, которые заложили основные подходы современного решения аспектов взаимодействия морали и политики;
- показать либеральную трактовку государства и его политики по отношению к индивиду, связанную с игнорированием морали в политической

сфере;

– выявить позицию Дж. Роулза, согласно которой граждане разделяют одинаковые принципы морали, и критические взгляды на теорию справедливости Дж. Роулза со стороны сторонников либерализма, коммунитаризма, а также А. Макинтайра и Ю. Хабермаса.

С возникновением государства как системы управления складывается стремление объяснить происходившие процессы, что предполагало их оценку с определенной точки зрения. Изначально различное представление о добре и зле, справедливости, общем благе лишь показывали потребность учета морально-этической составляющей для концептуального изучения мира политики. Поэтому каждый период развития предлагал свой взгляд на решение социальных и политических проблем социума, свое понимание роли моральных ценностей в политической жизни, которое мы рассмотрим далее.

В основе политической деятельности лежит задача согласования разнородных социальных интересов общества, в котором группы обладают специфическим восприятием допустимости того или иного действия. Поэтому изначально возникали противоположные оценки политики, начиная от необходимости соблюдения моральных норм до представления о ней как о грязном и недостойном занятии. Политика традиционно обращается к морали для оправдания своей деятельности, как вспомогательном факторе признания правоты. А это углубляет взаимосвязь политики и морали, подчеркивая необходимость познания политики с точки зрения морально-ценностных аспектов.

Древнегреческая философия заложила основы теоретического анализа проблем морального поведения в обществе. Требование меры, самоограничение и жертвенность стали в ней ведущими для определения нормативной модели поведения. Моральное бытие индивида определялось соотношением добра и зла, блага и добродетели, нравственным самосовершенствованием. Поэтому мораль представлялась в виде совокупности норм, имеющих общую значимость. Она ориентировалась на благо общества, выполнение обычаев и

законов, почитание богов.

Платон явился создателем теории идеального государства, воплощающее справедливость, которое являлось образцом синтеза макро и микрокосмоса. Г. Гегель полагал, что Платон принадлежит к всемирно-историческим личностям, так как его философия есть то всемирно-историческое творение, которое оказывало величайшее влияние на духовную культуру и ход ее развития¹⁶. Платон считал, что социальные устои необходимо регулировать государству, в рамках которого должны отражаться благо и другие добродетели, уменьшая моральную амбивалентность. Поэтому Платон указывает: «Государство возникает, когда каждый из нас не может удовлетворить сам себя, но во многом еще нуждается... его создают наши потребности»¹⁷. Поэтому «...каждый отдельный человек должен заниматься чем-нибудь одним из того, что нужно в государстве, и притом как раз тем, к чему он по своим природным задаткам больше всего способен... заниматься своим делом и не вмешиваться в чужие – это и есть справедливость»¹⁸. С точки зрения Платона, справедливость – главное, что объединяет людей, так как благодаря ей индивиды совместно живут, оказывают помощь друг другу: «Ведь несправедливость вызывает раздоры, ненависть, междоусобицы, а справедливость – единодушие и дружбу»¹⁹. Г. Гегель в «Лекциях по истории философии» отмечал, что «справедливость отдает вообще должное каждому особенному определению и возвращает его вместе с тем в целое». А о государстве он указывал: «Без сословий, без этого деления на большие массы, государство не представляет собой организма: эти великие различия суть субстанциальные различия»²⁰. Ведь в таком случае «справедливый человек несколько не будет отличаться от справедливого государства по самой идее своей справедливости»²¹.

Как отмечает А.Ф. Лосев, характеризуя взгляды Платона на

¹⁶ См.: Гегель Г.В.Ф. Лекции по истории философии. – Кн. 2. – СПб., 1994. – С. 116.

¹⁷ Платон. Государство // Соч. в 4 тт. – Т.3. – М., 1994. – С. 130.

¹⁸ Там же. – С. 205.

¹⁹ Там же. – С. 111.

²⁰ Гегель Г.В.Ф. Лекции по истории философии. Кн. 2. – СПб., 1994. С. 199, 195–196.

²¹ Там же. С. 207.

государственное устройство, «по своей природе каждое сословие находится в таком наружном и смысловом отношении к двум другим сословиям, что все эти три сословия оказываются неразрывным целым. В идеальном «Государстве» Платона каждый делает то, что свойственно его природе и не может заходить в другие области, которые обслуживаются другими специалистами. Максимальное разделение труда и максимальное единство его, несмотря на многообразие его проявлений – это основная характеристика учения Платона о государстве, о справедливости и о личной жизни отдельных граждан»²². Можно сказать, что философское учение Платона исходит из принципа аксиологического, онтологического, гносеологического примата мира идеального бытия, умопостигаемых сущностей перед миром эмпирической действительности. С этой точки зрения сочинение Платона «Государство» есть теоретико-познавательное произведение, поскольку значительная его часть посвящена гносеологическим проблемам. Ведь в нем Платон пытается решить задачу изучения сущности государства, построить идеальный тип, образец совершенного государственного устройства, раскрыв природу государства. В этой связи не представляется адекватной распространенная оценка «Государства» Платона как утопии. Вот, например, что пишет в комментариях к этому диалогу В. Ф. Асмус считает, что «это модель «идеального» государства, то есть такого, которое должно было бы по убеждению Платона существовать, но которого до сих пор еще не было и не существует нигде в реальности. Тем самым диалог «Государство» включается в литературный род или жанр так называемых утопий»²³.

Это связано с тем, что «идея Платона есть смысл, смысловая сущность и определение той или иной вещи, самый принцип ее осмысления, ее порождающая модель» и «в платоновском идеализме вещь есть функция

---

²² Лосев А.Ф. История античной этики. – Т. 2. Софисты. Сократ. Платон. – М., Харьков, 2000. – С. 714 – 715.

²³ Асмус, В. Ф. Государство / Платон. Соч. в 4 тт. – Т.3. – Ч. 1– М., 1994. – С. 540.

идеи»²⁴. Ведь для него высказанное в «Государстве» представляет собой понятийное выражение того, что «можно видеть умственным взором»²⁵. Поэтому А. Ф. Лосев отмечал: «Платоновская идея оказывается субстанционально данной, порождающей моделью и всего космоса, и всего, что находится внутри этого космоса»²⁶. Поэтому Платона не интересуют возможности создания утопического государства всеобщего благоденствия и счастья, объективное познание идеально сущего образца и возможностей строить эмпирическое существование государства исходя из его познанной сущности, максимально приближаясь к ней, – вот его цель. Как замечает Платон, «может ли что-нибудь быть исполнено так, как сказано?.. Уже по самой природе дело меньше, чем слово, причастно истине... Так не заставляй же меня доказывать, что и на деле все должно полностью осуществиться так, как мы это разобрали словесно. Если мы окажемся в состоянии изыскать, как построить государство, наиболее близкое к описанному, согласишься, мы сможем сказать, что уже выполнили твое требование, то есть показали, как можно это осуществить»²⁷.

Таким образом, Платон в «Государстве» предпринял попытку исследования сущности государства как социального феномена. Целью проведения этого изучения было установление причин несовершенства существующих государственных форм и поиск средств реального достижения такого государственного устройства, которое максимально соответствовало бы действительной сущности государства.

Об этом хорошо сказал И. Кант в «Критике чистого разума», где он специально обращает внимание на гносеологическую корректность и познавательное значение платоновской теории идеального государственного устройства. Он отмечает: «Хотя этого совершенного строя никогда не будет,

---

²⁴ Лосев А.Ф. История античной этики. – Т. 2. Софисты. Сократ. Платон. – М., Харьков, 2000. – С. 184.

²⁵ Платон. Указ. соч. – С. 293.

²⁶ Лосев А.Ф. Указ.соч. – С. 188.

²⁷ Платон. Указ. соч. – С. 252.

тем не менее следует считать правильной идею, которая выставляет этот *maximum* в качестве прообраза, чтобы, руководствуясь им, постепенно приближать законообразное общественное устройство к возможно большему совершенству». И далее дает комментарий относительно «утопизма» Платона: «*Платоновская республика* вошла в поговорку как якобы разительный пример несбыточного совершенства, возможного только в уме досужего мыслителя... Между тем было бы гораздо лучше проследить эту мысль внимательнее и осветить ее новыми исследованиями (там, где великий философ оставил нас без своих указаний), а не отмахнуться от нее, как от бесполезной, под жалким и вредным предлогом того, что она неосуществима»²⁸.

Как представляется, реализация идеального государства мыслилась Платоном через разрешение противоречия между социальной этикой и этикой индивидуального совершенствования. Стремление к удовольствиям у многих индивидов выявляет неразумное начало их души и приводит к неприятностям, вследствие чего благо должно основываться на разумении. Ближе всего к нему находится знание. Как считал Платон, благо есть высшая духовная, нравственная ценность, которое находит отражение в добродетельном, истине и прекрасном. Он полагал, что «правильно считать познание и истину имеющим образ блага, но признать что-либо из них самих благом было бы неправильно: благо по его свойствам надо ценить еще больше»²⁹. Однако земным благам, а не благам души люди отдают большее предпочтение, конфликтуя друг с другом за обладание ими. Это препятствует достижению всеобщего согласия, мешает преодолеть неприязнь, несправедливость, восстановить равновесие в обществе. Поэтому социальные устои необходимо регулировать государству, в рамках которого должны отражаться благо и другие добродетели, уменьшая моральную амбивалентность.

Тирания, олигархия, тимократия и демократия, как думал Платон, не соответствуют идеалу справедливого государства, так как игнорируют

---

²⁸ Кант И. Критика чистого разума. – М., 1999. – С. 298 – 299.

²⁹ Платон. Указ соч. – С.291.

добродетельную жизнь и в основе имеют насилие и принуждение. В них некомпетентность власти и господство частных интересов преобладает над общими. Поэтому такая власть алчна, стяжательна, несправедлива. И даже в условиях демократии усиливаются социальные различия между богатыми и бедными слоями, а общество расколото на богачей-трутней и народ³⁰.

Любая справедливость связана с самодостаточной добродетелью, определяющей политическое устройство и государственную деятельность. Справедливость у Платона ближе всего к неким моральным нормам, которые должен выполнять всякий индивид, государственный деятель (для этого он оперирует такими понятиями как «занятие своим делом», «должное», «достоинство»). На добродетелях, которые связаны с мудростью, рассудительностью, познанием истины, справедливостью, должно основываться совершенное государство. Таким может быть монархия, аристократия или даже идеальное государство. Данные формы устройства власти принимают во внимание интересы граждан и пытаются им служить. По Платону, полная свобода деятельности в условиях демократии ведет к проявлению корыстной природы человека, подводя даже достойного гражданина к совершению несправедливых действий. Поэтому абсолютизация любых моральных принципов может проявиться через эгоизм и нарушение обязательств по отношению к другим людям. Отчего для создания идеального государства требуется соблюдение справедливости как социальной и морально-этической нормы. В результате идеальное государство будет воплощением идеала справедливости.

В теории идеального государства Платон основывается на гармонии душевных добродетелей, так как профессиональные склонности и морально-нравственные качества граждан связаны со временем пребывания души каждого из них в мире идей. Платон, морализаторствуя о политике, не выявляет соотношения целей и средства, полагая, что моральные методы ведут к моральным целям, а аморальные методы – к корыстным и неразумным

---

³⁰ См.: Платон. Указ соч. – С.553.

последствиям. В следствие этого государством должны управлять «истинно знающие правители», которые очищают общество от всего вредоносного и «умеют оберечь всех граждан и по возможности сделать их из худших лучшими»³¹. Овладеть же искусством государственного управления могут лишь самые мудрые, рассудительные, мужественные и справедливые люди, которые умеют сочетать гармонию душевных добродетелей. Платон отмечает в своем сочинении «Государство», «пока в государствах не будут царствовать философы либо так называемые нынешние цари и владыки не станут благородно и основательно философствовать и это не сольется воедино – государственная власть и философия, и пока не будут в обязательном порядке отстранены те люди – а их много, – которые ныне стремятся порознь либо к власти, либо к философии, до тех пор государствам не избавиться от зол»³². Однако подобные указания явно им выводятся на принципах морального релятивизма.

Следует отметить, что общество у Платона обладало сословными признаками организации, так как имело упорядоченный характер отношений между сословными группами на основе установленных обязанностей. Способность каждого гражданина в идеальном государстве сопрягается с мужеством, мудростью и рассудительностью, а исполнение обязанностей требует справедливость как высшая добродетель каждого индивида. Нарушение баланса сложившихся отношений порождает несправедливость, поэтому вмешательство в профессиональную деятельность иных сословий не допустимо, поскольку грозит гибелью социума. Там же, где нет добродетельных и справедливых правителей, государственное управление следует осуществлять на основе и посредством законов, которые являют собой «подражание истине вещей», так как выработаны «сведущими людьми». Кроме того, в описываемом идеальном государстве всякий правитель, осуществляя политическую деятельность, должен следить за соблюдением законов во всех

---

³¹ Там же. – С.293, 297.

³² Там же. – С.252.

сферах социальной деятельности, надзирать за добродетельностью граждан, согласованием ими своих помыслов и действий с разумом. При этом предполагается осуществление воспитания добродетельных граждан. Ведь при плохом воспитании даже самые одаренные души становятся плохими³³. Ведь в случае, если законы не будут восприняты сознательно, их невозможно будет соблюдать.

Видимо, по этой причине всякому политику необходимо внимательно отслеживать, чтобы в таком государстве не было деления на чрезмерно богатых и бедных, так как «самые благородные нравы, пожалуй, возникают в таком обществе, где рядом не обитают богатство и бедность. Ведь там не будет места ни наглости, ни справедливости, ни ревности, ни зависти»³⁴. Можно сказать, что в условиях сохранения института рабовладения, Платон выступил за потребительское равенство индивидов в зависимости от распределения политических прав и обязанностей для каждой социальной группы.

Для обеспечения сохранности и действенности моральных норм, складывается необходимость идеологической работы и манипулирования сознанием общества, которому преподносится идея божественности существующих государственных порядков, незыблемости законов, а также мысль о суровых карах за их нарушение. Поэтому, на наш взгляд, сомнительна вероятность достижения идеального морально-нравственного состояния общества, так как критикуя человеческие желания и страсти, Платон, как и Аристотель, использовал безличностный подход, который пытался выявить абстрактное добро для конкретного человека. Платон пытался определить критерии оценки деятельности политика, не отвергая в своем анализе социальную основу, чтобы выявить пути и возможности достижения процветающего общества. В своем рациональном объяснении государственной организации и власти Платон игнорировал множество социальных факторов в

---

³³ См. подробнее: Васильев В.Л. Платон о благе и добродетели // Социально-гуманитарные знания. – 2004. – № 3. – С.168–169.

³⁴ Платон. Указ соч. – С.679.

оценке деятельности субъектов власти, предлагая им в своей теории государства не создавать семей и не давать обязательства, которые связаны с личной привязанностью. У Платона, как и у Аристотеля, добродетель брала на себя роль морального основания социальной деятельности и ориентира ею практического руководства. Однако реальные социальные процессы данного времени отличались от приверженности властителей идее общих интересов. Ведь мораль, как справедливо отмечает Б.Г. Капустин, успешнее согласуется с политикой на уровне целей, а не на уровне средств. Ведь любой индивид склонен к самостоятельному выбору своего действия и оценки. Поэтому абсолютная моральность в политике, о которой мечтал Платон, являлась настолько же бессильной абстракцией, как и чисто моральная цель³⁵.

Начало в изучении этических проблем в политической сфере было положено Аристотелем в его труде «Никомахова этика». Он исходил из справедливого блага в качестве принципа и цели политики, реализующего социальное и государственное устройство. Опираясь на целесообразный характер деятельности человека, Аристотель фиксирует множество целей, доминирующую роль среди которых выполняют самые значимые и общие, которые устанавливают и задают иные задачи. Поэтому имеющиеся цели выступают в качестве причины, определяющей практическую деятельность, а потому являются высшим благом и вершиной стремлений индивида. В результате абстрактное высшее благо выступает в роли добродетели, которая принимает на себя, по мнению А.А. Гусейнова, функции морали³⁶. Эта добродетель выражает качества души индивида, усваиваемые в процессе жизнедеятельности и требующие постоянного подтверждения через поведение. Таким образом обосновывалось единство морали и политических действий.

У Аристотеля и Платона всякий идеологический аспект в отношениях между моралью и политикой отходит на задний план. Ведущие позиции

---

³⁵ См.: Капустин Б.Г. Различие и связь между политической и частной моралью // Вопросы философии. – 2001. – № 9. – С.5–6.

³⁶ См.: Гусейнов А.А. Мораль и политика: уроки Аристотеля // Ведомости. Вып. 24: Политическая этика: социокультурный контекст. – Тюмень: НИИ ПЭ, 2004. – С.102.

занимает высшее благо и деятельность по достижению его. Ведь из взаимодействий людей формируется мораль, реализуются возможности политики быть продолжением добродетелей индивида (Аристотель) или орудием добродетелей (Платон). Посредством данной основы задается общение людей и складываются условия для человеческих деяний. Как справедливо отмечает Б. Сутор, «политическая этика... должна быть одновременно этикой институтов и этикой добродетели. Добродетель и институты служат друг другу опорой: добродетель – стабилизируя человеческое поведение изнутри, институты – извне»³⁷. Согласно Аристотелю, политика есть изучение человеческого общения, воплощением которого в наиболее совершенной его форме выступает государство. Если не принимать во внимание рабовладельческий характер эпохи, то основой общества должно являться общение свободных людей ради воплощения через совместную деятельность коллективного представления о добродетельных качествах личности. При этом Аристотелем и Платоном не затрагивались вопросы, связанные с подавлением частного интереса, нарушением прав человека, эгоистической природой личности. Так как все подчинялось некой абстрактной идее, то не существовало конфликта между индивидуальным и коллективным принципами общественного бытия. Любой выбор был изначально поступком «добродетельного индивида», который стремится к высшему благу. Ведь его совместная реализация позволяет сформировать государственную власть и политическую линию. Публичное признание поступка индивида в политике выступает своеобразной проверкой этической добродетели, соответствия моральным формам поведения в государстве (полисе)³⁸.

Однако неизбежно появляется необходимость определения соотношения добродетелей, господствующих моральных установок и осуществляемых политических действий.

---

³⁷ Сутор Б. Политическая этика // Политические исследования. – 1993. – № 1. – С. 67.

³⁸ См.: Гусейнов А.А. Закон и поступок // Этическая мысль. – Вып. 2. – М.: ИФ РАН, 2001. – С.78.

По Аристотелю, политика, философия и этика составляют одно основание, связанным с конкретным проявлением высшего блага, так как вне государства человек может жить как «недоразвитое» существо. Государство, сдерживая частный интерес, заменяет общим, что приводит к отторжению эгоистических и прагматических мотивов человека. По мысли Аристотеля, «люди заботятся более всего о том, что принадлежит лично им; менее заботятся они о том, что является общим, или заботятся в той мере, в какой это касается каждого»³⁹. И если посредством общения людей воплощалось в жизнь человеческое бытие, через государство реализовывалась власть, то благодаря благу складывается единая цель и совершенствуется общественная практика. Индивид, который лишен добродетели, оказывается самым нечестивым. Поэтому, согласно Аристотелю, «благо составляет» то, что полезно для человека.

При этом Аристотель подвергает изучению различные блага, которые могут быть связаны с вещами и приносят пользу, рассматривая благовозможности. Последние бывают внешними, коими являются богатство, власть, слава, почет, и внутренними, связанными с телом и душой. Поэтому высшим благом является деятельность, приносящая счастье другим людям, ведь «живя добродетельно, мы можем быть счастливыми и обладать высшим благом»⁴⁰.

Гражданские отношения должны быть направлены на улучшение общества, так как предполагают взаимность и равенство. Отчего конфликт посредством обсуждения переводился в разряд общих задач последующего решения. В результате политическая деятельность оказывалась тесным образом связанной с моралью, так как трудно быть морально-нравственным человеком, если индивид «в каждом отдельном случае находит истину, будучи как бы мерилom и законом ее»⁴¹. Аристотель считает, что добродетель гражданина не совпадает с добродетелью человека, который имеет более высокие социальные

³⁹ Аристотель. Политика. Афинская полития. – М.: Мысль, 1997. – С. 64.

⁴⁰ См. подробнее: Васильев В.А. Аристотель о благе и добродетели // Социально-гуманитарные знания. – 2004. – № 4. – С.162 – 165.

⁴¹ Аристотель. Большая этика // Соч. в 4 т. – Т. 4. – М.: Мысль, 1983. – С. 303.

позиции. Поскольку добродетель гражданина имеет ограничения в виде его обязанностей и повиновении власти и закону, тогда как для реализации власти над другими людьми требуется уже некое нравственное совершенство и добродетель достойного человека. Поэтому «благо, притом справедливое, то есть общее благо» является целью политики ⁴². Исходя из данного подхода, Аристотель устанавливал должное, иначе говоря, правильную организацию государства, которое имеет целью удовлетворение потребностей своих граждан и защиту их от возникающей взаимной несправедливости. Поэтому общее благо являлось своеобразной категорией справедливости, которая несла смысл пользы для всех граждан и для всего государства.

Добродетель индивида основывается на сознательном выборе конкретного поступка, когда разум диктует позицию чувствами, что вызывает трудности в осуществлении добродетельных качеств. Знание добродетели еще не гарантирует следование существующим нравственным нормам. Поэтому предпочтительна, по мысли Аристотеля, равноудаленная позиция от обоих краев порочности, то есть избытка или недостатка. Трусость, безрассудство, преступление и другие подобные качества связаны с отсутствием нравственного чувства, то есть определенного социального элемента во взаимодействии и общении индивида. Благодаря этому редуцировался моральный партикуляризм.

Очевидно, что деятельность сообразно с добродетелью зависит от воспитания, которое ориентирует человека на достижение добра, формирует чувство «золотой середины» в поступках. И важную роль в этом выполняет государство и правосудие. По мнению Аристотеля, правители, заботясь о добродетелях граждан, обязаны создавать гарантии, чтобы носители власти и рядовые граждане придерживались «добродетельной» жизни и были «свободны от забот о делах первой необходимости». И для соблюдения своего гражданского долга каждый член полиса должен иметь определенные добродетели, которые необходимы для выполнения возложенных обязанностей.

---

⁴² Аристотель. Политика // Соч. в 4 т. – Т. 4. – М.: Мысль, 1983. – С.403.

Поэтому знание законов и соответствующее достойное поведение не будут причинять индивиду какие-либо страдания. Следование золотой середине подводит Аристотеля к идее, что основой государства и опорой его нравственных добродетелей выступают граждане со средним достатком, так как они защищают ценностные основы и справедливость в обществе, что обеспечивает соблюдение законов социума и формирует уважительное и равное отношение к подобным себе людям.

Рассуждение Аристотеля о добродетели предполагали практическое их использование в политической деятельности того времени. Так как, по мысли Аристотеля, «...одни люди причастны к добродетели, другие же – в малой степени или вовсе не причастны, то ясно, что именно это и повело к образованию различных видов государства и нескольких государственных устройств: различным способом и различными средствами люди создают различными виды жизни и государственного строя»⁴³. Афинская демократия как организация «идеального» государства, базировалось на специфическом использовании морального подхода по отношению к политике через рассмотрение ее в совокупности ценностей нравственных добродетелей. Безусловно, сама концепция общего интереса, который обеспечивает коллективную жизнь социума, выполняла роль этической оси координат для носителей власти. Для Аристотеля сам идеал добродетельной жизни выступал в качестве единственно приемлемым для элиты. А это требовало создание такой структуры государственного управления, которая на практике исключала массы простых людей от политической власти и моральной идеи⁴⁴. Поэтому политическая элита нацелена на обеспечение стабильности своей власти и сохранение общественно-политической целостности, отсекающая иных субъектов в политике и других сферах общественной деятельности. Сами социокультурные условия и формы организации социума (согласно Аристотелю, форм правления) обязаны быть справедливыми, способствуя

---

⁴³ Там же. – С.603.

⁴⁴ См.: Macintyre A. A Short History of Ethics. – L., 1998. – P. 98.

проявлению добродетели как моральной основы политической деятельности.

Как видим, Аристотель определял ориентиры высшей истины, основу которой составляла добродетель, которая помогала человеку жить и давала ему ориентиры в борьбе космоса и хаоса, понимание мирового порядка.

В рамках ценностного подхода существовали определенные взгляды на соотношение ценностей морали и политики и в средние века. Господствующими позициями занимала христианская традиция. Она видела в бесконтрольном чувственном порыве причину греха, хотя и считала невозможность существования души без тела. При этом «просвещенный» разум способен осуществить правильный выбор между различными объектами, находящимися перед ним. Человек полностью подчиняется воле Бога и должен был поступать в соответствии с божественными заповедями. Поэтому основой толкования нравственности была религиозная вера, а Бог – единственным правильным источником морали и моральных жизненных стандартов.

Христианство сглаживало оппозиционные настроения по отношению к государственной власти, провозглашая идеи милосердия, покорности, кротости. Возникавшие протесты против социальных недостатков и несправедливости чаще всего находили выражение в пассивном неприятии существующих устоев и изоляцией от них в рамках общины единоверцев. Да и сама идея общего блага основывалась на чувстве естественного единения, которое было трансцендентно по отношению к политическим действиям и интересам. В обществе, в котором обычным явлением были голод, болезни, смерть, вера во власть Бога должна была подкреплять идею, что «связь между добродетелью и счастьем осуществима в раю, а не на земле»⁴⁵. Оттого зло понималось как недостаток блага, а применительно к греховности человека высшим злом являлась его вина. И для того чтобы преодолеть эту греховность, нужно было отречься от эгоцентризма и «возлюбить ближнего своего как самого себя».

Именно в рамках идеи об общем благе Августин Блаженный рассматривал причины падения Римской империи и связывал их с отсутствием

---

⁴⁵ Macintyre A. A Short History of Ethics. – L., 1998. – P. 114.

гражданской добродетели и заботы об общем благе, которые присущи язычникам. Августин отмечал: «...формы управления могут быть разными, а именно: царской, аристократической или всенародной. Если же царь несправедлив..., или несправедливы вельможи..., или, наконец, несправедлив сам народ..., то ...республику даже нельзя назвать несправедливой: она попросту исчезает. ...И если даже тираном выступает сам народ, то и тут он перестает быть сообществом людей, объединенных согласием, т.е. он перестает быть народом»⁴⁶.

Несмотря на подчинение морали религии, поступок человека был результатом свободного выбора, следствием чего его ожидала кара или блаженство. Августин определял волю в качестве духа жизни. И раз она свойственна Богу, который является благом, то его воля не может вызывать грех. Он творит существ, обладающих свободной волей, и не несет за них ответственности, так как распоряжения воли могут быть и благими, и злыми⁴⁷. Помочь человеку нравственно и ценностно сориентироваться может совесть, которая является согласованием божественного закона и личных моральных установок. В результате существующие сословные порядки объяснялись как «богоданные», где каждый человек занимает подобающее место, что требует от «рабов Христовых» терпения в отношении правителей и богатых людей, сносить тяготы земной жизни, ибо этим терпением в небесном обществе готовится подобающее место. Тем самым преодолевался моральный релятивизм и моральный партикуляризм в политическом поведении.

Христианские богословы уходили от прямого ответа на вопрос о соотношении морали и политики, считая добродетель при греховной сущности любого индивида выражением и средством подчинения предписаниям естественного закона. Порок по своей природе был не природным злом, а моральным, который воспринимался лишь как игнорирование добра. А начало злой воли представлялось в уклонении от высочайшего бытия. Даже Фома

---

⁴⁶ Августин Блаженный. О граде Божиим // Творения. – Т. 3. – СПб., Киев, 1998. – С. 80.

⁴⁷ Там же. – С. 149.

Аквинский утверждая о первенство разума над волей, рассматривал грех как следствие нарушения божественных и общественных законов. Поэтому определение политической деятельности как гражданского поведения людей неизбежно подчиняло мораль и этику учению о необходимости спасения души и приближения к Богу.

Социальные процессы ставили под сомнение постулаты христианства, которые проповедовали отрешение от земных радостей, подпитывая идеи о могуществе разума и важности практического опыта. Поэтому распространение номинализма применительно к обществу порождало понимание, что природу человека можно изучить вне зависимости от социальной ориентации, вне представления Аристотеля о человеке как политическом существе ⁴⁸. Утверждение, что не все поступки являются плодом веры, а связаны с внутренним миром индивида, стало исходной точкой для формирования прагматического взгляда на мораль и ее роль в политике.

Новый этап развития представлений о взаимодействии морали и политики был связан с Н. Макиавелли, который провозгласил примат политики над моралью. На фоне утраты влияния христианской церкви и острых социальных столкновений складывается стремление освободить сферу политики, действия субъектов власти от абстрактного морализаторства. Вызревает представление о морали как специфическом способе выявления свойств и качеств индивида в конкретных социальных условиях. Заметим, что и мораль, и политика затрагивают один круг проблем – отношения людей друг с другом, а потому не могут жестко противопоставляться друг другу. Тем более, их действие всегда имеет конкретно-исторический характер по причине их трансформации, влияния субъективного характера оценок в условиях объективности места и времени событий. Поднимая вопросы о происхождении моральных норм, применение на практике и их оценку, возникало закономерное представление о том, что любые морально-нравственные

---

⁴⁸ См.: Спиридонова В.И. Эволюция концепции общего блага в западной политической мысли // Полигнозис. – 2001. – № 1. – С. 42 – 44.

проблемы в политике можно решать в рамках этического учения. Поэтому моральные правила в политике для Макиавелли стали играть роль технических норм, обеспечивающих поддержание сложившегося политического порядка⁴⁹.

Взгляды Н. Макиавелли, изложенные в сочинениях «Государь», «Рассуждения о первой декаде Тита Ливия» явно не совпадали с общепринятыми представлениями о моральном облике политика. Ранее традиционно господствовала мысль о необходимости быть добродетельным, тогда как Макиавелли предлагал правителю научиться не быть добродетельным, чтобы при необходимости использовать это качество для пользы государства. С позиций явного морального релятивизма им изображалась картина человеческих качеств правителей с рекомендациями для практической деятельности.

Макиавелли справедливо воспринимал государство как политическую структуру, которое отражает взаимодействие правителя с его подданными. Стабильность государства вызвана отсутствием поводов со стороны власти к заговорам и возмущениям. Ведь тогда страх подданных не перерастает в ненависть, а любовь – в презрение. Сложившаяся же форма государственного устройства отображает состояние общества и соотношение борющихся в нем политических сил, ведущими из которых является народ и знать. Поэтому главной задачей государства должно быть обеспечение безопасности любого человека и незыблемость его собственности. Индивид, которого лишают какой-либо выгоды, никогда не забывает этого, ведь «...голод и нужда делают изобретательными, а законы добрыми»⁵⁰. Поэтому мотивами для политического участия выступают интересы и потребности людей, которые они пытаются реализовать в сложившихся условиях, с которые приходится учитывать при осуществлении тех или иных действий. «Природа создала людей таким образом, что люди могут желать всего, но не могут всего

---

⁴⁹ См.: Macintyre A. Указ. соч. – P. 127.

⁵⁰ Макиавелли Н. Государь // Избранные сочинения. – М., 1982. – С. 388.

достигнуть...»⁵¹. Поэтому люди не довольствуются выпавшей им долей и становятся подозрительными и честолюбивыми. Согласно Макиавелли, политическая деятельность имеет свою собственную логику развития. Ее определяет не Бог, а объективная закономерность (именуемая как «судьба») и совокупность личных качеств (отвага, предприимчивость, сила и др.), которые необходимы для завоевания и сохранения власти.

Н. Макиавелли указанные «низкие» истины дополняет этическими компонентами, оттеняя особую роль морали в политике, связанную с формированием специфического характера ценностных ориентиров всей политической жизни. Его не интересует проблема должных действий правителя, так как он руководствуется характером сложившейся ситуацией. Поэтому в политической морали, с его точки зрения, правит прагматический разум, поскольку различие проходит между политическими деятелями, а не ценностями, которым они следуют. Условия осуществления власти, а не мораль определяет выбор целей, которые всегда должны быть соразмерны со средствами, а избранные средства соответствовать сложившимся обстоятельствам и результатам. Данный принцип соотношения ценностей морали и политики раскрывает решение проблемы корреспондирования целей и средств. Как отмечает Н. Макиавелли, «государь, если он желает удержать в повиновении подданных, не должен считаться с обвинениями в жестокости. Учинив несколько расправ, он проявит больше милосердия, чем те, кто по избытку его потворствует беспорядку. Ибо от беспорядка, который порождает грабежи и убийства, страдают лишь отдельные лица»⁵². На основе этого возникает расхождение частной и политической морали, ведь этика должного предполагает, что за последствия деяний отвечает исполнитель. Поэтому предметом моральных суждений являются следствия деяний, в которых оценки будут выступать средством влияния на других людей.

Как считает Н. Макиавелли, к поступкам политиков следует подходить не

---

⁵¹ Там же. – С. 437.

⁵² Там же. – С. 348.

с позиций морали, а с оценкой результатов их деятельности, отношения их к благу государства, поскольку сам народ к хорошему управлению не способен. Тем не менее, моральные установки помогают выявить сущность человека, отражая меру его человечности. Возникающее противоречие политики и морали Н. Макиавелли решает через общий интерес, который должны отражать государство и его законы ⁵³. Сложная взаимосвязь морали и политики проявляется через уровень правового состояния общества, которое влияет на его устойчивость к внешним воздействиям. При этом религия, являясь инструментом сплочения народа, должна служить политике, а не наоборот, и содействовать защите отечества, тогда как мораль должна прививаться людям, поскольку может позволить им быть свободными. Как справедливо замечает Б.Г. Капустин, народ не является носителем свободы, но из равновесия «конфликта народа и его противников» проистекают законы, издаваемые в интересах свободы ⁵⁴. При этом Н. Макиавелли, допуская на практике необходимость и возможность насилия, отрицательно относился к нему. Он считал, что добро и зло чередуются в круговороте времени. Это чередование не отвергает такие моральные качества и ценности, как милосердие, верность, прямотушие, честь и другие. И им должны следовать и простые люди, и политики. То есть Макиавелли рассматривал политического деятеля во взаимосвязи с характером развития общества и общественными потребностями, определяющими соответствующие моральные нормы.

Еще с более утилитарных и прагматических позиций к решению проблемы баланса и взаимосвязи морали и политики подходил Т. Гоббс в теории общественного договора, сквозь призму которой он рассматривал не только возникновение государства, но и его функционирование. Он отождествил мораль с общественным договором, политикой и правом. В результате этого договора на правителя (государство) переносились права

---

⁵³ См. подробнее: Юсим М.А. Этика Макиавелли. – М., 1990. – С. 79 – 81.

⁵⁴ См.: Капустин Б.Г. Различия и связь между политической и частной моралью // Вопросы философии. – 2001. - № 9. – С. 9.

отдельных граждан, которые добровольно ограничивали свою свободу. На государство возлагалась функция охраны мира и благоденствия. Гоббс указывает, что «суверен... имеет право предпринять все, что он считает необходимым в целях сохранения мира и безопасности путем предупреждения раздоров внутри и нападения извне, а когда мир и безопасность уже утрачены, предпринять все необходимое для их восстановления»⁵⁵. При помощи общественного договора разнородная масса людей превращалась в организованное общество и образовывала государство, а частные интересы людей совпадали с общими, что позволяло преодолеть естественное состояние и «войну всех против всех».

Следует согласиться с А. Макинтайером, считающим, что у Т. Гоббса была «ограниченная концепция человеческих желаний», так как определяющую роль в обеспечении стабильности общества, обеспечения повиновения властям, осуществление защиты и т.п. принадлежит политическим институтам⁵⁶. Получалось, что невозможно рассматривать мораль человека вне его человеческой природы и вне государственной организации. Ведь фундаментальные естественные законы Т. Гоббса основаны на том, что необходимо всем индивидам стремиться к миру, отказываться ради него от своих имеющихся прав, выполнять заключенные соглашения, что поддерживает начала справедливости в обществе⁵⁷. Поэтому действенность моральных установок должна обеспечиваться государством. Для этого Т. Гоббс обращается к роли законов в обществе, различая «право» и «закон». Право есть свобода делать или не делать что-либо, тогда как закон обязывает человека действовать или бездействовать в соответствии с предписаниями, которые обеспечиваются силой государства. Это сохраняет политический порядок, позволяя утверждать, что действенность морали обеспечивается самим государством, опирающимся на страх, благоразумие, правовой разум своих

---

⁵⁵ Гоббс Т. Левиафан. – М., 2001. – С. 123.

⁵⁶ См.: Macintyre A. Указ. соч. – Р. 138.

⁵⁷ См.: Гоббс Т. Указ. соч. – С. 99 – 100.

подданных. Получалось, что Т. Гоббс прямо отождествлял естественные законы с моральными⁵⁸.

Гоббс полагал, что блага народа есть главное предназначение государства. Вытекающие из общественного договора гражданские обязанности совпадают по своему содержанию с моральным долгом. И если общественный договор заключен, то каждый подданный является ответственным за действия своего суверена, которому должен подчиняться или, в противном случае, «может быть истреблен остальными», ведь благоденствие народа обусловлено «послушанием и согласием» общества⁵⁹. Поэтому верховная власть функционирует на основе установленных полномочий и ответственности каждого субъекта. А раз отвечает воле и интересам всякого человека, то такая власть справедлива по своей сути и лишена, вероятно, моральной амбивалентности.

Как видим, Т. Гоббс подменял мораль в политике предписаниями разума, которым должны руководствоваться и государственные служащие, и рядовые граждане. Единственным мерилom добра и зла для Гоббса служит гражданский закон, который может помочь исправить заблуждения, пристрастия и частные стремления. И хотя он подчинял индивида абсолютной власти государства, за ним оставалось право воспротивиться воле суверена, когда тот обязывает убивать себя или запрещает защищаться от нападения врагов. Очевидно, что мораль оказывалась растворена в благоразумии и политическом порядке, где все субъекты действуют в соответствии с предписаниями и выработанными принципами на основе обмена услуг. В результате мораль, как представляется, превращается в абстракцию, выступая в роли регулятора в сфере действия частных лиц, поскольку моральные обязательства и правила больше походят на расчет выгоды и вреда сообразно с человеческой природой, что может лишь усиливать её релятивистский характер действия.

Продолжателем идеи «общественного договора» явился Дж. Локк,

---

⁵⁸ См. подробнее: Капустин Б.Г. Указ. соч. – С. 12 – 13.

⁵⁹ Гоббс Т. Указ. соч. – С. 122, 232.

который считал, что главной обязанностью государства является соблюдение «естественного права» и защита собственности подданных. Видоизменяя и дополняя Т. Гоббса, Дж. Локк в «Двух трактатах о правлении» не склонялся к полному отказу индивидов от естественных прав и свобод в пользу государства, оставляя человеку право на жизнь, имущество, свободу и равенство⁶⁰. Именно они определяют границы власти и функций государства. И для реализации своих идей Дж. Локк предлагает использовать законодательство и правосудие, разделение властей, подчинение всех (в т.ч. правительства) закону, защиту свободы слова, веры, собственности, право народа на ниспровержение безответственной власти и другое. Он понимал, что идеальных форм организации власти не существует, но общественный договор и добровольное согласие людей на его выполнение обеспечивает эффективность политического управления. Поэтому мораль выступает у Дж. Локка в качестве инструмента политики в осуществлении общественного договора.

Проблемы определения системы взаимодействия между моралью в политикой оказывались скрыты у Дж. Локка за юридической составляющей и религией. Так, он пишет, что «законы, установленные в государствах, обязывают не сами по себе, не своим авторитетом, не как-либо еще, но именно в силу закона природы, повелевающего повиноваться вышестоящим и блюсти гражданский мир»⁶¹. Поэтому каждый имеет право наказать преступника и быть исполнителем закона природы. И если можно говорить о какой-либо морали в политике, то только в той степени, насколько она влияет на гражданскую жизнь и благо государства. Как указывает Дж. Локк, «моральная сторона поступков относится к компетенции двух судов – внешнего и внутреннего – и подлежит власти как гражданского, так и домашнего владыки,

---

⁶⁰ См.: Локк Дж. Послание о веротерпимости // Сочинения в 3 т. – Т. 3. – М., 1988. – С. 121 – 122.

⁶¹ Локк Дж. Опыты о законе природы // Сочинения в 3 т. – Т. 3. – М., 1988. – С. 8.

т.е. государя и совести»⁶². Все это выхолащивало, на наш взгляд, необходимость ценностных ориентиров в политике и сводило мораль к прагматической инструментальной составляющей, которая помогает или препятствует реализации политических целей.

Попытку найти идеал морали в жизнедеятельности человека предпринял И. Кант, предложивший свой взгляд на значение нравственности при верховенстве морали и права в политике. В основе его учения лежит категорический императив, согласно которому «...каждое разумное существо должно поступать так, как если бы оно благодаря своим максима́м было законодательствующим членом во всеобщем царстве целей»⁶³. Кант абсолютизировал нравственные нормы, предписывая им примат над теоретическим разумом вне зависимости от условий жизнедеятельности людей. Они априорны и имманентны человеческому сознанию, что позволяет любому свободному человеку устанавливать для себя нравственный закон.

Для И. Канта сама этика есть учение о нравственном долге. И хотя в природе человека имеется некоторая порочность, он с помощью разума может подняться до понятий «обязанность» и «закон», что в конечном счете может помочь ему с помощью свободного выбора стать добродетельным⁶⁴. Однако получалось, что мораль должна быть независима от происходящего в окружающем мире, а добрая воля индивида являлась мотивом долга ради осуществления этого долга, а также из уважения к моральному закону, без учета его эгоистических соображений. И выражением морального закона, согласно И. Канту, являлись императивы, обладающие обязывающей силой. Ведь если нашу свободу ограничивает необходимость уважать свободу другого человека, то мы не должны использовать его как средство для достижения своей цели. В связи с этим И. Кант провозглашает: «Поступай так, чтобы ты всегда относился к человечеству и в своем лице, и в лице всякого другого так

---

⁶² Локк Дж. Послание о веротерпимости // Сочинения в 3 т. – Т. 3. – М., 1988. – С. 120.

⁶³ Кант И. Основоположения метафизики нравов // Соч. в 8-ми т. – Т. 4. – М., 1994. – С. 216.

⁶⁴ Кант И. Религия в пределах только разума // Трактаты и письма. – М., 1980. – С. 115 – 116.

же, как к цели, и никогда не относился бы к нему только как к средству»⁶⁵. И, опираясь на это, И. Кант выводил в своих рассуждениях необходимость осуществления равенства всех людей в обществе как основы самой человеческой свободы, которая находится между нашим долгом и нашими желаниями. Поэтому можно согласиться с мнением В.А. Васильева, отметившего особенность, что императив И. Канта «...требует поступать нравственно ради самой нравственности»⁶⁶.

Заметим, что категория справедливости, являющаяся выражением долга, у И.Канта выглядит также абстрактно. И добрые действия, и моральная добродетель не имеют никакого отношения к правам и обязанностям человека и социокультурным условиям их реализации. Свобода и долг связаны с внешним, со стороны юридических законов, и с внутренним принуждением со стороны морального закона. Для реализации добродетели человек должен выполнить свой долг – моральный закон, ибо как гражданин государства он участвовал в принятии или одобрении существующих в обществе законов. Однако резонно согласиться с мнением, что формализация жесткой привязанности к правам и обязанностям может даже приводить к потворству злу⁶⁷. Такая формализация и исключение индивидуальности, как и социальной обусловленности, делает затруднительным реализацию кантовской этики в реальной политике. Ведь мотивация моральных ценностей, как и любых действий, возникает внутри человека и определяется нашими социальными взаимодействиями, усиливая их релятивистский характер проявления. Хотя сами моральные нормы помогают индивиду ориентироваться в складывающейся жизненной и политической ситуации.

Категорический императив И. Канта, если его определять как моральный запрет на определенные действия, будет соответствовать гуманистическому

---

⁶⁵ Кант И. Основоположения метафизики нравов // Соч. в 8-ми т. – Т. 4. – М., 1994. – С. 205.

⁶⁶ Васильев В.А. И.Кант о добродетели // Социально-гуманитарные знания. – 2003. – № 4. – С.213.

⁶⁷ См.: Чичовачки П. Призрачное здание «истинной морали» Канта // Этическая мысль. – Вып. 7. – М.: ИФ РАН, 2006. – С. 135 – 136; Ойзерман Т.И. Категорический императив и абсолютность запрета на ложь в этике Канта // Логос. – 2008. – № 5. – С. 176 – 177.

направлению в политике – добродетельная цель может быть достигнута только благими средствами. Однако сами моральные нормы должны рассматриваться в динамике, опираясь на практические и реальные обстоятельства политической деятельности. Поскольку «обладание властью неизбежно искажает свободное суждение разума», сомнительно желание И. Канта, чтобы политик учитывал, что права человека есть нечто священное, «каких бы жертв это не стоило государственной власти»⁶⁸. Но такое предписание для политика выглядит малопривлекательным на практике, поскольку он вынужденно изначально допускать грязные технологии ради того, чтобы цель проводимой им политики соответствовала интересам общества, тем самым отвергая тезис философа об объективном отсутствии спора между политикой и моралью.

Но в то же время, И. Кант разработал ряд положений, в соответствии с которыми возможно ограничить и ликвидировать войны и военные конфликты. Они связаны с такими политическими шагами, как ликвидация регулярной армии, отказ от тайных договоров, невмешательство во внутренние дела и др. Однако реализация данной высоко моральной цели требует уже соответствующих практических политических действий.

Позиция Канта отражает проблему необходимости разграничения морали и морализаторства. Являясь формой индивидуального и группового сознания, мораль выступает регулятором поведения в социуме на основе совокупности духовных ценностей для гармонизации социальных отношений. Однако абсолютизация долга, добродетелей порождает морализаторство, которое предполагает формальное подчинение навязываемым требованиям и демагогическое злоупотребление моралью. В сфере политики соотношение морали и морализаторства легко изменяется ради манипулирования массовым сознанием и навязывания определенных границ и правил обществу. Подмена политики моралью чревато морализаторской риторикой и, в конечном итоге, закладывает тенденцию формирования, что можно видеть на примере подхода Платона, авторитарного способа управления. С другой стороны, нарушение

---

⁶⁸ Кант И. К вечному миру // Соч. в 8-ми т. – Т. 7. – М., 1994. – С. 37, 49.

баланса между моралью и правом в пользу приоритета политики способствует превращению морали в идеологию. В свою очередь, политика и право через идеологию могут подменять мораль, выполняя в этом соотношении роль регулятора общественных отношений. Тем самым закладываются основания для системоцентрической модели политики.

Такая же вера в торжество разума пронизывала проблемы государства и права у Г. Гегеля. В «Философии права», «О внутренних отношениях в Вюртемберге...», «Энциклопедии философских наук» и других метафизическому пониманию нравственности Гегель противопоставляет диалектический подход на идеалистической основе, переходя от этики внутренней убежденности к социально-ориентированной теории морали. Нравственную общность людей определяет, а также на индивидуальной целостностью, по мнению Гегеля, выступает государство. Но оно не является механизмом (машиной), так как не существует самой идеи «государство», поскольку оно – дело человеческих рук⁶⁹.

Являясь сторонником существования идеи нравственного и разумного начала, Г. Гегель стремится развести мораль и политику, относя к последней право. При этом мораль – широкое понятие, независимое от моральной оценки добра и зла, ибо главным в морали является субъективная воля и намерения человека вне зависимости от внешних обстоятельств. Тогда как право есть система запретов и предписаний для личности. А уже синтезом «права и морали выступает нравственность, являясь высшей ступенью развития идеи свободной воли»⁷⁰. Поскольку воля должна пройти три стадии (природная воля, произвол, разумная воля), возникает проблема моральной необходимости. Ведь имея определенное понимание добра, человек делает его намерением в осуществлении своей деятельности, обретая характер субъективного долженствования, внося в объективно совершающийся процесс развития свои

---

⁶⁹ См.: Гегель Г. Работы разных лет. – Т. 1. – М.: Мысль, 1970. – С. 211 – 212.

⁷⁰ Кашин В.В. Учение Гегеля о нравственности // Вестник Оренбургского университета. – 2005. – № 7. – С.30.

индивидуальные пристрастия. Поэтому, исходя из различения абстрактного и конкретного долженствования, принцип моральной субъективности оказывался пустым, ведь задачей человека (а значит, и любого политика) является выполнение своих обязанностей и обязательств, что и составляет добропорядочность.

Поскольку существует, по мнению Г. Гегеля, три последовательные формы развития нравственности (семья, гражданское общество, государство), то становление моральных ценностей отражает подчинение личности государственным интересам, так как вся его духовная сущность существует благодаря государству. Заметим, что Г. Гегель защищал децентрализованный тип государства с представительной системой от всех слоев общества. По этой причине моральная жизнь, а значит и политическая деятельность, может осуществляться внутри определенного типа общности, опираясь на существенно важные ценности. И должное представляет собой имманентный процесс развития и его закономерный результат, в основе которого имеются противоречия, независимые от воли и сознания людей, то есть определяемые природой человека, обществом, государством. Поэтому опираясь на суждения Г. Гегеля о войне (сочинение «Конституция Германии») можно сказать, что морализаторство по поводу политики излишне, так как защита подвергшихся опасности интересов и прав является вопросом комбинации сил и политического решения. А это может обеспечить единство свободы и необходимости. Вот только задатки человечности или ценности морали будут реализовываться усилиями самих индивидов⁷¹. Ведь субъект сам делает выбор между добром и злом и несет ответственность за свое зло, хотя он должен знать является ли то или иное его деяние добром. Но здесь стоит вспомнить представление о том, что сила целого выражает дух, который представлен в правительстве, а разумны только социальные отношения, опосредованные правом и в образе правовой обязанности.

---

⁷¹ См.: Ойзерман Т.И. Проблема долженствования в философии Гегеля // Вопросы философии. – 1995. – № 5. – С. 105 – 106.

Оттого в идеальном государстве Г. Гегеля нет проблемы баланса и системы координат между политикой и моралью, ведь все пронизано государственным устроением и смыслом, определяемым интересами и целями всеобщего, что отвергает всякую межпартийную борьбу за власть. Таким образом устраняется моральный партикуляризм в политической деятельности. Возникающее любое насилие и произвол являет собой рецидив исторически и логически преодоленной несвободы и несправедливости.

Масштабные события XX века отразили важность изучения и адекватной оценки политики с этических позиций, поиск приемлемой трактовки специфических проявлений моральных норм в социальной и политической жизни. Возникло понимание того, что проблема соотношения между моралью и политикой может осуществляться либо на основе линии «Платона – Маркса», через изучение потребностей общества, либо по линии «Аристотеля – Парсонса», рассматривающей фундаментальные ценности социума.

Еще до наступления Просвещения, мы видим разрыв морали и политики, связанный с тем, что нормы нравственности подчинялись интересам политики. XX век обнаружил значение общечеловеческих ориентиров для ориентирования политического субъекта и его сознания. Ведь политическое сознание принимает свою направленность благодаря моральному сознанию социума, которое посредством лжи и правды, добра и зла, коллективизма и индивидуализма, справедливости и несправедливости, производит оценку своей власти, действия политических институтов. Поэтому мораль, как считает Б.Г. Капустин, является «последним рубежом» обороны человеческого в человеке, не позволяя политике превратиться в чистые технологии манипулирования⁷².

В формировании западного морально-этического подхода в данный период времени заметную роль сыграл К. Шмитт. Он считал политическую сферу деятельности эзотерической сферой знания, которая связана с той или иной степенью ответственности. Формирование проблемного поля в обществе

---

⁷² См.: Капустин Б.Г. Критика политической философии. – М., 2010. – С.348.

неминуемо обращает центральную область этой проблемы в политическую. Вследствие этого возникают различные ассоциации и диссоциации, которые закладывают разделение в обществе на разные политические противоположности⁷³. Поэтому само «политическое» имеет объективно заложенный в себе фундаментальный характер, связанный с человеческой природой. Само же политическое единство социума не может обладать универсальным свойством, чтобы охватить все человечество. Это определяется тем, что в его основе лежит явственное противопоставление «друга» и «врага». Данное антагонистическое несовпадение связано не с психологическими или этическими критериями. Оно вызвано преднамеренными злоупотреблениями одной стороны, которая стремится «оккупировать универсальное понятие, чтобы идентифицировать себя с ним за счет противника»⁷⁴. Данная сторона, через спекуляцию понятиями обвиняет оппонента в агрессии, лжи, несправедливости. Возникающие враждебные отношения выступают ведущим стимулом, который определяет жизнедеятельность государства и общества. В таких условиях «всемирной гражданской войны» подрываются принципы определения политики. Данные устойчивые принципы, которые имели место у Платона или Г. Гегеля, закладывают правовые основания политической деятельности. Но в результате некое «высшее единство», которым является политическое, скрепляет общественно-государственную структуру, очерчивая круг политика и «политическое»⁷⁵.

К. Шмитт с помощью понятия «политическое» старается показать многозначность любых оценок власти, которая сочетает в своей практической деятельности всевозможные институциональные принципы, утилитарные подходы и моральные нормы. Политика лишь видоизменяется в обусловленные конкретные действия, предполагая направленность на достижение общественного блага. Поэтому она не может исчезнуть из жизни общества. При

---

⁷³ См.: Шмитт К. Понятие политического // Вопросы социологии. – 1992. – № 1. – С. 37.

⁷⁴ Там же. – С. 59.

⁷⁵ См.: Рахшмир П.Ю. Идеи и люди. Политическая мысль первой половины XX века. – 2-е изд., перераб. – Пермь, 2001. – С. 188.

этом основой политической мощи выступает единообразие и однородность, тогда как ориентация на всеобщее равенство отнимает у государства его субстанцию, за что К. Шмитт подвергает критике либералов и социал-демократов. Ведь любая гомогенность вызывает массовое одобрение без всякого голосования, создает искусственный характер парламентаризма, комитеты которого обсуждают кулуарно имеющиеся проблемы, решая общественные вопросы на основе групповых интересов и разделения посредством компромисса «добычи» между партиями. Это порождает условия для тотального государства, которое уже воплощает в себе новое содержание сущности политического⁷⁶.

К. Шмитт считал, что для политики значение события связано со степенью вражды. Однако необходимо принимать во внимание парадокс, который связан с тем, превращение проблемы из центральной в периферийную автоматически делает ее нейтральной и деполитизированной. Кроме того, в дихотомии «друг – враг» изначально кроется насилие, поскольку политическое единство или группирование связано с правом и возможностью решения «самого важного случая»⁷⁷. Иначе говоря, политическое олицетворяется в реальном потенциале насилия, в безоговорочном повиновении суверену, что отрицает моральный компонент, так как «политическое» всегда занимает нейтральную позицию по отношению к моральным нормам и идеалам.

К. Поппер занимал противоречивые взгляды в отношении к либеральным ценностям, хотя и защищал их в своей теории «открытого общества». Свою позицию он обозначил как *критический плюрализм*, который позволяет показать через отрицание существования всеобщих объективных законов специфику открытого общества. Оно в отличие от любого другого имеет иной уровень социального контроля и свободы индивида, обеспечивая наилучшие условия для самореализации человека, что больше соответствует его интересам.

---

⁷⁶ См. подробнее: Дмитриев Т. Спор об основах политического: Лео Штраус versus Карл Шмитт // Социологическое обозрение. – 2012. – Т. 11, № 3. – С. 28 – 29.

⁷⁷ См.: Шмитт К. Указ. Соч. – С. 53.

Основу данного общества составляет конкуренция между индивидами. Как справедливо отмечает В.К. Петросян, К. Поппер пытается совместить конкурентную борьбу между людьми за обладание тем или иным статусом с требованием ориентации на этику бескорыстия и самопожертвования ⁷⁸.

Данную позицию трудно применить к реальным политическим действиям, поскольку любой детерминизм потенциально содержит элемент ограничения свободы, а мнение К. Поппера о том, что личная свобода в обществе выступает гарантией ответственного поведения индивида, можно воспринимать как крайне сомнительное.

К. Поппер считал, что отсутствие демократических структур и общественного контроля над ними потенциально делает власть опасной, поскольку порождает возможность неограниченного вмешательства в жизнь социума. И хотя он признавал влияние социальных институтов на моральные ценности, им явно предполагалось, что лишь свобода, предполагающая ответственность и функционирование правовых механизмов ограничивающих ее, может сделать безопасность надежной ⁷⁹. Поэтому на характер общественных отношений не должны влиять иррациональные начала поведения людей и авторитарные действия власти и личности. Следование либеральным принципам, предполагающим открытость власти, равенство перед законом, всеобщее избирательное право, открывает возможность приближаться к идеальной модели организации общества, решая проблемы морали в политике.

Как представляется, в своей критике Платона, который требовал от индивида подчинения интересам общества как целого, К. Поппер полагал, что критерии нравственности задают интересы государства, которые воздействуют посредством группового эгоизма на саму нравственную позицию индивида. Вследствие этого проявляется моральное и этическое противоборство

---

⁷⁸ См.: Петросян В.К. Карл Поппер о политической этике // Человек. – 2010. – № 1. – С. 114 – 115.

⁷⁹ См.: Поппер К. Открытое общество и его враги. – В 2 т. – Т. 2. – М., 1992. – С. 152.

радикального коллективизма и необходимости поддержания справедливости. При этом следует заметить, что К. Поппер не касался проблемы формирования государственных интересов. Поэтому можно согласиться с В.К. Петросяном, отметившего, что «жестко критикуя чрезмерную акцентированность доктрины “этического тоталитаризма” (“холистской справедливости”) Платона на государстве и выдвигая в противовес ей свою концепцию “гуманистической справедливости”, К. Поппер допускает ту же ошибку, что и его античный оппонент, требуя односторонних свобод и экзистенциальных преимуществ для индивида в ущерб интересам социума в целом»⁸⁰.

К. Поппер считал, что современные общества, являясь открытыми по сравнению с предшествующими, являются по своему характеру более честнее и справедливее. Он полагал, что демократия может с помощью закона защищать экономические интересы и социальные процессы от разрушительных действий государства, а его граждан – от злоупотреблений властью. Кроме того, он понимал опасность отрицательного воздействия средств массовой информации на общественное мнение, богатства на власть, а коррупции на закон. Однако противодействовать этим проявлениям может только государство, опирающееся на граждан⁸¹. Из этого следовало, что ведущими критериями жизнеспособности социума были демократия и свобода, которые приобретали характер верховной ценности и являлись способом достижения баланса между моралью и политикой.

Несомненно, согласование свободы и ответственности не включает в себе готовых рецептов. Обсуждение проблем политической сферы открывало существенные стороны проявления морали в политике, поиска приемлемого соотношения между властью и насилием, ролью и степенью свободы при обеспечении легитимности власти, морального авторитета политического субъекта. Не касаясь изъянов в теоретическом подходе К. Поппера, следует видеть, что важное место занимает проблема характера политической власти и

---

⁸⁰ См.: Петросян В.К. Указ. соч. – С. 124 – 125.

⁸¹ См.: Поппер К. Указ. соч. – Т. 2. – С. 150.

ее влияния на социум.

Превращение политики в профессиональный вид деятельности в последнее столетие имело следствием то, что она стала обычным занятием, которое дает такой же заработок, как и за обычную выполняемую наемную работу. По нашему мнению, происходило размывание сакрального образа политической власти. Это было вызвано бюрократической рационализацией функций управления, подкреплявшихся идеями демократизации всей жизни общества. Однако это вызвало одновременно и рост аморализма в сфере политике, но и потребность поиска моральных ограничителей для возможного насилия в обществе. Заметную роль в изучении природы политики, проблем функционирования власти и проявления насилия, феномена свободы и тоталитаризма принадлежит Х. Арендт, которая анализировала эти проблемы в своих сочинениях «Истоки тоталитаризма», «О насилии», «Ответственности и суждение» и других.

Власть, как полагает Х. Арендт, не может принадлежать отдельному человеку, а должна быть принадлежностью социальной группы, выступая основой «бытия друг–с–другом», которая сцепляет политический организм⁸². Власть реализуется через «способность действовать по-человечески», защищая неотъемлемые права человека. Поэтому политическая власть приобретает эффективный характер через гармоничное сочетание публичной и частной сфер, что предполагает учет гласности, открытости, прозрачности. И если в тоталитарном обществе наблюдается усиление публичной сферы, то это связано с деформацией и ограничением приватной сферы, так как исчезает свобода как «начинание нового», принуждая индивида подчиняться общей воле в ущерб своей индивидуальности. Кроме того, возникает насилие как следствие принудительного ущемления воли и иных возможностей всех участников политического взаимодействия.

Х. Арендт отмечает, «суть всякого правления составляет власть, а отнюдь не насилие. Насилие по самой своей природе есть не более, чем орудие; как

---

⁸² См.: Арендт Х. *Vita active*, или О деятельной жизни. – СПб., 2000. – С. 266.

всякое средство, оно неизбежно нуждается в наличии некой направляющей цели, служащей к тому же его оправданием»⁸³. Так как любое общество, по своей сути, предполагает опору на господство и подчинение, то насилие выступает в качестве внешнего фактора, который инструментально узурпирует место, изначально отводившееся другим политическим целям и ценностям. Если теоретики левого направления считали насилие свойством проявления радикальных действий власти, то правые мыслители считали, что насилие лишь подкрепляет любую власть. В отличие от них Арендт исходит из представления о господстве политической власти над насилием в силу противоположности их сущности. Она полагает, что насилие возникает там, где ослабевает или исчезает власть. Поэтому следует согласиться с В. Селивёрстовым, который полагает, что насилие имеет лишь инструментальный характер и осуществляется по модели целерационального действия, что закладывает возможность его этического оправдания. Однако в случае абсолютизации средств насилия возникает угроза подрыва всякой власти и морали⁸⁴.

Функции государственной власти не следует сводить к осуществлению насилия, так как его применение приводит участников политического взаимодействия к взаимоотношению, что подрывает общественную стабильность, солидарность людей, легитимность власти. Это необходимо принимать во внимание при рассмотрении институционального и этического подходов к проблеме насилия. Институциональный подход рассматривает государство как институт противостоящий обществу и использующий принуждение в качестве особого вида деятельности в процессе своего социального управления. Согласно этическому подходу, действия, направленные против блага общества и справедливости, сопровождаемые любым ущербом, превращает любое насилие в негативный фактор, который

---

⁸³ Арендт Х. О насилии // Мораль в политике. – М.: Изд-во МГУ, 2004. – С. 330.

⁸⁴ См.: Селиверстов В. Уроки правильного понимания насилия по Хане Арендт // Культиватор. – 2009. – № 1. – С. 60.

достоин осуждения⁸⁵.

По нашему мнению, использование или воздержание от насилия опирается на соответствующие мотивы и убежденность, которые требуют наличия должных социальных механизмов и условий. По данной проблеме Х. Арндт предложила свой подход через рассмотрение *радикального и банального* зла. Она исходила из того, что у индивида при осуществлении конкретных действий имеются внутренние защитные механизмы, связанные с совестью индивида и его способностью мыслить. При этом ведущим источником радикального зла является тоталитарное государство, которое порождает условие превращения любого индивида в обезличенного исполнителя и проводника банального зла. Заметим, что Х. Арндт не снимает ответственности с тех лиц, выступающих источником радикального зла, и тех, кто этому злу содействует. Складывается открытая и *опосредованная взаимосвязь радикального зла с политической системой власти, которая игнорирует моральные ограничения при осуществлении своих действий*. В то время как банальное зло, выступая результатом политических действий и вызываемого радикального зла и насилия, имеет отношение с морально-нравственным выбором конкретного человека, который пребывает в рамках существующей системы власти. Поэтому банальное зло действует подобно ржавчине, которая разъедает повседневное бытие социума.

Для решения проблемы взаимодействия между моралью и политикой Х. Арндт предлагает парадоксальный способ. Она полагает, что мораль нельзя редуцировать до существующих общепринятых законов и норм, поскольку от них всегда легко можно отказаться, заменив другими. Поэтому необходимо исследовать не моральные законы и правила, а то, что обеспечивает любому индивиду возможность различать правильный поступок от неправильного. Опорой этой возможности являются внутренние ориентиры, которые

---

⁸⁵ См. подробнее: Пыхтеева Е.В. Насилие и ненасилие: политико-философский анализ // Научные ведомости Белгородского гос. ун-та. – Сер.: История. Политология. Экономика. Информатика. – № 1 (120), т.21. – 2012. – С. 215 – 219.

определяются способностями индивида, опирающегося на свободную волю, способность судить о происходящем. В таком случае политический поступок будет мотивирован моральным побуждением, а не выгодой, страхом, тщеславием, определяемыми социокультурными факторами. Такой взгляд созвучен с моральным релятивизмом, отвергающим общие социальные требования и установки.

Так как политическая власть есть право, способность и возможность одних людей навязывать волю по отношению к другим людям, выступая как инструмент достижения социальной интеграции и кооперации, то она закономерно воспринимается как «власть для» и «власть над». Можно сказать, что стремление использовать других людей как инструмент для осуществления своей воли зависит от ценностного определения характера поведения индивидов-объектов, системы субординации между ними, а также от распределения социальных привилегий. Поэтому следует согласиться с Л.Ю. Пионткевичем, который отметил, что «релятивистская модель “власть над кем-то” рассматривается исследователями как “конфликтная” модель, так как власть в ней трактуется как асимметричное отношение, преимущественно конфликтного характера, где один из субъектов обладает способностью воздействовать на другого, невзирая на нежелание последнего повиноваться»⁸⁶.

Власть, осуществляя упорядочивание общественных процессов, стремится реализовать определенный политический курс, который зависит от расстановки различных сил и взаимодействия между ними. Данный конфликтологический взгляд на природу власти, который разделяли Г. Гегель, М. Вебер, Р. Дарендорф, Н. Луман, П. Рикер и другие, вызывает заметную настороженность у части мыслителей, которые занимают либеральные позиции. Ведь демократия требует, что ни один субъект политики не обладал полнотой власти и не мог даже претендовать на нее. Соответственно, это требует осуществления гласной и открытой политики, допускающей широкую

---

⁸⁶ Пионткевич Л.Ю. Феномен власти: проблема концептуализации // Вестник Томского гос. ун-та. – 2008. – № 308. – С. 42.

коммуникацию всех социальных сил, и консенсус между ними при соблюдении свобод. Предполагаемая минимизация государственного вмешательства в повседневную жизнь общества неминуемо, на наш взгляд, порождает фактическое отрицание потребности в общих идеалах для социума. В результате идея достижения всеобщего блага вытесняется идеей реализации правовых норм. Данная позиция, присущая либеральной трактовке взаимодействия политики и морали, получила широкое распространение.

Либерализм, с позиций одного его идеологов Р. Дворкина, отталкивается из необходимости равновесия между идеалами полной свободы и сохранения неравенства. Р. Дворкин указывает: «К сожалению, свобода и равенство часто противоречат друг другу: иногда обеспечить равенство можно только ценой ограничения свободы, а последствия свободы порой оказываются пагубными для равенства»⁸⁷. Заметим, что современный либерализм считает, что рынок должен определять социальные затраты, необходимые для удовлетворения потребностей индивидов, а демократическое государство посредством системы права должно определять социальные возможности и права между ними.

Следует признать, что либерализм первым в истории человеческой мысли поставил вопрос о реализации справедливости в обществе. Но он исключал из своей программы интеграции в общественную систему иммигрантов, нищих, радикалов и другие группы. По-мнению либералов, стремление защищать абстрактного человека с его своеобразными потребностями порождает трудность определения моральных ценностей в конкретной сфере жизнедеятельности. По этой причине индивидам следует иметь «разумное» представление о добродетельных качествах, которые необходимы для самовоспитания и надлежащей их демонстрации. Только в этом случае демократия на основе гражданского и уголовного права возникает «возможность» для добродетельной практики власти. Как отмечает Р. Дворкин, «мудрое правление связано... с поощрением или, по крайней мере, одобрением достойного образа жизни: относиться ко всем как к равным – значит относиться

---

⁸⁷ Дворкин Р. Либерализм // Современный либерализм. – М., 1998. – С. 55.

к каждому так, как если бы он стремился, насколько это возможно, вести достойный образ жизни»⁸⁸. Данный взгляд редуцирует мораль в политической сфере к поддержанию консенсуса внутри социума, что не сокращает проявление морального релятивизма или морального партикуляризма.

Следует признать, что к исходу XX века стал очевиден кризис либерализма. Либерализм, полагая себя исключительно непогрешимой системой ценностей, в современных условиях показывает слабую терпимость к инакомыслию. У индивида теперь нет необходимости признания истинности или справедливости решения власти, обязательно лишь его исполнение. Поэтому сторонники либерализма воспринимают государство в качестве механизма, который обеспечивает координирование ценностных позиций, регуляцию социальных интересов. Однако плюрализм сам по себе не может сплотить общество⁸⁹. Ведь кризис современных обществ обнаруживает, что индивиды одни социальные возможности утрачивают, а другие не получают. Да и принцип повышения возможностей абсолютно не гарантирует равенства социальных прав, даже прикрываемых сентенциями о правах человека. Понятия равенство, справедливость, общественное благо и иные являют в либерализме очевидный моральный дефицит при их осуществлении в политической сфере. Так, И. Берлин воспринимает мораль в качестве незавершенной вещи в себе, которая имеет лакуны. Человек, как он считает, осуществляет свой выбор из набора нравственных ценностей таким образом, чтобы действия его были свободны и не подвергались вмешательству со стороны других индивидов и обеспечивали ему максимальную самореализацию личности в моральном и институциональном плане, ибо политические институты уклоняются от задачи содействия в реализации свободы⁹⁰. Тем самым происходило растворение морали, но определялись права индивида, основы сущности современного общества.

---

⁸⁸ Там же. – С. 60.

⁸⁹ См.: Рормозер Г. Кризис либерализма / Пер. с нем. – М., 1996. – С. 71, 73.

⁹⁰ См.: Берлин И. Две концепции свободы // Современный либерализм. – М., 1998. – С. 24, 38.

Решение вышеуказанных проблем попытался предложить Дж. Роулз в работе «Теория справедливости». Отталкиваясь от теории общественного договора и выступая против этики утилитаризма, Роулз провозглашает «законность как справедливость», считая, что «эта теория предлагается не в качестве описания обычных значений, а как рассмотрение определенных принципов распределения в рамках базисной структуры общества»⁹¹.

Свою теорию Дж. Роулз строит через распределение базовых благ и ценностей, что позволяет ему динамически подходить к взаимодействию морали и политики. Он предлагает два принципа построения справедливости: 1) «каждый человек должен иметь равные права в отношении наиболее обширной схемы равных основных свобод, совместимых с подобными схемами свобод для других»; 2) признание социального и экономического неравенства, которые должны быть организованы так, чтобы от них можно было бы ожидать преимуществ для всех, а доступ к положениям и должностям также был открыт всем⁹². Поэтому справедливым и ценностно приемлемым является такой социальный порядок, который создает возможности любому человеку достигать своих устремлений, исходя из собственных представлений о благе. То есть, находясь под «покровом неизвестности», каждый добивается того, что считает для себя благом. Такая релятивизация блага и сведение его к частному выбору, лишает его какой-либо универсальности и абсолютности, возводя в доминирование либеральный принцип приоритета частных целей над социальными и размывая морально-ценностных ограничителей в деятельности. Следует согласиться с И.В. Николаевым, отметившим, что «понимание теории справедливости как честности предполагает, что люди живущие при конституционно-демократическом режиме, при всем их многообразии склонны к близким представлениям о принципиальных вопросах политической этики. Достигается это систематизацией и согласованием интуитивных представлений о справедливости, неявно присутствующих в

---

⁹¹ Роулз Дж. Теория справедливости. – Новосибирск, 1995. – С. 25.

⁹² См.: Там же. – С. 66.

политическом сознании граждан демократических стран»⁹³.

Получается, что моральные основания, связанные с рациональностью, толерантностью, отказом от насилия, компромиссом, честностью, являются ценностями морального сознания. Поэтому, согласно Дж. Роулзу, его «концепция справедливости характеризует нашу моральную чувствительность, если повседневные суждения находятся в согласии с этими принципами»⁹⁴. Есть лишь одна проблема, связанная с «конструированием» индекса первичных социальных благ. Ведь несправедливость в обществе возникает только из таких видов неравенств, которые не всем его членам выгодны. А поскольку первичные блага, определяющие выбор индивидов, являющихся свободными и равными в организованном и упорядоченном обществе, и характеризуют устремления людей, то, согласно Дж. Роулзу, они основаны на моральной интуиции, определяемой социальными благами, свободами, уровнем благосостояния. Сами же политические свободы или моральная мотивация политических действий при наличии иных интересов, а то и представлений о справедливости, отбрасываются⁹⁵. Поэтому справедливость, с точки зрения Дж. Роулза, - *соглашение, результат некоего компромисса политического сообщества, имеющего своей целью защиту интересов своих членов посредством свободы и автономности индивида.*

Как видим, Дж. Роулз отбрасывает моральные основания существующих различий между людьми, считая, что своей теорией он помогает аннулировать неравенство природных задатков. Важнее развивать свое «истинное Я» - рациональность, моральность, свободу, равенство, то есть те общие принципы, которые должны выполняться всеми. Поэтому несправедливость возникает не из какого-либо неравенства, а лишь из того, какое действие выгодно не всем членам сообщества. И главным будет реализация первичных благ (от основных

---

⁹³ Николаев И.В. Морально-когнитивные основы либерального понимания свободы // Политическая концептология. – 2013. – № 4. – С. 210.

⁹⁴ Роулз Дж. Указ соч. – С. 51 – 52.

⁹⁵ См.: Печерская Н.В. Современный дискурс справедливости: Джон Ролз или Майкл Уолцер? // Общественные науки и современность. – 2001. – № 2. – С. 82.

прав и свобод до социальных предпосылок самоуважения личности) вне вопросов политической справедливости при выраженном приоритете права в рассматриваемой концепции справедливости⁹⁶. В соответствии с этим государство и политическая деятельность в его рамках должны быть нейтральны, но не с точки зрения нейтральности воздействия (влияния), а в процедурном и целевом отношении. Без этого, по мнению Дж. Роулза, невозможно согласие в вопросах политической справедливости⁹⁷. При этом объектом *распределительного интереса* выступает концепция блага, в соответствии с которой *моральность блага рассматривает то, что связывает людей*, тогда как *моральность права акцентирует внимание на том, что разъединяет граждан в обществе*.

Очевидно, идеи политической справедливости Дж. Роулза могут быть в той или иной степени «реализованы» в условиях развитого либерализма, где применяются специфические технологии социальной солидарности. Сам же Дж. Роулз не искал пути и способы «примирения» различных подходов и доктрин. Опираясь на приоритет должного над благом, публичный разум, он предлагает некое консенсусное поле, с условиями которого согласны все разумные граждане разных мировоззренческих установок. Такой подход создает иллюзию гармонии морали и политики, ведь «идея публичного разума, выводимая философом из рациональности политического общества, подтверждает возможность выработки общей стратегии общества при сохранении идейного плюрализма»⁹⁸. Согласно этой позиции все граждане принимают одни и те же принципы морали и справедливости, действуют в соответствии с ними, исходя из учета ситуации, а главные политические и социальные институты удовлетворяют требованиям этих принципов. Однако в этом «хорошо организованном обществе» игнорируются социокультурные

---

⁹⁶ См.: Ролз Дж. Идея блага и приоритет права // Современный либерализм. – М., 1998. – С. 83.

⁹⁷ См. подробнее: Там же. – С. 88 – 90.

⁹⁸ Гаврилова И. Н. Современные теории социальной справедливости // Полития. – 2009. – № 1. – С. 188.

условия, нет места моральной амбивалентности, нивелируется значимость и роль морали в политической сфере.

Концепция справедливости Дж. Роулза закономерно вызвала возражения с разных позиций.

С точки зрения либерализма, автор теории мультикультурализма У. Кимлики попытался рассмотреть решение проблемы справедливости в обществе не на основе равной доли общественных благ, а посредством устранения тех неравенств, которые могут или причиняют кому-либо ущерб. В своей работе «Либеральное равенство» он проводит тезис о *приемлемости неравенства* там, где члены общества признают его пользу как фактора содействия развитию тех или иных видов общественной деятельности, являющегося следствием ценностного выбора человека, его индивидуальных действий. Опираясь на классические либеральные взгляды, У. Кимлик подменяет политическую мораль и моральный выбор в политике вопросами политического равенства и прав меньшинств в поликультурном обществе, ибо они имеют право на поддержку, самореализацию и т.п., если руководствуются либеральными принципами⁹⁹.

С подобных позиций и Р. Нозик критикует Дж. Роулза в своей работе «Анархия, государство и утопия», исходя из того, что любое государство, превышающее полномочия минимального, не может быть оправдано, так как нарушает права человека. Он резко критикует саму идею справедливого распределения, полагая, что общественные процессы не могут сами по себе сгенерировать фундаментальные принципы справедливости¹⁰⁰. Тем более, что Дж. Роулз, по его мысли, принижает автономность человека и его ответственность за свои действия. А поскольку в процессе сотрудничества «невозможно выделить» вклад отдельных людей, так как всё является совместным продуктом деятельности, то Р. Нозик предлагает принципы

---

⁹⁹ См.: Кимлика У. Либеральное равенство // Современный либерализм. – М., 1998. – С. 138 – 190; Волкова Т.П. Классические философские концепции мультикультурализма и толерантности // Вестник МГТУ. – Т. 14, № 2. – 2011. – С. 255 – 256.

¹⁰⁰ См.: Нозик Р. Анархия, государство и утопия. – М., 2008. – С. 261.

справедливого приобретения и справедливой передачи. Ведь если неравенство возникло в результате законных действий людей, то оно морально оправдано. Представляется, что Р. Нозик склонен к недоопределенности действия любой моральной теории¹⁰¹. Поэтому непозволительно, например, принуждать богатых, чтобы накормить голодных. Предпочтительно, чтобы те добровольно передавали часть своего имущества на помощь нуждающимся, сообразно избирательных ими моральных принципов.

Аналогично, Р. Нозик подходит и к любым внешним ресурсам, если при этом не нарушаются права других людей. Сами моральные цели как конечное состояние направленного действия является основой, процессом решения «моральной озабоченности». А это требует, например, минимизацию «взвешенного» количества нарушений прав в обществе, поскольку людьми нельзя жертвовать или использовать их для достижения каких-либо целей без их согласия. Поэтому, по мысли Нозика, разговоры о благе всего общества скрывают факты использования одного индивида к выгоде другого¹⁰². То есть в выборе между равенством и свободой Р. Нозик делает выбор, в отличие от Дж. Роулза, в пользу последнего. Следует согласиться с позицией М.В. Сахаровой, отметившей, что и Дж. Роулз, и Р. Нозик отталкиваются от неких «моральных интуиций» и взглядов, разделяемых большинством людей, а сама рассматриваемая ими с разных позиций контрверза «свобода – равенство» не разрешима принятием одной из сторон. Ведь принцип справедливого приобретения и принцип справедливого перехода Р. Нозика рано или поздно требует реального исправления ранее совершенных несправедливостей, которое требует ограничения свободы и нарушения прав определенных людей, что не предполагает несение кем-либо ответственности ни в соответствии с правом, ни с моралью¹⁰³.

Дж. Роулз был подвергнут так же критике Д. Беллом с позиций

---

¹⁰¹ См.: Там же. – С. 71 – 73.

¹⁰² См.: Там же. – С. 51, 54.

¹⁰³ См.: Сахарова М.В. Свобода и равенство: история неоконченного спора о справедливости // Философские науки. – 2010. - № 1. – С. 86 – 88.

консерватизма. Для него рациональный выбор как критерий справедливости, как это предлагает Роулз, сомнителен, ибо в условиях плюралистического общества затруднительно определение самой общественной нормы, а государство не может взять на себя роль отдельной моральной личности. По его мнению, вопрос о едином критерии возмещения последствий неравенства, предлагаемый Дж. Роулзом при распределении естественных способностей и социальных преимуществ беспредметен. Это связано с тем, что социальные отношения существующего общества уже упорядочены и неравенство является органической частью общественного устройства. Как указывает А.К. Оганесян, согласно Д. Беллу, «необходимое тождество должного и сущего уже достигнуто. Сущее, поскольку оно в своих основах незыблемо, как раз и должно быть источником общезначимости принципов справедливости»¹⁰⁴. Однако реализация этой справедливости на практике довольно своеобразна.

Апологизируя устои капиталистического общества, Д. Белл полагает, что стабильность общества основывается на прочности сохраняющихся в нем традиций, а существующие представления и авторитеты определяют ценность «того или иного культурного проявления»¹⁰⁵. Современное общество в качестве идеала выбирает синкретизм, при том что новая технология диктует «эффективность и оптимизацию», оттесняя «старые принципы, основанные на умозрительных размышлениях, традициях и внутреннем смысле»¹⁰⁶. Поэтому основным типом взаимодействия в постиндустриальном обществе становится игра человека с человеком на основе определенных социальных ролей.

Следует заметить, что мораль в сфере политических действий и решений у Д. Белла оказывается растворенной во всем объеме социальных отношений и проблеме справедливости. Последняя также рассматривается в аспекте распределительных отношений, ибо любое неравенство должно соотноситься с социальным статусом и условиями жизни индивида. А издержки свободы и

---

¹⁰⁴ Оганесян А.К. Равенство и справедливость // Этическая мысль. – М., 1990. – С. 223.

¹⁰⁵ Белл Д. Грядущее индустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / Пер. с англ. – М., 1999. – С. XIX.

¹⁰⁶ Там же. – С. 255.

мобильности должны регулироваться, чтобы образ жизни не приобретал саморазрушительный характер. Это связано с тем, что постиндустриальное общество не может каждому обеспечить «трансцендентальную этику», поскольку отсутствует прочно укорененная «система моральных устоев»¹⁰⁷. Поэтому сокращая «чрезмерное» потребление, государство должно обеспечивать на основе «релевантных различий» обращение с людьми на основе равенства перед законом и права пользоваться провозглашенными свободами. В результате мерой осуществления такого социального блага становится не удовлетворение индивидуальных стремлений, а «выравнивание социального дисбаланса в пользу беднейших слоев»¹⁰⁸. Д. Белл исходит из того, что происходит всепроникающая политизация общества, когда рынок и все институты должны склоняться перед требованиями верховной власти и политизироваться в аспекте группового представительства. По этой причине моральные основания и действия в политике должны (не понятно, посредством каких правил, механизма) совмещаться на конвенциональных основаниях с идеей общественного договора как добровольной и единодушной акции свободных индивидов. И от этого возникает у людей ощущение честности предпринимаемых действий и включенности их в общество. Получается в итоге, что поддержание общественного договора на основе уважения к прошлому, признания ограниченности ресурсов и релевантности неравенства в зависимости социального статуса обеспечивает при явном господстве морального партикуляризма существование моральности в политике.

Позиция Дж. Роулза была подвергнута серьезной критике М. Сэнделом, М. Уолцером, А. Макинтайром и другими коммунитаристами, которые свое внимание обратили на либеральную концепцию личности, чрезмерный индивидуализм, атомизацию отношений между обществом и отдельным индивидом.

В противовес идее процедурной справедливости, предложенной Дж.

---

¹⁰⁷ См.: Там же. – С. 650.

¹⁰⁸ См.: Там же. – С. 599.

Роулзом, М. Уолцер в работе «Сферы справедливости» разрабатывает свой механизм осуществления справедливости в обществе, который зависит от определенной культуры. Теорию плюралистического равенства он обосновывал посредством Тезиса Сфер и Тезиса Недопонимания.

Тезис Сфер отражает разделение разнообразных социальных благ, которые в зависимости от шести дистрибутивных принципов – эгалитарный, по потребностям, по заслугам, по рангу, по профессиональной пригодности, по закону – закладывают ту или иную степень принимаемого неравенства. В то время как Тезис Недопонимания обуславливает потребность того, чтобы неравенство в одной сфере не определяло диспаритет в других сферах. Наряду с этим оговаривалось, что не существует общепринятого способа для ранжирования благ, учитывая разное социальное восприятие благ в различных культурах. Поэтому рецепция благ, как и самой социальной справедливости, детерминируется общепринятыми значениями в конкретном обществе. В этой связи М. Уолцер отмечает, «данное общество является справедливым, если основополагающая жизнь осуществляется определенным образом – то есть таким образом, который соответствует пониманию его членов»¹⁰⁹.

Если Дж. Роулз считал допустимым существование автономной моральной личности и необходимым стремиться к согласию в социуме, то М. Уолцер предполагает, что любое конструирование социальных благ не может адекватно отражать те социальные значения, которые разделяются индивидами. Поэтому исследователь должен выявить эти социальные значения и ценности социума с помощью изучения имеющихся институтов и их институциональных практик.

Данный подход М. Уолцера, как отмечает Н.В. Печерская, «игнорирует тот факт, что люди в данном обществе подчиняются этим институтам по совершенно различным причинам»¹¹⁰. Ведь М. Уолцер стремится предписать

---

¹⁰⁹ Walzer M. Spheres of Justice. A Defense of Pluralism and Equality. – N.Y., 1983. – P. 313.

¹¹⁰ Печерская Н.В. Современный дискурс справедливости: Джон Ролз или Майкл Уолцер? // Общественные науки и современность. – 2001. – № 2. – С. 87.

идее терпимости роль универсального идеала политики, поскольку «в любом дифференцированном обществе справедливость будет способствовать гармонии, если только она вначале вызывает разделение. Хорошие границы делают общества справедливыми»¹¹¹. Поэтому соучастие в деятельности социальной группы закладывает условия для достижения гражданского мира. Разделяемые единые значения тем самым создают элементы индивидуального понимания морали и блага, в силу чего толерантность обеспечивает уравнивающий эффект при различных типах отношения к имеющимся различиям¹¹².

Однако М. Уолцер деятельность в социально-политической сфере замещает некими дистрибутивными правилами, которые при несоответствии социально значимым ценностям превращаются в неприемлемые для социума. Этот подход становится моральным принципом для мотивации поступков субъекта. Однако для М. Уолцера оправдание моральных оснований означало необходимость предложить адекватные принципы для его принятия или усвоения в качестве способа мотивации предпринимаемых действий. Поэтому следует согласиться с Н.В. Печерской, которая отмечает, что мы не могли бы иметь «оснований для пересмотра наших пониманий благ, наших жизненных планов», следуя идее Уолцера, что «все концепции справедливости можно понять или изменить только “изнутри” определенной культуры»¹¹³.

Кроме того, М. Сэндел выступил с явной позиции не принятия индивидуализма с его свободой и абстрактными правами, отстаивая первичность коллективного общества. Он полагал, что в жизни индивида существенное место занимает попечение об общем благе, а также его чувство принадлежности к определенному коллективу, так как человек есть носитель конкретной социальной идентичности. Утрата этих атрибутов порождает у него моральный релятивизм и моральную амбивалентность. Только сплоченное

---

¹¹¹ Walzer M. Ibid. – P. 319.

¹¹² См. подробнее: Волкова Т.П. Классические философские концепции мультикультурализма и толерантности // Вестник МГТУ. – Т. 14, № 2. – 2011. – С. 256.

¹¹³ Печерская Н.В. Указ. соч. – С. 86 – 87.

общество способно выработать ясное принимаемое всеми осознание справедливости и других ценностей, которые регламентируют деятельность социальных институтов и жизнь социума. Поэтому этический подход либерального дискурса ближе к этике права, чем к благу социума. М. Сэндел отмечает, «так как мораль прямого действия требует приоритета права над благом, то это означает, что принципы права постоянно перевешивают размышления о благополучии или удовлетворении желания какими бы интенсивными они ни были, и заранее сдерживают целый ряд желаний и ценностей, которые определенно подлежат удовлетворению»¹¹⁴.

Очевидно, что для коммунитаризма существенное значение выполняет идея «общего блага», которая является субстанциональной для дефиниции не и образа жизни социума, и методом рассмотрения моральных проблем в политике. М. Сэндел, в отличие от критикуемого им теологической позиции Дж. Роулза, свои взгляды характеризует как деонтологический либерализм. Сэндел отмечает ограниченность моральных целей реализации политического плюрализма при всей их важности. Отчасти это вызвано «приоритетом права над благом», который отражает проблему «рационального плюрализма», стремящегося доминировать над нравственностью и религией. Поэтому политический либерализм, касаясь моральных идеалов, исходит через отделение политических идентичностей от личных. А это приводит к проблеме кооперации «на основе взаимного уважения», поскольку она способна превзойти любой другой интерес, возникающий в рамках других моральных взглядов¹¹⁵.

Самой значимой ценностью из имеющихся социальных добродетелей М. Сэндел находил справедливость. Он признавал ее идеальный характер и невозможность абсолютной реализации в политической жизни. Поэтому справедливость воспринималась им как законное требование граждан, способных сообразно обстоятельствам, реализовать «освободительный проект

---

¹¹⁴ Sandel M. *Liberalism and the Limits of Justice*. – 2d Ed. – Cambridge, 1998. – P. 18.

¹¹⁵ См.: *Ibid.* – P. 192, 196.

деонтологии»¹¹⁶. К тому же, справедливость имеет существенный моральный заряд и «сопряжен с культивированием добродетели и размышлением об общем благе» в отличие от любых либеральных взглядов. По этой причине политика не может пребывать в нейтральном состоянии «в делах морали» и занимать позицию морального релятивизма, хотя субъектам власти «следует быть нейтральными в отношении моральных вопросов»¹¹⁷. М. Сэндел отмечает угрозу от «столкновения» политики и права с теми моральными установками, которые могут вести к возникновению принуждения и росту нетерпимости. И чтобы не давали знать морально-ценностные расхождения по поводу принимаемых управленческих решений, необходимо осуществлять «политику морального вовлечения» при помощи подключения общественности в дискуссии по трудным моральным вопросам, возникающим в конкретных ситуациях¹¹⁸.

Свою позицию в рамках коммунитаристского подхода критики ограниченности либерального дискурса, отстаивающего эмансипацию и индивидуализм, обосновал А. Макинтайр. Он исходил из идеи Аристотеля о первичности солидарности по отношению ко всем иным социальным добродетелям. А. Макинтайр в своей работе «После добродетели» обращает внимание на деградацию современной морали под влиянием либерального индивидуализма, подорвавшего принципиальные основы реального ценностного согласия социума в отношении смыслового содержания конкретных добродетелей. Это породило «моральную мешанину», связанную с тем, что представители эмотивизма стремятся придать морали значение личностного предпочтения¹¹⁹.

А. Макинтайр отвергает телеологический взгляд на природу человека,

---

¹¹⁶ См.: Ibid. – P. 177.

¹¹⁷ Sandel M.J. Public Philosophy. Essay on Morality in Politics. – Harvard University Press, 2006. – P. 147.

¹¹⁸ См.: Сэндел М. Справедливость. Как поступать правильно? / Пер. с англ. – М., 2013. – С. 313 – 314.

¹¹⁹ Макинтайр А. После добродетели: Исследования теории морали / Пер. с англ. – М.; Екатеринбург, 2000. – С. 21.

обосновывая мораль через рациональную природу, на основе разума, выступающего средством определения субъективных целей индивида. Он обнаруживает, что дискуссия между ценностными основаниями права, которую отстаивал Р. Нозик, и потребностями Дж. Роулза не разрешима посредством их аргументации. Это связано с игнорированием понятия заслуг и отсутствием учета характера политической коммуны, являющейся общим объединяющим проектом с игнорированием понятия заслуг¹²⁰. И так как основой любого социального института выступают добродетели и моральные заслуги, выход из сложившегося морального беспорядка представляется А. Макинтайеру не в подчеркивании особой роли государства или общества, а в транспозиции центра политического волеизъявления и морального воспитания личности с государственного уровня на семью и церковь. Как справедливо замечает Г.Ю. Канарш, А. Макинтайр опирается на этико-политическое учение Аристотеля, которое «исходит не из абстрактных принципов и норм, а из определенных конкретных представлений о жизни сообщества, пытаясь вывести из них рациональные основания справедливой политики»¹²¹. Получалось, что возвращаемые благодаря воспитанию добродетели являются необходимым средством в достижении блага для всего общества.

Как видим, что А. Макинтайр свое внимание обращает на социальный и культурный контекст, способствующий формированию морального или политического идеала, поскольку нарастание индивидуализации в современном обществе непосредственным образом угрожают позициям морали. Он отмечал, что «моральная философия, как она повсеместно понимается, отражает дебаты и разногласия культуры столь верно, что ее противоречия оказываются неразрешимыми точно так же, как неразрешимы сами политические и моральные дебаты»¹²². Поэтому демонстрация любых добродетелей сообразно с некими общими моральными нормами и ценностными представлениями

---

¹²⁰ См.: Там же. – С. 338.

¹²¹ Канарш Г.Ю. Справедливость и идея сообщества // Знание. Понимание. Умение. – 2010. – № 4. – С. 81.

¹²² Макинтайр А. Указ. соч. – С. 342.

требует от субъекта обладания способностями не только понимать, но и осуществлять «правильные вещи в правильном месте в правильное время и правильным образом»¹²³. А это предполагает соответствующее воспитание личности и правильное установление конкретных благ внутри социума ради торжества общего блага и ограничения морального партикуляризма. Ибо, как отмечает А. Макинтайр, «в любом обществе, где правительство не выражает или не представляет моральной коммуны граждан, а вместо этого является множеством институциональных устроений для наложения на общество бюрократического единства, которое не имеет подлинного морального консенсуса, природа политического обязательства неясна»¹²⁴.

Следовательно, коммунитаризм определяет единые нормы социума через достижение соглашения между гражданами, что допускает возможность использования конкретной моральной ценности или принципа лишь в ситуации, когда в данном социуме выработаны некие стереотипы и модели поведения. А это подвергает сомнению выстраивание общих норм и единых методов в регулировании социальных отношений, чтобы смягчить воздействие морального релятивизма в политической сфере.

Если либеральный подход определял политику как сферу рефлексии над жизненным контекстом нравов и морали, а коммунитаристский как согласование условий жизнедеятельности и обычаев общества с демократическими правами, то иной взгляд на задачи политики сформулировал Ю. Хабермас. Он считал главным источником мирового системного кризиса либеральный рынок с его несправедливым присвоением прибавочного продукта и основанную на манипуляциях либеральную демократию, что превратило в придаток саморегулирующиеся рыночные отношения¹²⁵. Поэтому в обществе нужно создать такую среду, которая обеспечит морально-ценностное согласие его членов и справедливое сопряжение результатов

---

¹²³ Там же. – С. 204 – 205.

¹²⁴ Макинтайр А. Указ. соч. – С. 344.

¹²⁵ См.: Хабермас Ю. Проблема легитимации позднего капитализма / Пер. с нем. – М., 2010. – С. 39 – 40.

деятельности. И посредством теории коммуникативного действия Ю. Хабермасом устанавливался или восстанавливался консенсус в обществе, приводя к равновесию между моральным самопониманием и юридической справедливостью. Как отмечает Э. Фетерис, Хабермас разделяет закон и мораль на “две несвязанные сферы”, а моральные принципы становятся связанными с “легальным дискурсом” в относительной степени ¹²⁶.

Ю. Хабермас на основе консенсусного подхода при анализе социально-политической реальности пытается соединить солидарность, справедливость и моральную значимость, чтобы обеспечить с их помощью согласие в обществе и снять конфликты на уровне действия, а также создать эффективные формы интеграции. Социальные аспекты имеют у Хабермаса процедурный характер, которые приобретают всеобщее значение подобно императивам. Поэтому Хабермас указывает, что «”действенность” моральных норм означает теперь, что они способны снискать одобрение всех, кого они касаются, коль скоро эти затрагиваемые ими лица в одних лишь практических дискурсах сообща выясняют, представляет ли соответствующая практика равный интерес для всех них»¹²⁷. Тем самым мораль определяет характер отношений взаимодействующих между собой разумно совещающихся акторов.

В то же время в противовес либеральным концепциям, которые в центр внимания ставят рационально действующих индивидов, Ю. Хабермас видит коллективные общности, которые спорят между собой об общих целях и способах распределения благ. В отличие от либерального требования этической нейтральности права, он склонен к поддержке делиберативной модели, в которой обеспечивается выживание нации, культуры, религии посредством реализации коллективных целей и тождественностей ¹²⁸. Этот разумно-

---

¹²⁶ См.: Feteris, Erelin T. The Rationality of Legal Discourse in Habermas's Discourse Theory // *Informal Logic*. – Vol. 23, № 2. – 2003. – P. 146 – 147.

¹²⁷ Хабермас Ю. Вовлечение Другого. Очерки политической теории. – СПб., 2001. – С. 102.

¹²⁸ См.: Поликарпов В.А., Поликарпова С.В. Современные концепции либеральной демократической политики и их позитивные альтернативы: этика дискурса (Ю. Хабермас) и постмарксизм (Ш. Муфф и Э. Лакло) // *Философия и социальные науки*. – 2009. – № 3. – С. 45.

правовой республиканизм пронизывает публичные дискурсы участников общего коммуникативного процесса, которые достигают нравственного признания друг друга и последующего сближения их позиций. Возникает «новая» модель демократии – демократия обсуждения (в понимании Ш. Муффа), поскольку политика оказывалась «отделена от своего нормативного измерения и стала рассматриваться исключительно с инструменталистской точки зрения»¹²⁹. Тем самым, как получается, Ю. Хабермас попытался определить универсальные моральные основания, не зависящие от конкретно-исторических и социокультурных условий.

По мысли Ю. Хабермаса, этика дискурса позволяет ориентировать направленность действий, так как формально она не предполагает содержательных ориентиров, которые привносятся извне. Она связана на практике с процедурой, которая в силу изменчивости интересов может исказить смысл этических норм¹³⁰. Поэтому вопросы морали требуют коллективных усилий общества, поскольку сама мораль ориентирована на единство, а достичь его возможно на коммуникативном уровне с принятием мнения и позиции Другого. Но в то же время моральную точку зрения обосновать сложно, как и найти прямую ее связь с моделью политического устройства общества. И здесь следует признать правомерность замечания А.Ю. Ашкерова, который отметил, что «попытка Хабермаса придать подобного рода зависимости “всего лишь” процедурный характер оборачиваются невозможностью выявить статус самих процедур, имеющих равное отношение как к запечатлению в коммуникации действенности правил и обязательств, так и к рациональному обоснованию их значимости»¹³¹. При этом Ю. Хабермас интересы человека или социальной группы, которые в ходе коммуникации и всеобщего признания становятся всеобщими ценностными ориентациями,

---

¹²⁹ Муфф Ш. К агонистической модели демократии // Логос. – 2004. – № 2. – С. 181.

¹³⁰ См.: Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. – СПб., 2001. – С. 163 – 166.

¹³¹ Ашкеров А.Ю. Мораль, разум, глобализация // Социологическое обозрение. – 2002. – Том 2, № 2. – С. 75.

приобретают моральное измерение, свойство публичной универсализации, позволяющей уже принять политические действия и обеспечить легитимацию власти. Вопрос лишь в том, как в условиях социального противостояния «своих» и «чужих», той или иной степени моральной амбивалентности, обеспечить превращение последних в «других», не нарушая правовых норм и социального равновесия.

Таким образом, мыслители XX века при рассмотрении ценностного взаимодействия морали и политики стремились отойти от прежнего утилитарного подхода, когда не принимаются во внимание условия и способы распределения благ в обществе, различия между индивидами и природа удовлетворения их желаний. Однако вместо поиска и обоснования наилучшего, «идеального» общественного устройства и определения степени справедливости сложившейся общественной системы, сформировалось совершенно разное понимание демократии, демократических ценностей и особенностей их реализации.

Во многом проблема морально-этической системы координат в политической деятельности снималась через явный моральный релятивизм и замену морали рациональным поведением индивида, что обосновывалось посредством его отказа от зла, реализацией принципа меритократии, гарантий индивидуальных свобод, организацией коммуникативного действия, достижения широкого консенсуса, мультикультурализма, которые обеспечивали упорядочение существующих социальных и политических отношений в обществе со сложившимися уже в нем идеалами и ценностями, социокультурными установками.

Выводы: 1) традиции исследования морали и политики были заложены Платоном и Аристотелем; 2) Н. Макиавелли обосновал тенденцию преобладания политики в процессе регуляции общественных процессов, тогда как И. Кант высказал идею приоритета морали и разума в политических процессах; 3) были обозначены проблемы морализаторства, поиска соотношения морали и права в политике; 4) современные западноевропейские

теории оказались во многом сосредоточены на достаточно узких проблемах (отчуждение, свобода личности, насилие, консенсус и др.), нивелирующими практическую действенность морали в реальной политике; 5) отсутствие поиска идеальных моделей социальных взаимодействий, определения характера и степени справедливости социальных систем, учета социокультурных условий способствовало преобладанию морального релятивизма в политической деятельности.

1.2. Рецепция морали и политики в русской философии. Модели их взаимодействия в современном российском философском дискурсе

Цель: Рассмотреть особенности трактовки морали и политики в российской философской традиции, которые имеют связь с западными идеями.

Задачи:

– рассмотреть синтез морали, права и политики в философии всеединства В.С. Соловьева как основы морального характера деятельности индивида;

– показать идею Н.А. Бердяева, основанную на триединстве этики закона, этики искупления и этики творчества, выступающей способом взаимодействия морали и политики;

– выявить диалектику морали и политики в философии И.А. Ильина, сочетающую социальную справедливость, служение обществу и созидательную деятельность;

– рассмотреть восприятие морали в качестве системы норм и ценностей, регулирующей повседневную практику социума и обладающей институционализированными свойствами, сочетанием объективного и субъективного, связанных с характером социальных отношений;

– раскрыть модели взаимодействия морали и политики, связанных с этикой долженствования, этической нейтральностью и политическим перфекционизмом, определяющим нравственный выбор и моральную аргументацию личности;

– охарактеризовать влияние постмодернизма, определившего разделение на абсолютизм и антинормативизм, которые отражают кризисное состояние политических отношений, размывание моральных ценностей;

– показать, что моральные нормы сочетают объективные и закономерные факторы, задающих этику убеждений и этику ответственности;

– представить аспекты моральной оценки насилия с позиций меньшего зла, которые связаны с проблемами морального релятивизма, разными подходами социальных групп к политическим проблемам;

– рассмотреть проблему баланса свободы и ответственности, определяемой степенью общественного контроля, влиянием моральных норм.

Самобытные этические искания, основанные на божественном освящении нравственности, предпринял В.С. Соловьев, который в своей философии всеединства попытался синтезировать мораль, право и политику. Он считал, что метафизика абсолютного смысла жизни, определяющая бытие и культуру человека, дает ему возможность нравственно ценностно самоопределиться. В «Оправдании добра» и «Духовных основах жизни» В.С. Соловьев через идею всеединства гармонизирует природное и социальное бытие. Именно нравственно-религиозный критерий позволял ему выявить истинность и справедливость социальных отношений. Ведь свобода личности возникает на основе всеединства, поскольку нельзя быть свободным за счет подавления чужой свободы¹³².

Основой нравственной философии выступает выбор между добром и злом. «Историческое делание добра» и жизнеутверждение должно быть выношено органически и принято человеком, что позволит избегать зла, не использовать других людей как средство достижения своих целей и приобщиться к Богочеловечеству. Моральный характер деятельности, воплощающийся в синтезе нравственности с человеком и с обществом, позволяет установить идеалы и условия их реализации. Ведь личность и общество образуют в человечестве духовное единство. По этой причине существует нравственная необходимость государства (важной формой которого является правовое), призванного содействовать развитию человеческих сил. Воплощая смысл своего существования в защите слабых и обиженных, государство призвано удерживать зло в некоторых границах до сознательного выбора человечеством между абсолютным злом и абсолютным добром¹³³.

---

¹³² См.: Коган Л.А. В.С. Соловьев и проблема свободы // История философии. – 2000. – № 6. – С. 95 – 96.

¹³³ См.: Орлов М.О. Нравственность в политике: социально-религиозные контексты русской философии // Известия Саратовского ун-та. – Т. 10. – Сер. Философия. Психология. Педагогика, вып. 1. – 2010. – С. 24 – 25.

Именно государство обеспечивает культурный прогресс и солидарность, определяя сущность отношений людей друг к другу. Поэтому и государство, и общество выступают в качестве неких факторов, закладывающих направленность и содержание необходимых условий, которые определяют моральные принципы и нормы жизни любой личности. А поскольку нравственные чувства коренятся в самой человеческой природе, то социальные обстоятельства должны обязательно способствовать полноценному проявлению добра в жизни человека.

Посредством соблюдения государственных и церковных законов, согласно В. Соловьеву, реализуется справедливость в обществе. Однако требования юридических норм и нравственной добродетели не совпадает с реализацией справедливости. Ведь без норм права нельзя обеспечить соблюдение нравственности, тогда как юридический закон без нравственного подкрепления превращается во зло¹³⁴. Поэтому политика должна быть нравственной и базироваться на универсальных религиозно-нравственных ценностях, которые могут объединить всех людей. По этой причине нравственное оправдание власти возможно в том случае, если она будет приближаться к образу христианского государства. Как отмечал В. Соловьев, «здоровая политика» есть искусство наилучшим образом осуществлять нравственные цели в народных и международных делах, когда руководящим мотивом ее должны быть не корысть и не национальное самолюбование, а долг и обязанность. Ведь «высший нравственный идеал требует, чтобы мы любили всех людей, как самих себя... Мы должны любить все народы как свой собственный»¹³⁵. Только на этой основе, составляющей христианскую политику, будет происходить мирное сближение наций и государств. При этом В. Соловьев нравственно и исторически оправдывал войну, считая, что политика может скрывать свое нравственное зло, так как имманентно связана с

---

¹³⁴ См.: Соловьев В.С. Оправдание добра // Сочинения: В 2 т. – Т. 1. – М., 1988. – С. 448 – 450.

¹³⁵ Там же. – С. 378.

насилием.

Равновесие между интересами личной свободы и общим благом может обеспечить право, осуществляющего принудительное требование минимального добра. Оно реализуется организацией нравственной жизни общества и основывается на разуме. Кроме того, право определяет границы проявления силы при столкновении интересов людей и групп в политике, предупреждая тем самым возможное физическое столкновение между ними. В силу этого между моралью и правом нет противоположности, так как различие возникает лишь между разными состояниями правового и нравственного сознания, оценивающего действительность на основе критерия правды¹³⁶.

Конечно, граница между нравственным и безнравственным заложена в самосознании человека, обеспечивая ему определенную свободу действий. И только общий интерес, общее благо может ограничить свободу зла, когда злая воля угрожает безопасности общества. По мысли В. Соловьева, равновесие между личной свободой и общим благом может быть обеспечено правом, которое препятствует злым людям превращаться в злодеев. Разграничение добра и зла, основанное на справедливости и милосердии, переходящее в виде совести на всю сферу человеческой морали, способно помочь утвердить божественное всеединство и нравственность сверхчеловеческого добра. И на этой основе решить ощущаемое противоречие между политикой и моралью, любую возникающую моральную амбивалентность. Ведь любой индивид тогда будет способен отличать зло и выбирать осознанно морально приемлемые формы действий. Но все это решается «душой» человека. Ведь «действительное благо может родиться от чувств и дел благородных, т.е. имеющих нравственное достоинство, согласных с добром, а действительное добро в свою очередь не может окончательно приводить к бедствиям, т.е. к злу»¹³⁷. Получается, что на этой основе возможно решить существующее противоречие между целями и

---

¹³⁶ См.: Осипов И.Д. Социальная философия В.С. Соловьева // Минувшее и непреходящее в жизни и творчестве В.С. Соловьева. Мат-лы междунаrodn. конф. 14 – 15 фев. 2003 г. – СПб., 2003. – С. 224 – 225.

¹³⁷ Соловьев В. С. Оправдание добра // Сочинения: В 2 т. – Т. 1. – М., 1988. – С. 239.

содержанием политики и морали, любую возникающую моральную амбивалентность.

Н.А. Бердяев предложил рассматривать взаимодействие морали и политики через триединство этики закона, этики искупления и этики творчества. При этом такое же, как и у В. Соловьева, божественное начало являлось и у Н.А. Бердяева действующей силой, которое определяло единство мира. Но мир лежит во зле и его нужно изменить, уничтожив пропасть между должным и сущим, привнеся в жизнь Добро, Красоту, Истину. Это подчеркивало особую значимость внутреннего религиозно-нравственного преобразования личности и общества. А в условиях трагизма человеческого существования необходим приоритет морали и обоснование таких ценностей, которые позволили бы преодолеть зло и страдания, придав жизни человека истинный смысл, который может быть осуществлен в процессе его социальной деятельности.

По мысли Н. Бердяева, человек несет ответственность за зло. Это связано с его свободой, что дает ему возможность жить вопреки Божественному предназначению. Ведь человек совершает свой нравственный выбор в условиях свободы, что позволяет говорить о необходимости освобождения человека от принудительного добра и подчинения внешним и чуждым нормам¹³⁸. Поэтому подчинение всякому закону, навязывание долженствования связано с рабством. «Этика закона» есть этика социальной обыденности, исходящей из страха и заставляющей индивида следовать лишь букве закона. А уже «этика искупления» дает правила поведения, основанные на любви к ближнему, сострадании и прощении. Ведь, по мысли Н. А. Бердяева, власть над человеком есть зло, отчего «личная мораль всегда была права по сравнению с моралью государственной, она была моралью человеческой и экзистенциальной в противоположность морали нечеловеческой и объективированной»¹³⁹. Только

---

¹³⁸ См.: Запека О.А. Проблема свободы в контексте персоналистской этики Н.А. Бердяева // Вестник славянских культур. – Т. 17, № 3. – 2010. – С. 42.

¹³⁹ Бердяев Н. И. Царство Духа и царство Кесаря. – М., 1995. – С. 86 – 87.

«этика творчества» способна превращать человека в изобретателя и творца, поскольку борьба со злом может происходить через творческое осуществление добра и преобразование зла в добро (благо), приближая богочеловеческий идеал.

Несомненно, любой индивид и политический деятель всегда стоит перед моральным выбором. Поэтому идея Н. А. Бердяева о том, что нравственность должна иметь творческий характер, побуждая индивида к самосовершенствованию и преобразованию окружающего мира, сохраняет свой актуальный характер. Справедливо отмечая эклектичность взглядов Н. А. Бердяева по поводу морали, Н. М. Аверин считает, что русская религиозно-философская этика «основывается на уверенности в способности человека гармонично соединить свою человеческую природу с божественным началом, достигнуть богочеловеческого уровня и стать активной силой благого преобразования мира»¹⁴⁰. Получается, что Н. А. Бердяев отвергал утилитарный подход к жизнедеятельности человека и на основе христианской религии определял условия его духовного развития.

Такой взгляд накладывает свою специфику на понимание сущности государства. По мысли Н. Бердяева, государство не должно являться самодержавным и не быть подчиненным высшим, сверхгосударственным началам, ибо власть в нем имеет религиозную первооснову. Благодаря христианству открылись границы власти, понимание того, что государство не может претендовать на человека в целом и его духовную жизнь. Это связано с тем, что «государство есть соединяющая, упорядочивающая и организующая онтологическая сила, преломленная во тьме и грехе. ...Государственное сознание видит силу зла и слабость естественного добра в человеке»¹⁴¹. Поэтому деградация моральных ценностей в дилемме мораль и политика приводит к тому, что власть теряет воздействие в качестве регуляторно-

¹⁴⁰ Аверин Н.М. Русская религиозно-идеалистическая этика как феномен отечественной и мировой культуры // Вестник Тамбовского ун-та. Серия: Гуманитарные науки. – 2008. – № 9. – С. 31.

¹⁴¹ Бердяев Н.А. Философия неравенства / Сост. и отв. ред. О.А. Платонов. – М., 2012. – С. 79.

моральных ограничений и функций, отчего система управления обществом переходит на воздействие на инстинкты людей. Тем самым теряется мораль объединения на основе любви и веры в Бога.

В свою очередь, философия И.А. Ильина рассматривала диалектически отношения между моралью и политикой. При этом у него подобная, как и у Н.А. Бердяева, аксиологически-ценностная ориентация. Она связана с органическим сочетанием нравственного и правового элементов государственности, которые формируют идеал государства и определяют критерии его эффективности. В его основе лежит социальная справедливость, служение обществу и созидательная деятельность. Однако консервативный подход И. Ильина был связан с решением проблемы соотношения свободы и порядка, власти и общества¹⁴². С точки зрения И. Ильина, нужно органически понимать политику и государство, которые связаны с человеческим духом и национальным единством, поскольку внешняя свобода должна способствовать развитию внутренней свободы человека. Поэтому проблема ценностного соотношения морали и политики решается обеспечением самой политикой условий для развития культуры на основе «духа и воли» власти, опирающейся на духовно-нравственный авторитет, позволяющий избегать регулярного насилия, которое является признаком внутренней слабости проводимой политики¹⁴³.

Как видим, длительный период формирования этических подходов к определению сущности власти и государства, был связан с неоднозначным объяснением всей системы взаимоотношений между моралью и политикой. Очевидно, что доминирующей идеей являлось представление о том, что моральные принципы и нормы имеют свойство долженствования, непосредственным образом формируются через сознание и действия индивидов

---

¹⁴² См.: Тарасов К.Н. Проблема соотношения государственной власти и социума в работах И.А. Ильина в контексте общественно-политической доктрины российского консерватизма // Вестник Пермского университета. Сер. История. – Вып. 3 (17), 2011. – С. 20 – 27.

¹⁴³ См. подробнее: Гусев В.А. Политическая теория И.А. Ильина // Политическая наука. – 2001. – № 1. – С. 92 – 106.

и политиков в процессе социальных взаимодействий. На этой основе предполагалась возможность различными способами амортизации моральной амбивалентности и редукции морального партикуляризма в процессе политической деятельности. Мыслители прошлого, как и российские философы, выделяли значимость морально-ценностных ориентиров как для общества, так и для власти. Ведь диалектика взаимодействия личного и общественного оказывает самое существенное воздействие на реализацию политических свобод, сознание индивида, эффективность власти. Они подчеркивали необходимость создания, выработки морально-онтологического стержня в человеческом «Я» через идеи добродетели, долженствования, справедливости, всеединства и другие, которые облегчают согласование взаимодействия морали и политики.

Развитие различных концепций о морали в политике, ее роли в системе политических отношений, особенностях их взаимного влияния вызывали в современную эпоху необходимость определения основополагающих критериев, которые позволили бы оценивать социальную деятельность субъектов власти. Неоднородность морального сознания, определяемая с разнообразным кругом вопросов, ориентацией на традиции или ценности либерализма, влиянием гражданского общества и правового государства и другие факторы, инициировали несовпадающие способы выражения моральных ориентаций и подходов к изучению моральных ценностей. Демократические процедуры, подвижки в политической культуре широких слоев, возникновение массового общества ослабили прежний сакральный ореол власти. Как подметил С.Л. Франк, «мораль, опирающаяся на веру в объективные ценности, на признание внутренней святости какой-либо цели, является в отношении этой веры служебным средством, как бы технической нормой и гигиеной плодотворной жизни»¹⁴⁴. Следствием этого стали новые способы мобилизации масс, методы ее легитимации власти, складывание слоя профессиональных политических

---

¹⁴⁴ Франк С.Л. Этика нигилизма // Вехи. Интеллигенция в России. – М., 1991. – С. 159 – 160.

деятелей. Произошла трансформация правящей элиты, которая стала использовать модифицированные способы взаимодействий с социумом. Однако данные изменения не могло устранить влияние и значение моральных начал в политике.

Все это получило соответствующее преломление в современной российской философской мысли.

В современной российской этической теории ведущее место заняла тема обоснования морали, которая рассматривается в рамках от эмпирической до метафизической верифицируемости нравственных истин. Так, эмпирический подход (Л.В. Максимов) исходит из того, что мораль определяется фактическими условиями, а потому не нуждается в своем рациональном обосновании¹⁴⁵. Это доказывается через идею квазиобъективизма, связанную с субъективным убеждением в объективности моральных ценностей и наличием общезначимых ценностных принципов различных моральных кодексов.

А.А. Гусейнов обосновывает мораль на основе ее исторической эволюции. Он считает, что поведенческие кодексы социальных групп в ходе взаимодействия оказываются в конфликтном состоянии. Данные конфликт моральных кодексов вызывает переосмысливание оснований нравственности, чтобы определить истинность нравственных принципов¹⁴⁶.

Следует также выделить работы Р.Г. Апресяна, А.В. Прокофьева, А.В. Разина ориентированы на выявление роли моральных норм и ценностей¹⁴⁷. Они затрагивают влияние моральных норм и ценностей на политическую сферу,

¹⁴⁵ См.: Максимов В.Л. Этический объективизм: основные концепции и подходы // Этическая мысль. Вып 1. – М., 2000. – С. 132 – 147; Максимов Л.В. Квазиобъективность моральных ценностей // Этическая мысль. Вып. 6. – М., 2005. – С. 27 – 50.

¹⁴⁶ См.: Гусейнов А.А. Этика и мораль в современном мире // Этическая мысль. Вып. 1. – М., 2000. – С. 4 – 15; Гусейнов А.А. Цели и ценности: как возможен моральный поступок? // Этическая мысль. Вып. 3. – М., 2002. – С. 3 – 37; Гусейнов А.А. Мораль между индивидом и обществом (к вопросу о месте морали в современном обществе) // Общественная мораль: философские, нормативно-этические и прикладные проблемы. – М., 2009. – С. 36 – 49.

¹⁴⁷ Апресян Р.Г. Идея морали и базовые нормативно-этические программы. – М., 1995; Прокофьев А.В. Моральная ответственность в политике: взгляд через призму этики меньшего зла // Философский журнал. 2011. – № 1; Разин А.В. Моральные дилеммы: причины возникновения и способы разрешения // Дискурсы этики. – 2013. – № 1.

проблемы формирования морального и политического сознания на основе сочетания частных и общественных интересов. Данные авторы исследуют тесную взаимосвязь между политической и частной моралью, определяющую требования в ценностных и нравственных ориентирах для индивида. Рассматривается «логика меньшего зла», моральная ответственность в политике, дилеммы морального выбора на практике. Преобладающим для них является нормативный подход, который помогает раскрывать моральные основания при выполнении индивидом нравственных требований, формировать оценки политических явлений. Поэтому мораль выполняет опосредованную функцию в отношениях социума и власти, выступая в качестве образца должного и приемлемого для осуществления общего блага.

В.И. Бакштановский и Ю.В. Согомонов также обращают внимание на потребность в универсальных моральных нормах, основанных на аксиологическом плюрализме. Очевидна для них и проблема равенства. В отличие от прежнего взгляда, существовавшего на христианских и формально-правовых основаниях, постмодерн оправдывает неравенство различными способами, скрывая разрыв между экономическими и моральными императивами. Этика постмодерна отличается также и возрастанием субъективных моментов восприятия и трактовки социальных проблем, которым свойственны ценностные подвижки, связанные с самоидентификацией, новыми поведенческими моделями, мотивационной ориентацией. Происходит нарастание «морального прагматизма», снижающего значимость целей, нравственного обоснования поступков, и ориентирующегося на чувственно-эстетический, «зрелищный» способ восприятия мира. Следствием этого становится то, что индивид руководствуется не моральными убеждениями, а чувственными предпочтениями ¹⁴⁸.

А.А. Зиновьев, Г.Ю. Канарш, В.С. Мартьянов и Л.Г. Фишман затрагивают морально-нравственное поле современного социума, отражая значимые

---

¹⁴⁸ См.: Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В. Социология морали: нормативно-ценностные системы // Социс. – 2003. – № 5. – С. 8 – 19.

моральные ценности в социальных процессах¹⁴⁹. Значительное внимание в них уделяется в изучении характера и особенностей, форм и значимости реализации ценностей справедливости, равенства, общественного блага в практической деятельности, а также их отражение на нормах морали в политической сфере.

Значительное место занимают работы, исследующие специфику макиавеллистского и кантианского подходов к политике. Г.Г. Водолазов, Г.П. Гребенник, Б.Г. Капустин, И.И. Кравченко рассматривают проблемы соотношения целей и средств, которое решается через рациональное целеполагание¹⁵⁰. Для указанных авторов характерно стремление ограничить политику моральными рамками или рассмотрение ее прагматическим образом, исходя из принимаемых обязательств или выполнения морального долга. Господствующим для всех авторов является признание невозможности внеморального подхода к политической деятельности. Выбор делается ими между утилитарно-прагматическим способом разрешения антиномии между моралью и политикой или приоритетом гуманистических требований к политическим субъектам. Поэтому внимание обращено к выявлению моральной природы политики или специфики политической морали.

На этом фоне активно развивается прикладная этика (В.И. Бакштановский, Ю.В. Согомонов, В.Н. Назаров, Е.Л. Дубко и др.), которую пытаются обосновать как новую стадию развития этики, сочетающей теорию морали с нравственной практикой общества¹⁵¹. В ней обращается внимание на проблемы в публичных сферах деятельности, вопросы профессиональной компетентности, антиномичного характера аргументации, требования

¹⁴⁹ Зиновьев А.А. Коммунизм как реальность. – М., 1994; Канарш Г.Ю. Социальная справедливость: философские концепции и российская ситуация. – М., 2011; Мартынов В.С., Фишман Л.Г. Россия в поисках утопий. От морального коллапса к моральной эволюции. – М., 2010.

¹⁵⁰ Водолазов Г.Г. Идеалы и идолы. Мораль и политика: история, теория, личные судьбы. – М., 2006; Гребенник Г.П. Проблема отношений политики и морали. – Одесса, 2007; Капустин Б.Г. Критика политической философии. – М., 2010; Кравченко И.И. Политика и мораль // Вопросы философии. – 1995. – № 3.

¹⁵¹ См.: Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В., Чурилов В.А. Этика политического успеха. – М., 1997; Назаров В.И. Прикладная этика. – М., 2005; Дубко Е. Л. Политическая этика. – М., 2014. – 720 с.

открытости решений, необходимости опоры на институциональную ответственность решений этическими комитетами.

Мораль есть система ценностей и норм, обладающая приоритетом над всякими иными аксиологическими и нормативными системами. Важно иметь в виду различие морали и нравственности. Фактически, нравственность обращена к внутреннему самоконтролю и саморегуляции поведения индивида посредством ее свободного и сокровенного выбора. В то время как мораль является важным социальным институтом, который регламентирует поведение людей через устоявшиеся групповые нормы и с использованием силы общественного мнения, доминирующих обычаев и привычек, предполагая применение моральных санкций¹⁵². В результате мораль становится инструментом повседневной жизненной практики социума, предполагая теоретическое определение стандартов группового взаимодействия, которые складываются на основе общего понимания добра и зла, справедливости, достоинства и долга, чести и совести. Поэтому Л. Свендсен указывает, отмечая взаимосвязь дескриптивного и нормативного в моральной системе, что «нормативы влияют на то, как мы истолкуем ситуацию, а то, что мы принимаем как «Факты», воздействует на нормативную оценку»¹⁵³. Ведь любой человек не просто предполагает, что его действие может быть аморально или является злом, а расценивает так в сложившейся ситуации.

Как представляется, для дефиниции моральных ориентиров необходимы такие основополагающие ценности, которые выступают в качестве стимулов для социальной деятельности. Ими могут быть:

- ценности материального свойства, которые связаны с экономической деятельностью, производством и отношениями распределения;
- социально-политические ценности, устанавливающие специфику

---

¹⁵² Идеи взаимодействия морали и политики были апробированы автором в работах: Руженцев С.Е. Моральная рефлексия современной политики // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. – 2016. – № 6; Руженцев С.Е. Этические искания современного российского общества в условиях модернизации // Общество: философия, история, культура. – 2016. – № 11.

¹⁵³ Свендсен Л. Философия зла / Пер. с норв. – М., 2008. – С.265 – 266.

общественной организации, исполнение принципов безопасности, равенства, свободы, справедливости граждан;

- идеальные ценности, которые отражают степень солидарности и характер гуманизма, духовную сущность отношений между людьми, их суждения о доброте, истине, красоте и т.п.

А.А. Гусейнов, Г.П. Выжлецов, Л.В. Масимов, П.И. Смирнов отмечают, что ценности общества имеют своеобразный сакральный характер, включающий символическую и коммуникативную природу взаимодействия людей. Они могут с развитием символизации приобретать априорный характер. По мнению А.В. Савкиной, сакральное не совпадает с религиозным, но предполагает коллективный характер, символическую форму, существование в виде архетипов коллективного бессознательного, наличие пограничных ситуаций и априорных структур в сознании людей. Под воздействием практики опыт сакрального может приобретать в дальнейшем как институционализированные, так и неинституционализированные свойства¹⁵⁴.

Сказывается влияние баденской школы (Г. Рикерт, В. Виндельбанд), которая на основе аксиологического трансцендентализма выводит любые ценности по ту сторону субъекта и объекта, склоняется к полаганию, что посредством ценностей человек можем выявить смысл действий другого индивида. Не касаясь ряда спорных положений, можно воспользоваться мнением П.И. Смирнова, считающего, что в известной степени общество совершенствуется на основе выявления своих потребностей. Ценности в современном социуме приобретают все более значимое влияние для стимулирования человеческой деятельности. По его мнению, ценности осуществляют «смыслообразующую» функцию по отношению к индивиду и выступают стимулом его деятельности. А для политической жизни важную роль играет уже уровень значимости конкретной ценности, ради которой политик готов действовать. С точки зрения уже интересов социума, эта ценность может приобретать свою положительную

---

¹⁵⁴ См. подробнее: Савкина А.В. Понятие сакрального в условиях современного общества// Полигнозис. – 2010. - № 1 – 2.

или отрицательную значимость, легальный или нелегальный способ воплощения, степень свободы деятельности, границы общественного контроля в процессе своей реализации¹⁵⁵.

Считая ценности результатом соприкосновения объективного и субъективного, Л.В. Баева выделила три сферы формирования ценностей социума: (1) материальное бытие, связанное с естественно-природными условиями и производственной деятельностью; (2) сфера неосознанного, определяемая личными переживаниями, влияющими на положительное или отрицательное отношение к миру и себе с соответствующей формой активности; (3) сфера осознанного, выражающая смысловое поле самой ценности¹⁵⁶. А поскольку многообразные условия и «коллективное бессознательное» оказывают несхожее воздействие, то у индивидов формируются различные ценностные ориентации, так ярко проявляющиеся в политике в виде идеологических предпочтений, а также проявления морального релятивизма и морального партикуляризма на основе многозначности оценок.

Ценности можно структурировать, например, в виде социального квадрата, состоящего из вещных, духовных, персонифицированных и институциональных ценностей. Свой вариант в определении ценностей также дает Д.А. Леонтьев, связывая имеющиеся ценности с разными плоскостями рассмотрения в виде многомерного объекта посредством выделения полярных аспектов соотношения, полагая при этом, что подход к ценностям как к атрибуту является некорректным и несвоевременным¹⁵⁷. Очевидно, что моральные ценности не существуют вне объекта (предметной деятельности человека) и субъекта (оценивающего благо, добро и т.п.). В этой связи П.Е. Матвеев определяет моральные ценности как «особые свойства объектов и субъектов, характеризующие их единственность, единство, их место в мире с

¹⁵⁵ См.: Смирнов П.И. Ценность // Credo New. – 2011. - № 1; Смирнов П.И. Фундаментальные ценности общества: универсальная типология // Credo New. – 2011. – № 2.

¹⁵⁶ См. подробнее: Баева Л.В. Источники становления ценности // Полигнозис. – 2004. – № 2.

¹⁵⁷ См. подробнее: Леонтьев Д.А. Ценность как междисциплинарное понятие: опыт многомерной реконструкции // Вопросы философии. – 1996. – № 4. – С.16, 17, 21.

точки зрения добра и зла»¹⁵⁸. Такой взгляд позволяет рассмотреть определенные качества политического деятеля, учесть субъективную составляющую в осознании им существующих моральных законов социума, степень их соблюдения или нарушения. Можно предположить, что в социуме должен возникать консенсус по поводу моральных ценностей и норм, находя отражение в коллективном сознании. Овладение политической моралью, с точки зрения социального детерминизма, возможно через выполнение предписаний, следование идеалам или усвоение идеологии. Однако с позиций социального действия М. Вебера, политика – мир этических парадоксов, требующих согласования этики убеждения и этики ответственности политика, что неизбежно связано с проявлением моральной амбивалентности.

Вместе с тем, следует обратить внимание на плюрализм проявления общественного мнения, отражающего свойство общественной морали. Ведь методы постижения политической сферы и участия в ней содержательно заключают в себе мировоззренческие и идеологические стороны, хотя индивиды свободны в выборе средств решения конкретных проблем. Необходимо принимать во внимание также и ценностные ориентации политических субъектов, поскольку с середины XX века стало проявляться дробление элиты и «распыление власти», в соответствии с политическим плюрализмом и антитоталитарным настроением.

Кроме того, стремление правящей элиты пытаться выразить интересы всего общества еще не приводило к автоматическому соответствию моральных ценностей элиты социокультурным установкам и ориентациям других социальных групп, так как для властного слоя базовой ценностью всегда была ценность обладания властью, которая определяет его основополагающие интересы и моральные и нравственные ориентации. Поэтому в социальном пространстве любой субъект политики обязательно опирается на мифотворчество, служащее не только задаче изменения границ подчиненной реальности, но и связано с воздействием на мышление индивидов посредством

---

¹⁵⁸ Матвеев П.Е. Моральные ценности. – Владимир, 2004. – С.29.

закрепления определенных ценностей в сознание сограждан.

Как мы отмечали, сущностное содержание социальных ценностей, как и моральных ориентаций, определяет сам субъект. Поэтому многовалентность самих ценностей порождает различные смыслы и трактовки в объяснении социальных событий и обоснования действий. Но здесь важно не впасть в субъективную трактовку этики, которая увязывает процедуру конструирования моральных норм с деятельностью «свободной воли», выступающей чаще всего под псевдонимом «нормотворчества». Л.В. Максимов подробно показывает разные формы современного этического субъективизма, который склонен отрицать применимость понятий истины и лжи к моральным утверждениям, отдавая приоритетность тому или иному субъективному началу в объяснении морального выбора человека, с признанием морали в качестве «полезной функции» для общества ¹⁵⁹. Очевидно, что моральные ценности суть человеческого духа, отражающие социально-духовную реальность общества, характер общественных отношений. Другое дело, что моральная значимость поступка социальной группы, человека или политика может объясняться либо субъективно, либо как детерминировано объективный акт, что не снимает проблему содержания моральных ценностей при оценке человеческой деятельности и баланса между моралью и политикой.

Необходимо принимать в расчет, что все политические деятели есть заложники той или иной идеологии. Они обращаются к артикулированным требованиям и шаблонам, которые присущи идеологическим установкам. Но с другой стороны, у них обнаруживается «идеологическое бессознательное», сформировавшееся на выработанных в процессе деятельности архетипах и реакции. И поскольку политическая сфера, определяющая во многом жизнь социума, приобрела значительную автономию, общественные нравы со всей очевидностью стали обуславливаться не личностными добродетелями его лидеров, а системной организацией и функциональной стабильностью

---

¹⁵⁹ См.: Максимов Л.В. О субъективистских течениях в современной философии морали // Этическая мысль. – Вып. 5. – М.: ИФ РАН, 2004. – С.3 – 15.

общества. Как замечает А.А. Гусейнов, «мораль становится по преимуществу институциональной, трансформируется в прикладные сферы, где этическая компетенция... определяется в решающей мере профессиональной компетентностью в специальных областях деятельности...»¹⁶⁰. И если ранее цивилизационные и материальные модификации подвергались критике с точки зрения моральных ценностей, ныне происходит иначе, приведя к существенным изменениям современной морали по сравнению с традиционной.

По справедливому мнению А.А. Гусейнова, произошло расширение нравственно нейтральной зоны, которое сопровождается стремлением индивида к свободе от мировоззренческих аргументаций и поиска самостоятельных индивидуальных решений. По этой причине мораль стала перемещаться с уровня мотивов поведения на уровень сознательно вырабатываемых правил соответствующего вида деятельности¹⁶¹. Такой «прикладной» характер морали вызвал к жизни соответствующие теоретические изыскания и обоснования в этической теоретической мысли. Поэтому в XX веке получил распространение бихевиоризм и структурный функционализм, дававшие убеждение в возможности получения объективного ценностно-нейтрального знания. Классическое мировоззрение с идеалом отражения действительности было заменено явной установкой на социальный конструктивизм с его инструментальными подходами, с абсолютизацией определенного социального параметра в качестве онтологически первичного.

Очевидно, что в политической деятельности присутствуют различные вариации учета моральных аргументов. Один из них предполагает выделение разного контекста их использования. На этой основе выделяется нормативная и теоретическая этика. Нормативная этика опирается на моральную рефлексивность, рациональное моральное сознание, посредством которого осуществляется оценка конкретного поступка с моральных позиций. Происходит соотнесение

---

¹⁶⁰ Гусейнов А.А. Этика и мораль в современном мире // Этическая мысль. – Вып. 1. – М., 2000. – С. 13.

¹⁶¹ См.: Гусейнов А.А. Философия, мораль, политика. – М., 2002. – С. 119.

индивидуальных качеств и проявлений с «добродетелями». Тогда как теоретическая этика выступает в качестве комплекса взглядов, знаний, идей, исследовательских подходов, которые используются с целью формирования определенных нравственных ориентаций индивидов ¹⁶². Нормативная этика требует от индивида подчинения определенным требованиям и идеалам, но абсолютно не гарантирует его от совершения аморальных действий. Однако своими универсальными предписаниями, отражающими социокультурные и ментальные традиции, состояние общества, нормативная этика отражает надличностный характер своего положения и влияния. По сути, она показывает, что мораль навязывается индивиду социальной средой, являясь для него внешним феноменом.

А.В. Прокофьев, рассматривая проблему взаимодействия моральной составляющей и политики, выделил три модели их отношений.

Первый вариант соотношения морали и политики определяется на основе взглядов И. Канта, согласно которому этика долженствования закладывает цель политической власти, связанной со служением «высшей нравственной цели». Моральное измерение социальной и политической жизни происходит автономно от моральной психологии индивида и не проявляет особой роли для обеспечения общественного порядка и кооперации социума. Поэтому складывается независимая от индивидуального нравственного самосовершенствования особая политическая этика.

Другой вариант связан с этической нейтральностью, которая определяется либеральным подходом. Он провозглашает, что политические теории не должны препятствовать стремлению распространять каких-либо конкретные, в том числе моральные, доктрины. В ином случае происходит искажение процесса содержательного выявления принципов справедливого устройства общества. В результате вся мораль публичной сферы испытывает раздробление на множество различных и частных установок.

---

¹⁶² См.: Апресян Р.Г., Артемьева О.В., Максимов Л.В. Проблемы этики. О систематизации этического знания // Философские науки. – 1997. – № 1. – С. 64 – 72.

Третий вариант определяется как позиция «политического перфекционизма». Данный подход допускает в публичной сфере обращение к аргументам из области приватной этики, иным духовным ценностям. Однако этот подход поднимает вопрос о реализации в сфере политике любых убеждений, которые посредством образования, поддержки семьи, регулирования морально предосудительных практик позволяют «соотнести различные образы жизни по их внутренней ценности»¹⁶³.

В свою очередь, Р.Т. Апресян в понимании природы морали определил два подхода, которые позволяют обозначить характер связи морали и политики.

Социально-имманентный подход определяет мораль как социальный феномен, который имеет задачей помощь в социальной организации социума согласно с имеющимися потребностями и функциями. Моральные идеи, выступая в качестве способа социальной регуляции отношений между людьми, показывают «отражение экономического состояния общества в общественном сознании и сознании людей»¹⁶⁴.

Социально-трансцендентный подход объясняет развитие и проявление морали через внесоциальные факторы, определяя ее «предзаданностью» социальности и культуры, так как посредством ее «транслируется и репрезентуется трансцендентное по отношению к социуму ценностное содержание»¹⁶⁵.

Какой бы ракурс рассмотрения морали мы бы не выбрали, следует учитывать, что возникновение ее было связано с самоидентификацией личности, отличной от групповой идентификации, как требование соответствия неким общим идеалам морали в нравственных устремлениях человека. В период своего становления, вплоть до постмодерна, моральная философия, как и этическое познание политики, рассматривала абстрактного и

---

¹⁶³ См. подробнее: Прокофьев А.В. Место и характер моральных аргументов в политической практике (идея «моральной нейтральности» публичной сферы и ее альтернативы // Этическая мысль. – Вып. 6. – М., 2005. – С. 141 – 144.

¹⁶⁴ Апресян Р.Т. Понятие общественной морали // Общественная мораль: философские, нормативно-этические и прикладные проблемы. – М., 2009. – С. 19.

¹⁶⁵ Там же. – С. 20.

атомизированного субъекта. Его нравственные устремления, добродетели, обязанности пребывали, фактически, вне контекста социального взаимодействия и общения. В политической сфере поэтому вызывало осуждение других лишь то, что подрывало единение, общие правила, коллективные нравы, порождало явный моральный партикуляризм, угрожая социальной практике управления.

С усложнением организации общества и вовлечением широких масс людей в политическую деятельность модифицировалось представление о способах решения проблем, которые связаны с моралью. Ведь индивид стал восприниматься как «существо, живущее в мире относительных ценностей испытывающее наслаждение от достижения несовершенных (промежуточных) целей»¹⁶⁶. Проявление общественной морали стало соединяться с деятельностью социальных институтов, посредством которых закладывается солидарность между людьми, распределяются гражданские права и обязанности, поддерживается обязательная и приемлемая система ценностей общества. При этом личные и субъективные волевые усилия перестали определять добродетельные качества.

Эти процессы нашли отражение в теоретических поисках. Возникает «мораль ассоциаций» Дж. Роулза, которая связана с выполнением возложенных на индивида социальных ролей, соответствующими идеалами. Предлагается также Дж. Санделом идея первенства блага над правом, отражающая вопросы проявления общественной активности и формирования личной идентичности в процессе оценки блага другими людьми. Кроме того, Л. Свендсен отстаивает этику ответственности, имеющей приоритет перед этикой убеждения, чтобы обеспечить предотвращение любой формы зла. Неслучайно неправительственная организация Трехсторонняя комиссия (1975 г.) назвала свой отчет «Кризис демократии», отметив в нем адение доверия к власти, снижение эффективности семьи, церкви, школы и армии как средств

---

¹⁶⁶ Разин А.В. Современная мораль и ее философские основания // Этическая мысль. – Вып. 12. – М., 2012. – С. 36.

социализации, фрагментацию интересов всего общества, ослабление социальных связей, института лидерства, которые сопровождаются разрушением доверия и взаимодействия граждан, созданием препятствий для сотрудничеству ради всякой общей цели ¹⁶⁷. В отечественной философии интересную позицию предложил О.Г. Дробницкий, который предложил различать две стороны в морали – деятельностно-практическую и идеально-духовную, которые образуют единое целое и отражают специфику социальных отношений, возможные перспективы нравственного самосовершенствования индивида. О.Г. Дробницкий в работе «Понятие морали» с позиций этического концептуализма рассматривает мораль через единство универсалий и конкретного поступка. Но данную взаимосвязь трудно адекватно выразить в символах и словах, поскольку это связано с многозначностью понимания морали. Тем самым закладывалось понимание морали на уровне «концепта», предполагающего осознание конкретного явления в единстве с его общим моральным смыслом ¹⁶⁸.

Постмодернизм, исходя из спонтанности складывания отношений между индивидами, рассматривает детotalизацию общественных структур как «признак исчерпаемости потенциала общества, базирующегося на принципах гуманизма, рациональности и прогресса»¹⁶⁹. Однако жесткое разделение моральных позиций на абсолютизм и антинормативизм, их поляризация не редуцирует мораль в сфере индивидуальных отношений или в политике. И так как общественные отношения более приемлемо регулировать по предметной сфере, то мораль в них лишь смещается в более общий контекст факторов и условий, что позволяет предлагать критерий моральности действий политических деятелей на основе их адекватности запросам и целям общественной системы, которой они управляют. Поэтому в российских

---

¹⁶⁷ См.: Cunningham F. Theories of Democracy. A critical introduction. – N.Y.: Routledge, 2002. – P. 17.

¹⁶⁸ См.: Дробницкий О.Г. Понятие морали. – М.: Наука, 1974. – С. 229, 306, 309, 319, 373.

¹⁶⁹ Сморгун Л.В. Философия и политика. Очерки современной политической философии и российская ситуация. – М., 2007. – С. 93.

условиях основными моральными принципами, являющиеся своеобразным феноменом «моральной идеологии», используя терминологию В.Н. Назарова, выполняют «моральный гуманизм», «нравственный абсолютизм», «моральный нигилизм». Данные элементы во многом затрагивают особенности при осуществлении этического анализа социальных отношений.

Однако на фоне переоценки ценностей, происходившее последнее столетие, которое сопровождалось критикой деятельности государства как социального института и его нормативной базы, одновременно происходили изменения и в системе взаимоотношений людей. Эволюция демократии показывает, что политические идеологии перестали объединять граждан в той степени, которая была им присуща прежде. Проявляющееся современное стремление характеризовать политические события инструменталистским образом или нейтральным стало содержательно выводить индивида из политики в экономику, право, этику и другие области.

Любое взаимодействие публичной сферы опирается не только на качества культуры социума, но также содержит в себе нормативно-оценочный взгляд. И.А. Ерохов, обращая внимание на возникший кризис политической нормативности, игнорирование того, что применение политической этики определяется результатами политической борьбы, отмечает: «Политические институты уже не гарантируют предметное осуществление всеобщих целей, а межсубъектные отношения строятся на частных интересах, что и фиксируется в усугубляющейся динамике потери легитимности власти. Всеобщая власть просто не в состоянии представлять все частные интересы, а если она осуществляется в чьих-то интересах, то что здесь остается от всеобщности. На государственном уровне нарастает фундаментальное отчуждение от народа, власть оказывается чужой, террористичной, репрессивной, против нее выстраиваются бастионы, огораживающие приватный мир человека от угроз со стороны административной сферы»¹⁷⁰. Это мнение важно принимать во

---

¹⁷⁰ Ерохов И.А. Кризис политической нормативности // Политико-философский ежегодник. – Вып. 2. – М., 2009. – С. 68.

внимание, Так как нормативный инструментарий дает возможность посредством морально-ценностного подхода осмыслить политические события. Однако данный инструментарий также и в развитых западных демократиях не может во многом эффективно работать из-за апатии электората, сохраняющегося отчуждения человека от власти, размывания идентичности оппозиционных сил, стремления безграничному консенсусу. В результате мы наблюдаем разделение между этикой, допускающей построение различных теорий, и моралью, требующей соблюдение каких-либо правил, стремящихся избежать безгранично и широкого политического плюрализма¹⁷¹.

Явная деперсонализация моральных императивов и установок не приводит к размыванию ценностей и утрате морали. В процессе совместной деятельности индивидов возникают возможности и условия для нравственного самосовершенствования личности, формируются специфическое ее отношение к другим людям. Ведь для политики определяющее значение имеют не мотивы действий субъекта, а их следствия, так как складывается соответствующее отношение и оценка, которые влияют на формирование массового общественного сознания. Тем самым мораль может непосредственным образом воздействовать на интеграцию общества, сообщая действиям любого индивида и субъекта политики целесообразность, контролируя линию поведения, а может порождать негативные реакции, оправдывая мнимыми идеалами и возвышенной риторикой предпринимаемые деструктивные действия. Следствием этого является бесспорная моральная релятивизация, нацеленная на подмену общего блага частными установками, которые вызывают манипулирование сознания социума. Поэтому мораль «...является характеристикой общественного индивида и индивидуализированного общества... Она рассматривает внутренний (намеренный) и внешний (объективированный) аспекты деятельности индивида в точке их соединения, когда намерение уже вырвалось в объективный мир, стало поступком и когда поступок еще сохраняет пуповинную связь с намерением. Она представляет

---

¹⁷¹ См.: Муфф Ш. К агонистической модели демократии // Логос. – 2004. - № 2. – С. 188.

собой область индивидуально-ответственных поступков»¹⁷².

Каким образом политическая практика должна принимать моральные аргументы, если субъективные подходы ближе к индивидуальной моральной психологии, а в обществе нет лиц и институтов, выступающих от имени морали? Как указывает А.А. Гусейнов, мораль не может быть «объективна», так как моральные утверждения не выводятся из фактов и к ним не сводятся¹⁷³. В свою очередь А.В. Прокофьев видит в качестве реальной альтернативы политической этике нейтрализм и перфекционизм, о которых уже упоминалось. Однако перфекционизм таит в себе ряд опасностей в политической деятельности – (1) элитизм, ограничивающий возможности любого гражданина и присущими ему свойствами избранности, а так же (2) неограниченный патернализм, связанный с той или иной степенью контроля и принуждения. Затруднительно в обществе с такими ориентациями преодолеть моральную амбивалентность и добиться компромисса, поскольку конфликтанты будут ориентированы на отстаивание своих убеждений. Поэтому предпочтительна нейтралистская система ценностей, основанная на приоритете мира и стабильной кооперации, требующих соблюдения свободы и равенства граждан. Но для этого требуется выработать определенный набор ценностей морали, которые были бы признаваемыми и поддерживаемыми социумом и политиками. А.В. Прокофьев отмечает, что либеральный проект «нейтрального» государства имеет ряд изъянов. Среди них наблюдается стремление лишь обосновывать справедливость либеральной политики, при этом недооцениваются коллективные проекты по сохранению социально-групповой идентичности, отсутствуют эффективные «дискурсивные механизмы» снятия острых политических противоречий, имеет место уход от гражданской активности и замена ее формальной лояльностью власти, а также искаженное восприятие политики из-за изъятия проблемных и неразрешимых

---

¹⁷² Гусейнов А.А. Мораль между индивидом и обществом // Общественная мораль: философские, нормативно-этические и прикладные проблемы. – М., 2009. – С. 41.

¹⁷³ См.: Гусейнов А.А. Указ соч. – С. 48.

вопросов из политической дискуссии и пр.¹⁷⁴

Эффективность политической этики в «нейтральном» государстве и признание ее в качестве теоретической основы моральной практики возможно в случае, если она не будет составным структурным элементом управленческого механизма власти, а станет добровольно и самодеятельно приниматься теми, кто должен следовать ее правилам и процедурам, находя воплощение в личностях политиков и их поступках. И тогда субъект политики, действуя от своего имени, будет придерживаться ответственных действий и нравственной линии с точки зрения общественной морали. То есть для адекватной и успешной политики само общество нуждается в таких моральных нормах, которые трудно было бы свести к моральному партикуляризму, но признавались всеми, что отражало бы специфику выполнения особых моральных обязанностей, характерных для политической власти.

Как видим, мораль имеет не столь сакральный характер своего проявления, сколько некую объективность сложившейся ценностной системы координат, помогающей регулировать практическую деятельность политиков. Однако при рассмотрении сущности морали и этики с объективных позиций существуют противоположные подходы. Так, эпистемологический объективизм, разделяемый платонизмом, интуитивистами, этическими натуралистами, понимает моральное сознание как оценочное суждение вне императивных установок долженствования, предписаний надлежащих действий. Эти императивные установки находятся вне какого-либо сопоставления с действительностью, а только соотносятся с другими суждениями. Но моральные нормы, ценности долга, добра, справедливости и иные не зависят от субъекта и даны ему в качестве некоего «знания», которое определяет его позицию и поступки. С другой стороны, имеется каузально-детерминистический объективизм. Он ставит под сомнение объективный характер существования добра или должного, считая их фактом сознания, которое связано с природными, социальными и другими объективными

---

¹⁷⁴ См. подробнее: Прокофьев А.В. Указ. соч. – С. 145 – 156.

причинами. Складывающиеся нормы и правила выступают следствием сочетания различных объективных и закономерных факторов, которые обеспечивают выработку общезначимых морально-этических подходов в обществе. Поэтому можно согласиться с Л.В. Максимовым, считающего, что преобладание такого объективизма в исследованиях морали требует внимания к интериоризации морального долга и справедливости, превращение знаний и установок в побуждение к действию или его ограничению¹⁷⁵.

Несомненно, моральные нормы оказывают влияние на интерпретацию индивидом сложившейся ситуации, как и в то, что объективные социальные условия формируют моральную оценку социума совершенных субъектом поступков. Можно сказать, что если зло или несправедливость не получает должной и своевременной оценки со стороны социума, возникает опасность роста масштабов противоправных действий, снижения морального уровня требований при принятии конкретных действий политиков или предлагаемых ими аргументов. Поэтому моральные нормы и нравственные ценности всегда можно осознавать на основе абсолютистской или антинормативной позиции, которые находят отражение и в российской философии (Р.Г. Апресян, Б.Н. Кашников, А.В. Прокофьев, А.П. Скрипник и др.). Как замечает А.А. Гусейнов, «если мораль абсолютна, то отсюда неизбежно следует, что любое моральное утверждение, поскольку оно имеет человеческое происхождение, наполнено конкретным, определенным и в своей определенности ограниченным содержанием, будет относительным, ситуативным и в этом смысле ложным; если же, с другой стороны, нет никаких абсолютных (безусловно, обязывающих и общезначимых) определений морали, то любое моральное решение будет иметь для того, кто его принимает, абсолютный смысл»¹⁷⁶. Данный подход обладает важным методологическим значением для практического решения проблем взаимодействия между моралью и политикой.

---

¹⁷⁵ См. подробнее: Максимов Л.В. Этический объективизм: основные концепции и подходы // Этическая мысль. – Вып. 1. – М., 2000. – С. 134 – 141.

¹⁷⁶ Гусейнов А.А. Этика и мораль в современном мире // Этическая мысль. – Вып. 1. – М., 2000. – С. 14.

Поскольку мораль обращена к личности, обладающей сознанием и волей, возникает соблазн в абсолютизации категоричности целого ряда ценностных принципов. Неспроста длительное время была заметна традиция совершенного человека, обладающего совокупностью добродетелей, а благо для человека и для государства воспринималось как одно и то же. Лишь в период модерна мораль подвергается критическому рассмотрению, что отражало изменение ее места в обществе, возникновение новых мер моральности, связанных с различными структурами социума. Этот критический подход хорошо был виден у Н. Макиавелли, А. Смита, К. Маркса, Ф. Ницше и других. Возникла потребность теоретического осмысления целого ряда проблем.

Так, сформировалась идея необходимости разделить этику убеждений и этику ответственности, хотя они взаимодополняют друг друга. Как известно, вывести доминантные всеобщие и обязательные моральные принципы, применимые к политической деятельности, крайне затруднительно. Любые действия имеют многофакторность обстоятельств и многовариантность последствий, чтобы можно было выбрать настолько правильное решение, чтобы оно соответствовало какому-либо абстрактному идеалу нравственности и одновременно не усиливало позиции морального релятивизма. Деление на этику убеждений и этику ответственности выводилось из позиций Аристотеля и Канта. Этика убеждений базируется на знании добродетелей, благоразумии и доброй воле, чтобы совершать добро и не делать зла. Поэтому, согласно Аристотелю, из моральных поступков еще нельзя вывести морального закона из-за существования множества обстоятельств, сказывающихся на поведении индивида. В свою очередь И. Кант исходил из этики ответственности, так как любой поступок соотносится с моральным законом, существующим автономно. На ценностном соотношении таких поступков складывается социокультурное единение людей. Хотя эти поступки вряд ли могут быть моральными, но являясь необходимыми и законосообразными. Неслучайно поэтому для обозначения особенностей социального поведения в той или иной сфере общественной жизни современные исследователи обращаются к понятию

этос, которое отражает совокупность морально-нравственных правил и оценок поведения человека.

Бесспорно, крайне трудно выявить абсолютные алгоритмы для нравственного поведения в политической сфере, которые ясно и недвусмысленно определяли допустимость конкретного действия индивида и средств, которые он использует. Хотя Л. Свендсен предлагает «...руководствоваться следующим общим правилом – отодвигать на второй план этику убеждения... лишь при необходимости предотвратить иное зло, а не для того, что воплотить идеалы блага»¹⁷⁷. Однако здесь следует вспомнить, что деятельность человека, и в политике особенно, имеет целесообразный характер. При этом и цель, и средства – соотносительны, что предполагает подбор средств сообразно выдвигаемой цели. Сами же действия, направляемые целью, выступают средством ее достижения. Но из-за ограниченности возможностей человека существует несоответствие цели и средств ее достижения, что дает более широкую возможность проявления моральных норм и их релятивизации. Ведь в достижении цели, являющейся своеобразным благом, заинтересован человек, осуществляющий свою деятельность. Цель обретает характер ценности для него, предполагая ранжирование ее в системе его координат среди других целей и ценностей. Хотя неизбежен целый ряд сопутствующих вопросов: насколько человек привержен доброй воле, является ли совесть индикатором нравственной чистоты, достаточно ли субъективной воли для реализации цели в ряду объективных обстоятельств, насколько приемлем и возможен правильный выбор из двух зол, обеспечивают ли моральные запреты нравственное поведение индивида и тому подобное. Как указывает А.И. Титаренко: «Личность несет нравственную ответственность не только за то, соответствует ли ее поведение избранной идее, цели, идеалу. ...Она отвечает и за сам выбор идеи. Она не может, сославшись на личную «моральность», свалить свою вину на неморальность идеи»¹⁷⁸.

Поэтому возможности влияния морали определяются единством

---

¹⁷⁷ Свендсен Л. Указ. соч. – С. 271.

¹⁷⁸ Титаренко А.И. Антиидеи. – М., 1984. – С. 347.

индивидуальных и общественных оценок и требований. Проявляющиеся противоречия частично могут сниматься правовыми нормами и политическими средствами. Сама эффективность морали непосредственным образом связана с внутренними убеждениями индивида. Хотя следует так же принимать во внимание социально-экономические условия, состояние государственных и политических институтов, идеологические и психологические обстоятельства, которые могут воздействовать на ценностные ориентации социума, деформируя моральные представления и веру в силу моральных требований. Поэтому моральное сознание индивида должно согласовывать личный и общественный интересы посредством позитивной или негативной мотивации человеческой активности¹⁷⁹.

Кроме того, следует признать, что ни одно действие, даже самое положительное, не может быть исключительно нравственным, поскольку на индивида могли влиять неморальные субъективные факторы, не говоря уже о различных ценностных ориентациях окружающих его социальных групп. Опасность, которая здесь существует, связана с отрицанием моральных норм, если допустить невозможность совершения моральных поступков. Примером может служить марксистский подход к роли морали в классовой борьбе. Являясь иллюзорной формой общественного сознания, мораль обслуживает интересы господствующего класса, ведя к защите социально несправедливого общества и сохранению эксплуатации. Отвергая традиционную мораль, марксизм подчинял ее задачам классовой борьбы. Подобное отношение к морали было также и у Ф. Ницше с его волей к власти, так как мораль унижает человека, являясь выражением рабской психологии, ослабляющей волю. Поэтому, учитывая указанные позиции, следует рассматривать категорический императив Канта с позиций нравственного качества проявляемой человеком воли, направленной на конкретную цель. Следует согласиться с мнением А.А.

---

¹⁷⁹ Подробно модели нравственного поведения индивида, учитывающие факторы сострадания, стремления к справедливости, благотворительности и др. были рассмотрены А.В. Разиным. См.: Разин А.В. Модели нравственного поведения // Этическая мысль. Вып. 2. – М.: ИФ РАН, 2001. – С. 74 – 88

Гусейнова, отметившего в этой связи: «Если действовать морально – значит действовать солидарно, т.е. с согласия и в согласии с теми, кого эти действия касаются, то совершить насилие – значит совершить действия, которые не хочет тот, против кого они направлены»¹⁸⁰.

Несколько иначе эту проблему рассматривает Ю.М. Федоров, считающий, что подлинная мораль присуща «родовому человеку», а сформировавшаяся социальная мораль – «условная и неподлинная, так как «нравственные интенции» в ней исходят не от человека, а от отчужденных от него социальных структур», осуществляющих репрессивное воздействие по отношению к индивиду¹⁸¹. В этой связи возникает часто встречающийся в политике парадокс «грязных рук», когда нужно действовать неправильно, чтобы поступить правильно. Для разрешения указанной проблемы необходимо моральное признание возможности совершения меньшего зла для предупреждения более существенного ущерба. Однако и в этом случае нельзя обойтись без применения морально-ценностных критериев. Ведь моральный долг или моральная ответственность способны подвигнуть к использованию в политической практике насилия, возложив за него как моральную, так и правовую форму ответственности. Следует также обязательно принимать во внимание, что в политической сфере порой невозможно уклониться от применения насилия, отчего его моральные оценки должны исходить от разделения на законное и незаконное насилие. Допуская насильственное действие и принимая неизбежность меньшего зла, возможным следствием выступает моральное оправдание злодеяния, рост нарушений закона или нравственных рамок из-за аморфности ценностных критериев оценки совершенных поступков. Для этого необязательно должно происходить снижение допущенного порога насилия или самооправдание субъекта, которые воспринимаются искусственными, необидительными и лживыми.

---

¹⁸⁰ Гусейнов А.А. Цели и ценности: как возможен моральный поступок? // Этическая мысль. – Вып. 3. – М., 2002. – С. 34.

¹⁸¹ Федоров Ю.М. Универсум морали. – Тюмень, 1992. – С. 385.

А.В. Прокофьев выделяет целый ряд проблем при изучении моральной оценки совершаемого насилия с позиций меньшего зла. Он предлагает принимать во внимание неопределенность критериев измерения ущерба и несоизмеримость его видов, размытость пороговых величин ущерба и разную реакцию на ситуацию при принятии решений, недостаточность и неполноту знания о степени реальности угрозы, требующей ее предотвращения, относительность эффективности используемых средств, позволяющих устранить сложившуюся угрозу, проблему определения оптимальной временной и ситуационной рамок конкретного принимаемого решения ¹⁸². Данные проблемы можно легко проиллюстрировать на примере терроризма, порождающего разнообразную социально-политическую дезорганизацию и несущего экономический ущерб. Они достаточно убедительно рассмотрены М. Игнатъевым. Поскольку терроризм заставляет многих относиться к имеющимся демократическим свободам как источнику слабости, подрывающему легитимность власти, М. Игнатъев обращается к моральной составляющей и институциональным условиям, обеспечивающим ее силу. Прежде всего, требуется соблюдение основополагающих принципов демократии, выполнение конституционного долга, контроль за деятельностью государственных органов ¹⁸³. Тогда принимаемые обществом ценностные принципы могут служить основанием для возможных ограничений. Но для этого необходимо учитывать несколько моментов, связанных с принятием и оправданием идеи меньшего зла. Его допустимость предполагает уверенность того, что «...без зла не обойтись. Во-вторых, нам следует действовать под давлением состояния необходимости. В-третьих, мы должны выбирать зло только в качестве последнего средства, когда перепробованы все иные. Наконец, мы должны выполнить четвертое обязательство: нам следует оправдать наши действия публично перед нашими согражданами и представить

---

¹⁸² См. подробнее: Прокофьев А.В. О практической приемлемости логики меньшего зла // Этическая мысль. – Вып. 10. – М., 2010. – С. 195 – 205.

¹⁸³ См.: Ignatieff M. The Lesser Evil: political ethics in the age of terror. – N.Y.: Princeton, 2004. – P. 80, 135.

их согражданам для вынесения суждения об их корректности»¹⁸⁴. Исходя из сказанного, можно утверждать, что борьба за общественное мнение и поддержку предполагает использование моральных аргументов и принципов, чтобы обеспечить лояльность населения и эффективность проводимой политической линии с позиций этического реализма, позволяя сгладить возможную моральную амбивалентность практических действий.

Моральный релятивизм не обязательно присущ политическим процессам, чтобы происходил выход за границы традиционных устоявшихся моральных норм. Скорее всего, это связано с экстремальностью ситуации, которая ограничивает широкое использование указанных ранее принципов и сохраняет дискуссионность относительно подходов к складывающимся условиям и приемлемых способах выхода из них. Государственные институты, политические деятели, соблюдая установленные механизмы ответственности перед вышестоящими структурами, могут обсуждать свои действия после осуществления уже принятого решения. Однако поиск аргументов, признаваемых обществом, дает возможность принимать моральную цену поступка, а также проводить коррекцию ошибок, поддерживать легитимность власти, укреплять моральное доверие к ней со стороны общества. Это принимать во внимание из-за разной реакции социальных групп на проявляющиеся проблемы в сфере политики. Ведь общественная мораль исходит в своих оценках из «произвольных» подходов, которые воспринимают влияние манипулятивных технологий на общественное сознание, отражающего противоречивые политические интересы. Кроме того, существует сложность для нормативно-теоретического обоснования насилия или последствий бездействия. Признание принципа неизбежности зла, насилия, явления «грязных рук» обязательно закладывает последующее обращение политического деятеля к морали, что предполагает выражение морального сознания индивида, который понимает последствия своих деяний, выступающих своеобразным легитимным средством.

---

¹⁸⁴ Ignatieff M. Ibid. – P.19.

Как представляется, необходимо также принимать в расчет, что в ходе реализации власти небольшим злом всегда легко вызвать бóльшее зло, подвергая все общество дополнительному моральному испытанию. Ведь от человека вне зависимости от его политической или моральной позиции востребованы такие прагматические шаги, которые предполагают подчинение закону, выполнение своего долга, уважение прав других людей, предотвращение возможных чужих страданий и т.д. Разными лишь могут определяться приоритеты индивидуальной деятельности, но моральные нормы, оценки субъектов политики соответственно ценностным представлениям социума являются безоговорочными. А учитывая, что политика с ее целями и действиями имеет конкретное проявление, то моральные императивы и установки весьма абстрактны, что обнаруживает существенное противоречие между властью, базирующейся на принуждении, и добровольным характером выполнения моральных предписаний.

Призыв служить общественным потребностям, характерный для морали, обостряет проблему баланса свободы и ответственности, а также реализацию социальной справедливости, ее восприятие со стороны граждан. Свобода, будучи субъективным понятием, актуализирует социокультурную реальность. У субъектов общества формируются определенные представления о феномене свободы и ответственности, которые испытывают влияние конкретных социокультурных условий. Свобода является формой бытия здорового общества и имеет границы, связанные ответственностью, предполагающей осознанный нравственный выбор политика. Но одновременно феномен социальной свободы предполагает и обязательность моральных ограничений и регуляторов. Поэтому личность несет ответственность за каждый свой поступок, хотя и действует согласно своим личным убеждениям. Однако и степень общественного контроля, как отмечает, А.И. Коломак, влияет на феномен ответственности и сильно связана с политикой, ибо «там, где изначально практикуется секретность, закрытость и вседозволенность, всегда складывается удобная обстановка для разных злоупотреблений и

недобросовестности», ограничивая тем самым сферу действия морального регулирования и ослабление моральной ответственности как простого человека, так и политика¹⁸⁵.

Если моральные нормы совпадают с ценностными ориентирами индивида, то они могут стать важным внутренним побуждающим условием деятельности. Тогда последующий выбор личности будет обуславливаться уровнем сознания и разумности. Ведь сама моральная свобода для индивида или для субъекта политики закладывает не только выбор определенного варианта поведения, но трансформацию моральных требований во внутренние убеждения индивида. Это несет в себе ответственность как закономерное следствие выбранного поступка. Заметим, что внешнее принуждение, так же как и внешние обстоятельства, не освобождает индивида от ответственности. А мера любой ответственности будет напрямую определяться масштабами и значением таких действий для судеб общества. Бесспорно, что моральная ответственность содержит в себе диалектическое единство позитивной и негативной ответственности, так как в ней одновременно присутствует одобрение и поощрение, осуждение и наказание, высказываемые со стороны разных групп общества. Поэтому возрастание моральной ответственности вызывается причинением вреда, когда нормы морали теряют императивное влияние на активность индивида, а также в случае обнаружения рассогласования между политическими шагами и распространенными в обществе ценностными представлениями. Поскольку следствием этого является усиление проявления на практике морального релятивизма и морального партикуляризма.

Для современных идеологий главной ценностью перестал быть экономический прогресс общества, а распространение получила точка зрения, отраженная в релятивизации блага у Дж. Роулза, которая основана на приоритете частных целей перед социальными и представлении о

---

¹⁸⁵ Коломак А.И. Свобода и ответственность в современном мире: Автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. философ. наук. – Ставрополь, 2006. – С.19.

справедливости как о возможности для каждого добиваться того, что он сам считает для себя благом. Такой подход связан с тем, что реализация ценностных принципов возможно только насильственными, недемократическими методами. А ведь любые критерии справедливости, которым отдает предпочтение большинство общества, обращены к традиционным ожиданиям, предполагают недовольство, сохранение или изменение системы распределения и пр. Самой же идее справедливости различные политические силы пытаются придать политическое звучание, с тем чтобы цементировать или разрушать существующую социальную систему. Поэтому справедливость имеет и моральную составляющую, поскольку способна обеспечить сплоченность общества, хотя она может основываться на различных концептуальных подходах¹⁸⁶.

Поскольку носителями политической морали выступают государство, политические партии, политические группы и лидеры, а частная мораль характерна группам людей и отдельным лицам, то между ними может возникать недопонимание по вопросам практического достижения социальной справедливости. Ведь справедливость основывается на ценностном восприятии и служит основанием по разрешению социальных противоречий, связанных с распределением различных социальных благ. Очевидно, что ущемление интересов или провал жизненных устремлений людей будет рассматриваться ими как проявление несправедливости. А это требует соответствия между реальной значимостью ценностных ориентиров индивида (группы) и его социальным положением. Как отмечает М. Кюхлер, «идея общественной справедливости обязывает каждого человека подгонять свои интересы таким образом, чтобы содержало договорную всеобщность и честность. Отсюда концепция моральной личности должна пониматься как нормативная концепция. Граждане в упорядоченном обществе должны рассматривать себя и

---

¹⁸⁶ См. подробнее: Пирогов Г.Г., Ефимов Б.А. Социальная справедливость: генезис идей // Социологические исследования. – 2008. – № 9. – С. 4 – 11; Гаврилова И.Н. Современные теории социальной справедливости // Полития. – 2009. – № 1. – С. 182 – 189.

всех других в качестве моральных личностей и вести себя соответственно»¹⁸⁷. Можно предположить, что обострение проблемы справедливости будет связано с нарастанием противоречий в восприятии представлений об организации общества и эффективности управления им. В этой связи согласимся с определением справедливости, данным А.В. Прокофьевым: «Справедливость есть представление о должном, нравственно санкционированном порядке взаимодействия между членами общества, который задан соразмерностью выгод и потерь, преимуществ и тягот совместной жизни на основе прав, выражающих равное нравственное достоинство каждого человека, обязанностей, определяющих степень участия индивидов в поддержании общественной кооперации, а также качества совершаемых ими поступков, которое создает принцип дифференциации прав и обязанностей»¹⁸⁸.

Как представляется, мораль в политической сфере, выступая в качестве своеобразного ограничителя, заставляет различных субъектов придерживаться неких правил «честной игры». Она вынуждает искать баланс и соответствие политических идей, решений, действий с универсальными нормами, ограничивая масштабы проявления морального партикуляризма и морального релятивизма. То есть мораль как нормативная система, оформленная в виде политической этики, позволяет ориентировать и регулировать действия политиков и всех тех, кто вовлечен в сферу политических отношений. Как указывает Б.Г. Капустин: «Политическая этика – это нормативные ориентиры действий, причем действий коллективных. Мораль – нормативные ориентиры мышления, причем мышления индивидуального. Конечно, моральные ориентиры и моральное мышление приобретают политическое значение лишь тогда, когда они совпадают или близки у достаточно большого числа людей. ...«Политическая этика» занимается ...действиями с точки зрения их нормативного обеспечения»¹⁸⁹. Поэтому, с точки зрения Б.Г. Капустина, любую

---

¹⁸⁷ Kühler M. Political Legitimacy and Its Need for Public Justification // Political Legitimization without Morality? / Ed. J. Kuhnelt. – Springer, 2008. – P. 55.

¹⁸⁸ Прокофьев А.В. Социальная справедливость: нормативное содержание и история становления понятия // <http://iph.ras.ru/page30194324.htm>

¹⁸⁹ Капустин Б.Г. Критика политической философии. – М., 2010. – С. 350.

политическую и управленческую деятельность следует подвергать проверке морально-политическим императивом, то есть искать соответствие совершаемых действий «конкретной и исторической универсальности», что дает право судить ход истории ¹⁹⁰.

Политические действия, начиная от террора и заканчивая ненасилием, всегда ситуативны, а значит, ориентированы на соответствующий контекст обстоятельств. Соответственно мораль так же будет иметь ситуативные основания для своего применения. Но интегративные свойства природы морали, связанные с поиском баланса между моралью и политикой, определяются задачами осуществления мобилизации людей на реализацию определенных идей и целей, что обуславливает благоразумную осторожность в принятии и осуществлении конъюнктурных интересов. Имея обобщенный характер, политическая мораль включает в себе общезначимые представления для всех политических групп, рассматривая соблюдение всеми участниками политического процесса принятых принципов как необходимое условие для нормального функционирования политической системы.

Однако мотивируя принятые решения, мораль имеет некоторые люфты, оставляя место для свободного морального выбора и определенных действий субъекта, приемлемых с точки зрения и морального, и политического компромисса. Следует согласиться с позицией Р.У. Семеновой, считающей общечеловеческую мораль приоритетной в нравственной оценке политики, а политическую мораль, имеющей автономную природу, воплощающей диалектически общее и своеобразное, которая имеет сферу своего проявления и адресована определенным лицам и институтам ¹⁹¹. Отражая умонастроения и регулируя поведение широких слоев и политических лидеров, мораль в политике, хотя и не может избежать проявления амбивалентности и погасить расхождения в политической сфере, способна упорядочивать политическую деятельность и привнести определенную культуру отношений всех

---

¹⁹⁰ См.: Там же. – С. 360.

¹⁹¹ См.: Семенова Р.У. Политическая мораль: некоторые основания когнитивного дискурса // Вестник Томского государст. ун-та. – Вып. 287. – Томск, 2005. – С. 149 – 150.

вовлеченных сторон в этот процесс. Иначе говоря, политика, пусть и не может определяться в полной мере морально-этическими критериями, должна стремиться им соответствовать. Только таким образом можно добиться мира, справедливости, свободы и иных ценностных ориентиров в обществе, направить политику и людей осуществляющих ее через институты государства на обеспечение общего блага.

Как видим, взаимоотношения между моралью и политикой всегда рассматривается в российской философской мысли с позиции определённого этического подхода, который определяет избранную исследователем теорию. Проблема взаимодействия морали и политики не получила всестороннего и междисциплинарного выяснения ее роли в современном политическом и социокультурном процессе. Свидетельством этого является дробление данной проблематики на множество частных аспектов, а также явное отсутствие внимания к управлению процессами отношений морали и власти, принятию российским обществом идеала нравственной власти. Доминирование одного или единственного мнения порождает очевидную односторонность теоретических объяснений, которые во многом похожи на морализаторские трактовки политики. Поэтому в российской философии при изучении социально-политических процессов преобладают такие подходы, которые посредством дескриптивного или нормативного понимания пытаются ответить на вопрос о степени того, насколько политика может или не может выполнить требования морали.

Очевидно, что несовпадение сфер политики и морали порождает проблему теоретического поиска баланса между моральными идеалами, отражающими веру и надежду в достижении рационально-умозрительных форм организации социума, и повседневной прагматической политической деятельности, связанной с ценностными ориентациями конкретной социальной группы, наделенной властными полномочиями. Тем не менее, гармонизация системы взаимоотношений морали и политики позволяет обеспечивать ориентацию на возможность осуществления должного, отвечающего интересам общества и его развития, на согласование индивидуального выбора самого

политика с безусловными требованиями морали, формирование общих ценностных установок, позволяющих избегать разрушительного воздействия морального партикуляризма.

Выводы: 1) В.С. Соловьев заложил российскую традицию требования моральности в политической деятельности; 2) единство этики закона, этики искупления и этики творчества, предложенное Н.А. Бердяевым, было обращено к внутреннему миру личности; 3) российская философская мысль определяет мораль в политике как систему ценностей и норм, сочетающей объективные и субъективные ориентиры; 4) исследуются проблемы этики долженствования, нейтральности и перфекционизма, определяющие по-своему специфику влияния общественной морали на политическую практику; 5) опираясь на положения западных философских подходов, рассматриваются вопросы антинормативности в политике, справедливости, объективизма морали, оценки насилия, свободы и ответственности.

ГЛАВА II. МОРАЛЬ И ПОЛИТИКА В РУССКОЙ ИСТОРИИ: ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕТРОСПЕКТИВА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

2.1. Системоцентристская модель политики в дореволюционный период исторического развития России. Мораль как способ регуляции политических практик в период исторических кризисов

Цель: рассмотреть особенности системоцентристской модели политической практики и влияние на нее морали в дореволюционный период.

Задачи:

- охарактеризовать особенности системоцентристской политики, определявшей общественную активность и сознание, взаимодействие власти и общества на основе подчинения индивида интересам государства;
- показать слабость обратных связей между государством и обществом на протяжении длительного периода;
- выявить влияние религии на моральные нормы общества в российской дореволюционной истории;
- раскрыть воздействие ордынского ига, процесса формирования централизованного государства, петровских реформ на дисбаланс морали и политики, господство интересов власти;
- выявить признаки формирования персонцентризма, которые стали наглядными в существовании дворянского сословия с 18 века;
- показать соотношение развития кризиса системоцентристской политической практики и капиталистических отношений, в контексте отрицания моральные ценностей;
- раскрыть масштабность и системность кризиса власти в начале XX века, в котором мораль перестала играть эффективную регулирующую роль в политической деятельности.

Обращаясь к ретроспективе взаимодействия морали и политики в российской истории, необходимо принять во внимание ряд аспектов. Как

известно, моральный потенциал общества мало зависит от политики. Но политика характером своих действий пытается влиять на общественную активность и общественное сознание, которые в свою очередь могут укреплять или ослаблять консолидацию и солидарность социума, его патерналистские ожидания, корректировать грани социальных оценок, изменять требования уровня ответственности. И тем самым задавать некий тренд отношения к политике и власти в массовом сознании.

Вместе с тем, проблема взаимодействия морали и политики не получила всестороннего и междисциплинарного выяснения ее роли в современном политическом и социокультурном процессе. Свидетельством этого является дробление данной проблематики на множество частных аспектов, а также явное отсутствие внимания к управлению процессами отношений морали и власти, принятию российским обществом идеала нравственной власти.

Кроме того, базисная ориентация на личность или на социальное объединение определяет характер политических и моральных взаимодействий. Персоналистская ориентация предполагает, что основой для определения интересов, мотивов, мировоззренческих установок в политической сфере является человеческая личность. Осознание своего достоинства и собственной ценности лежит в определении персонализма, предполагающего активность и автономность бытия индивида. Тогда как системоцентристский подход игнорирует индивида ради некой социальной общности, института, стоящих выше по ценностной значимости. Поэтому системоцентризм подразумевает консервативное отношение к социальным порядкам, стабильность, сохранение и расширение своего влияния на различные сферы общества. По мнению А.В. Оболонского, указанные варианты определяют два различных пути развития цивилизации, которые могут то сближаться, то расходиться¹⁹².

Заметим, что в силу специфики системоцентристской этики, не возникает серьезной оппозиции между обществом и индивидом по причине подавления

---

¹⁹² См.: Оболонский А.В. Перекрестки российской истории: упущенные шансы // Общественные науки и современность. – 1992. - № 3. – С. 85 – 96.

одной из сторон. Это связано с тем, что формировалась устойчивая модель политической власти, изменения в которой слабо затрагивали моральные и мировоззренческие установки человека. С другой стороны, устойчивость социальных отношений определяла четкие моральные предписания и поведенческую модель, отступления от которых могло повлечь серьезные санкции социальной системы.

Многовековая история России может служить ярким примером проявления моральных принципов в деятельности ее политических лидеров. Несомненно, что организация власти в дохристианский период не могла апеллировать или прибегать к иным нормам морали, кроме родо-племенных обычаев и ограничений. Само «конструирование» власти на больших просторах с редким населением при систематических набегах степных кочевников порождало проблему доверия к центральной власти и ее поддержки. При этом длительное время не возникало масштабного и глубокого противостояния между личностью и обществом. Любые противоречия были обычно направлены на обеспечение системного равновесия социума. Стереотипы политического поведения и существующие моральные основы социального взаимодействия определяли ряд ограничений для индивида, а значит и не требовали теоретического обоснования своих действий посредством опоры на этические теории. Это приводило к некоей самодостаточности самой власти в древнерусском государстве.

Применение моральных норм к политике открывает возможность как нормативного изучения представлений и установок, которым должны следовать политические деятели, так и более глубокого понимания реальных проблем социума, возможные способы применения морально-ценностных ориентиров в практической деятельности в виде прикладной этики. Такое рассмотрение морали позволяет изучать морально-этические идеалы, нормы и установки в качестве ценностной стороны политики, в которой задается стандарт суждений и поведения, базирующихся на представлениях о благе, о должном, о правде, справедливости конкретного индивида и политика.

Поскольку политические решения и действия в той или иной степени

затрагивают все общество, прикладной характер моральных регуляторов выходит за рамки узких профессиональных ориентиров. Ведь постоянно возникает задача практической реализации общих моральных принципов в конкретной ситуации. При этом важно, какими правилами руководствуется политик в своих действиях, чтобы они соответствовали ценностному запросу, отвечали представлениям большинства о добре и не умножали зла. В.Н. Назаров справедливо отмечает, что «требования к реализации права на верховную власть получают выражение в своеобразном этико-правом кодексе высокого властного лица. Право на власть становится при этом формой нравственности, регламентирующей деятельность и поведение человека, наделенного высшей властью»¹⁹³.

Изучение политической сферы может происходить как с точки зрения метаэтики, рассматривающей политическую практику с позиций осуществления ее познавательных, психологических, метафизических и иных особенностей, так и с точки зрения прикладной этики, обращенной к содержательной и смысловой стороне моральных норм и ценностей, отражаемых в политике.

Так, действия княгини Ольги в отношении древлян (945 г.), далекие походы Святослава или многоженство князя Владимира Красное Солнышко в дохристианскую эпоху не противоречили моральным представлениям того времени и (даже в позднее время) объяснялись необходимостью укрепления славянского единства и государственной организации. И хотя власть опиралась на насильственные техники навязывания своей воли, существенной асимметричностью в распределении прав и обязанностей и крайне слабыми обратными связями, она не могла не выполнять главную задачу – обеспечение «безопасности и выживания» народа¹⁹⁴. Юридическое оформление социальных отношений Древнерусского государства посредством «Русской правды», очевидное пониманием большинством великих киевских князей того, что удержать власть посредством насилия трудно. Отсюда стремление укрепить свои позиции через гарантии социально-имущественных позиций своих подданных, которое

---

¹⁹³ Назаров В.Н. Прикладная этика. – М., 2005. – С. 134.

¹⁹⁴ См.: Поздняков Э.А. Философия политики. – М., 2014. – С. 188.

требовало определенных реформаторских усилий. Первыми крупнейшими из них явилось упорядочение полюдья и принятие христианства.

В условиях наличия огромного фактологического материала ко всем этапам длительной российской истории можно в анализе любых событий и процессов опираться как на персоналистский подход в описании общественной жизни, так и на системоцентристский взгляд. Уже традиционным считается то, что персоноцентризм характерен для западного мировосприятия, а системоцентризм – для восточного. По мнению А.В. Оболонского, социальная этика этих подходов проявляется в способах разрешения моральных конфликтов между личностью и социальной общностью (властью), ибо «системоцентристская позиция предполагает заведомое главенство интересов целого, т.е. общества, разного рода коллективов..., тогда как персоноцентризм исходит из высшей ценности частного интереса, т.е. из главенства интересов и прав отдельной личности»¹⁹⁵. При этом господствующим видом в российской истории был системоцентристский тип общественных отношений, который во многом смягчал проявление морального партикуляризма.

Упорядочение полюдья после смерти князя Игоря (945 г.) явилось вынужденной мерой по реформированию отношений великого князя с подвластными землями. Фактически даннические отношения были одной из ключевых опор морально-политического единства древнерусского государства. Социальная верхушка видела свой моральный долг в достижении всеобщего блага посредством увеличения территории и проживавших на ней плательщиков дани. Лишь постепенное внедрение раздачи земель за службу приводило к установлению системных и устойчивых политических отношений между центром и отдельными землями, великим князем и различными землевладельцами. Но несмотря на принятие «Русской правды» в качестве общерусского свода законов, во многом сказывались устоявшиеся ранее традиции и неписанные правила, выполнявшие роль моральных регуляторов политических отношений. При этом

---

¹⁹⁵ Оболонский А.В. Драма российской политической истории: система против личности. – М., 1994. – С. 13.

власть имела самодостаточный характер, связанный с частым игнорированием прав и интересов других людей. А преобладание традиционных групповых (родовых, племенных) ориентаций приводило власть (князя) к необходимости принимать на себя функции главного гаранта моральных принципов и ценностных установок для большинства населения.

Важную роль в становлении системоцентристских моральных регуляторов для политической жизни и деятельности явилось принятие в 988 г. христианства. Оно не только придало мировоззренческую ориентированность и определенную теоретическую содержательность морали и нравственности, но и нацеливало индивида на совершение соответствующих действий. В результате древнерусская мысль приобрела практическую направленность, внимание к общественно-политической проблематике, акцентировала внимание на морально-нравственном переживании бытия с его борьбой добра и зла, проявляя внимание к внутреннему миру человека¹⁹⁶.

Первичные формы моральной рефлексии находили выражение в «поучении словом» и «поучении делом» как своеобразном наставническим моральным императивном предписании. Ведь «мирская суета и мирские заботы сознавались, как тяжелая преграда на пути осуществления христианской правды»¹⁹⁷. А ведь княжеский суд руководствовался представлениями о нормальном и справедливом на основе предписания и повиновения закону в силу отсутствия в то время разделения источников права и морали. Поэтому князь стремился не возбуждать против себя недовольства в народной среде, пытаясь обеспечить себе поддержку среди разных социальных уровней общества посредством обеспечения требуемых гарантий социальных и имущественных позиций своих подданных. В то же время местные князья не были представителями общинной власти, иногда сталкиваясь с противодействием боярского самоуправления. Кроме того, длительное время существовал принцип старшинства при смене княжеской власти, который

---

¹⁹⁶ См.: Громов М.Н., Козлов Н.С. Русская философская мысль X – XVII веков. – М., 1990. – С. 263.

¹⁹⁷ Зеньковский В.В. История русской философии. – Т. 1. – Ч. 1. – Париж, 1948. – С. 46.

определялся на моральных основаниях. Он нередко нарушался из-за убеждения о равенстве всех представителей княжеского рода, порождая междоусобные конфликты. Однако попытки регулировать междукняжеские отношения исключительно на основе моральных принципов - целования креста с возможностью коллективного наказания остальными князьями нарушителя или созыва княжеских съездов – не имели достаточных рычагов для реализации своих решений на практике ¹⁹⁸.

Под влиянием христианства в древнерусской мысли возникает требование нравственности по отношению к деятельности политического лидера – князя. Примером этого является идеализированный образ Владимира Мономаха в древнерусской историографии, поскольку преобладала морально-назидательная тематика сочинений, рассматривавших вопросы житейской добродетели, мудрости, правды, мужества, злобы и др. При этом характерной чертой древнерусской мысли был «этический номинализм», который избегал отвлеченных понятий и стремился к моральной конкретизации своих позиций. Поэтому «Поучение» Владимира Мономаха, опираясь на нравственный опыт правителя, отвергает нивелирование моральных требований, разделяя мирские дела и религиозные. Однако сам В. Мономах рекомендовал будущим правителям соблюдать в своей политической деятельности моральные нормы. Благочестие, достойное поведение, справедливый суд, защита родной земли, помощь обездоленным, соблюдение клятвы и прочее – вот основа морального кодекса князя, воплощение в единстве истины, правды, морали, отражающей богоугодность человеческой жизни ¹⁹⁹. Поэтому Житие князей Бориса и Глеба рассматривало не морально-политические мотивы поведения, а мужественное исполнение своего долга правителем в своей деятельности.

Усиление удельных порядков и колонизационный натиск степняков на Русь привел к системному подрыву центральной власти и распылению общественного

---

¹⁹⁸ См. подробнее: Толочко П.П. Власть в Древней Руси. X – XIII века. – СПб, 2011. – С. 9 – 31, 51 – 78.

¹⁹⁹ См.: Галактионов А.А., Никандров П.Ф. Русская философия IX – XIX вв. – 2-е изд., испр. и доп. – Л., 1989. – 36 – 37.

потенциала. Последовавшее установление господства Золотой Орды обнажило ряд проблем с ценностными установками и реализацией справедливости в обществе. Б.Н. Кашников отмечает, что это было связано с отсутствием «фундаментального консенсуса» в отношении субстанциональных принципов общей справедливости (так называемый нормативный раскол общества), а также с наличием разновидности традиционного общества, основанного на патримональной справедливости, когда правитель, противопоставляя себя привилегированным сословиям, зависит от «доброй воли» своих подданных²⁰⁰.

Такой порядок, на наш взгляд, был закреплен во многом под воздействием политического и культурного влияния золотоордынского ига, вызывавшего милитаризацию жизненного уклада населения, дополнительно обеспечивая консолидацию общества вокруг великокняжеской власти, которая для обеспечения защиты этнической идентичности снижала планку моральных требований в осуществлении своей власти. Это вело к принудительной разверстке повинностей и ограничению социальных свобод индивида. Но несмотря на то что золотоордынские ханы поддерживали политические усобицы и распри и покровительствовали православной церкви, сдерживая возможные антицерковные позиции, находившие в Европе выражение в форме ересей, в ходе нередко жестоких столкновений постепенно укреплялись позиции сторонников централизованной власти. Цементируется общий интерес, связанный с обеспечением защиты от внешней опасности, и на основе этого формируются критерии моральной оценки княжеской деятельности в новых условиях, которые продолжали испытывать религиозное влияние.

Стратегия обретения независимости русских земель неизбежно требовала формирование сильного центра, обладавшего огромными полномочиями. Поэтому централизация происходила посредством «упорядочения абсолютизма», что вело к возникновению «волюнтаристского единоначалия, деспотического произвола, но не законосообразной власти», когда центральная власть прибегала к

---

²⁰⁰ См.: Кашников Б.Н. Исторический дискурс российской справедливости // Вопросы философии. – 2004. – № 2. – С. 30 – 31.

беззаконию и несправедливости, а «чурающийся собственной власти народ», лишенный правосознания, действовал «безнарядно»²⁰¹. Монополизация власти сознательно отвергала какую-либо возможность опоры на правовое и морально-ценностное соглашение с социальными группами, учет принципа законности, что сопровождалось подавлением самой властью любой моральной амбивалентности. Позже это нашло яркое воплощение в оценке деятельности Ивана Грозного, которого народное предание рассматривало как справедливого царя, карающего и бояр, и любого человека за несправедное и измену. Все эти исторические тенденции лишь укрепляли позиции системоцентрической политики и обеспечили ее преобладание во взаимоотношениях морали и политики.

Сложившееся Московское царство обладало рядом черт, основанных на идеалах самодержавия. Такая власть преподносилась как вполне самодостаточная, но в действительности была ориентирована на воспроизводство и навязывание своей власти и политики, опиралась на асимметричность в распределении прав и обязанностей, в условиях крайне слабых обратных связей между правящими кругами и ее подданными²⁰². Поэтому важную роль в идеологическом оправдании деятельности верховной власти, как и основными критериями моральной оценки ее деятельности стала идея богоизбранности России, нашедшая выражение в учении «Москва – третий Рим», которая обосновывала «правильность» (то есть должное, справедливое, легитимное) существующей власти и морально оправдывало любые действия правителей по реализации указанной идеологемы, вплоть до морального ригоризма.

Очевидно, что идеологические споры во времена Московского царства могли происходить преимущественно на религиозной основе. Да и моральные оценки основывались на христианском понимании добра и зла. Такой подход истолковывает добро как выражение и результат воли Бога. Поэтому мессианское учение Иосифа Волоцкого на рубеже XV – XVI вв. отражало стремление

²⁰¹ Ильин В.В., Панарин А.С., Ахиезер А.С. Реформы и контрреформы в России. – М., 1996. – С. 23.

²⁰² См. подробнее: Олейник А.Н. Русская власть: конструирование идеального типа // Политическая концептология. – 2010. – № 1. – С. 75 – 80.

морально-ценностного оправдания действий центральной власти по ее укреплению и утверждение царя как Вседержителя, ответственного только перед Богом. Исключительность русского царя и религиозное призвание православного государства были расценены Н.А. Бердяевым как «империалистический соблазн», который вошел в «мессианское сознание»²⁰³. Сложившиеся условия позволяют понять, почему в стремлении укрепить единую власть и сохранить единство церкви произошло решительное идейное осуждение еретиков XIV – XV вв. в лице стригольников, жидовствующих и нестяжателей. Им было отказано в «мудровствовании» и попытках выразить свой протест против злоупотреблений власти и церковном обновлении²⁰⁴. Ведь это угрожало моральным партикуляризмом, рассогласовывающим общие ценностные и социокультурные установки, господству сложившейся системы.

Победил идеал патриархального государства, в котором общество возлагает моральную ответственность за судьбу нации на существующую власть. Закрытость политической элиты и ее очевидное отчуждение от широких слоев народа парадоксальным образом сочеталось с прочным положением правящей власти и ее фактической независимости в политической деятельности при поддержке на основе политической индифферентности самых широких слоев населения, что соответствует системоцентристской модели. Неспроста, по мысли Ивана Грозного, стремление бояр к большей власти ведет к подрыву государства, тогда как царь, действуя страхом и запретом, печётся о благе подданных. Поэтому верховного правителя нельзя бесчестить, обвинять в преступлениях, ограничивать его полномочия. Моральные механизмы регулирования поведения правящей элиты в такой ситуации оказываются амбивалентными и малоэффективными, порождая разрыв между внутренней и внешней жизнью отдельного индивида, ведя к возрастанию роли личных связей и личного характера власти. В данном положении, как считает К.Н. Костюк, власть «находится в условиях постоянного

---

²⁰³ См.: Бердяев Н.А. Русская идея. – СПб., 2008. – С. 38.

²⁰⁴ См. подробнее: Галактионов А.А., Никандров П.Ф. Указ. соч. – Гл. 3; Замалеев А.Ф. Философская мысль в средневековой Руси (XI – XVI вв.). – Л., 1987. – С. 184 – 204.

гражданского саботажа и неосознанного страха и отвращения населения, лишь прикрытых внешней пленкой равнодушия. Этим объясняется легкость и жестокость, с которой ненависть взрывается и разрушает государство в периоды гражданского беспокойства»²⁰⁵. Поэтому в таком обществе не могут действовать универсальные, персоналистские моральные нормы, базирующиеся на рациональном характере своего проявления. В тоже время поступки как верховного правителя, так и низовых функционеров, преимущественно имели ограничения посредством добровольно установленных или принимаемых правил. Можно сказать, что нравственный этос политика выступал в качестве самоограничения политического поведения. Такие моральные установления лишь выражали соответствие сложившихся представлений о сложившихся обычаях.

С другой стороны, Московское царство остро нуждалось в исполнителях своей воли, которая была направлена на ликвидацию пережитков родового строя, территориальную экспансию, расширение связей с Европой. Реализация указанных задач повлияла на цели и функционирование власти. Прагматическое наступление на права родовой знати и расширение слоя служилых людей из дворянства сопровождалось формированием деспотического самодержавия. Одновременно изменялись и поземельные отношения с крестьянами, сопровождавшиеся их закрепощением через введение «заповедных лет». Неудачная Ливонская война вызвала полное расстройство хозяйства, а на фоне опричнины и бегства населения в Сибирь, где давление административного аппарата было несопоставимо с Центральной Россией, происходила очевидная деформация восприятия властей со стороны общества. Конфликтогенность ценностных ориентаций между феодалами и крестьянскими массами дополнялась противоречиями внутри правящих слоев и групп. А отягощенные также внешними угрозами обстоятельства, вызывали действия далекие от моральных правил, способствуя проявлению моральной релятивизации. Противники Ивана IV готовы были захватить царя, перейти под эгиду Польши, отказаться от борьбы

---

²⁰⁵ Костюк К.Н. Политическая мораль и политическая этика в России // Вопросы философии. – 2000. – № 2. – С. 36.

за выход к морю, что воспринималось царской властью как антипатриотические деяния, вызывая жестокость мер по отношению к собственному народу. Неограниченные правовыми нормами функции власти вызывали к жизни безрегламентную юридическую и моральную систему управления во всей властной пирамиде ²⁰⁶. В результате ко времени Смуты сложился принцип, дававший должностному лицу право на произвол, которое было ограничено еще большим произволом его непосредственного властителя. Именно поэтому князь А.М. Курбский, изменивший царю и перешедший на военную службу к польскому королю, оправдывал защиту своих прав на жизнь и собственность, критикуя самовластие Ивана IV.

Как видим, в сложившихся условиях отсутствовали такие моральные идеалы, которые сплачивали бы российское общество. Идеал государственности и идеал социальных отношений представлялся в единстве общего и индивидуального в соответствии с системоцентристским характером политики. Как отмечал А.С. Ахиезер, «нравственность включает идеал человека, человеческого поведения. Ценности нравственности – это прежде всего самоценности, ценности собственного Я. Они имеют свое основание в самих себе, в человеке, в его рефлексии как конечное самоценное самовыражение «Я»²⁰⁷. Поэтому неизбежно возникало обостряющееся ценностное противостояние добра и зла, проблема поиска правды в умонастроениях народа и его отношении к власти, очевидная моральная амбивалентность социума.

Нарушение привычного ритма жизни, которое вызывало дискомфортное состояние и напряженность в нем, привело к размыванию представления о верховной власти как охранителе и благодетеле народа и породило еще больший хаос и своеволие, нашедших выражение в виде смутного времени начала XVII века. Все общество стало пронизывать аномия, что делало влияние любых моральных норм на политические решения и действия абсолютно неэффективным. Возобладал, используя терминологию А.С. Ахиезера,

---

²⁰⁶ См. подробнее: Ильин В.В., Панарин А.С., Ахиезер А.С. Указ. соч. – С. 28 – 30.

²⁰⁷ Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта. – Т. 1. – Новосибирск., 1997. – С. 60.

«манихейский» принцип отношения к власти и ее оценки. Суть манихейства определяется абсолютизацией оппозиций и жесткой ориентацией против взаимопроникновения полюсов («срединной культуры») на основе полного и прямолинейного противостояния добра и зла ²⁰⁸. Это снимало с любого должностного лица моральные ограничения и вело к восприятию простыми людьми происходящих процессов на основе либо рабской покорности, либо неограниченного своеволия. Тем самым отбрасывалась возможность и юридических регуляторов, и моральных договоренностей различных участников политического процесса. В значительной степени все это было подготовлено царствованием Ивана Грозного, отказавшегося от принципа добровольного достижения консенсуса внутри правящей элиты, подменяя общие интересы частными, хотя и в интересах системоцентристской политики. В итоге патриархальная модель организации и регулирования властно-управленческих и социальных отношений дала сбой как только страна столкнулась с рядом серьезных вызовов. Ведь иначе быть и не могло в условиях безрегламентной деятельности имеющихся управленческих институтов и властного беспредела верховной власти российского государства, лишенных моральных ограничителей.

Смута как масштабный системный кризис власти нарушила прежнюю традиционалистскую ориентацию на стабильность, обострив проблему морального релятивизма в политической жизни. Деятельность главы дворянского ополчения П. Ляпунова наглядно показывает поиск многими людьми той эпохи морально-ценностных ориентиров. Считая его патриотом и ориентированным на перемены (в отличие от консервативно настроенных К. Минина и Д. Пожарского), можно увидеть как он пришел к убеждению о необходимости поддержки широких «низших» слоев общества и сплочению дворянства ²⁰⁹. Условия ситуации подталкивали к поиску смягченного варианта авторитарного правления для преодоления масштабной моральной, социокультурной и территориальной дезинтеграции страны.

---

²⁰⁸ См.: Там же. – С. 73.

²⁰⁹ См. подробнее: Баландин Р., Миронов С. Тайны смутных эпох. – М., 2004. – С. 140 – 150.

В целом, итогом Смутного времени стало возрождение и последующего укрепления системоцентристского принципа организации и регулирования общественной жизни. Но в то же время правящие круги пошли на введение такого института как Земский собор, который взял на себя функции дополнительной коммуникации между властью и обществом по обеспечению морального единства и согласия. По мнению А.С. Ахиезера, «земские соборы стали организационным воплощением нового господствующего идеала», так как «стремились уйти от господства инверсионного типа изменений», в результате чего «был сделан важный шаг в развитии срединной культуры» и налаживания диалога между властью и народом²¹⁰.

Предпринятые шаги представляются важными в преодолении очевидного диссонанса между моралью и политикой, хотя и недостаточными. Дело в том, что усиление бюрократических тенденций, связанных с укреплением государственного аппарата управления, по Соборному Уложению 1649 г. сочеталось с использованием на местах общинных традиций и выборностью низовых должностных лиц. Это неизбежно порождало всевозможные расхождения между публичной политикой местных властей в лице воевод и отношением к ней населения. Ведь административная деятельность порождала многочисленные соблазны, а востребованность моральных норм, как и договоренность внутри правящей элиты об их соблюдении, была совершенно недостаточной, сохранявшей свой партикулярный характер. Воеводы, осуществлявшие надзор за деятельностью откупщиков, таможенных и кабацких голов, целовальников и других лиц, осуществляли и юридическую, и моральную цензуру в одном лице. Тем самым только усиливалось противоречие между стремлением правящих кругов на укрепление государственных функций и необходимостью учета и развития сословных интересов. Все это усиливало монополизацию власти, ее отрыв от низов общества, что периодически порождало

---

²¹⁰ Ахиезер А.С. Указ. соч. – С. 134.

ненависть и насилие по отношению к боярам и чиновникам²¹¹. На это указывал в те времена Ю. Крижанич, критикуя произвол и беззаконие обладающих властью людей, не умеющих держаться меры, а значит и моральных ограничителей, забывающих свой долг, требования правды и справедливости.

Еще одним показателем кризисного состояния баланса между моралью и политикой стал церковный раскол, параллельно с которым происходили процессы возрастающего проникновения западных достижений и традиций. Воспринимая церковные реформы верховной власти и патриарха Никона как надуманные, подрывающие религиозную веру и жизнь, раскольники во главу угла своего персонцентристского мировоззрения поставили духовность и сохранение «истинных» ценностей. Они «почуяли измену в церкви и государстве» и «перестали верить в святость иерархической власти в русском царстве»²¹². Отстаивая «истинное» православие под репрессивным давлением государства, старообрядцы выдавливались на уход из мира, а их движение превращалось в запрещенную и гонимую секту. Это способствовало победе политики государства в его контроле над обществом и навязывании сверху своих моральных предписаний, запрещавших играть в карты и шахматы, скоморошество, качели, кулачные бои и прочее, в надежде ослабить вестернизацию, укрепить единство общества и нейтрализовать угрозы существующей власти.

Однако развитие этой тенденции морального ригоризма с неизбежностью ставило саму церковь и любые морально-этические воззрения в подчиненное положение. Поэтому православная церковь, отсекая раскольников как инакомыслящих от социальной жизни, оправдывала любые деяния политической власти. Она не могла внутренне консолидировать общество и повлиять (как это имело место в Европе) на формирование гражданского самосознания, и постепенно превращалась в государственный институт. Ибо до середины XVIII в. церковь стремилась опираться на общество и критиковала «неправые» дела

²¹¹ См., напр.: Глазьев В.Н. Особенности социальной структуры населения и административного устройства южной окраины России XVI – XVII веков // Вестник ВГУ. – Сер.: История. Политология. Социология. – 2013. – № 1. – С. 24 – 32.

²¹² Бердяев Н.А. Указ. соч. – С. 41.

власти с моральных позиций. Но противостояние «злу» в раскольническом движении с его защитой воли и праведной жизни не смогло воспрепятствовать ни росту конфликтности в обществе, ни выработке для индивида единых ценностно-нравственных принципов, ни предложить свой вариант модернизации государства и социальной жизни. Да и сомнительно, чтобы в условиях диссонанса с вызовами модернизационных требований, можно было найти ответ в противостоянии этим изменениям.

Внешнее давление и определенный отрыв правящей элиты от морального контроля со стороны общества со значительной долей неизбежности подталкивали Петра I к насильственному типу модернизации. Социальная трансформация Запада усиливала и материальные, и идеологические заимствования в русском обществе. И сама партия реформ, и традиционалисты не задумывали изменения социального строя, а расходились лишь в степени и органичности необходимых преобразований²¹³.

Государственный утилитаризм в политике Петра I проявился в решительном продвижении давно назревавших предпосылок реформ, которые благодаря его усилиям завершили создание регулярной армии, привели к появлению военного флота, строительству мануфактур, вызвали оптимизацию управления, консолидацию дворянства, совершенствование налоговой системы и пр. Россия из захолустья Европы превратилась в самодостаточный субъект политики. Но это однонаправленное влияние Европы на Россию, сформированное в результате насильственной модернизации, было расценено в сознании большинства общества того времени как воплощение зла, сохранявшего моральную амбивалентность различных социальных субъектов. Как справедливо отмечает парадоксальность сложившейся ситуации А.С. Ахиезер, «новые ценности не повели за собой большинство народа, но, наоборот, стали импульсом для усиления влияния противоположных ценностей. Сложился заколдованный круг. Возникла негативная ситуация: позитивные ценности власти

---

²¹³ См. подробнее: Сухов А.Д. Русская философия: особенности, традиции, исторические судьбы. – М., 1995. – С. 133 – 139.

рассматривались народом как негативные, и, наоборот, позитивные ценности народа рассматривались властью как негативные»²¹⁴. Это усиливало дисбаланс между моралью и политикой, поскольку властно-управленческие предписания и соответствующие им моральные предписания обрели определяющую роль в социальном регулировании поведения должностных лиц.

Заметим, что с конца XVIII в. и по сегодняшний день характер преобразований Петра I, используемые им средства внедрения новшеств, результаты его деятельности имеют разноречивую моральную оценку. Славянофильские взгляды, всегда имевшие широкий отклик, сосредотачивались вокруг критики Петра за отказ от созыва Земских соборов как представительного органа, замены выборных представителей местного самоуправления чиновниками бюрократических учреждений, насаждение западноевропейских обычаев, которые подрывали ценностное единство общества. Ведь дворянское сословие стало резко отличаться от других слоев общества и внешне, и по поведению, а затем и по мировоззрению. Сложилось окончательно существенное взаимное отчуждение господствующего слоя и основной части общества. Изменение моральной самоидентификации правящих кругов в условиях его отрыва от низов общества не могли не вызвать противоречивость действий власти – на протяжении всего XVIII в. происходило сочетание мер европейско-«просвещенного» характера (основание Академии наук, отмена смертной казни, учреждение Вольного экономического общества и др.) и крепостничества (закрепощение мастеровых на мануфактурах, право помещиков ссылать крепостных в Сибирь, введение крепостного права на Украине и пр.)²¹⁵. Моральные ограничения в такой политике играли слабую роль по причине неразвитости гражданского общества в России. Только лишь народное сопротивление в виде восстаний, бунтов, бегства от своих помещиков и с мануфактур приводило к некоторым ограничениям петровских преобразований. Недостаточный учёт интересов и ценностных запросов широких социальных групп неизбежно разводил политику и мораль по разные стороны,

---

²¹⁴ Ахиезер А.С. Указ. соч. – С. 782.

²¹⁵ См.: Эйдельман Н.Я. «Революция сверху» в России. – М., 1989. – С. С. 41 – 45.

при том что часто игнорировались объективно сложившиеся условия. Страх, а не долг и честь были двигателем изменений в России как главные основы всей системоцентристской политики.

Как известно, благодаря прямому личному участию Петра I многие начинания способствовали возникновению крупного военного мануфактурного производства, строительству городов, сети учебных заведений и многому другому. Но с позиции морали трудно оправдать личное участие царя в казнях стрельцов, присутствие на пытке собственного сына, в разгуле «Всеобщей публичной библиотеки» и пр. В реализации своих идеократических замыслов Петра I не знал жалости, используя всю мощь феодального правопорядка и государственной машины подавления. Однако не может быть оправданий для политического деятеля в случае нарушения им тех норм, которые являются обязательными для других индивидов, если чрезвычайная ситуация не диктует применения крайних мер. А это требует обращение к общественному сознанию, вовлечение широких социальных групп в политическую жизнь с возможностью осуществления их социального контроля.

Очевидно, что было заложено на долгие десятилетия равнение на Запад и заимствование его опыта. Но европеизм насаждался во многом на чуждую ему почву посредством государственной машины. Поэтому низы общества морально оценивали царя как антихриста, что являлось дополнительным фактором расхождения власти и общества, подчёркивая очевидную моральную амбивалентность между ними. Можно согласиться с тем, что обстоятельства, связанные с консерватизмом и неприятием обществом преобразований, вынуждали Петра I создавать параллельные структуры (вытесняя ими старые органы), перенести столицу в Петербург, менять направления деятельности, опираясь на имеющиеся у него кадры.

Вместе с тем, реформы Петра подвергались и до сих пор подвергаются критике со стороны западников и либералов, которые подходят к их оценке на основе антиномии «свобода – равенство». Падение благосостояния широких слоев, умаление прав и свобод сопровождалось сверхэксплуатацией народа и

чрезвычайными мерами в условиях Северной войны. Военно-приказная система управления, подкрепляемая карательными мерами, ставила в центр всеобщего блага и высшей моральной оценки обязанность служения государю и выполнение государственной службы. Сообразно системоцентристским требованиям. Все частные интересы были принудительно интегрированы в общий (государственный) интерес, сокращая проявление морального партикуляризма. По мнению А. Ахиезера, И. Клямкина, И. Яковенко, происходило предельное огосударствление человека, который предназначался для выполнения предписанных функций, отчего «парадоксальная вестернизация» привела к тотальному закреплению в разной степени и формах всех слоев населения²¹⁶.

Подчинение морали политическому курсу позволило Петру и его преемникам взять верх над традиционализмом и объективно упрочить феодальные порядки. Но ни до Петра I, ни после него (вплоть до Александра II) не проводились масштабные реформы, которые затрагивали бы все сферы жизни государства и общества. Поэтому преемники Петра, получив тяжелое наследство полуразоренной страны, прибегают к иррациональным контрреформам. С.Н. Гавров рассматривает всю петровскую и постпетровскую эпоху в русле «имперской модернизации», которая увеличила разрыв между властью и обществом, обеспечивая паразитирование мира Должного над миром Сущего и отвержение европейских образов социального и политического устройства общества. Не будем касаться различных взглядов на реальные условия для возможного внедрения европейских моделей в России, но позволим себе привести во многом справедливую оценку сущности российской имперской модернизации. По мнению С.Н. Гаврова, «империя не ставит своей задачей эволюционировать в направлении интеграции в цивилизацию модерности, более того, она боится либерального перерождения и внутренней слабости, неизбежной при принятии инокультурных институтов... Имперская модернизация предполагает не структурную трансформацию общества, но преимущественно количественные

---

²¹⁶ См.: Ахиезер А., Клямкин И., Яковенко И. История России: конец или новое начало? – М., 2005. – С. 257.

изменения внутри тех или иных сфер...»²¹⁷. В таких системоцентристских условиях моральные основания, представления о должном, долге, справедливости и пр. задаются властью и политиками, которые либо отбрасывают, либо подчиняют моральные нормы целесообразности. Поэтому господствующим остается принцип воздаяния по достоинству, который имел прямое отношение к сословному статусу.

Екатерина II попыталась в начале своего правления найти либеральные подходы в реализации своего политического курса. Она пожелала уйти от прежнего жесткого характера модернизации и разрыва политики с моралью, когда государство было единственным субъектом, определявшим перемены и принуждавшим общество к ним. Императрица не хотела повторения того, когда социокультурные ценности власти воспринимались низами общества как негативные, а позитивные ценности народа определялись как негативные. Тем более, что в Европе индивидуальное бытие еще со времени Возрождения стало пониматься как отдельная сфера, отличная от бытия гражданской общины, которое затем было дополнено требованием установления разумного государства и системы права, обеспечивающими реализацию прав, свобод, справедливости и тем самым обеспечение действенности моральных норм.

Как известно, Екатерина II мало «ссорилась» с обществом и имела достаточную поддержку с его стороны. Она прекрасно понимала из предшествующей эпохи дворцовых переворотов, что сверхцентрализация власти обеспечивает легкость заговора и переворота. Поэтому она идет на закрепление дворянских привилегий, выдвигает инициативу обсуждения о дальнейшей судьбе крепостного права, создает «конституционный» Имперский совет и др. Однако многие проекты Екатерины II, ориентированные на европейские традиции и имевшие целью «облагородить» российское общество, оказались не реализованы. Как справедливо отметил Н.Я. Эйдельман, «методом проб и ошибок была выведена примерная граница между просвещенным самовластием и дворянскими

---

²¹⁷ Гавров С.Н. Модернизация во имя империи. Социокультурные аспекты модернизационных процессов в России. – М., 2010. – С. 52.

свободами»²¹⁸. Традиционалистские ценности системоцентристского характера и основанные на них моральные критерии подмяли под себя политический курс Екатерины II.

Оценивая результаты деятельности власти во второй половине XVIII в. в исследовательской литературе, можно заметить часто встречающиеся противоречивые подходы. С одной стороны, успешная внешняя политика, сопровождавшаяся территориальным расширением и ростом влияния России, подъем мануфактурного производства и усиление буржуазных отношений в обществе, а с другой стороны, отмечается целый ряд негативных проявлений в социальной сфере. Это связано было с низким внутрисословным сплочением, закреплением отдельных судов для каждого сословия, где функции судьи, следователя, обвинителя и защитника соединялись в одном лице, отсутствием даже у дворянства стремления к самостоятельности, углублением межсословного раскола, началом формирования не только консервативного политического направления, но и реформаторского, и умеренного и пр.²¹⁹

Морально-ценностные предпочтения, которые Екатерина II была готова отстаивать в своем подходе к реформированию общества, разбились во время пугачёвского бунта. Ведь дворяне хотели не ослабления своей власти над своими крестьянами, а ее усиления. Частными интересами дворянства пренебречь было нельзя, так как данное сословие было главной социальной опорой самодержавия. Прагматические соображения власти взяли верх над моральными идеалами, которые высказывались в Наказе Екатерины II комиссии по разработке проекта нового Уложения, тем более что абстрактно-либеральный характер его так и не был понят и принят сколь-либо заметной частью высшего общества. Тем самым только пролонгировалось моральное и социокультурное отчуждение между политикой государства и обществом.

Вместе с тем, наличие прав у дворянского сословия способствовало

---

²¹⁸ Эйдельман Н.Я. Указ. соч. – С. 46.

²¹⁹ См., напр.: Каменский А.Б. Под сенью Екатерины. – СПб., 1992; Кашников Б.Н. Исторический дискурс российской справедливости // Вопросы философии. – 2004. - № 2; Наше Отечество. Часть 1. – М., 1991. – Гл. 2; Эйдельман Н.Я. Указ. соч., и др.

возникновению принципа чести, долга, нравственной ответственности и справедливости, усиливая потенциал персоноцентристской тенденции. Общественное сознание широких слоев не могло не воспринимать отрицательно паразитарный характер положения дворянства, которое согласно «Жалованной грамоте дворянству» освобождалось от обязанности служения государству, хотя другие сословия не получили каких-либо сопоставимых прав. Такие меры закрепляли бесправие большинства социальных слоев и групп и не способствовали ни формированию у них государственной ответственности, ни стремлению к легальной защите своих интересов, ни достижению социального партнерства в обществе. Универсальные абстрактные идеалы и принципы морали были далеки от частных интересов, имевших по своей сути трудно примиримый характер в системе координат морали и политики. Поэтому русское общество в тех условиях не могло прийти, говоря словами П.Я. Чаадаева, «к той высшей нравственной оценке, которая вытекала бы из отчетливого понимания всеобщего закона, управляющего нравственным движением веков»²²⁰. Эту расколотость между властью и обществом, не совпадение их моральных ориентиров, моральную амбивалентность ярко отразило дело А.Н. Радищева. Он подверг критике самодержавие и крепостное право как институты, несущие зло обществу и морально вредные и противные естественному состоянию человека. Справедливое государственное устройство мыслилось ему на основе договорной теории и суверенитете народа, который составляют свободные и равноправные собственники.

Подобные персоноцентристские настроения в первой половине XIX в. стали приобретать уже явные проявления, что нашло свое отражение в философской мысли, которое стало изучать проблему соотношения ценностей Европы (Запада) – России (Востока). Александр I предпринимает усилия по смягчению очевидных противоречий в системе бюрократического управления и крепостнического хозяйствования. Они затрагивали регламентацию требований к квалификации претендентов на госслужбу, привели к учреждению

---

²²⁰ Чаадаев П.Я. Полное собрание сочинений и избранные письма. – Т. 1. – М., 1991. – С. 393.

Государственного совета в качестве совещательного органа при царе, к прогрессивному подоходному налогу, давали возможность помещикам отпускать крестьян на волю за выкуп и др. Однако либеральная компонента многих реформ не привела к высокой их результативности, а войны с наполеоновской Францией, в том числе Отечественная война 1812 г., вызвали сложные процессы рефлексии. С одной стороны, политическая власть идет на усиление охранительных тенденций и защиту моральных ценностей традиций, стабильности, религиозных идеалов. Но с другой стороны, формируются новые нравственные идеалы, которые усилили брожение в обществе, обострили восприятие существовавших политических проблем, вызывая резкую их моральную оценку, что показало движение декабристов.

Самоуничижительные оценки западников, впоследствии эволюционировавших к либерализму, подвергали критической оценке действия власти. Европейские буржуазные порядки были для них идеалом и целью, которым должны следовать политические круги. Еще П.Я. Чаадаев определял причины отсталости России из-за выпадения ее из общего пути развития европейских народов²²¹. Можно признать, что в несвободном обществе личность не может быть свободной, но сам тезис об универсальности европейского пути развития и ведущей роли ориентиров западноевропейского общества для России выглядит сомнительно. Это связано с тем, что реализация идей западничества (либерального или революционно-демократического толка) неизбежно ставило в практическом плане проблему преемственности функционирования власти, а значит ее оценку, последствия и цену издержек для общества с моральной точки зрения.

С другой стороны, правящие круги испытывали давление славянофильства, придерживавшегося идеи своеобразного пути развития России. Они выстраивали идеал совершенного строя на историческом прошлом, стремясь к органичности и целостности, подвергая критике западный рационализм²²². Поэтому они

---

²²¹ См.: Чаадаев П.Я. Философические письма // Статьи и письма. – М., 1989. – С. 41.

²²² См.: Бердяев Н.А. Указ.соч. – С. 71 – 72.

оценивали происходящие события с позиций национализма, считая впоследствии, уже во времена Александра II, необходимым сохранять семью и крестьянскую общину как основу общества, как инструмент гармонизации социальных отношений. Для них самодержавие должно было выступать в качестве некой моральной силы для общества и нравственным образцом, а не механизмом принуждения, подрывающим идею самодержавной соборности.

Поскольку власть опиралась на дворянско-чиновничьи круги и стремилась сохранить для своего выживания военную мощь державы, в качестве основы моральных ценностей культивировался идеал служения обществу или государству, что соответствовало системоцентристской политике. Однако и Александр I, и Николай I отдавали предпочтение келейной форме политической деятельности и бюрократическому реформированию. Такая консервация феодальной архаики, ставшая уже вполне очевидной, не могла не превратить дворянство в орудие полицейского контроля на местах и последующего возрастания морального влияния в обществе разночинского элемента.

И хотя либерализм в России так и не приобрел в общественном сознании устойчивых ценностных позиций, интеллектуалы усвоили вместе с плодами европейской культуры идеи и дух свободы, что порождало ожидание реформ со стороны самодержавия. Как отмечает А.В. Оболонский, в отличие от западного аналога персонцентризм распространялся не «вширь», а «вглубь», затрагивая лишь один социальный слой – интеллигенцию, преимущественно либерального толка ²²³. Однако теория «официальной народности», возврат к национально-религиозным ценностям, доктрина просвещенного абсолютизма и другие идеи правительственных кругов не давали возможности преодоления моральной амбивалентности и отчуждения между властью и обществом, создавая опасность сужения социальной базы самодержавия и падения доверия к ней ²²⁴. Можно

---

²²³ Оболонский А.В. Перекрестки российской истории: упущенные шансы // *Общественные науки и современность*. – 1992. – № 3. – С. 86.

²²⁴ См.: Асонов Н.В. Политические доктрины российского самодержавия: генезис, эволюция и современный дискурс. – Автореф. дисс. на соискан. уч. степ. докт. политич. наук. – М., 2009. – С. 30.

отметить, что сложившаяся обстановка нашла свое отражение в проявлении моральной тематики в русской культуре ²²⁵. А с другой стороны, показательна моральная сторона преданий об оставлении власти Александром I (судьба старца Федора Кузьмича) и поиск Николаем I собственной смерти (вплоть до отравления).

Реформы 60 – 70-х гг. XIX в. явились не только следствием поражения в Крымской войне и экономического отставания России от развитых европейских стран. Они отразили практический компромисс между политикой правящих верхов и моральным настроением низов общества. Поскольку ещё ранее был создан Свод законов Российской империи, управление государством получило правовые основания, которые юридически закрепляли сословную организацию общества. Поэтому проведение широкомасштабных реформ изначально требовало существенной поддержки, отказа от крайностей системоцентризма. Самодержавие нуждалось как минимум в моральном одобрении своих действий господствующими и образованными слоями. При отсутствии гражданского общества оно было вынуждено пойти на организацию шагов, связанных с инициированием крестьянской реформы. Затягивание действий грозило не просто какими-то моральными издержками, порицанием Запада, а утратой военной мощи империи и стагнацией экономики со всеми вытекающими от этого последствиями. Однако преобразования буржуазного характера собирались проводить в условиях, когда ценности капитализма не пользовались широким признанием, реальный западный капитализм вызывал разочарования, а либеральные идеи не имели прочных позиций в общественном сознании. Поэтому реформы принимали форму охранительного либерализма ²²⁶.

С одной стороны, власть нашла наконец-то мужество начать преобразования, которые носили не паллиативный, а системный характер. Эти нововведения не были уже следствием противоречия между тайным и явным, когда проявляется диссонанс сферы общественного контроля и собственной

---

²²⁵ См., напр.: Мелешко Е.Д. Христианская этика Л.Н. Толстого. – М., 2006.

²²⁶ См. подробнее: Сухов А.Д. Указ. соч. – С. 153 – 156.

совестью лидера. Но поскольку Великие реформы 60 – 70-х гг. XIX в. не решили проблему формирования общественного контроля над властью (за исключением нижнего звена – земских структур) и соответствующих правовых ограничений, мораль в силу сохраняющейся своей амбивалентности не могла взять на себя компенсаторные функции в политической практике. Сохранялось известное двоемыслие и несоответствие того, что должностные лица говорят и делают в действительности. В то же время реформы могли быть значительно хуже в силу недальновидности и слабой уступчивости дворянства, а их закрепление и продолжение могло иметь место только при самом активном участии общества. Последовательность проведения преобразований могла бы наладить внутриобщественный диалог, к которому в рамках авторитарного реформаторства, как представляется, Александр II был склонен²²⁷.

В подготовке и реализации реформ активное участие приняли и западники, и славянофилы. Западники считали, что преобразования открывали реальную возможность принятия готовых форм экономической, политической и культурной жизни Европы, утверждение норм правового государства, развитие свободного предпринимательства. Тогда как славянофилы, поддерживая гласность, свободу хозяйственного и культурного развития, видели в реформах возможность диалога между властью и обществом. Но и те, и другие, за исключением сторонников революционной демократии, не посягали на самодержавную модель правления как гаранта от внутренней смуты и привычной формы власти для народа, поддерживающего привычные ценностные доминанты.

Отмена крепостного права обнажила острую проблему отношений между дворянством и крестьянами по поводу земли. Уже сословно не единое дворянство не было готово потерять право собственности на свою землю, тогда как крестьяне не хотели этого права за ними признавать. Поэтому власть идет на своеобразную приватизацию, инициировавшую контролируемое сверху реформирование

---

²²⁷ См.: Захарова Л.Г. Александр II // Российские самодержцы. 1801 – 1917. – М., 1993. – С. 159 – 215; Ляшенко Л.М. Александр II. – М., 2002; Толмачёв Е.П. Александр II и его время. – В 2-х кн. – М., 1998.

общества для недопущения, с одной стороны, революции в стране, а с другой стороны, свободного развития капитализма по западному образцу. Как отмечает В.Н. Шевченко, власть проводила либеральные преобразования под нажимом слева и справа, буржуазных кругов и Запада ²²⁸. Попытки учитывать региональные особенности нечерноземной, черноземной и степной зон, регуляция отношений между помещиками и крестьянами посредством мировых посредников, сохранение общины, как показало последующее развитие российского общества и государства, сопровождалось развалом достаточно эффективной вотчинной системы управления, последующее разорение многих помещичьих хозяйств и значительное расслоение крестьянского сословия. Тем самым происходило социальное распыление, создававшее дополнительные условия для последующего размывания системоцентристской политики, радикализации общественного сознания и пренебрежения моральными регуляторами во взаимодействии как внутри общества, так и между гражданами и властью, что только обостряло проявление морального партикуляризма и морального релятивизма во всех социальных слоях.

Тем не менее, реформы Александра II, открывая возможности для развития капитализма, не могли не идти вглубь и не проводиться в интересах более широких слоев. Нововведения коснулись создания земского и городского самоуправления. Уездные собрания, управы избирались под контролем губернской власти и министерства внутренних дел от установленных законом групп населения в соответствии с имущественным цензом. Кроме того, расширена была сеть начальных народных училищ, ослаблен цензурный контроль, введена всеобщая воинская повинность. Существенное место в ряду реформ заняла судебная, формально провозгласившая равенство всех граждан перед законом, утвердившая состязательность при осуществлении судопроизводства, хотя и сохранившая для крестьян свой сословный суд при волостном управлении. Благодаря этой реформе у индивида появилась некая

---

²²⁸ См.: Шевченко В.Н., Соколова Р.И., Спиридонова В.И. Российское государство. Опыт философского прочтения. – М., 2012. – С. 48.

возможность добиваться справедливости и отстаивать свои права в рамках правового поля.

Очевидно, что потенциал реформ Александра II не был использован полностью в силу отсутствия стратегического видения траектории развития, необходимости органического сочетания преобразований. Однако отныне самодержавная власть не могла опираться только на бюрократию и дворянство. Ей требовалось учиться вести диалог с обществом, в котором зрели радикальные ожидания и требования, нашедшие свое воплощение в народническом движении. Сам по себе террор народников против правящей власти отражал дисбаланс ценностного поля во взаимодействии морали и политики и усиление персонистской тенденции. Попытка примирения сословий в конечном итоге не удалась, что выразилось в усилении административного контроля и последующих контрреформах Александра III. Государство попыталось устранить источники ценностных трения между собой и обществом посредством полного контроля над последним, используя бюрократию в качестве испытанного инструмента²²⁹. Применяя терминологию Ф. Анкерсмита, можно сказать, что власть не смогла получить объективный инструмент репрезентации интересов и настроений низов общества, возлагая надежды на традиционную форму легитимности и доверия к самодержавию. В результате по-прежнему сохранялся личностный характер политики, из которой было исключено подавляющее большинство населения и учет его ценностных позиций. А в условиях отсутствия уважения к закону и высокой конфликтогенности, как справедливо было отмечено К.Н. Костюк, «этические обязательства, не обладающие средствами принудительного исполнения, в условиях усложнения социальных отношений становятся все более неэффективными, правовые обязательства, девальвированные в общественном сознании, не способны обрести необходимое значение»²³⁰.

Страна так и не обрела своих конституционных основ, а с убийством

---

²²⁹ См. подробнее: Анкерсмит Ф.Р. Эстетическая политика. – М., 2014. – С. 75 – 76.

²³⁰ Костюк К.Н. Указ. соч. – С. 40.

Александра II и курсом на укрепление самодержавных и консервативных начал власть теряет социальную инициативу. Механизмы моральной консолидации общества были недостаточно эффективны и установление диалога между ним и государством так и не произошло. А в этих условиях трудно говорить об моральных ориентирах политики и ее моральных ограничителях. Власть воспринималась политически чуждой, что показал последующий социально-политический кризис в период Первой мировой войны и быстрая победа Февральской революции. Как оказалось, армия и чиновники явились слабой опорой существовавшей власти. Очевидно, что государству не хватало в проводимой политической линии единых моральных установок, которые отвечали бы интересам большинства населения России и не пролонгировали бы моральную амбивалентность.

Ведь контрреформы Александра III, нацеленные на укрепление самодержавных начал и ослабление политического влияния народовольцев и либералов, не только усилили корпоративность власти, но и не смогли возродить былого политического лидерства дворянства в условиях его экономического ослабления и разорения. Консервация патриархальных основ властными структурами вступала в противоречие с социальными потребностями и объективным проявлением капитализма в повседневной жизни. Это неизбежно вызывало критику капиталистических отношений и буржуазных принципов как «слева», так и «справа» при сохранении военно-бюрократической модели управления и макиавеллистских подходов к политике. А в таких условиях политическая деятельность не может быть публичной и обеспечивать легитимацию власти длительное время. Интересы политической системы неизбежно должны были вступать в противоречие с принципами бурно растущей капиталистической экономики, когда возрастает спрос на социально ответственного политического деятеля, ориентирующегося на ценности и интересы общества. Происходило переплетение системоцентристского и персоноцентристского начал. Поскольку персоноцентризм зиждется на социальной ответственности индивида, его автономности, личном достоинстве,

тогда как системоцентризм нацелен на подчинение человека власти и социальной общности, консервацию социальных отношений.

Попытки дать ответ на проявление конфликта патримонального и аристократического идеалов предпринимались разными сторонами. Сторонники православного абсолютизма (К.П. Победоносцев, Иоанн Кронштадтский) придерживались идеи православной государственности. В рамках противостояния сложившегося единства множественности Запада с его «Человекобожием» и преобладанием индивидуализма находится учение В.С. Соловьева, считавшего русский мир объединяющим началом Востока и Запада²³¹. А также И.Л. Солоневич с его «народной монархией», где «...царь есть прежде всего общественное равновесие»²³². Но с другой стороны, поднималась левая, революционная волна, ведущую роль в которой занимали марксисты, рассматривавшие мораль как иллюзорную форму общественного сознания и служанку интересов эксплуататорских классов, мешающей трудящимся защищать свои интересы.

Во многом и правый, и левый фланг политического спектра своей активизацией отражали важность или недостаточность обеспечения единства между свободой, законом и моралью. Новая политическая культура и морально-ценностные основания политической деятельности имели крайне узкую базу. Так, С.Н. Гавров считает, что власть и общество длительное время опирались на традиции и «отжившие механизмы, приемы, социальные институты», а Н.В. Асонов исходит из того, что сплочению сторонников самодержавия помешала «раскольническая политика П.А. Столыпина», сочетавшего идеи либерализма и самодержавной власти. По мнению же Н. Плотникова, на рубеже XIX – XX вв. формируется новое понимание справедливости, связанной с возможностью «реализации индивидуальных прав и свобод»²³³. Однако справедливость и возможные формы ее реализации должны выступать средством обеспечения

---

²³¹ См.: Соловьев В.С. Три силы // Соч. в 2-х т. – Т. 1. – М., 1989. – С. 29 – 31.

²³² Солоневич И.Л. Народная монархия. – М., 2010. – С. 444.

²³³ См.: Гавров С.Н. Указ. соч. – С. 107; Асонов Н.В. Указ. соч. – С. 32; Плотников Н. «Право на достойное существование» // Логос. – 2007. – № 5. – С. 115.

стабильности в обществе. Власть игнорировала необходимость политически (морально и идейно) возглавить модернизационные процессы, заинтересовав общество в формировании новых общественных ценностей посредством публичного диалога. А реформаторские круги оказались между крайне поляризованными лагерями, не сумев предотвратить эскалацию конфликта.

Враждебность к власти, которую показала революция 1905 года, отразила разрушение монархических идеалов и потерю самой верховной властью моральных ориентиров в новых условиях. И общество, взяв инициативу в собственные руки при отсутствии нормативно закрепленных прав и свобод, превратилось в субъект политической деятельности и борьбы. Поскольку моральные установки являются результатом общественно-политического взаимодействия граждан, в условиях начала XX века сказалось отсутствие того «ответственного класса», который стал бы объединителем для разных слоев общества на основе принятия ответственности за будущее страны и учета интересов различных социальных групп ²³⁴. «Передовые» буржуазные круги продолжали быть зависимы от покровительства государства, а предпринимательская этика отвергалась большинством и крестьянства, и дворянства. Поэтому успехи столыпинских реформ в условиях крайних противоречий и отсутствия внутреннего ценностного единства оказались временными, не сыгравшими стратегической роли в нахождении баланса между политикой и моралью, сокращения моральной амбивалентности. Моральные устремления в виде уравнительной справедливости крестьянства противоречили политическим целям П. Столыпина по внедрению предприимчивости и экономической свободы. А итогом масштабного системного кризиса и диссонанса каких-либо моральных предписаний с политической практикой стала уже революция 1917 года.

Как мы видели, в узловые моменты российской истории остро проявлялась проблема ценностного сопряжения взаимодействия между моралью и политикой.

---

²³⁴ См.: Федотова В.Г. История России в контексте процессов модернизации // Россия реформирующаяся. Вып. 12: ежегодник. – М., 2013. – С.182.

Очевидно, что определенные критерии выбора тех или иных действий в соответствии с моральными установками самых широких слоев общества найти затруднительно. Ведь воля правителей, как и действия различных социальных институтов, носили доминирующий характер по отношению к обществу. Преобладала, естественно, партикулярная мораль правящей элиты, при том что отсутствовал какой-либо этический кодекс политика, который в лучшем случае сводился к религиозным принципам. Проблемы обладания властью, применения насилия, причинения зла, политического убийства, апатии и отчуждения масс, политической лжи, достижения справедливости и другие были актуальны и в Древней Руси, и в Российской империи. Их можно было решать разными средствами, обращаясь к логике самой политики, вспоминая о моральном долге, важности гражданственности и патриотизма самих политических деятелей.

Однако в другой ситуации иногда важно обратиться к нравоучительности и созерцанию, учёту политического конформизма, социокультурных факторов, ритуальной составляющей, а также возможной эволюции и мутации любого политика. Да и сами условия могут диктовать небогатый моральный выбор для политических лидеров, когда в рамках системоцентризма в интересах поддержания в обществе порядка и безопасности большинство граждан требовало применять жесткие меры в противовес возникшей или растущей анархии. То есть практика многовековой российской истории ставит под сомнение абстрактные добродетели и какую-либо моральную абсолютизацию на государственном уровне. Следует признать правоту Дж. Мура, отметившего, что в основе терминов добродетель и обязанность лежит одинаковый критерий этического значения, отчего «добродетель можно определить как постоянное расположение к совершению определенных поступков, которые дают наилучшие из возможных результаты»²³⁵. Поэтому любые моральные оценки действий исторических и политических деятелей можно рассматривать во временном континууме или с позиций конкретной социальной группы, так и с абстрактных морально-этических воззрений оправдания или осуждения поступков, например, применения насилия

---

²³⁵ Мур Дж. Принципы этики. – М., 1984. – С. 262.

или отказа от него, веры конкретного индивида в достижение абсолютной нравственности и возможность её реализации в обществе. Однако пока власть воспринимается выше моральных ориентиров, индивид неизбежно полностью подчинен этой власти.

Следует признать, что длительное время в России господствовала системоцентрическая модель в политике и отношения к морали. Ведь системоцентризм имеет целью поддержание господства социального института, социальной общности, тогда как персонцентризм нацелен на права личности, интересы которой определяют характер социального прогресса. Кроме того, персонцентризм опирается на такую шкалу ценностей, которая предполагает самоценность и автономность индивида вне его социальных функций. Поэтому заговор верховников 1730 г. против Анны Иоанновны, движение декабристов, идея земского служения обществу – яркие образцы проявления персонцентристской тенденции, опирающейся на деятельную активность индивида, обладающего динамическим типом мышления и мировосприятия. В свою очередь, системоцентризм требует всеобъемлющего покорности индивида ради достижения надличностных целей. Отчего любой индивид вынужден подчиняться общинной морали, растворяя себя в интересах существующей системы.

Выводы: 1) системоцентристский характер политики приводит к формированию морали, для которой политические институты формируют ведущие социокультурные установки, моральные предписания и идеалы; 2) игнорирование интересов отдельного индивида во многом было обусловлено историческими факторами; 3) существенную роль на содержание моральных норм и ценностей русского государства оказала христианская религия, которая своим назидательным характером предъявляла императивные требования к отдельному индивиду; 4) системоцентристская тенденция подавляла эффективное влияние морали, ставила ее в подчиненное положение к политике, сводя ее в политической сфере к утилитарно-прагматическим функциям; 5) Смутное время, раскольническое движение, возникновение интеллигенции и пр. являлось

свидетельством зарождения персонцентризма, для которого мотивы, интересы, права индивида являлись ведущими в определении характера отношений с государством; 6) отрыв правящей элиты и трансформация общества по пути капитализма породили глубокий и масштабный кризис отношений между властью и обществом, вызвавший распространение морального релятивизма и партикуляризма; 7) имевшиеся моральные основания оказались слабыми, чтобы сдерживать радикальные настроения, подпитывавшихся диссонансом морали и политики.

2.2. Системоцентричность политики в контексте авторитарности государственного управления в советский период. Мораль как основа государственно-партийной политики

Цель: Рассмотреть системоцентричный характер политики, основанной на авторитарности государства, в котором мораль выступала в качестве базового ориентира строительства советского государства.

Задачи:

- показать телеологический характер государственной политики, проводимой советской властью;
- выявить зависимость моральных норм от идеологических ориентаций и ведущей роли классовой солидарности, социальной справедливости, коллективизме;
- раскрыть системоцентрический характер деятельности советского государства, отвечавшего настроению большинства общества;
- рассмотреть специфику моральных норм и обеспечение на их основе морального единства общества;
- показать роль идеологии в социально-политической жизни общества, подчинившей отдельного индивида интересам партии и государства;
- выявить постепенное нарастание дисбаланса между моралью и политикой, вызвавшее необходимость проведения реформ в обществе.

Советская эпоха российской истории всегда неизменно вызывает самые острые дискуссионные обсуждения по различному кругу проблем, начиная от возможности реализации заявленных тогда целей и заканчивая методами их осуществления. Поэтому рассмотрение ценностных ориентиров, взаимодействия между моралью и политикой имеет особую значимость, учитывая, что их содержательное наполнение возможно с абсолютно разных позиций. Ведь моральные оценки всегда акцентируют нацеленность к постижению прагматической истины, поскольку на этой основе существует стремление к объяснению или оправданию полученного результата действий.

Однако достижение положительного следствия не находится в прямой зависимости от следования конкретным моральным нормам и ценностям. Ибо задача морали состоит не в выработке решений и осуществлении последовательных действий, а в ранжировании целей и средств и их оценке сообразно социальным интересам и моральным представлениям социума.

Следует отметить, что к политической сфере рассматриваемого периода затруднительно прямолинейное применение концепции негативной этики, предложенной А.А. Гусейновым. Исходя из того, что основу морали составляют абсолютные и относительные запреты, определяющие ответственность индивида, можно видеть, что политик руководствуется социальными идеалами и интересами, выступающими побудительными обстоятельствами и целями, которые могут слабо коррелироваться на практике с моральными нормами и персональной ответственностью. Лишь накапливающийся негативный опыт постепенно обостряет проявление интерсубъективности, приводящей к формированию сопутствующих моральных оценок к осуществленным действиям, поскольку неизбежно затрагивает сферу чужих социальных интересов. Это формирует потребность не односторонних запретов, а согласования партикулярных интересов, которые могут испытывать не более чем ограничение своих проявлений, если власть желает добиться какого-либо эффективного результата в своей деятельности.

В начале XX в. складывается представление о том, что «верность, честность и справедливость, которые так часто служили средствами обмана, должны, наконец, сделаться правдой, должны завладеть миром. Это – цель новой морали, которая одновременно является политикой»²³⁶. Кризис всей системы царской власти и обнаружившееся недоверие к политике государства со всей неизбежностью подрывали имевшиеся моральные нормы и регуляторы деятельности в политической сфере. В результате сложившаяся ситуация вызвала развалу различных традиционных ориентиров, обострив моральную амбивалентность оценок и ценностных подходов общества.

---

²³⁶ Штаудингер Ф. Этика и политика. – СПб., 1906. – С. 9.

Российский революционный взрыв явился следствием множества общественных противоречий. Можно видеть влияние капитализма на разложение традиционного уклада жизни, слабость цементирующего влияния на общество буржуазных начал, надежды крестьянства на справедливые принципы землевладения, бюрократические основы управления, сопротивлявшиеся даже самой разумной модернизации, и др. Следует отметить справедливость Г.С. Киселёва, увидевшего корни этих многих противоречий в природе российского фундаментализма. Он отмечает, что «четыре основные идеи составляют российский фундаментализм: признание особой роли в жизни страны за народом, владеющим якобы “нравственной правдой”; отрицание “бездуховного” Запада как желательной модели общественного развития; имперская (государственная) идея; идея мессианская (особого исторического предназначения России)...»²³⁷. Но эти основания оказались переформатированы революцией 1917 года, вызвавшей к жизни новую моральную шкалу, ценностные представления и оценки политической деятельности как власти, так и отдельных политиков. По сути, моральным стало признаваться все то, что должно было способствовать победе и утверждению коммунистических отношений в обществе. Возобладал телеологический подход, который предполагает движение к какой-либо установленной моральной цели, руководствуясь ценностью выдвинутого ориентира.

Марксистская теория воспринимала капитализм в качестве главного источника любой аномии общества, так как данный общественный строй был основан на эксплуатации человека человеком и нацеливал на целерациональный характер деятельности, предполагавший корыстное использование других индивидов. Поэтому лицемерие, ложь и обман в обществе есть закономерный результат роста социальных противоречий, связанных с господством немногочисленных социальных групп над другими, ради достижения индивидуального блага. При этом К. Каутский считал

---

²³⁷ Киселёв Г.С. Трагедия общества и человека. Попытка осмысления опыта советской истории. – М., 1992. – С. 17.

возможным интернационализацию финансового капитала и последующее смягчение социальных коллизий, тогда как В.И. Ленин видел решение проблем посредством перехода к обществу иного социального типа. Социализм воспринимался в качестве сознательной и целенаправленной деятельности народных масс, которые руководствуются моральными ценностями, служащие интересами и потребностями всего социума.

Сложившееся двоевластие 1917 г. показывало глубину и масштабы социальных антагонизмов. Широкие слои народных масс в условиях мировой войны имели огромные революционные ожидания, которые требовали от любого субъекта политики способности адекватно и объективно оценивать положение и готовности от него на решительные шаги. Моральные нормы в сложившихся условиях оказались в заложниках идеологических устремлений, что укрепляло позиции морального релятивизма. Данную проблему видно на примере позиции партии большевиков, которые требовали братания на фронте во время существования Временного правительства, чем способствовали разложению армии, однако после взятия в свои руки государственной власти призвали к защите Отечества, укреплению воинской дисциплины. Кроме того, необходимо учитывать, что «большевики победили не под социалистическими, а под демократическими лозунгами. Их «красногвардейская атака на капитал» была еще впереди. И народ в своей массе тогда... не осознавал, что он делает социалистический выбор...»²³⁸. Альтернативы развития того времени можно осмыслить через соотнесение целей политической деятельности и моральных оценок большинства общества. Радикальность большевиков сопрягалась с готовностью общества к насилию, которое было порождено мировой войной, и стремлением к справедливой устройству социума. Складывалась ситуация, когда имевшаяся цель вполне оправдывала применяемые средства, а грядущее счастье всего человечества являлось ценой за приносимые жертвы. Поэтому в условиях Гражданской войны В.И. Ленин утверждает: «...Нравственность, взятую из внеморального, внеморального понятия, мы отрицаем... Мы

---

²³⁸ Наше Отечество. – Ч. II. – М., 1991. – С. 390.

говорим, что наша нравственность подчинена вполне интересам классовой борьбы пролетариата. Наша нравственность выводится из интересов классовой борьбы пролетариата»²³⁹.

Бесспорно, произошел разрыв с прежними моральными нормами и формами политической деятельности. Однако в условиях жесткой борьбы за власть централизованная модель организации партии большевиков сыграла свою роль в восстановлении управляемости страной. Краеугольными основаниями новой морали стали требования сознательности каждого гражданина, сохранения единства рядов, защита социалистических идеалов, что изначально имело ригористический характер.

Можно говорить, что избранный курс давал право для осуществления борьбы с религиозной моралью и мировоззрением, снимало вину за ненависть к эксплуататорам и проводимый террор, оправдывало подавление индивидуализма. Однако мы видим, что обращение власти к сознательности индивидов было средством влияния на их мораль с целью строительства справедливого общества. Поэтому согласимся с меткой характеристикой А.П. Скрипника: «Преодоление морального зла в целом не может быть осуществлено уничтожением одной из противоположных тенденций общественного или индивидуального развития. Если бы зло поддавалось локализации в пространстве, то его можно было бы разрушить или же обречь на самоуничтожение. Но такого общемирового лепризория для аморализма учредить нельзя. Поэтому остается создавать общественные институты, культивировать мысли и чувства, которые могли бы ограничить и изменить направление нежелательных для человечества тенденций»²⁴⁰.

Советская власть, разрешая насилие по отношению к своим противникам, ради достижения социального освобождения, пожертвовала реальными демократическими свободами в политической жизни общества. Революционное насилие, осуществляемое «рабочим классом и трудовым крестьянством»

---

²³⁹ Ленин В.И. Задачи союзов молодежи // Полн. собр. соч. – Т. 41. – М., 1981. – С. 309.

²⁴⁰ Скрипник А.П. Моральное зло в истории этики и культуры. – М., 1992. – С. 277 – 278.

морально оправдывалось целями справедливости в большинства трудящихся. В результате моральный партикуляризм данной части социума превращается во всеобщие нормы. Вместе с тем, такая справедливость опиралась на идею равенства, которое должно было содействовать народовластью, реализовывать право на труд, образование и социальную помощь, обеспечивать равное отношение к средствам производства, широкий доступ к достижениям культуры. То есть социальная справедливость явилась в качестве императивной нормы в регулировании отношений людей и их социальной интеграции. Эта справедливость предполагала посредством распределения прав и обязанностей, благ и трудностей жесткое установление новых правил через представления о должном общественном устройстве и допустимых формах отношений людей. Как отмечает М.В. Макеева, «справедливость – норма... может стать ценностью, то есть обрести положительное значение для отдельного человека или группы в том случае, если она соответствует их индивидуальным и социальным интересам»²⁴¹.

Как представляется, в период Гражданской войны и первых лет советского государства общие нормы и ценности должны были укрепиться, для того чтобы они исполнялись на неформальном уровне социальных взаимодействий. Чтобы сложилось равновесие и соответствие между требованиями политической линии государства и суждениями общества о моральной справедливости, требовалось определенное время. В основе данного подхода находятся индивидуальные представления об идеальном осуществлении своего собственного поведения в установленных рамках требований существующих социальных порядков. Советская власть таким путем пыталась указать не только на определяющие ценностные ориентиры нового общественного устройства, но и задавала средства по их реализации. Таким образом, мы видим попытку реализации справедливости на основе идеи Аристотеля, согласно которой благом для государства выступало то, что

---

²⁴¹ Макеева М.В. Справедливость как нормативно-ценностный регулятор общественных отношений // Преподаватель. XXI век. – 2010. – № 3. – С. 239.

служило общей пользе. В результате формализованная идея справедливости либерализма через равенство прав индивидов уступила место равенству материальных факторов обеспечения прав личности. Российское общество стояло перед необходимостью реализации социальной справедливости, которая давала право на достойную жизнь простого человека ²⁴². Поэтому можно считать, что в сложившихся обстоятельствах идея социальной справедливости содержала мощный по силе моральный заряд, хотя вел к укреплению системоцентрического характера политической практики.

Необходимо учитывать разноречивость в трактовке справедливости и возможности ее реализации. К. Муздыбаев справедливо заметил, что «выбор критерия распределения и интерпретация справедливости никогда не бывают нейтральными. Политические лозунги и программы всегда включают справедливость как идею, если не с целью сохранения или изменения государственного устройства, то для морального облагораживания социальных претензий. Неспроста реформаторы и оппозиционеры разного толка апеллируют к обидам, лишениям и унижениям определенных групп, намеренно расширяя систему их традиционных ожиданий и требований или углубляя недовольство»²⁴³. Данный методологический подход к пониманию справедливости дает возможность понять специфику политической власти и роли морали в нем.

Мечты о наступлении светлого будущего понимались как отвержение былой моральной амбивалентности, основанной на несправедливости социальных порядков, как патерналистское обеспечение властью равенства людей, как воплощение идеалов морали на практике. Поэтому Н.А. Бердяев замечает, что коммунистическое мировоззрение включало в себя такие черты национального сознания, как «жажда социальной справедливости и равенства, признание классов трудящихся высшим человеческим типом, отвращение к

---

²⁴² См. подробнее: Плотников Н. «Право на достойное существование» // Логос. – 2007. - № 5. – С. 111 – 133.

²⁴³ Муздыбаев К. Идея справедливости // Социологические исследования. – 1992. – № 11. – С. 100.

капитализму и буржуазии, стремление к целостному мирозерцанию и целостному отношению к жизни, сектантская нетерпимость, подозрительное и враждебное отношение к культурной элите, исключительная посюсторонность, отрицание духа и духовных ценностей, придание материализму почти теологического характера»²⁴⁴. Данные свойства стали основанием «пролетарской» морали и политического курса власти. Поэтому осуществляемая политика являла сознательное исполнение избранной цели, отчего ряд авторов считают марксистское учение «политической теорией коллективизма»²⁴⁵.

Высшим моральным законом было провозглашено равенство всех трудящихся, так как оно отвечало настроениям большинства социума. Поэтому была осуществлена попытка воплотить ту форму справедливости, которая выражала бы соответствие социальных действий и политики, ценностным стремлениям общества, его суждениям о должном. Любые проявления индивидуализма и эгоизма теперь воспринимались в качестве дезорганизирующих элементов. Примечательные размышления о коллективной морали высказал Р. Нибур, который отметил, что «достоинство групповой морали над индивидуальной определяется отчасти трудностью установления рациональной социальной силы, которая являлась бы достаточно сильной, чтобы справиться с естественными импульсами, посредством которых общество достигает своего единства; но отчасти это просто раскрывает коллективный эгоизм, складывающийся из эгоистических импульсов индивидов, которые достигают более яркое выражение и больший совокупный эффект, чем когда они объединены в общий импульс, чем когда они выражают себя отдельно и ограниченно»²⁴⁶.

Приведенная мысль раскрывает психологическую сторону последствий

---

²⁴⁴ Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. – М., 1990. – С. 100 – 101.

²⁴⁵ См., напр.: Oakeshott M. *Morality and Politics in Modern Europe*. – Yale University Press, 1993. – P. 96.

²⁴⁶ Niebuhr R. *Moral Man and Immoral Society: A Study in Ethics*. – Westminster John Knox Press, 2013. – P. XXIX.

кризиса «русской веры», которая была вызвана процессами капитализации общества, причины проявления советского патернализма, который виделся в качестве средства реализации социальной справедливости и основой по поддержанию моральных устоев. Утопические мечтания о возможности быстрого и абсолютного осуществления социальной справедливости захватили массовое сознание людей и лидеров советского государства. Это нашло практическое воплощение в красногвардейской атаке на капитал, стремлении к прямому распределению благ, в борьбе с религиозными пережитками, массовом энтузиазме народа. Н.А. Бердяев, подвергая критике жестокость и максимализм революционного и постреволюционного периода, которым были характерны моральные издержки, нашедшие выражение в сектантской нетерпимости, враждебности к культурной элите, отрицании духовных ценностей, отмечал, что большевистские идеи и лозунги обладали широкой поддержкой. Он указывает, что «либеральные идеи, идеи права, как и идеи социального реформаторства, оказались в России утопическими. Большевизм же оказался наименее утопическим и наиболее реалистическим, наиболее соответствующим всей ситуации... Коммунизм оказался неотвратимой судьбой России, внутренним моментом в судьбе русского народа»²⁴⁷. То есть моральные замыслы перешли из абстрактной области в сферу социальной практики, которая предложила культ труда, стала отрицать вражду, выступила за сплочение людей. Эти качества становились основополагающими ценностными ориентирами и для общества, и для политики, которые оказались в заложниках между реальной деятельностью и провозглашенными идеалами.

Всеобщее равенство таило опасность представления о том, что именно Народ воплощает в себе истину, для защиты и осуществления которой необходимо действенное государство. И в нем всякий человек может занять любую должность. Поэтому первое время каждый индивид чувствовал себя потенциальным «вождем», выразителем интересов «трудового люда», что порождало искаженную индивидуально-нравственную систему ценностей,

---

²⁴⁷ Бердяев Н.А. Указ. соч. – С. 93.

воплощавшей в себе скрытую антиномию. Сформировавшийся унифицированный социум пытался таким образом объединить расколотое в предшествующие века общество. Общинные идеалы, распространенные на все общество, должны были способствовать выработке нового мировоззрения и новой морали, которые обеспечили бы массовый демократизм и трудовую дисциплину.

Ситуацию, сложившуюся в российском обществе, А.С. Ахиезер оценивал как «псевдосинкретическую», так как цели и ценности единой идеологии противоречили повседневной реальности, а Г.С. Киселёв рассматривает как торжество квазикультуры, поскольку замыкает человека на подчинение закономерностям природы и социальности ²⁴⁸. В подобных отрицательных оценках советской политической деятельности скрывается то, что мораль и ее ценностные ориентиры выступали в виде рукотворной конструкции общества в соответствии со сложившимися социокультурными условиями и установками. И в этом скрывалась опасность полного подчинения морали идеологии и классовым интересам вместо использования ее в качестве одного из инструментов согласования социально-политических интересов. Возникал парадокс, когда ложь, сказанная врагу (оппоненту), могла легко быть оправдана, а если применялась в отношении партии, это признавалось «двурушничеством». Тем самым повседневная политическая практика социализма изначально сохраняла моральную амбивалентность и не могла преодолеть отчуждение с моралью, сохранявшей дуализм бытия и идеала. Дж. Кейн так отмечает о значении морального капитала для политических деятелей, указывая, что «реальный характер политических обязательств всегда является моральным – моральное обязательство по отношению к конкретным целям считается законным или ценностным и неизбежно относится также и к другим людям, с которыми эти убеждения разделяются»²⁴⁹. Но границы допустимого и

---

²⁴⁸ См.: Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта. – Т. 1. – Новосибирск, 1997. – С. 371; Киселёв Г.С. Указ. соч. – С. 11.

²⁴⁹ Kane J. The Politics of Moral Capital. – Cambridge University Press, 2003. – P. 20.

неприемлемого оказались в советском обществе специфическими и заметно размытыми, не позволяя преодолеть моральный релятивизм в политической сфере. Ведь нормативная этика, которая требует от индивида подчинения определенным требованиям и идеалам, абсолютно не гарантирует аморальных действий. Однако своими универсальными предписаниями, отражающими социокультурные и ментальные традиции, состояние общества, нормативная этика отражает надличностный характер своего положения и влияния. По сути, она показывает, что мораль навязывается индивиду социальной средой, являясь для него внешним феноменом.

Исходя из того, что сущность и универсальность моральных норм задается характером имеющихся социальных отношений, в качестве руководящей линии был избран деятельностный подход к морали. Использование фундаментальных этических категорий задавалось активными людьми, нацеленных на перестройку окружающего мира. Личностные качества или персональная субъективность имели прямое отношение к лишь действию, которое индивид выполняет в конкретных условиях места и времени сообразно поставленной цели. Данный подход давал возможность отойти от внеисторического, метафизического и формального отношения к морали²⁵⁰. Однако, с другой стороны, подобный взгляд на роли мораль в политике может быть плодотворен при включении в сложившиеся социальные отношения кантовских императивных ориентиров, которые предписывают ответственность индивида за действия в неопределенных обстоятельствах. Любое рассмотрение пользы или вреда от предпринимаемых действий, в значительной мере является инструменталистской, что сближает ее с утилитарным подходом. Добиваясь на практике поставленной цели при опоре на долг, индивид руководствуется теми социокультурными установками и моральным сознанием, с помощью которых мотивирует свои действия.

Советское государство в качестве ведущей политической линии

---

²⁵⁰ См. подробнее: Гароди Р. Марксизм XX века. – М., 1994. – С. 58 – 81; Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. Человек и мир. – СПб., 2003. – С. 392 – 399.

деятельности провозгласило достижение социальной справедливости в интересах трудящихся. Но поставленные высокие моральные идеалы не сформировали адекватный и эффективный управленческий механизм, с помощью которого можно было выявлять реальные потребности социума и подвергать анализу ресурсы и средства для их удовлетворения. Вместе с тем, в практической деятельности удалось сопрячь интересы и запросы социальных групп с выдвинутыми гуманистическими идеалами и принципами, которые опирались на общественную активность и солидарность, отвергали индивидуализм, наживу и потребительство, защищали образ человека-созидателя, пропагандировали высокие культурные и духовно-нравственные личностные качества. Эта линия получила отражение в «Моральном кодексе строителя коммунизма», ставшего своеобразным идеалом для строителя нового общества²⁵¹.

Практические действия советского государства и его политических деятелей оказались далеко не всегда реально соответствующими провозглашенным ими моральным идеалам. Коллективные интересы стали приоритетными в определении нравственных ценностей для любого индивида. Ярким образцом является часто приводившийся в качестве примера поступок Павлика Морозова, который был «канонизирован» как образец проявления морали в практической жизни простого гражданина. Соблюдение «морального облика» советского человека и добросовестный труд становились главными в определении баланса между моралью и политикой на всех уровнях общества как противовес моральному партикуляризму. И все это подкреплялось уравнительным принципом справедливости, поскольку отношение к индивиду определялись не столько его достоинством или общественной пользой, сколько уравниванием потребления, близостью к власти и преданностью ей, что соответствовало системоцентристскому характеру политики. Такие установки задавали отношение к любому индивиду, в том числе на всех этажах власти,

---

²⁵¹ См.: Козлов М.И. Социальная справедливость в контексте русской традиции. - Архангельск, 2010. – С. 133 – 137.

формируя известный уровень толерантности и механизмы ее обеспечения во всех случаях проявления «инаковости». Формальные и неформальные предписания были нацелены на обеспечение морально-ценностного единства общества.

На начальном этапе существования советского государства формирование морального единства должно было отвечать интересам большинства общества, что требовало от политических лидеров и государственных органов преодоления негативных социальных явлений, взаимоувязку интересов социальных групп, поддержки проводимой политики. Подавление контрреволюции и последующая социально-экономическая стабилизация, минимизация организованной преступности, формирование равных возможностей для всех слоев людей, рост доверия к существующим институтам, вовлечение широких масс в социально-политическую деятельность (строительство социализма), создание социальных гарантий и многое другое вело к росту уровня оценки достигнутой справедливости и укреплению поддержки проводимой политики со стороны общества. Подробно о проблеме восприятия социальной справедливости рассмотрено Т.В. Шипуновой, считающей, что нарушение справедливости разрушает единство общественной морали, вызывая негативные реакции граждан²⁵². На этой основе складывается значение моральных оснований в отношении отдельного человека (политика) к другим людям, происходящим событиям, власти, выступая фундаментальной модальностью социальности и помогая конструировать определенные социальные формы. Поэтому мораль выступала не только в форме рациональных предписаний по обеспечению должного в поведении людей, но и определяла возможности конкретного индивида действовать или не действовать в конкретном событии, обеспечивая одновременно и самореализацию, и достижение общих коллективных целей.

Очевидно, что идея справедливости истолковывалась на основе

---

²⁵² См.: Шипунова Т.В. Социальная справедливость: понятие, виды, критерии оценки // Проблемы теоретической социологии. – Вып. 5: Межвуз. сб. – СПб, 2005. – С. 241.

равенства, что отражало интересы конкретных социальных слоев. Они воспринимали и общую справедливость, связанную с моральным смыслом существовавшего общественного устройства, и частную справедливость, отражавшую должные ценностные добродетели, которые реализовывались в сфере социальных взаимодействий. Однако советская система требовала от своих граждан вносить свой личный вклад в общее благо, что регулировалось политикой властей, создававших уже с середины 20-х годов унификацию и единообразие в обществе, что определило особенности системоцентричности политики в условиях авторитаризма. И если первые десятилетия эффективность политического выражения идеи справедливости, сопровождавшаяся зачастую игнорированием принципа заслуг, профессиональной пригодности, общественной полезности и др., давала свои необходимые и известные стимулы для развития общества, то постепенно становилась очевидной низкая отдача от принудительных методов воздействия. Уровень общественного развития во второй половине XX века требовал иных границ моральных прав в воздействии индивида на власть. А ведь то время воля верховной власти выступала в качестве основополагающего установителя норм социальной жизни в соответствии с патримонально-утилитарным подходом. А, как известно, «в демократической системе по определению не может быть монополии на генерирование и трансляцию образов и смыслов, поскольку теория демократии проповедует плюрализм: каждый человек имеет право на самостоятельное производство образов и смыслов, что... значительно затрудняет социальную интеграцию»²⁵³. И такому проявлению во многом способствовали общинные традиции и настроения, партийный централизм, враждебное окружение и прочее, закономерно оправдывавшееся средствами официальной политической этики поведение власти и ее лидеров.

Новый мир должен был создаваться всей мощью сплоченного социального коллектива. Поэтому полная свобода и право осуществлять моральную оценку предоставлялось именно коллективу. Как замечал Н.А.

---

²⁵³ Алексеенкова Е.С. О когнитивной природе власти // Полития. – 2006. - № 4. – С. 19.

Бердяев, Ленин «верил, что принудительная общественная организация может создать какого угодно нового человека, совершенного социального человека, не нуждающегося больше в насилии»²⁵⁴. Следствием стало формирование советского человека, у которого индивидуальные моральные регуляторы, с точки зрения персонцентризма, оказались несколько деформированными и ограниченными. Ведь он был обязан свои поступки сверять с интересами коллектива и действовать ради коллектива, что канализировало его личную инициативу и чувство ответственности. Однако это сыграло отрицательную роль в начальный период Великой Отечественной войны. Как представляется, стремление в советском обществе к всеобщей уравнительности вытеснило идею К. Маркса о создании условий для свободного труда работника. Приоритет над морально-нравственными идеалами взяла прагматическая целесообразность, подчинявшая мораль политике. Ведь рассуждения о добре и зле, свободе и справедливости, совести, не отвечавшие идеологическим установкам, были объявлены пережитками.

Заметное место в реализации выдвинутых советской властью целей и ценностных идеалов играла идеология, являвшаяся так же инструментом преодоления моральной амбивалентности. Официальная идеология была нацелена на облагораживание рядового гражданина, проповедуя «принцип быть выше житейских мелочей» как дополнительное средство противодействия «перманентным трудностям», связанным с борьбой за жизненные блага²⁵⁵. Согласимся, что формы социальной борьбы нашли свое выражение в виде конкуренции за место в системе иерархии, которое определялось участием в жизни коллектива и его оценками и окрашивалось в идеологическую расцветку.

Разрастание управленческого аппарата и усиление бюрократических методов властвования сопровождалось стремлением должностных лиц к превышению возложенных на них полномочий по отношению к рядовым исполнителям. И с каждым десятилетием эта тенденция только усиливалась.

---

²⁵⁴ Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. – М., 1990. – С. 105.

²⁵⁵ См.: Зиновьев А.А. Коммунизм как реальность. – М., 1994. – С. 130.

Развитие критики и самокритики или периодические сокращения аппарата управления не могли формировать положительную этику советского управленца, который был включен в систему круговой поруки и почти не нес никакой ответственности, кроме как перед вышестоящими властными структурами, что полностью отвечало авторитарному и системоцентристскому характеру власти. Решающими качествами были мобилизационные действия, готовность выполнять любое решение верховной власти при руководящей и контролирующей роли партийной организации любого трудового коллектива. И основы такой «коммунальной» жизни охватывали все социальные группы, пронизывали все социальные отношения²⁵⁶. А идеологическое упорядочивание обеспечивалось внедрением в массовое сознание постулатов и ценностей марксистско-ленинской идеологии во всех сферах общественной деятельности. Любое партийное бюро контролировало решения соответствующей структуры, включаясь в иерархически построенную систему по территориально-производственному принципу. Это диктовало свои правила отношений и взаимодействий человека с партийными органами, которые детерминировали характер социальных отношений.

Советская идеология, как известно, являлась государственной и была обязательна для всех граждан. Имея известную положительную роль в просветительском аспекте, официальная идеология с течением времени укрепляла свои консервативно-ограничительные функции. Это находило отражение в идеологических фальсификациях порожденных неприятием других точек зрения. Самыми известными проявлениями данной линии стала позиция в отношении генетики и кибернетики. Заметим, что предназначение идеологии в советском обществе было связано с обеспечением целостности и сплоченности социума посредством организации его деятельности и стандартизации сознания людей. Это предполагало, что они будут действовать без принуждения руководства во имя интересов общества. Такие индивиды

---

²⁵⁶ См. подробнее: Малинкович В. Три революции и две перестройки. Этюды на темы советской истории. – М., 2008. – С. 122 – 131.

воспринимались в качестве высоко сознательных, верными последователями коммунистических моральных принципов. В свою очередь, это требовало веры людей в истинность коммунистической идеологии, что превращало ее не только в науку, но и в своеобразную религию ²⁵⁷. В результате моральные установки подвергались серьезному давлению политического фактора. Однако цели идеологии, определяемые в виде объединения всех трудящихся, строительства коммунизма, самоотверженного труда, являлись дополнительным источником для моральных установок. Однако мировоззренческий монизм вызывал потребность в адекватной политике по отношению к обществу, чтобы подкреплять, говоря словами А.А. Зиновьева, мораль идеологическую или псевдомораль, которая отличалась от личной ²⁵⁸.

Посредством идеологической идентичности власть могла позволить себе манипулировать обществом, вынуждая людей вести себя так, как выгодно государству. А это содержало еще в себе ни свойств добра или зла. Возникло положение ложного ценностного консенсуса, который достигался посредством манипулирования ради согласия и поддержки политического курса. Это осуществлялось с помощью идеологии, а не опорой на моральные основы, смыкавшие ответственность власти и возможность граждан посредством ее удовлетворять собственные потребности. Человек вынужден был подчиняться власти и идеалу, политическим обстоятельствам, которые лимитировали свободу его морального выбора. Это превращало индивида в заложника проводимой системоцентристской политики. Поэтому «идеологическая» мораль в отличие от обычной, общечеловеческой морали нацелена на оправдание любые политических действий ради достижения «справедливого общества», игнорируя или подвергая подозрению морально-нравственные свойства управляемых людей. Складывалась проблема равного внимания власти к фундаментальным интересам неравных по своему положению

---

²⁵⁷ См.: Зиновьев А.А. Указ. соч. – С. 242 – 244.

²⁵⁸ См.: Там же. – С. 261.

социальных групп общества, чтобы реализовать равные права субъектов ²⁵⁹. Поэтому постепенно формировалось двоемыслие, что закладывало опасность морально-скептического отношения к политике власти, последующего проявления разрастающегося морального релятивизма. Данный дисбаланс в отношениях политики и морали формировал основы будущего ценностно-психологического кризиса общества, который интенсивно проявился в горбачевский период советского государства.

Оседлание большевиками в начальный период почвеннических идеалов ещё в условиях острой гражданской войны сопровождалось стремлением к упрощенному, конфликтному восприятию социальных отношений, а значит рассмотрению морали как продукта умственных ухищрений «господ» для удержания в подчинении эксплуатируемых трудящихся масс. Принцип практической целесообразности пришел на смену моральных исканий. Как отмечает Л. Каплан, «знание марксистской идеологии зачастую уважалось больше, чем практический опыт... В новом и совершенном обществе, которое должно было быть построено, марксистская доктрина стояла превыше прагматизма. Ни один из исходных членов Политбюро не был избран туда за заслуги и опыт в какой-то определенной области деятельности. Более того, руководящие посты всегда резервировались для членов партии, которые далеко не всегда оказывались компетентными»²⁶⁰. При этом отдельной личности было отказано в праве на свободу мысли и действия, что отразили уже результаты внутрипартийных дискуссий 20-х годов, сопровождавшиеся усилением партийной прослойки в различных органах и установлением партийно-номенклатурной монополии. Проявилась такая социальная идентификация, которая членов иных групп воспринимает негативно, что подрывает возможности для формирования устойчивой социальной жизни, ответственного

---

²⁵⁹ См.: Прокофьев А.В. Фундаментальное этическое равенство и проблемы социальной этики // *Общественные науки и современность*. – 2002. – № 2. – С. 76.

²⁶⁰ Каплан Л.Е. Сталин. Человек, который спас капитализм / Пер. с англ. – М., 2007. – С. 111.

поведения, рационального характера действий индивида ²⁶¹. Оттого человеку, как предписывалось властью, согласно новой морали, следует переносить выпадающие на него тяготы жизни и выполнять возложенный сверху и извне свой долг. Исчезали возможности той рефлексии и самокритичности, которые обеспечивали обычно ответственное индивидуальное поведение, связанное непосредственно с моралью.

Опорой новой власти в реализации поставленных целей стали выдвиженцы, которые были всем обязаны советскому режиму, а потому были готовы ради него на все, чтобы сохранить свое привилегированное положение. Да и система репрессий, высвобождая должностные вакансии, не благоприятствовала выдвижению только самых достойных и способных. Маргинальная элита, являясь выходцем из низов общества, обеспечивала опору верховной власти, предпочитая проверенные и упрощенные методы действий, основанные на покорности и административном диктате. Как замечает А.В. Оболонский, «политика власти, включая самые жесткие, репрессивные акции, осуществлялась руками выдвиженцев, то есть «социально близких» элементов. Тем самым создавалась иллюзия народовластия, что значительно повышало устойчивость политической системы»²⁶². Действительно, возникала иллюзия разумности, правоты и справедливости действий власти, проводимых репрессий. И это заблуждение стало устанавливаться после борьбы с фракционностью и внутрипартийных дискуссий по вопросам развития деревни, источникам строительства промышленных предприятий, темпов социалистического строительства и пр.

Система государственного принуждения, подчинив человека власти, превращала его в винтик и делала беспомощным перед лицом коллективного мнения и выбора. В.П. Макаренко считает, что «...главная цель репрессий заключалась в уничтожении остатков идейных связей в партии. В результате

---

²⁶¹ См. подробнее: Токарева С. Коллективная и личная ответственность в обществе // Власть. – 2012. – № 3. – С. 46 – 47.

²⁶² Оболонский А.В. Советский режим: механизмы властвования // Общественные науки и современность. – 2010. – № 3. – С. 147.

партия была преобразована в такую организацию, которая не обладала никакой иной идеологией и идейной связью, кроме актуальных приказов вождя и партийного аппарата. Партия была сведена к безвольной и распыленной массе»²⁶³. Такое состояние соответствовало характеру проповедуемой и господствующей морали, которая была обезличена и определялась формами коллективного бытия, необходимостью осуществления государственных решений и поддержания высокой политической боеспособности ради строительства светлого будущего.

Усилия ряда индивидов и немногих групп оказывать сопротивление навязываемым моральным нормам лишь порождали новые принудительные действия политической власти. Субъекты политики не хотели искать допустимое согласие между частными интересами отдельного индивида и государственными целями. Поэтому маховик репрессий периодически обращал в поле своего внимания то троцкистов, то интеллигенцию, то других инакомыслящих²⁶⁴. Следствием такой политики стало то, что исходная советская элита была зачищена в борьбе за власть, которую новые выходцы провели посредством репрессий, поскольку они были еще в меньшей степени отягощены моральными ограничениями. На смену пришла телеологическая по своей сути формальная верность идеологическим лозунгам. Ведущими для партийных и государственных лидеров стали основы идеологической непримиримости и фундаментализма, которые определяли согласно абстрактным ценностным идеям, границы разрешенного, что явно противоречило предназначению морали.

Поскольку миссия морали, по мнению Н. Решера, заключается в обеспечении «общих преимуществ» посредством защиты интересов всех людей в процессе их взаимодействия. Следовательно, мораль «...ищет то, как воодушевить и направить действия всех заинтересованных людей через

---

²⁶³ Макаренко В.П. Бюрократия и сталинизм. – Ростов-на-Дону, 1989. – С. 239.

²⁶⁴ См. подробнее: Зима В.Ф. Человек и власть в СССР в 1920 – 1930-е годы: политика репрессий. – М., 2010; Роговин В.З. Власть и оппозиция. – М., 1993; Реабилитация: Политические процессы 30 – 50-х годов. – М., 1991.

осуществление руководства и определение цели для достижения того, что правильно, посредством обеспечения общего интереса группы, с тем чтобы обеспечить преимущество всем заинтересованным»²⁶⁵. Поскольку моральные принципы в советском обществе навязывались властью сверху, такой подход отвечал духу господствовавшей идеологии и авторитарным методам управления. Жесткая ориентация на принципы равенства и коллективизма задавали угрозу администрирования, пренебрежительного отношения к человеку и ценностному содержанию морали. В противном случае было трудно вести борьбу с различными врагами народа и мелкобуржуазными пережитками в условиях осажденной крепости. Поэтому двоемыслие, связанное с разрывом между словом и делом, как и другие черты советского самосознания, Э.Я. Баталов определил следующим образом: «Зависимость советского человека от государства, партии и коллектива; страх перед властями, стоящими над законом; осознание своей неспособности существенно повлиять на ход политических событий не то что в стране, но даже в округе – все это способствовало формированию такой черты советской политической культуры, как конформизм, логическим и психологическим продолжением и дополнением которого в условиях тоталитарного общества выступает нетерпимость к инакомыслию»²⁶⁶. Вследствие сложившихся социокультурных обстоятельств социум в условиях подавленного персонцентризма не мог выполнять задачу морального ограничителя власти, что делало разрыв между политикой и моральными нормами почти полным.

Верховная власть находилась в плену идеологической доктрины, что ярко показывал тезис об обострении классовой борьбы по мере продвижения к социализму, приводя к довольно противоречивым решениям и поступкам. В этих условиях формируется советская правовая система, которая опиралась на явно политизированные правовые нормы, предназначенные обеспечивать

---

²⁶⁵ Rescher N. *Fairness. Theory and Practice of Distributive Justice*. – New Brunswick: Transaction Publishers, 2002. – P. 115.

²⁶⁶ Баталов Э. Советская политическая культура // *Общественные науки и современность*. – 1995. - № 3. – С. 64.

эффективность управленческих структур государства. Согласно Конституции 1936 г., советскому человеку гарантировались широкие права и свободы, проповедовались морально-нравственные устои на основе новых программ в системе образования, реанимировались ценности семьи, пропагандировалось атеистическое мировоззрение и патриотизм, социалистический реализм в культуре и пр.²⁶⁷ Одновременно второй половине 30-х годов присущи масштабные репрессии. Во многом они сходны с моральным уроком, который преподала власть, учившей общество тому, что для него добро и благо, а что нет. Ведь именно в данное время начались моральные гонения коллективами «оступившихся» индивидов, чтобы предостеречь их от идеологических ошибок. То есть при слабом уважении власти к индивиду, периодически осуществлялось, хотя и на идеологической основе обращение к морали и совести человека.

Именно идеологическая работа всегда признавалась в качестве самого важного вида деятельности. Она всегда рассматривалась во взаимосвязи с распространением коммунистического мировоззрения и защитой социалистических идеалов и моральных ценностей. Такая работа требовала оперативности, убедительности, решительности, систематичности, поскольку «успехи идейно-политического воспитания, формирование политического сознания советских людей находятся... в прямой зависимости от активного, эффективного противодействия империалистической пропаганде»²⁶⁸. Все это должно было служить в качестве дополнительного инструмента коррекции поведения и простого человека, и должностного лица, удерживая индивида от склонности к моральному партикуляризму. В период правления И.В. Сталина легко можно было на этом основании попасть в категорию «врагов народа», когда никакие заслуги в расчет не принимались. Поэтому любая лагерная администрация всегда относилась хуже к осужденным по политическим

---

²⁶⁷ См. подробнее: Буббайер Ф. Совесть, диссидентство и реформы в Советской России. – М., 2010. – С. 57 – 65.

²⁶⁸ Кейзеров Н.М., Ножин Е.А. Контрпропаганда: проблемы методологии и методики. – М., 1984. – С. 4.

статьям, чем к заключенным, отбывавшим срок за иные виды преступлений. Ведь первые были идейными врагами, тогда как вторые могли еще морально раскаяться и исправиться. Возможность переделки человека была важна для советского мировоззрения, что нашло отражение у А. Макаренко («Педагогическая поэма») или в литературном творчестве следователя Л. Шейнина. Но результатом доминирования власти над обществом, наличия иерархического характера подчинения, специфической особенности обратной связи, прагматического инструменталистского подхода к морали явилось то, что массовый советский человек стал политически безынициативным и лишенным навыков политической самостоятельности и желания контролировать свою власть и принимаемые ею решения. Сложилась идеологизированная мораль, которая должна была служить укреплению власти. Любые душевные и моральные переживания, в том числе должностных лиц, отодвигались на задний план, так как решения верховной власти определяли все мысли и поступки согласно правилам игры, снимая явную моральную амбивалентность. Поэтому репрессии, как отмечает Н. Верт, предполагали в морально-этическом плане «уничтожение всех политических, личных, профессиональных, административных связей, не имевших в качестве своего основания приверженность политике Сталина или его персоне и выдвижение нового слоя руководителей, которые своей головокружительной карьерой были бы обязаны вождю, что обусловило бы их полную преданность ему»²⁶⁹.

Серьезнейшим испытанием для всей советской государственной системы и ее морально-ценностной основы явилась Великая Отечественная война. Видя себя во враждебном окружении, руководство СССР прилагало максимум усилий по укреплению обороноспособности страны и оттягиванию момента вовлечения в открытое и полномасштабное столкновение. Поэтому активизировалась дипломатическая деятельность, чтобы обеспечить завершение реорганизации и перевооружения армии, не допустить создания антисоветской коалиции западных держав. Приходилось играть на

---

²⁶⁹ Верт Н. Террор и беспорядок. Сталинизм как система. – М., 2010. – С. 162.

противоречиях, отодвигая идеологические принципы на задний план. Учитывая, что идеология есть «средство более ценное, чем знания, которое используется не только для объяснения, но и для эффективной практической деятельности, отчего она должна восприниматься во всей своей правоте. Она должна обеспечивать моральную силу легитимации, без которой политическая практика утонет среди разнообразных стремлений»²⁷⁰. Такой подход позволяет видеть сугубо прагматический характер подписанных СССР договоров о ненападении с фашистской Германией и о нейтралитете с милитаристской Японией, которые уже активно вели захват новых территорий. Морализаторский подход при подготовке данных соглашений мог бы объективно нанести большой ущерб проводимой практической политике. Западные державы, обвинившие советских политических деятелей в аморальности их политики, исходили из обиды и желания втянуть СССР в войну на своей стороне и на своих условиях. А это на тот момент не отвечало, как понимало советское руководство, национальным интересам страны и сохранению суверенитета. Моральный релятивизм вызывал рецидив тайной дипломатии, которую решительно осудили большевики еще после Октябрьской революции. Его проявление было связано с наличием «Секретного дополнительного протокола», разделившего сферы влияния между Германией и СССР. В условиях нарастающей военной угрозы это выглядело для советского руководства временной и допустимой мерой, но в перспективном плане закладывало мину морального осуждения со стороны ряда стран. Геополитика оказалась в заложницах морали.

Следствием рассмотренных действий явилась советско-финская война, которая подтолкнула Финляндию к союзу с Германией, ультимативному требованию к Румынии вернуть Бессарабию, насильственной советизации бывших восточных районов Польши и прибалтийских республик. Борьба со злом в лице фашизма вплоть до 22 июня 1941 г. оказывалась явно противоречивой. Договор с Германией «ограничивал» возможности осуждения

---

²⁷⁰ Kane J. Ibid. – P. 17.

фашистской агрессии и помощь ее жертвам, привел к свертыванию идеологического и морального осуждения фашизма внутри страны средствами массовой информации и культуры. А уверовав в непогрешимость избранного политического курса отношений с Германией, высшие политические лидеры СССР с недоверием относились к информации о подготовке Гитлера к войне с советским государством. Политика в рамках идеологического клише вступала в противоречие с объективными условиями, которые требовали адекватной моральной оценки происходивших событий. Идеи разбить врага на его территории, беззаветного служения, верности идеалам и другие в череде жестких мер по административному регулированию трудовых отношений (борьба с «уклонистами» в колхозах или дисциплинарные репрессии за выпуск некачественной продукции и опоздание на работу) слабо отвечали провозглашенному моральному идеалу социализма. Административному аппарату и правящей партии приходилось обращать серьезное внимание на мобилизационно-воспитательную функцию для реализации своих целей и задач. Как отмечает Ш. Фицпатрик, «правлящий авангард обнаружил, что массы отнюдь не всегда хотят идти туда, куда он их ведет. В реальной жизни лидерство несколько утратило свое очарование: руководитель становился похож не на командира, героически ведущего солдат в бой, а, скорее, на буксир, волокущий мертвый груз в гавань. Порой, чтобы все же заставить свои войска двигаться, командирам приходилось гнать их вперед под дулом пистолета»²⁷¹. Со всей очевидностью моральные нормы советского образца смогли действительно заработать лишь в тяжелейших условиях, порожденных войной с гитлеровской Германией. Тогда возник социальный запрос на героические деяния в повседневной жизни, умение мобилизовывать, принимать индивидом ответственность на себя и действовать самостоятельно, быть терпимым к чужим ошибкам и другое, что ранее не находило своего отражения в условиях идеологического диктата, примата политической целесообразности

---

²⁷¹ Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город. – М., 2008. – С. 51.

над моралью.

Огромные потери начального периода Великой Отечественной войны обострили проблему моральной ответственности государства и его лидеров за допущенные просчеты. Во многом та жестокость и человеконенавистническая идеология, которой руководствовалась германская армия и оккупационные власти, переломили настрой советского общества. Война оказалась борьбой за выживание народа. Требовалось сплочение всех граждан перед лицом гораздо большего зла, который нес германский фашизм, нужна была мобилизация всех имеющихся ресурсов для его разгрома. А.А. Гусейнов указывает, что «ориентация на реалистичность целей как условие соответствия средств целям означает, что мы сами цели ставим в зависимость от средств, т.е. отказываемся от целеполагания как причинности «наоборот» или в лучшем случае считаем его простой видимостью...»²⁷². И для такого соответствия имелись достаточные ресурсы, несмотря на многочисленные издержки (например, часть солдат предпочла сдаться в плен в начальный период войны, возник коллаборационизм). Моральный долг вызвал у советских людей громадный рост патриотических настроений. Поэтому лидеры государства попытались опереться на национальные чувства и традиции, ими был открыт ряд церквей, было разрешено колхозникам торговать продуктами со своего участка, смягчены крайние формы идеологического контроля. Такая политическая линия оказалась востребованной и отвечала общим умонастроениям.

Поскольку война оказалась всеобщей, все ее участники должны были учиться воевать и работать по-новому. Ведь попытки мелочной опеки за командным составом (примером являются взаимоотношения Г.К. Жукова и И.В. Сталина по Ельнинской операции или сдаче Киева, вмешательство Л.З. Мехлиса и других политкомиссаров в действия командиров) или перекладывание ответственности высшего руководства на исполнителей (дело генерала Д.Г. Павлова, приказ №270 о красноармейцах, оказавшихся в плену)

---

²⁷² Гусейнов А.А. Цели и ценности: как возможен моральный поступок? // Этическая мысль. – Вып. 3. – М., 2002. – С. 9.

не способствовали проведению ответственной политики, которая была бы сообразна требованиям морали. Единство общества и поддержка им власти обеспечивалось необходимостью борьбы с общим врагом. Хотя следует признать, что власть плохо доверяла своим гражданам и пыталась прежними административными мерами контролировать общество, что подтверждает создание заградительных отрядов, усложнение процесса разводов, усиление уголовной ответственности за нарушение трудовой дисциплины, проведение депортации ряда народов ²⁷³. А в этих деяниях власть руководствовалась не моральными соображениями, а политической целесообразностью, традицией системоцентризма. Поэтому трудно оправдать с моральной точки зрения отношение государства к собственным пленным, которых после освобождения ожидало недоверие и лагеря. Проверкам подвергались партизаны, находившиеся на временно оккупированной территории, принудительно угнанные на работу в Германию, лица, распространявшие ложные слухи, и пр.

Можно согласиться с тем, что война обнажила моральную пагубность тоталитарного режима, когда фактически прекратилась коллективная работа, а решение в центре и на местах принимали большие и маленькие диктаторы, руководствовавшиеся в своей некомпетентности и безответственности решениями вышестоящих должностных лиц. И эту концентрацию власти, ее целесообразность и эффективность определяли не моральные мотивы, хотя действия ее представителей и ближе к «негативной этике», так как базировались на запретах и ограничениях. Все же моральные действия в этот период можно найти в героических поступках людей, которые руководствовались не официальной идеологией. Участник Великой Отечественной войны Б. Момыш-улы писал о героизме, что «это не дар природы, а результат воинского воспитания, сознательного принуждения себя идти на опасность для выполнения долга перед отечеством, ограждая прежде всего собственную честь и благородное достоинство гражданина от чувства

---

²⁷³ См. подробнее: Кара-Мурза С.Г. Советская цивилизация. – М., 2008. – С. 495 – 499.

низости, позора и стыда»²⁷⁴. Эти моральные ориентиры проявлялись именно в коллективе и ради коллектива. В то время как партийно-государственные руководители, ориентируясь на достижение поставленных планов и целей любой ценой и имея опыт опоры на субъективизм, формализм, митинговщину и очковтирательство, пытались дополнительно использовать идеологию. С этой целью ими поощрялись различные инициативы, пропагандировался народный энтузиазм. Однако искать истоки «массового героизма» и «советского патриотизма» в условиях, когда весь народ поднялся на борьбу с врагом, в репрессиях органов НКВД, контроле комиссаров или ином, приводит к ошибочному отрицанию моральных ориентиров у граждан советского общества²⁷⁵. Следует учитывать и огромный пример тех рядовых коммунистов, которые выполняли свой гражданский долг, выступая моральным образцом для других членов общества.

Несомненно, победа в Великой Отечественной войне дала шанс на возрождение значения моральных ориентиров в деятельности власти. Но ее авторитарная сущность осталась неизменной, общество поддерживало своих руководителей, которые привели к победе над Германией, что позволяло по-прежнему проводить идеологическое обоснование преимуществ сталинской модели социализма и системоцентристской организации власти. Сама же политическая целесообразность диктовала необходимость продолжения строительства социализма и его модернизации.

Во второй половине 40-х годов происходит становление новой блоковой организации мира, в основе которой было противостояние Запада и Советского Союза. Внешние условия принуждали сохранять мобилизационную модель развития, чтобы противостоять военной угрозе и ядерному шантажу. Но следствием этого противодействия стало обнищание села, вызванное забоем скота, ограничением рыночной торговли для крестьян, отток населения в

---

²⁷⁴ Момыш-улы Б. Психология войны: книга-хроника. – М. – Алма-Ата, 1990. – С. 155.

²⁷⁵ См.: Гофман И. Сталинская война на уничтожение: планирование, осуществление, документы. – М., 2006. – С. 131 – 182; Попов В.П. Большая ничья. СССР от Победы до распада. – М., 2005. – С. 57 – 63.

города и пр. Да и приказные методы управления при нарастающей борьбе за власть в последний период правления И.В. Сталина вызвали явный дисбаланс между политикой и моралью, сохранение моральной амбивалентности. Доносительство, шпиономания и репрессии становились инструментом борьбы «старой гвардии» и новых сталинских выдвиженцев, предлагавших различные реформы и эксперименты по оптимизации управления, развитию легкой промышленности, снижению налогового бремени на деревню, оживлению внутрипартийной жизни. При этом шпиономания воспринималась различными руководителями как оправданное, испытанное и достаточное средство для устранения конкурентов, повышения бдительности граждан и борьбе с ротозейством, что находило отклик в письмах трудящихся. Грязные механизмы политической борьбы использовались для укрепления власти, подчиня себе любые моральные нормы для оправдания своих действий²⁷⁶. И после эпохи Сталина подобные аморальные методы не были исключением. Если ранее разоблачения шли по линии осуждения «троцкизма» и иных уклонов, то Н.С. Хрущев объявил борьбу со сталинизмом ради укрепления личной власти²⁷⁷.

Последующий этап социалистического строительства в СССР был связан с различными попытками советских руководителей провести те или иные реформы и преобразования, чтобы придать динамизм в развитии страны и приспособиться к ведущим тенденциям мирового развития. Такие устремления возникали от неудовлетворенности общества и самой правящей элиты проводимым курсом. Множество различных постановлений ЦК КПСС по «улучшению», «углублению», «развитию» сигнализировали со всей очевидностью, что политический механизм системоцентристского управления дает явный сбой, слабо мобилизуя широкие массы, а значит, вызывает усиление морального диссонанса и моральной амбивалентности социума и партийного и государственного руководства. Поэтому действия власти определились

---

²⁷⁶ См. подробнее: Пыжиков А.В., Данилов А.А. Рождение сверхдержавы. 1945 – 1953 годы. – М., 2002. – С. 208 – 286.

²⁷⁷ См.: Ферр Г. Антисталинская подлость. – М., 2007. – С. 176 – 201.

инициативой правящей элиты и нацеливались на ее укрепление, что определяло направленность социально-экономических нововведений. Кроме того, часто реформирование использовалось в борьбе за власть, отчего преобразования проводились административным аппаратом при пассивной и формальной поддержке населения ²⁷⁸. Фактическая олигархизация верховной власти создавала проблему восприятия и переработки информации, которая шла «снизу». А это затрудняло возможность корреляции политических решений с моральными запросами и ценностными ориентирами граждан, поскольку разрыв между верхами и низами в дальнейшем только усиливался, приводя к росту морального партикуляризма и морального релятивизма. Постепенно накапливались противоречия между провозглашенным курсом и реальной политикой, что нашло выражение в быстрой исчерпаемости процессов демократизации при Н.С. Хрущеве, затухании производственного самоуправления, боязни кардинальных реформ.

В создавшихся условиях политика становилась инструментом поддержания сложившегося социального равновесия. Моральными ориентирами в нем выступали мифологические установки, которые были связаны, как и прежде, с игнорированием личностного мира, изданием массива пропагандистской литературы, воспеванием революционного движения. Иллюзия полной победы социализма дополнялась моральным лицемерием по искажению отчетности и припискам, позволявшим получать награды от вышестоящих органов власти. Такая модель управления и ее ценностные установки противоречили высокому смыслу морали, ее духовному содержанию. Искажалась тем самым даже служение советскому идеалу, что порождало усиливающуюся аполитичность граждан и их моральный релятивизм установок и ценностей. При этом различные и многочисленные факты инакомыслия (письма в инстанции, диссидентское движение, частные

---

²⁷⁸ См.: Смирнов А.В., Руженцев С.Е. Исторический опыт реформирования российского общества во второй половине XX века // Реформирование российского общества: опыт, проблемы, перспективы. – Воронеж, 2007. – С. 118 – 121.

разговоры) свидетельствовали об ослаблении идеологического единства общества и моральном недоверии к власти со стороны общества. Но, как отмечает С.И. Никонова, «...власть была уверена в незыблемости официальной идеологии и недооценивала кризис советского общества, в большей мере связанный как раз с идеологической сферой»²⁷⁹. Во многом это было вызвано десакрализацией власти, вызванной разоблачением культа личности, что отрицательно повлияло на легитимацию правящей элиты, которая хотела иметь зависимого лидера, а это вело к выдавливанию из управленческого аппарата любых реформаторов, которые рано или поздно осознавали бессмысленность или безрезультатность своих усилий изменить что-либо.

Скатывание к «застою» и было вызвано всеми отмеченными обстоятельствами. Хотя советское общество сделало громадный рывок в своем развитии, в нем имелась масса различных противоречий. В экономике не сложились механизмы саморазвития, в политической сфере перерождалась элита, сохранившая статусные привилегии и не создавшая механизмы ее демократического обновления, в культуре оформился тип личности, сочетавший традиционную соборность и достижения современной культуры²⁸⁰. Советское общество застряло между традиционной и либеральной системами, непрерывно ведя борьбу за свое выживание и существование. И эта внутренняя борьба отражалась в конфликте ценностных ориентаций, поскольку моральным предписаниям трудно было влиять на политические решения. А политическое руководство страны способы решения назревших проблем видело только в аппаратных методах, что выводило мораль из сферы влияния на политику, которая оказалась сосредоточенной в различных отделах ЦК партии, являвшихся, в сущности, неконтролируемыми структурами для общества. Поэтому серьезные проблемы и важнейшие решения были прерогативой узкого

---

²⁷⁹ Никонова С.И. Государственная политика в области идеологии и культуры в контексте советской действительности (середина 60-х – середина 80-х годов XX века: Автореф. на соиск. уч. степ. докт. ист. наук. – Казань, 2009. – С. 25.

²⁸⁰ См.: Вишневыский А.Г. Серп и рубль: Консервативная модернизация в СССР. – М., 1998. – С. 418.

круга лиц, что усиливало проявление моральной амбивалентности и ослабляло моральную поддержку общества. Проблемы исчерпания резерва рабочей силы, сверхмилитаризация экономики и иные вопросы на фоне громких рапортов о новых победах усиливали расхождение между политикой и моралью. В.И. Бакштановский, Ю.В. Согомонов и В.А. Чурилов считают, что причинной многих проблем являлось игнорирование этики политического успеха, основанной на рациональных принципах, так как она позволяет преодолевать противоречие между сущим и должным. Поскольку «зрелая мораль» «проявляется в формальной всеобщности, т.е. в различении морально положительного и морально отрицательного с последующим «запуском» механизмов долженствования и самоконтроля»²⁸¹.

Попытки группы лиц из диссидентского движения сигнализировать о неблагополучии в обществе и государстве наткнулись на глухую стену непонимания, боязни, безразличия. Общество постепенно оказалось морально дезориентированным. С одной стороны, вытеснение «смысложизненных» ценностей на периферию формально утвердило ранее культурно однородное общество со своими мировоззренческими ориентирами. Но стремление к их сохранению объективно сопровождалось борьбой за «идеологическую чистоту» и усиление «политической целесообразности» вне моральных посылок²⁸². В то же время (60 – 70-е годы) быстро шла культурная дифференциация общества, которая усиливала автономность морали от существующей политики и развитие её партикулярного характера проявления, усиление персоноцентристской тенденции, отражавшейся в неформальных настроениях и интересах. С другой стороны, возникающее социальное напряжение находило свое выражение как в разложении низов (пьянство, мелкие хищения, коррупция и др.), так и верхов (использование служебного положения, торговая мафия, перебои в снабжении товаров и пр.). Очевидно, что прежние моральные нормы,

---

²⁸¹ Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В., Чурилов В.А. Этика политического успеха. – М., 1997. – С. 131.

²⁸² См.: Пихоя Р.Г. Советский Союз: история власти. 1945 – 1991. – Новосибирск, 2000. – С. 310 – 371.

основанные на идеологических постулатах, перестали оказывать определяющее воздействие на политическое поведение.

Таким образом, советская власть, трансформировав политическое пространство согласно своим целям, связала ценности блага и пользы. Однако общество было лишено всякого права оценивать себя и саму власть. Создав единые ценностные основы и своеобразное социокультурное поле, принятый этос, искажал восприятие действий своих субъектов власти. Поэтому такое общество не могло пребывать длительное время в неизменном состоянии. Ведь оно поддерживало искаженные моральные установки по отношению к власти, узурпировавшей права на любые деяния. Действия власти приобрели свойство ритуала, который имел характер морального одобрения со стороны социума. Избранная форма сакрализации проводимой властью политики вступала в противоречие с гуманистическими целями, подрывая ощущение гражданской сопричастности, солидарности, вело к искаженной коммуникации между властью и обществом, что лишь усиливало выражение между ними моральной амбивалентности.

Политические решения и действия субъектов политики предполагали поддержку общества, которая была организована сверху, а не являлась результатом духовных и моральных исканий социума. Ведь системоцентризм растворяет личность, ее стремления в интересах целого, которым выступает государство, идеология, правитель, обычай. Индивид становится средством функционирования этого целого ради поддержания ее стабильности. Поэтому системоцентризм стремится игнорировать индивидуальное сознание, активность, вынуждая человека действовать в рамках дозволенного социальной системой. Целью системоцентристских структур становится поддержание собственной стабильности посредством традиций, идеологического давления, подавления инакомыслия, навязывания узких групповых моральных установок. Моральная ограниченность его определяется подавлением оппонента или подчинением его, что неизбежно усиливает моральный релятивизм до существенных величин. Итогом стала утрата властью морального доверия. Это

получило проявление в виде роста ценностных aberrаций, отражавших расхождение между личным и общественным, усиление коррупции, искажениях представлений о справедливости, появление потребительского стиля жизни, других аномических явлениях. Следствие этого был подрыв имевшихся моральных норм и ослабление влияния частной морали на индивидов. Ведь всякое моральное расхождение с позицией власти было оттеснено в частную сферу как партикулярное, которое не соответствует политическим целям и идеалам власти. Соответственно это нарушало баланс взаимодействия морали и политики, подрывало приемлемые представления о допустимых действиях в политической сфере и оценке эффективности их результатов.

Выводы: 1) Советская власть изначально была ориентирована на интересы широких слоев общества, предлагая им политические и моральные цели; 2) советский системоцентризм был нацелен на растворение отдельного индивида в интересах целого, которое определяло рамки дозволенного поведения; 3) моральные нормы оказались в заложниках идеологии, определявшей «сверху» ориентиры и ценности для общественного сознания; 4) посредством моральных норм осуществлялось дополнительное влияние на сознание индивида, его воспитание, образование, трудовую деятельность в интересах государственной политики; 5) верность партии и государству, коллективный характер деятельности, трудовой героизм выполняли роль императивов для каждого человека; 6) ослабление привлекательности ценностных ориентаций системоцентризма привела к моральной дезорганизации общества, поскольку искажались моральные нормы в отношении политики, приобретая формализованный характер.

2.3. Демократизация общества в перестроечный период развития России: конфронтация политики и морали

Цель: Показать непоследовательность процессов демократизации общества, вызвавшие конфронтационное обострение между «обновленным» политическим курсом и устоявшимися моральными нормами.

Задачи:

- раскрыть социальные основания, способствовавшие нарастанию кризиса в отношениях между политикой и моралью;
- показать противоречивость целей и методов провозглашенной перестройки, которая заложила радикализацию проводимого политического курса;
- выявить роль демократических процессов в разрушении системоцентристской основы политической власти;
- рассмотреть утрату политическим руководством инициативы в проводимых реформах и влияния амбициозной оппозиции на политическую ситуацию;
- показать значение победы демократической оппозиции в завоевании симпатий общества для последующего подчинения морали либеральным ценностям;
- выявить системный характер политического кризиса, нарушившего сбалансированность институциональной и нормативно-ценностной структур, конфронтацию морали и политики.

На протяжении длительного периода советская модель организации и осуществления власти воспринималась как обладающая огромным запасом прочности. Нацеленная на стирание грани между обществом и государством, политическая власть стремилась к тому, чтобы определять не только все надстроечные процессы, но и контролировать в качестве самостоятельного субъекта и отношения собственности, и морально-нравственную сферу социальных отношений. Это изначально требовало поддержания сложившейся

системы ценностей и моральных установок.

Как известно, копившиеся десятилетиями проблемы не находили адекватного и должного решения. К началу 80-х годов стало заметно, что дисбаланс между политикой и моралью стал вполне очевиден, поскольку мобилизационная модель управления уже не работала, погоня за материальным благополучием подтачивала идеологические основы власти, а усиливающийся дефицит ставил под сомнение избранную модель догоняющего развития. Возникало нарастающее понимание несоответствия политических целей (хотя их в тот момент никто не оспаривал, даже в диссидентских кругах) и избранных средств их реализации. Формализация политических лозунгов, идеологических установок и моральных императивов только обостряли проблему усиливающейся аномии всего общества. И хотя острый кризис еще пугающе не проявлялся, обстановка объективно требовала от политической власти проведения существенных реформ по модернизации социальных отношений и приданию социализму «второго дыхания».

Общество, давая оценку сложившимся в то время институтам и отношениям с точки зрения должного, социальной справедливости, пыталось понять, в какой степени имевшиеся условия способствуют стабильности социума и одновременно его развитию, насколько согласуются общее благо и частные интересы, насколько реализуются основополагающие моральные принципы. Не случайно, Дж. Роулз обосновывал свою теорию справедливости через равенство свобод и возможностей, устанавливаемых посредством взаимной договоренности людей между собой.

Объявленный в 1985 г. курс на перестройку давал возможность найти баланс между политической линией в новых условиях и моральными принципами, чтобы смягчить моральную амбивалентность. Требовалось пересмотреть логику могущества Советского Союза, чтобы найти выход из морального тупика. Цели построения справедливого общества противоречили факты проявления повсеместной коррупции и цинизма в повседневной жизни, отражавшие моральный партикуляризм и моральный релятивизм всего

социума. Как отмечает М. Гарселон, перестройка выявила глубокий раскол советского руководства в понимании того, как справиться с существующими «несоответствиями». Поэтому «...уже ранняя фаза перестройки создала ex nihilo хрупкую общественную область на политическом поле, заблаговременно подчиненную широкому авторитарному контролю, открыв возможности для быстрого роста оппозиции власти и политике КПСС»²⁸³.

Сформировавшаяся система власти и управления явно недостаточно отвечала условиям нового витка научно-технической революции. Время требовало инициативного и самостоятельного работника, свободного от бюрократических предписаний и контроля. Существующая политическая система, стремясь к стабильности и устойчивости сложившихся социальных отношений, что не обеспечивало должной гибкости и динамизма развития. Кроме того, в обществе вызревало определенное недовольство методами номенклатурного руководства. Ослабление позиций в качественных аспектах военно-технической гонки, вызванных традиционным стремлением к увеличению количественных показателей, только обостряло возникающие проблемы. Очевидно, что престарелое руководство страны просмотрело надвигающийся кризис социализма и не сумело найти адекватную программу социальных реформ. Патернализм коммунистической власти, имевший в основании иерархические отношения, не мог способствовать проявлению преобразовательных инициатив снизу. Поэтому роль морального вдохновителя перестройки могло взять на себя только высшее советское руководство, которое должно было восстановить официальное доверие к власти со стороны общества и его образованной части. Кроме того, требовалось также решать в комплексе и социально-экономические, и культурно-идеологические, и моральные проблемы, которые были заложены в советской системе или сформировались в ней за время ее существования.

Ориентация на политическую и социальную стабильность,

---

²⁸³ Garcelon M. *Revolutionary Passage/ From Soviet to Post-Soviet Russia, 1985 – 2000*. - Philadelphia: Temple University Press, 2005. – P. 39.

существовавшая достаточно длительный период, только усиливала диалектическую значимость и необходимость реальных нововведений. Стабильность власти с течением времени неизбежно порождает деформации, опасность морально-нравственного перерождения тех лиц, которые осуществляют управленческие функции. С другой стороны, жесткая партийная дисциплина предполагает защиту авторитета вышестоящего руководителя, порождая такие моральные aberrации как лицемерие и подхалимство. А при такой абсолютизации роли высшего руководства при условии отсутствия широкого и действенного контроля общества по отношению к политическим лидерам любые решения неизбежно приобретали субъективно гипертрофированное значение. Это создавало почву для замены продуманных и взвешенных решений на эйфорические самозаговаривания, которые привели к последующему развалу политической системы и СССР, что позволяет с моральных позиций осуждать эффективность политических решений перестроечного времени. Так, в своей работе В.С. Семёнов подвергает острой критике малопродуманные действия и шараханья М.С. Горбачева, считая его ответственным за последствия перестройки²⁸⁴. Другая позиция была основана на попытке определить некие объективные и противоречивые основания, которые подтачивали систему изнутри в силу ее авторитарности и негуманности. И. Пантин определяет их на основе социально-экономического и культурно-психологического аспектов. Последние и были связаны с гипертрофией «народнического комплекса» с его идеей соборности (коллективизма), противоречившего демократии и присущими ей индивидуальным сознанием и свободой²⁸⁵.

Очевидно, лицо, принимающее решения, а также любой исполнитель руководствуется некими моральными установками и критериями. В процессе реализации поставленной цели уже формируется ценностное отношение

---

²⁸⁴ См.: Семёнов В.С. Уроки XX века и путь в XXI век. – М., 2000. – С. 263 – 280.

²⁸⁵ См.: Пантин И.К. Россия: окончание исторического цикла? // Pro et Contra. – Том 4, № 3. – 1999. – С. 125 – 127.

заинтересованных лиц и социальных групп к происходящим процессам и достигнутым результатам. Тем самым закладываются альтернативные моральные оценки восприятия эффективности действий, соответствия закону, приверженности существующим традициям. Многокритериальность в оценках неизбежно «закрепляет» альтернативность и неопределенность принятия решений и практических действий в политике. Поэтому политический деятель руководствуется целью и полезностью, исходя из тех или иных морально-ценностных критериев. А этический анализ позволяет понять характер и степень многочисленных проблем и скорректировать посредством их интерпретации проводимую политику.

Сложившаяся ситуация объективно требовала от правящей элиты непредвзятого пересмотра прежних подходов во всех сферах общественной жизни. Первоначально идеологи перестройки искали моральную основу своей политики в советском прошлом. Эти поиски первоначально были в рамках существовавшей модели псевдосинкретизма и утилитаризма. Традиционно провозглашалась уникальность советской цивилизации, верность идеалам на основе единства власти и народа, которое в новых условиях предполагает «глубокое обновление всех сторон жизни страны, придание социализму самых современных форм общественной организации, наиболее полное раскрытие гуманистического характера нашего строя во всех его решающих аспектах...»²⁸⁶. Идея соединения демократии и социализма неизбежно породила проблему переоценки имевшихся ценностей и, как минимум, подрыва существовавших нравственных, правовых, эстетических и иных представлений, к чему политическая власть оказалась явно не готова.

Преобразование общественных отношений, как показывали многочисленные поездки М.С. Горбачева по стране, сопровождалось административно-идеологическим нажимом на сознательность, чтобы включить граждан в реализацию идей «гласности», «ускорения», «нового

---

²⁸⁶ Горбачев М.С. Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира. – М., 1988. – С. 31.

мышления», «перестройки», «демократизации». При этом высшее руководство (М. Горбачев, В. Медведев, А. Яковлев и др.) столкнулось с банальным сопротивлением чиновничества, которое руководствовалось не столько моральными нормами и юридическими принципами, сколько прагматическими подходами и идеологическими клише. Такое всевидение партии одновременно отражало и слабость ее как политического института, поскольку административно-управленческий аппарат определял характер и эффективность действий своего лидера ²⁸⁷. Поэтому складывание публичной сферы политики на основе ценностей гласности и плюрализма, общественных дискуссий, дополненных позже новыми избирательными изменениями, привело к появлению независимой от власти политической активности, подрывавшей былое партийное влияние. Действующая политика постепенно переставала отвечать социокультурным установкам, ценностным запросам и моральным представлениям наиболее активной части общества, приводя к усилению морального партикуляризма. Тогда как для общественной морали более значимы интересы и ценности большинства.

Возможный замысел «архитекторов» перестройки противоречил реальной политике. Обеспечивая себе опору, М.С. Горбачев повел наступление за омоложение кадров. Как отмечает Р. Даниелс, «сопротивление бюрократии вынудило Горбачева выступить против власти сталинского партийного аппарата. Это подвело его к необходимости оспорить уже саму суть ленинской партийной системы: монолитную дисциплину коммунистической партии и её контроль над всеми институтами советского общества. ...Отвергнув непосредственное доминирование партии над государственными органами в лице советов и пригласив непартийные организации вступить в плюралистический диалог с партией..., он пошел против того режима власти, который сложился еще со времен Гражданской войны»²⁸⁸. Следствием попытки

---

²⁸⁷ См.: Gill, Graeme J. *The Collapse of Single-party System*. – N.Y.: Cambridge University Press, 1994. – P. 1 – 12.

²⁸⁸ Даниелс Р.В. *Взлет и падение коммунизма в России*. – М., 2011. – С. 459.

соединить социализм с демократией стал поток разоблачительных статей на закрытые и темные страницы советской истории при одновременной идеализации дореволюционной России и выдвижении тезиса о том, что революционные потрясения 1917 года разорвали естественно-исторический ход развития страны, уведя от столбовой дороги мировой цивилизации. Такое «перерождение» перестройки во многом оказалось обусловлено внутренними противоречиями и её явной моральной амбивалентностью. Ведь трудно обновлять централизованную экономику при однородности отношений собственности, господстве государства в качестве собственника, когда провозглашается достижение гуманистического социализма с сохранением господства административной системы и доминирования КПСС во всех сферах жизни общества. Существовавшие противоречивые цели и методы их реализации только вызвали ценностный диссонанс между политикой и моралью. Общество оказывалось дезориентированным относительно тех моральных ценностей, которых придерживалось в действительности, и навязываемых установок политического руководства. А поскольку на первом этапе перестройки не получалось придать социализму второе дыхание, используя испытанные бюрократические рычаги, политические лидеры решили взять на вооружение идею сокращения влияния партийных структур, идею интеграции СССР в западное сообщество, социал-демократизации общественных отношений с допуском альтернативных выборов и хозяйственной самостоятельности. По замыслу, это должно было дать свободу народной инициативе и активизировать человеческий фактор в противовес бюрократическому «механизму торможения» при сохранении основных ценностных доминант.

Можно сказать, что прологом радикализации общественных преобразований и подрыва существовавших моральных ценностей и норм явилось формирование хозрасчетного социализма в 1987 – 1988 годах. Казалось бы, новый курс сочетает централизованное планирование и ведомственный монополизм с одновременно значительным расширением хозяйственной

самостоятельности предприятий. Но такой подход предполагал отказ КПСС от административного вмешательства в управление народным хозяйством²⁸⁹. Закон о государственном предприятии (объединении) 1987 г. превращал все предприятия в самостоятельные обособленные единицы, работающие на основе хозрасчета и самоокупаемости, подрывая советские моральные и идеологические основы. В одночасье предприятия стали обладать юридической возможностью самостоятельно выбирать себе партнеров, реализовывать продукцию, распоряжаться своим имуществом, финансами, рабочей силой, что разрушало базу системоцентристской политики, укрепляя влияние персоноцентризма. Данный закон также декларировал право трудового коллектива предприятия выбирать себе руководителей и контролировать администрацию. М.С. Горбачев предполагал, что посредством принимаемых мер «предприятия должны быть поставлены в такие условия, в которых между ними разворачивается экономическое соревнование за лучшее удовлетворение спроса потребителей»²⁹⁰.

Реализация принятого закона почти сразу же выявила не только отсутствие проработки последствий принимаемых мер, но и явное расхождение провозглашенных целей и избранных средств данной политики. Его последствия вызвали ограничения для предприятий на оптовую торговлю, введение бартеризации, вымывание из производства товаров дешевого ассортимента и т.д. Очевидная неудача принятых мер вызвала законы о кооперации и об индивидуальной трудовой деятельности (1988 г.), которые уже закладывали элементы рыночных отношений в социальную структуру общества, легализовав предпринимательство. Политические лидеры своими действиями обострили не только прежние социально-экономические проблемы, но и породили новые. Моральный выбор тех или иных действий, несомненно, требует учитывать множество конкретных обстоятельств. Но поскольку принимаемые решения не давали положительного результата, то выдвигаемые

---

²⁸⁹ См.: Рыжков Н.И. Перестройка: история предательств. – М., 1992. – С. 92 – 93.

²⁹⁰ Материалы Июньского Пленума ЦК КПСС, 25 – 26 июня 1987 г. – М., 1987. – С. 49.

цели переставали увязываться с моральными ориентирами, подменяя ложь и правду, должное и сущее. Средства политики, ради получения стабильности экономической системы и сохранения власти, превращались в самоцель, раскручивая маховик преобразований, противостояние морали и политики. А поскольку политика представляет собой инструмент воплощения моральных идеалов, норм и ценностей, возникал отрыв политики от моральных ограничителей, обостряя проблему морального релятивизма. Ведь экономические преобразования ломали существовавшие механизмы административно-командного управления, не создавая взамен сколько-нибудь единую и полноценную систему новых механизмов, а также четко и эффективно регулируемую структуру новых социальных отношений и устойчивых социокультурных ориентаций. Все это размывало и разлагало имевшуюся систему ценностей, обнаруживая плохую согласованность целей и средств, расхождение между индивидуальными устремлениями и методами их достижения. Поэтому-то часто встречается позиция, обвиняющая бюрократический аппарат в противодействии экономическим реформам из-за опасения потерять свои былые властно-распорядительные функции ²⁹¹.

Такой несогласованности политики с моралью не могло не проявиться по причине того, что нельзя было ликвидировать заинтересованность самих предприятий в государственной системе распределения ресурсов, которая гарантировала им производственную и финансовую устойчивость. Да и государство оставалось определяющим заказчиком в производственной сфере, регулятором договорных обязательств между субъектами деятельности. А поскольку реформа ценообразования вступала в действие при сохранении плановых показателей, она вела к увеличению цен для урегулирования спроса и предложения, вызывая перетекание средств и ресурсов в частный сектор (кооперативы и совместные предприятия). Личный интерес и выгода оказались

---

²⁹¹ См., напр.: Мау В.А. Экономика и власть. Политическая история экономической реформы в России, 1985 – 1994. – М., 1995. – С. 20; Боффа Дж. От СССР к России. История неоконченного кризиса. 1964 – 1994. – М., 1996. – С. 158 – 167, 173 – 177.

выше существовавших моральных норм, обостряя ещё больше моральную амбивалентность внутри социума. В свою очередь узкогрупповой интерес, набирая силу и влияние, постепенно стал давить на принимаемые политические решения. Поэтому можно согласиться с мнением Н.М. Плискевич, которая видит главное следствие Закона о госпредприятии в разрушении хозяйственной вертикали системы управления ²⁹². Оформлявшемуся политическому курсу оказывались явно лишними прежние моральные регуляторы деятельности и социокультурные установки, поскольку происходил подрыв существовавшей плановой дисциплины и утрата государством контроля за обращением денежных средств. Следствием этого являлась дезорганизация производства, появление открытой инфляции, резкий рост дефицита товаров, отчего разложение социальных отношений и их ценностных оснований стали приобретать не просто заметные, а угрожающие формы.

В обстановке гласности и курса на демократизацию противоречивая и ухудшающаяся ситуация стала остро восприниматься обществом. По мере того, как реформы буксовали, а обещания властей не сбывались, происходила радикализация общественного сознания. С другой стороны, при отсутствии активной поддержки реформ со стороны общества в условиях скрытого сопротивления аппарата управления любые кардинальные меры обрекались на провал. Однако в сложившихся непростых обстоятельствах политическое руководство страны идет на неординарные политические преобразования. С «морализаторской» точки зрения, руководство породило целый комплекс противоречий и конфликтов, которые урегулировать не удалось. Как указывает Б.Г. Капустин, «“неразрешимыми” политические проблемы делают не столкновение интересов как таковых, всегда допускающие торг и квантифицированное урегулирование спора..., а трансформация этого столкновения через подведение под него универсальных и предельных

---

²⁹² См.: Плискевич Н.М. Утопизм и прагматизм российского реформаторства // *Общественные науки и современность*. – 1998. – № 1. – С. 23.

оснований, превращающих его в абсолютный выбор»²⁹³. Данная мысль позволяет понимать, что происходило нарастающее противостояние существовавших и народившихся демократических ценностей, которое урегулировать политическими или моральными средствами было крайне затруднительно, что в конечном итоге привело к последующему отказу от социализма и развалу СССР.

Начало политических реформ было намечено XIX Всесоюзной конференцией КПСС (июнь 1988 г.), которая приняла целый пакет решений на изменение советской политической системы, связанных с созданием правового государства, разделением и демонополизацией власти, введением публичности политического процесса на основе гласности. Такие меры означали отказ от юридически бесконтрольной власти партийного аппарата, передачу реальной власти Советам народных депутатов, перераспределение полномочий и ответственности между политическими институтами. Однако делалась оговорка, что секретари соответствующих партийных комитетов должны будут возглавить Советы, пройдя через механизм выборов. В результате будет установлен контроль над партийными функционерами, ослаблен административный контроль КПСС над государственными органами, возрастет моральный авторитет власти.

Следует заметить, что такие действия происходили на фоне нарастающей общественной дискуссии о необходимости деидеологизации общества. Несомненно, отказ от идеологии был утопическим требованием, но это требование представляло своеобразный моральный протест против господствовавшего формализма и принудительного навязывания жестких схем одной «единственно правильной» идеологии, которые осуществлялись согласно системоцентристскому подходу. Д.С. Сазанов отмечает, что в период перестройки в центре внимания находились проблемы сущности построенного социализма (сущность, степень зрелости, оптимальная модель) и причины его деформации (отход от ленинской позиции, утверждение культа личности,

---

²⁹³ Капустин Б.Г. Моральный выбор в политике. – М., 2004. – С. 201.

идеологические заблуждения)²⁹⁴. Ценности демократии и свободы, соответствующие персонентризму обретали все большее звучание на фоне широкого потока антисталинских публикаций и разоблачений, которые вызывали дезориентацию общественного сознания граждан, усиливая моральную амбивалентность. При этом более радикальную позицию заняла группа исследователей и публицистов (А. Ципко, В. Солоухин, И. Клямкин, Ю. Буртин и др.), которая узрела пороки социализма в его идеологической основе, что привело к деформации власти и проводимой ею политики, искажению жизни социума²⁹⁵. Получалось, что просчеты и недостатки раннего социалистического общества были обращены в виде моральных претензий к современному. На смену социалистическим мифам пошел поток буржуазных, способствовавших распространению морального релятивизма, искажению массового сознания и разложению моральных представлений о долге, справедливости, равенстве и т.п.

Как представляется, любое разрушение моральных норм неизбежно вызывает аномические отступления в поведении индивидов и деятельности государственных структур, которые обладают широким диапазоном проявления – от девальвации моральных ценностей до использования крайних методов действий. Ведь при реализации различных целей в политике более эффективна опора на моральные качества сознательной и активной личности, чем на воздействие самого совершенного закона. Это связано с тем, что политические действия могут служить как добру, так и злу. Поэтому общественное сознание напрямую зависит от адекватности оценок людей и их следовании моральным установкам. Моральная деградация самым непосредственным образом отражается на идеологических предпочтениях и методах реализации целей, степени господства права или произвола, характере социальных отношений.

---

²⁹⁴ См.: Сазанов Д.С. Советская интеллигенция в условиях «перестройки»: трансформация ценностных ориентаций // Вектор науки ТГУ. – 2011. – № 4. – С. 154 – 155.

²⁹⁵ См., напр.: Ципко А. О зонах, закрытых для мысли // Суровая драма народа: Ученые и публицисты о природе сталинизма. – М., 1989. – С. 175 – 257.

Споры о том, какая дорога ведёт к храму и как нам обустроить Россию, вызвали аномические последствия для общества. Идеи извечности частной собственности и отсутствия эксплуатации в современном капитализме, курс на возрождение роли церкви и другие либеральные ценности неуклонно подрывали уверенность власти в своих действиях и проводимой политике, морально дезориентировали ²⁹⁶. По сути, М.С. Горбачев неосторожно разрушал моральные, социокультурные и идеологические основы советской системы, подрывая веру в КПСС и социализм, стимулируя симпатии к Западу и западному уровню жизни. Моральные оценки позднего советского общества постепенно дрейфовали уже к иным утопическим основаниям.

Нововведения в политической сфере с установками на общечеловеческие ценности, плюрализм мнений, демократизацию социализма размывали существовавшие нормы и принципы советского общества. Резкое ослабление политической цензуры, введение демократических процедур, возможности публичного сопоставления точек зрения разрушало привычную систему взглядов советских людей. Это нашло зримое выражение в формировании и активизации легальной политической оппозиции (межрегиональная депутатская группа). Поскольку государственная власть обособлялась от партийного контроля, а административная ответственность все более заменялась политической, в 1989 – 1990 гг. стали бурно создаваться новые политические организации, клубы и движения, которые уже не контролировались партийно-государственным аппаратом ²⁹⁷. И хотя Либерально-демократическая партия, Демократический союз, Демократическая Россия и другие организации отличались идейно-ценностным эклектизмом, возникло противоборство между консервативной ортодоксией, отстаивавшей социалистические ценности, и демократической оппозицией, объявившей о

---

²⁹⁶ См.: Зезина М.Р. Какая дорога ведет к храму: споры о перспективах развития страны в общественной мысли 80-х – 90-х гг. XX в. // Судьба России: вектор перемен. – Т. 1. – М., 2007.

²⁹⁷ См.: Астахова Е.В. Становление многопартийности в СССР: некоторые аспекты. - Харьков, 1991. – С. 22 – 23, 63 – 86; Лапаева В.В. Становление российской многопартийности // Социологические исследования. – 1996. – № 8. – С. 34 – 36, 38 – 39.

новых моральных приоритетах и отказу от прошлого как не оправдавшего социальных и моральных ожиданий народа. На лицо были признаки складывания всестороннего кризиса, поскольку руководство страны ослабило свои связи с партийным аппаратом, утратило стратегическую инициативу, быстро теряло общественное доверие. Политические решения и действия становились мало созвучными меняющимся моральным предпочтениям и ориентирам общества.

Симпатии общества отворачивались от потускневшего облика КПСС. Внутри партии, в ходе внутривнутрипартийных дискуссий, проводившихся с целью демократизации её облика, возникло ортодоксальное, умеренное и реформистское направление, которые имели альтернативные подходы к решению сложившихся проблем. Однако, как справедливо замечает Д. Пристланд, «Горбачев скоро столкнулся с хаосом. Атаковав старую политическую систему и идеологию, он подрубил опору власти прежде, чем была создана альтернативная структура»²⁹⁸. Все большее значение приобретала проблема моральной ответственности власти за нарастающие кризисные явления, связанные с представлениями о том, что попытка построить социализм потерпела явную неудачу. Ведь институциональные нововведения М.С. Горбачева и его окружения лишь закрепляли опережающий демонтаж советских норм и традиций, что показало поражение ряда ответственных партийных работников в крупных городах альтернативным кандидатам на первых демократических выборах.

I съезд народных депутатов СССР (май – июнь 1989 г.) отразил практическую реорганизацию структур власти, следствием которой стало обособление государственной власти от партийного контроля и подрыв основ системоцентризма. Начало перехода к реальному разделению властей означало, что административная легитимность и ответственность начинает заменяться политической, а сам политический процесс становится публичным и открытым столкновением различных политических сил. Следствием такой избранной

---

²⁹⁸ Пристланд Д. Красный флаг: история коммунизма. – М., 2011. – С.812.

политической линии стало быстрое размывание монопартийного характера всей политической системы, возрастание потребности в изменении нормативно-ценностной структуры политических отношений в сторону укрепления роли закона, которое присуще правовому государству. Такие резкие подвижки, вышедшие из-под контроля Горбачева и его окружения, когда прежние моральные ограничения и регуляторы не могли действенно влиять на принимаемые решения, лишь вынуждали советское руководство к адаптации в складывающейся ситуации. Оно лишь формально возглавляло происходившие перемены. В прагматических действиях правящих лидеров не прослеживались планы общественных преобразований, поскольку в своей борьбе с «механизмом торможения» они оказались неспособны «вырваться из плена мелких политических расчетов», породив третью силу в лице демократов и национал-радикалов²⁹⁹.

В стране развернулся бурный процесс образования новых политических организаций и движений, которые уже слабо контролировались КПСС и государственным аппаратом. Все эти организации отличались аморфностью своих идеологических и политических программ и однотипностью лозунгов. Имея организационную неструктурированность из-за отсутствия сети региональных ячеек и слоя низовых организаторов, данные образования имели слабую социальную базу, что превращало их в клубы по интересам. При этом со своих моральных позиций они отвергали партийную дисциплину, допускали отсутствие единства в своих рядах, но отличались завышенными амбициями своих лидеров. Их критика «слева» и «справа» М.С. Горбачева и его команды лишала верховную власть последнего сакрального ореола, поскольку способствовала распространению убеждения, что серьёзные и решительные реформы невозможны под руководством КПСС, что ситуацию в стране могут изменить в лучшую сторону либеральные ценности и западный опыт. Попытки же Горбачева посредством уступок взять под контроль оппозицию привели не

---

²⁹⁹ Согрин В.В. М. Горбачев: личность и история // Общественные науки и современность. – 1992. – № 3. – С.139.

только к сдаче всех позиций, но и потери доверия к нему со стороны широких слоев общества, которое морально осуждало власть за бюрократизм, за идеологический монополизм КПСС, за номенклатурные привилегии, за медленную модернизацию страны. Следствия морального натиска на руководство страны имели далеко идущие последствия. Б.Ю. Кагарлицкий отмечает, «события 1989 – 91 гг. не были переломом, они были кульминацией предшествовавшего процесса. ...Массы, коррумпированные идеологией паразитического потребления, были не в состоянии выступить в качестве самостоятельной силы. ...Общество оставалось в значительной мере деклассированным, люди не осознавали своих интересов, нормальные социальные связи отсутствовали... Массовое движение неизбежно превращалось в выступления толпы, которой было легко манипулировать с помощью средств массовой информации...»³⁰⁰. Общественная поддержка власти, как дополнительная моральная опора, быстро таяла на глазах. Политический плюрализм в условиях моральной амбивалентности неизбежно вел к моральному плюрализму, поскольку советская общественная мысль откровенно вестернизировалась, обостряя конфликт ценностей, в котором правовые нормы игнорировались, допускалась откровенная ложь, отбрасывалась социальная справедливость, превозносился индивидуализм. Стала набирать силу мысль, что для реализации социальной справедливости в новой ситуации требуется наличие политической демократии и широких свобод. Брала верх иллюзия неизбежности и необходимости широкомасштабных внесоциалистических перемен.

В условиях разрушения системоцентристской по своему характеру советской легитимности и распада всех механизмов ее обеспечения партийное руководство весной 1990 г. во взаимоувязке с отменой 6-й статьи Конституции СССР о руководящей роли КПСС в советском обществе идет на введение поста президента, который на III-м съезде народных депутатов занял М.С. Горбачев. Несомненно, он мог бы, пройдя всенародные выборы, укрепить влияние и

---

³⁰⁰ Кагарлицкий Б.Ю. Реставрация в России. – М., 2000. – С. 29.

легитимность своей власти. Однако новая мера не способствовала возвышению морального авторитета власти, поскольку полномочия президента были искусственно встроены в существующую вертикаль власти, которая сталкивалась с падением исполнительной дисциплины и перетеканием властных полномочий на региональный уровень. Тем самым расплылась значимость моральных обязательств власти и её лидеров, расхождение между должным и сущим в их деятельности, а всякие ценностные оценки обретали искаженную шкалу на волне демагогии и популизма.

Имевшиеся противоречия между партийным истеблишментом и либерально-демократически настроенной интеллигенцией нашло свое отражение в личном политическом противоборстве между М. Горбачевым и Б. Ельциным. Последний сумел взять на вооружение принципы демократической легитимности и парламентаризма, что означало в тот момент публичность политики и отвечало широкому моральному запросу. Постепенно Б.Н. Ельцин превратился из «попутчика» оппозиции в её лидера. Отметим, что первоначальной идеологией так называемой демократической оппозиции была ориентация на демократический социализм, идея конвергенции социалистических и либерально-демократических принципов, идеализация западной цивилизации ³⁰¹. Новая оппозиция объединила небольшую группу диссидентов во главе с А.Д. Сахаровым, значительную часть научной и творческой интеллигенции, группу советских функционеров, по разным причинам поддержавшим ценности демократического движения. В том числе благодаря её усилиям, в общественном мнении распространялось убеждение, что серьёзные реформы под руководством КПСС и на социалистической основе невозможны. А происшедшие во всей Восточной Европе «бархатные революции» только способствовали усилению недоверия общества к власти.

Политические реформы взломали всю целостность прежних моральных норм и ценностей общественной жизни, приведя в серьёзное расстройство механизмы управления и партийно-государственного контроля, подорвав

---

³⁰¹ См.: Согрин В.В. Либерализм в России: перипетии и перспективы. – М., 1997. – С. 15 – 19.

легитимность советской политики. От возросшей моральной амбивалентности рассыпалась вся существовавшая шкала моральных ценностей, лишаясь существенного воздействия на принимаемые политические решения. Поэтому перестроечные лозунги и нововведения стали активно использоваться региональными элитами, хозяйственной бюрократией, националистическими организациями в своих узкогрупповых интересах. Политика и идеология заняли превалирующее место по отношению к морали, нарушив всю систему координат взаимодействия морали и политики. По этой причине горбачевский период А.А. Зиновьев оценивает как предательский, поскольку общество доверяло власти и было уверено, что она будет выполнять свой долг по отношению к нему. Однако руководители страны «вовлекли в ситуацию предательства многие миллионы советских людей, «утопив» своё личное предательство в массовом и сняв с себя тем самым ответственность за него. ...Большинство вообще не поняло происходившего. А когда начали что-то понимать, предательство уже совершилось»³⁰².

Данная мысль со всей очевидностью подтверждается через возникшее противостояние центральной власти Союза ССР и регионов, в виду того что региональные элиты стали стремиться к перераспределению полномочий. А поскольку демократическое движение остро нуждалось в материальной базе, то таковой мог стать лишь какой-либо из элементов существовавшей политической системы. Так возник союз ряда региональных элит и демократического движения. И поскольку моральные ограничители советского толка перестали действовать эффективно, а влияние приобрели моральный партикуляризм и моральный релятивизм, возникло явление популизма, которому была близка идея независимости, а полагание на собственные силы – сущностью демократии, без учёта высоких стандартов личного поведения³⁰³. Поэтому разнородный депутатский корпус Верховного Совета РСФСР объединила идея республиканской самостоятельности. С принятием

---

³⁰² Зиновьев А.А. Гибель русского коммунизма. – М., 2001. – С. 250.

³⁰³ См.: Лэш К. Восстание элит и предательство демократии. – М., 2002. – С. 67.

«Декларации о суверенитете» (июнь 1990 г.) новое российское руководство стало «отвоевывать» свои полномочия в ходе упорной конфронтации с союзными структурами власти посредством создания своих собственных структур и «войну указов». А по мере закрепления достигнутых позиций российские лидеры использовали демократические процедуры для обоснования своих претензий на всё большую власть³⁰⁴. Возобладала линия на отстаивание узкогрупповых ценностных интересов, для которой в тот момент не существовало проблем должного и морального долга или сохранения социально-политической стабильности.

Обсуждение вариантов рыночных преобразований с мая 1990 г., сопровождавшееся публичной дискуссией об их технических аспектах, только подогревало ажиотажный потребительский спрос, что обрекало союзное руководство на половинчатые решения. На этом фоне личная борьба между М.С. Горбачевым и Б.Н. Ельциным в политическом плане отражала различное понимание характера и темпа реформ. «Общинная» демократия, на которую уповал М. Горбачев, противоречила необходимости жёсткой вертикали управления и элитной консолидации, которые могли бы обеспечить организационный успех преобразований. Сторонники Б. Ельцина требовали масштабных реформ, пытаясь взять стратегическую инициативу в свои руки. Однако для преодоления возникшего кризиса инструментальной и целевой рациональности требовалась развитая коммуникативная компетентность, которая в обстоятельствах острых личных, идеологических, национальных, региональных, ценностных и иных противоречий достичь было невозможно. О.А. Воронкова считает, что «реальная коммуникация всегда предполагает столкновение рационализирующей (содержание диктует форму) и формализующей (форма диктует содержание) тенденций», обеспечивая

---

³⁰⁴ См. подробнее: Солник Ст. «Торг» между Москвой и субъектами федерации о структуре нового Российского государства: 1990 – 1995 // Политические исследования. – 1995. – № 6. – С. 95 – 99, 101 – 103.

необходимое согласие власти и общества ³⁰⁵. Но этого согласия на основе обещаний Ельцина обеспечить свободу и социальную справедливость посредством радикальной европеизации общества достичь на старой социальной и моральной базе оказалось уже затруднительно.

Общественное мнение было пленено конкретностью и логикой рыночного мифотворчества, поддержанного российским руководством. Альтернативный проект правительственному плану реформирования экономических отношений получил название «500 дней» и отражал интересы определенных групп, которые делали ставку на «рывок к рынку». Так, экономист Л. Пияшева указывала в 1990 г., что реформа должна быть осуществлена быстро, в массовом масштабе, охватив все население и всю территорию. Она отказывалась даже делать какую-либо ставку на «народные» самоуправляющиеся предприятия, которые будут, по ее мнению, растаскивать инвестиционный капитал. Сторонники радикализма, войдя в политический азарт, рассчитывали, что рыночные связи появятся автоматически, как только будут уничтожены административные структуры управления хозяйством и будет дан простор частному предпринимательству ³⁰⁶. Без учета моральных ограничений и ценностных факторов возникала иллюзия легкого решения существовавших проблем.

В таких условиях глава союзного правительства Н.И. Рыжков подает в отставку (декабрь 1990 г.), а новый руководитель кабинета министров В.С. Павлов идет на ряд сомнительных мер для восстановления управляемости экономики. Производится форсированный обмен денег и административное повышение цен, которые не могли не вызвать резкую реакцию в обществе и окончательный подрыв морального доверия к союзному правительству. Опустевшие прилавки магазинов могли только способствовать моральному

---

³⁰⁵ Воронкова О.А. Кризис идеологии и развитие социально-политического дискурса в России (1985 – 2010 гг.): Автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. политич. наук. – М., 2011. – С. 16.

³⁰⁶ См.: Пияшева Л. Программа экономического возрождения России // От плана к рынку: будущее посткоммунистических республик. – М., 1993. – С. 99, 101 – 102; Беляева Л.А. Социальная модернизация в России в конце XX в. – М., 1997. – С. 138.

осуждению системоцентристского характера власти, не выполнявшей своих прямых политических функций и обязанностей перед социумом. Становилось очевидным, что перестройка не может решить ни одной из проблем. Оппозиционные силы для достижения своих целей эффективнее союзного руководства использовали методы воздействия на сознание общества. В их арсенале были способы социального и политического маневрирования, направленные на подчеркивание своей коллизии с центральными органами, приверженности курсу реформ и отстаиванию интересов широких слоёв общества. Использовалось политическое манипулирование общественным сознанием с помощью средств массовой коммуникации, а также предпринимались меры по интеграции контрэлиты, разочаровавшейся или противостоящей М.С. Горбачеву и его курсу, которая в конечном итоге и «удушила» политику перестройки³⁰⁷. В сложившихся условиях затруднительно было реализовать системный плюрализм с его диалогом для комплексного решения проблем. Моральные основания в политике оказались полностью подчинены ориентации на свободу, которая внешне совпадала с либеральным подходом, считавшим приоритетными ценности политической свободы, автономности, участия в политической деятельности. Это превращало остальные ценности в релятивные, оправдывающие моральный партикуляризм и имморализм радикальной оппозиции. Поэтому следствием противоборства центрального и российского аппаратов управления явилось общее ослабление власти в стране, паралич политической воли и утрата возможностей для своевременных и эффективных преобразований. А поскольку трудовые коллективы и их руководители, получив в условиях неопределенности фактическую полноту власти над предприятиями, стали «проедать» текущие доходы, страна неуклонно погружалась в кризис, сопровождавшийся ростом дефицита, введением карточной системы, перебоями в снабжении ряда продуктов питания, что усиливало недовольство населения, полностью

---

³⁰⁷ См.: Галкин А.А. Власть, общество и политический процесс: российская модель // Полития. – 2009. – № 1. – С. 8 – 10.

отбрасывая моральные установки в политической деятельности.

Отсутствие компромисса по целям реформирования страны создало патовую ситуацию. Как отмечает В.В. Согрин, «по всему ощущалось, что Ельцин не верил в возможность компромисса с союзными властями и готов был к отчаянной борьбе за суверенитет России и радикальные экономические реформы в ней. Логика политической борьбы толкала российских радикалов к отделению России, по формальным признакам советской метрополии, от СССР. И именно эта парадоксальная, беспрецедентная для мировой истории линия поведения метрополии создавала действительно смертельную опасность для советской империи, как теперь именовали СССР не только радикалы из Прибалтики, Закавказья и Украины, но также российские демократы»³⁰⁸. Можно сказать, что М. Горбачев был пойман в ловушку нараставших национальных проблем, тогда как Б. Ельцин решил разыграть против него национальную карту, ради реализации своих властных амбиций.

Процесс «суверенизации» республик с последовавшими заявлениями о приоритете республиканского законодательства породили конституционный кризис и складывание двоевластия. Борьба же регионов против Центра только усиливало дестабилизацию социально-политической ситуации, которая ухудшалась из-за череды острых конфликтов, имевших националистический характер (Нагорный Карабах, Ошская область, Баку). Тбилисский синдром, возникший из-за морального осуждения депутатами Верховного Совета действий военного руководства по наведению порядка, мешал аппарату управления и силовым органам применять испытанные методы по подавлению национализма. А это не могло не склонить местные и республиканские партийные организации к поддержке сепаратистских настроений. Попытка М.С. Горбачева вознамерившегося переориентировать общество посредством «Ново-Огаревского процесса» на конституционный путь решения проблем посредством подписания нового Союзного договора угрожала части партийно-

---

³⁰⁸ Согрин В.В. Политическая история современной России. 1985 – 2001: от Горбачева до Путина. – М., 2001. – С. 77.

государственной номенклатуры потерей власти. В результате могло произойти окончательное отделение КПСС от государства и лишение её системообразующего статуса в советской политической системе. Тем более, в коммунистической партии стали возникать различные течения и платформы, а программа строительства демократического социализма, одобренная XXVIII съездом КПСС (июль 1990 г.), ориентировала на трансформацию в социал-демократическом направлении. Налицо был серьезный ценностный кризис внутри КПСС как организации идейных единомышленников, поскольку она потеряла былую монолитность, организованность, идейную сплоченность. Ведь «условием успешности осуществления институциональной власти является не включенность в спор иерархий ценностных ориентиров различных общественных групп, а позиция рационального использования эмоций и оценок...»³⁰⁹. Но союзное руководство уже почти не обладало ни политическим, ни моральным авторитетом, чтобы остановить надвигающуюся катастрофу и сработать на опережение событий, опираясь на четкие морально-ценностные доминанты.

Б. Ельцин и его сторонники в борьбе с Центром пошли на создание института президентства в РСФСР, что лишало в перспективе Советский Союз главной опоры. В ходе предвыборной борьбы Б. Ельцин попытался опереться на поддержку автономий, бросив лозунг «Берите столько власти, сколько сможете»³¹⁰. Демократический имидж борца с привилегиями, активная мобилизация поддержки широких слоев населения, прагматичный расчёт региональной номенклатуры обеспечили безусловную победу Б.Н. Ельцина на президентских выборах в июне 1991 года. Но в условиях перетекания власти на уровень регионов и даже отдельных предприятий единственной опорой политических группировок становилось общественное мнение. И в борьбе за

---

³⁰⁹ Калимуллина Н.Р. Возможности и механизмы воздействия власти на ценностные ориентиры общества: Автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. философ. наук. – М., 2010. – С. 21.

³¹⁰ См.: Михайлов Р.В. Этапы становления новых федеративных отношений в Российской Федерации // Вестн. Московск. ун-та. Сер. 12, Политич. науки. – 1998. – № 1. – С. 24 – 25.

симпатии общества более искусным оказалась команда Б. Ельцина, обещавшей приобщение страны к ценностям мировой цивилизации, политическую демократию, создание среднего класса, возрождение фермерства и другое посредством быстрых и радикальных реформ.

В стране сложилась деструкция государственности, связанная с неустойчивым и неопределенным характером всей морально-политической основы политической власти, амбициозной борьбой лидеров за нее. Попытка М.С. Горбачева найти конституционный путь решения проблемы двоевластия посредством заключения нового Союзного договора была воспринята консервативной частью партийно-государственной номенклатуры как явная угроза потери ими своих властных позиций. Формой реализации силового варианта устранения накопившихся проблем и недопущения «развала» общества и государства стал Государственный комитет по чрезвычайному положению (ГКЧП).

Как представляется, причиной августовских событий 1991 г. стали обострившиеся противоречия перестройки, сложившийся конфликт между моралью и политикой, своевременное решение которых её лидеры не смогли осуществить. В сложившихся обстоятельствах становилось очевидной несовместимость практики государственного социализма, плановой экономики с курсом на ценности рыночной экономики, унитарно-централистского государственного устройства с интересами национальных республик и их бюрократического аппарата. Непосредственной политической причиной событий 19 – 21 августа было избрание Б. Ельцина президентом РСФСР, который взял курс на департизацию управленческих и социальных структур, что вело к окончательному разделению власти с союзным руководством. Это раскалывало единство правящей элиты и разрушало существовавшую модель СССР. Однако «чрезвычайное положение», введенное ГКЧП для преодоления глубокого кризиса и сложившегося двоевластия, не было подготовлено ни

политически, ни организационно, ни экономически ³¹¹. Руководители путча были сами морально дезориентированы, так как не обладали необходимой решительностью для достижения провозглашенных ими целей, готовностью применить насилие. Политическая целесообразность тех или иных действий была мотивирована антагонистическим основанием «мы» - «они», в основе которой лежала конкуренция за обладание властью, с тем чтобы установить свою политическую гегемонию над обществом. Руководители путча попали в ситуацию типичной моральной дилеммы, которая во многом основана на проблеме ценностей и порождается действиями самих людей ³¹². Ведь события во многом определялись моральной ответственностью за будущее, чтобы сохранить «верность» общества социалистическому нравственному идеалу. Но поскольку изменились социальные условия, действия ГКЧП имели мало гарантий на успех, отразив лишь личную приверженность ряда политиков прежним моральным принципам, ставшими уже партикулярными.

Решительное сопротивление российского руководства, поддержанного демократической общественностью, отсутствие реального содействия организаторам путча со стороны региональной и хозяйственной элиты, нерешительность действий силовых органов привели к поражению ГКЧП. В стране возникла принципиально новая обстановка, которая определялась утверждением демократической легитимности и отказом от социалистического выбора, что кардинально меняло ценностные ориентиры и нормы социальных отношений, вело к пересмотру прежних моральных оснований политики.

Еще одним из существенных последствий августовских событий стало резкое усиление дезинтеграционных процессов. Быстрая дезинтеграция Советского Союза требовала юридического и институционального оформления, грозя непредсказуемыми последствиями. Пререкания и торг по поводу нового Союзного договора были лишь уступкой растаявшему авторитету М.С.

---

³¹¹ См.: Эпоха Ельцина. Очерки политической истории. – М., 2001. – С. 148 – 154; Путч. Хроника тревожных дней. – М., 1991. – С. 239 – 268.

³¹² См.: Разин А.В. Моральные дилеммы: причины возникновения и способы разрешения // Дискурсы этики. – 2013. – № 1. – С. 68 – 69.

Горбачева при нежелании победителей делиться полнотой своей власти. Поэтому Беловежские соглашения (декабрь 1991 г.) юридически оформили фактический распад СССР, возникновение самостоятельного Российского государства и политическую победу Б. Ельцина.

Как мы видели, освобождение власти из-под идеологического и административного партийного контроля, рост дезорганизации, плюрализм закономерно вызвали разрушение прежней системы ценностей и подрыв существовавших моральных регуляторов политики. Демонтаж механизмов, защищавших страну от влияния внешней среды, подорвал системообразующие связи общества. Действия М.С. Горбачева, связанные с «ненасильственными» альтернативами, постоянным поиском консенсуса, «третьего пути» между капитализмом и социализмом, соединяющим социальное обеспечение и демократическую политику, оказались неудачными и невостребованными. Перестройка привела страну к системному политическому и социокультурному кризису, нарушив сбалансированность институциональной и нормативно-ценностной структур общества. Это позволяет говорить о моральном идеализме М. Горбачева и его моральной ответственности за проводимый им политический курс. Ведь политик рациональным образом сообразно с некими моральными принципами принимает решения и осуществляет целенаправленные действия в определённом коммуникативном пространстве при наличии различных вариантов, руководствуясь своими моральными представлениями и установками. Однако исход перестройки позволяет видеть проблему ответственности перед теми, ради кого М. Горбачев осуществлял политическую власть. Забыв о последствиях при реализации своего морального идеала по совершенствованию общества, он попал в зависимость от тех оппозиционных сил, которых сам же допустил к существованию. Оппозиция морально осуждала советский режим, используя лозунги свободы, справедливости, достойной жизни, правового государства и другие ценностные

идеи для реализации своих групповых интересов³¹³. Апелляция к моральным ценностям воспринималась антигорбачевской оппозицией как императивные требования, что ограничивало сторонникам М. Горбачева возможный диапазон действий. Поэтому в условиях такой моральной амбивалентности любые шаги руководства СССР неизбежно воспринимались как зло, а поступки российских лидеров получали сочувствие и поддержку (например, запрет КПСС после августовского путча). Это открывало возможность Ельцину и его сторонникам перейти к абсолютизации своих партикулярных моральных ценностей и навязывании их обществу.

Возникли основания для совершения зла. Их складывание А.В. Прокофьев объясняет следующим образом. По его мнению, оно допустимо, если является крайним средством, совершается при достаточно разумных основаниях и при понимании нанесения ущерба другому лицу. Целесообразность подобного действия как раз и порождает моральную оценку. Политика лишь разводит по разные стороны моральный аспект и прагматические задачи политической деятельности, что позволяет оценивать результаты совершенных деяний. Поэтому совершенная несправедливость создает потребность «очищения» от допущенного зла³¹⁴.

В свою очередь, консенсусный подход (в соответствии с взглядами Ю. Хабермаса) для решения социальных проблем и достижения согласия различных политических сил оказался неосуществим из-за растущей оппозиции и ростом её радикализма, что более соответствовало конфронтационному взгляду теорий Э. Лакло, Ш. Муфф, Ж. Рансьера. Боязнь риска в условиях конфронтации морали и политики и обостряющегося дефицита времени сузило рамки политики Центра. Поэтому крах коммунистического режима и распад СССР, ставшие следствием политики М. Горбачева, были результатом целой

³¹³ См. подробнее: Матвиенко А.Д. Перестройка и нравственные ценности // Социологические исследования. – 1990. – № 11. – С. 55 – 61; Венгеров А.Б. Патология государственности // Общественные науки и современность. – 1991. – № 5. – С. 19 – 27.

³¹⁴ См.: Прокофьев А.В. О практической приемлемости логики меньшего зла // Этическая мысль. Вып. 10. – М.: ИФ РАН, 2010. – С. 193 – 195.

серии ошибок, безответственности, заблуждений и моральной дезориентации тех, кто верил, что при кардинальных переменах можно сохранить власть, социалистическую систему, единство общества ³¹⁵. ГКЧП нанёс последний сокрушительный удар по всем устремлениям М.С. Горбачева удержать единство элит и предотвратить распад Советского Союза. В результате кризис привычных моральных идентичностей и нарастания морального релятивизма требовал пересмотра, который касался субъекта коллективного действия, эффективных социальных групп, ценностных, этнических, религиозных и иных оснований, соответствовавших новым политическим условиям.

Как представляется, в рамках системоцентрического взгляда мы видим социальную этику в качестве источника обоснования моральных норм. Согласно данному подходу, социальные институты выступают основанием для выработки единых оценок, правил, образцов поведения. Общество диктует индивиду предписания и идеалы, которые ему следует безоговорочно принимать, чтобы не подвергаться санкциям. В свою очередь, персоноцентристский подход воспринимает личностную этику в качестве исходного пункта моральных норм. Ведь в ней универсальный личный интерес индивида, являющийся базовым для всех людей, становится обоснованием морали. Более существенную роль в индивидуальном опыте играет субъективная позиция, поскольку интересы, мотивы отдельного человека являются ведущими для персоноцентризма.

Однако ни системоцентристский, ни персоноцентристский варианты не снимают противоречия внутреннего нравственного выбора. Он связан со столкновением первичности собственного Я и равноправия всех лиц, обладающих волевыми устремлениями и вовлеченными во взаимодействия. От индивида требуется упорядочение системы ценностей, для которой его соотношение с социумом не обладает конфликтным проявлением, а принятие

---

³¹⁵ См.: Коэн С. Можно ли было реформировать Советскую систему // АИРО-XX – Научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века. – Вып. 16. – М., 2005. – С. 24 – 45; Brown A. The Gorbachev Factor. – Oxford University Press, 1996. – P. 316 – 317.

долга и обязательств выступает следствием свободного выбора. В тоже время, игнорирование социальной среды и абсолютизация субъективных установок приводят к моральному релятивизму, для которого свойственен отказ от универсальных и общеобязательных норм в пользу формального построения индивидом представлений о моральных нормах и ценностях, основанных на сугубо собственных целях, опыте, выгоде.

Выводы: 1) неэффективность мобилизационной модели, стремление к материальному благополучию, сохраняющийся товарный дефицит, распространившаяся аномия и пр. отражали социокультурный кризис между провозглашенными моральными идеалами и политической практикой; 2) непродуманные решения политического руководства по обновлению общества вело к выдвиганию сиюминутных целей, которые не имели положительного результата, что лишь радикализовало ожидания общества и проводимую политику; 3) политическая власть, вызвав дезорганизацию многих сторон общественной жизни, разрешила деятельность оппозиции, которая своей радикальностью способствовала дезориентации общественного сознания и его моральной амбивалентности; 4) сторонники демократии уповали на общечеловеческие ценности, плюрализм и права человека и пр., которые разрушали основы системоцентристской политики и соответствующих ей моральных норм; 5) руководство страны теряло общественное доверие и моральную поддержку, которые перетекали к новым политическим силам с аморфными программами действий и абстрактными целями персонцентристского характера; 6) политический кризис периода перестройки вызвал конфронтацию политики и морали, которая подорвала легитимность власти и изменила ценностные ориентиры общества.

ГЛАВА III. ПЕРСОНОЦЕНТРИРОВАННАЯ МОДЕЛЬ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ МОРАЛИ И ПОЛИТИКИ В ПОСТПЕРЕСТРОЕЧНЫЙ ПЕРИОД РАЗВИТИЯ РОССИИ: ПУБЛИЧНОСТЬ ПОЛИТИКИ И МОРАЛИ

3.1. Демократизация общества в контексте переоценки ценностей в современной России: персонцентрированность морального сознания и его влияние на политические практики

Цель: Показать влияние постперестроечных процессов в России на переоценку ценностей, связанную с укреплением влияния персонцентричности морального сознания.

Задачи:

- рассмотреть специфику моральных ценностей, которые были заданы идеями либерально-рыночных преобразований;
- показать влияние социально-экономических изменений на поведение различных слоев российского общества;
- раскрыть взаимосвязь демократизации, рыночной реформы и приватизации с расширением персонцентрированности морального сознания;
- выявить слабость учета моральных регуляторов в политической линии российских государственных деятелей;
- раскрыть причины обострения проблемы социальной справедливости в российском обществе на новом этапе развития;
- показать особенности морального сознания россиян, отличающиеся эклектичностью и противоречивостью.

Самые серьезные изменения системы морально-нравственных ценностей общества произошли в 90-е годы XX в., породив значительное социальное напряжение. Эти процессы были вызваны отказом от советской модели и насаждением либерально-рыночных отношений. Лидеры демократического

течения в силу своего опыта, отсутствия единства демократического лагеря, стремления быстро достигнуть европейский уровень развития получили от российского руководства право провести радикальные реформы.

Основу новой политики теперь составили постмодернистские ценности рыночной экономики и политические права человека. Посредством данного курса, по мнению либеральных реформаторов, можно было решить целый ряд глобальных задач. Они включали в себя разрушение «пагубного» советского наследия, формирование социокультурных начал западной модели социума, создание общества потребления, проведение «разгосударствления» предприятий, чтобы укрепить конкурентоспособность России на глобальном мировом рынке. Принятые меры должны были преодолеть советский «индустриальный патримонализм», основанный на ценностях авторитарной власти и фордовской системе организации труда.

Регулирование социальных отношений всегда предполагает опору на некие морально-ценностные основания. И в проведении экономической политики невозможно абстрагироваться от существующих моральных ориентаций социума, что порождает оценку сложившейся модели поведения, которая может как навязываться «извне», так и согласовываться с устоявшимися представлениями о формах и способах социальной деятельности. Корреляция экономических установок и моральных норм выражается в виде социальной политики власти. Однако либеральная идея узкопонимаемой экономической целесообразности выступает в качестве суррогатного заместителя ценностных ориентиров для общества. В результате же выпадения морального контроля любая экономическая политика лишается социальной ответственности, усиливая лишь дисбаланс между моралью и политикой, мешая реализовывать наиболее эффективные решения в сфере социальных и экономических отношений³¹⁶.

---

³¹⁶ См.: Руженцев С.Е. Роль ценностных ориентаций в практике современных российских социально-экономических отношений // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2016. – № 3. – С.45-49.

П. Козловски отмечает, что «этическая координация облегчает все социальные взаимодействия», позволяя уменьшить неопределённость поведения и взаимодействия и рационализировать их ³¹⁷. Указанный аспект существенен, принимая во внимание персоналистское восприятие власти российским обществом при наличии низкого уровня доверия ко всем институтам государства, кроме президента. Так же в зависимости от «хозяйственных» успехов проявляется изменчивое отношение к федеральной, региональной и местной властям, авторитет которых зависит от политической стабильности и материального благополучия граждан ³¹⁸. Можно сказать, что учет государственными органами власти ценностных предпочтений и ориентаций лишь способствует поддержке действий политиков, формируя некоторые предпосылки для общих социальных ценностей. Тем самым сокращается сфера морального партикуляризма, возникает шанс на преодоление сложившихся корпоративных связей, что обеспечивает влияние морального фактора в российском социуме.

При изучении политики в процессе демократизации социально-экономической сферы применима идея И. Берлина о негативной свободе, отражающей возможности субъекта действовать без ограничений, и о позитивной свободе, показывающей способность субъекта действовать самостоятельно ³¹⁹. Учитывая, что мораль несет в себе некие ограничения, мы можем оценивать характер свободы, ограничений и ответственности политического деятеля. Эти границы связаны во многом с восприятием и отношением общества, что вынуждает политика в какой-то степени корректировать свою деятельность и поведение.

Руководство России при отсутствии экономической базы демократии и слабого развития демократической культуры предпочло провести радикальные

³¹⁷ Козловски П. Принципы этической экономики / Пер. с нем. – СПб., 1999. – С. 94.

³¹⁸ См.: Шипов А.Л. Российская власть в оценках граждан (1993 – 2008 гг.): Автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. политич. наук / А.Л. Шипов. – М., 2009. – С. 24 – 25.

³¹⁹ См.: Берлин И. Две концепции свободы // Современный либерализм. – М., 1998. – С. 19 – 43.

реформы аппаратным способом, «сверху». Целью избранного варианта реформирования стало максимальное сближения с развитыми западными странами через включение в широкие мировые экономические и политические связи. Во многом радикализм ельцинских реформаторов был вызван падением дисциплины на производстве и разрывом хозяйственных связей, вызвавших повсеместную бартеризацию социальных отношений. В результате стремительно разрушалась прежняя система ценностей, что открывало возможность игнорировать моральные регуляторы и ограничители. Тон в этом задавала политика реформаторов, которые опирались на очевидный моральный партикуляризм и моральный релятивизм. Но и в российском обществе имелись большие надежды, что в результате радикальных реформ, произойдет быстрое улучшение жизни. Лишь к лету 1993 г. число сторонников прежней экономической модели выросло и сравнялось с числом «рыночников»³²⁰.

Правительство российских реформаторов отвергло советские этактические ценности как ложные, но не смогло предложить обществу новые приемлемые идеалы. Хотя постепенно стал пропагандироваться культ потребления. Политические лидеры вместо идей социальной справедливости и гармонии социума объявили главной целью и ценностью курс на рынок. Однако такой курс не может иметь общезначимых ценностных принципов, которые были бы способны объединить общество и решить какие-либо цивилизационные задачи. Функции и роль государства воспринимались как ограничители для достижения нового идеала «светлого будущего». Можно сказать, что задавалась новая система ценностных координат в привычном отчуждении общества и власти, поскольку проводимые реформы слабо были связаны с повседневными интересами простого человека. Основой новых ценностей стал «моральный индивидуализм», освобожденный от всяческих условностей и ограничений ради личного процветания. Поэтому ядром морали в новых

---

³²⁰ См.: Гордон Л.А., Клопов Э.В. Современные общественно-политические преобразования в масштабе социального времени // Социологические исследования. – 1998. – № 1. – С. 16 – 17.

социальных отношениях стала экономическая целесообразность. Как отмечает В.Н. Шевченко, камнем преткновения реформаторов стало отношение к обществу, поскольку «в объявленной модели модернизации обойдены самые важные моменты, касающиеся состояния российского социума, путей его трансформации, участия различных сегментов общества в его трансформации. Многие радужные картинки будущего в этой модели модернизации не увязаны с реальным состоянием российского социума»³²¹. Иначе говоря, в новых социокультурных условиях моральные ориентиры политической деятельности связывались с абстрактными идеологическими установками либерального будущего, а не с опытом и традициями общественного развития, хотя и основывалась на персоноцентрированности морального сознания.

Как известно, персоноцентризм допускает автономность общественного сознания, моральную саморегуляцию, что превращает индивида в потенциального носителя релятивистской морали, поскольку он сам согласовывает свои нормы и правила с требованиями окружающего социума. Потенциально это требует от индивида автоматического принятия высоких образцов и идеалов для своего социального поведения, которое не должно противоречить единым моральным нормам.

Команда реформаторов во главе с Е.Т. Гайдаром изначально ориентировалась на монетаристскую модель организации и экономики, и общества, которая предоставляла максимальный простор для частной инициативы, минимизацию государственного вмешательства в социальные процессы, широкое разгосударствление собственности на средства производства, осуществление рыночного реструктурирования экономики. Всё это означало переход от ценностей социализма к капитализму, хотя открыто российское руководство в этом курсе не признавалось.

Первым шагом рыночной реформы стала либерализация цен. Посредством отмены государственной системы материально-технического

---

³²¹ Шевченко В.Н. Модернизация российского общества или особый путь развития // Современное государство, социум, человек: российская специфика. – М., 2010. – С. 124.

снабжения и дотирования убыточных предприятий, отраслей и целых регионов была демонтирована система централизованного распределения сырья и ресурсов, что закладывало предпосылки по переводу предприятий на полную хозяйственную самостоятельность. Вместе с либерализацией внешней торговли, свободной конвертацией рубля, отменой ограничений на заработную плату пакет правительственных мер получил название «шоковая терапия». Данное понятие, закрепившееся в общественном сознании, отражало либеральную направленность преобразований, которые слабо учитывали социальные и ценностные последствия рывка к рынку. Хотя, советник российского правительства, считал, что «вся стратегия реформы» была «непоследовательной»³²².

Поскольку моральные аспекты в политической деятельности были отброшены, последовательному проведению политики шоковой терапии препятствовала необходимость поддержания российскими властями в обществе социально-политической стабильности. Ведь ей стали угрожать такие серьёзные последствия политического курса, как появившаяся массовая безработица, обвальное банкротство неконкурентоспособных предприятий, обнищание широких слоёв населения. Шоковый эффект от введения рынка вызвал резкий рост цен и привёл к обальному падению покупательной способности граждан. А большинство предприятий отреагировало сокращением производства при одновременном подъёме цен на продукцию, тотальной бартеризацией отношений³²³. Такие последствия формально оправданы значительной степенью монополизации экономической сферы, отсутствием рыночных традиций, развитыми механизмами государственной опеки, которая приучила к иждивенчеству и запретила всяческую несанкционированную самодеятельность.

Вместе с тем, необходимо признать, что реформы шли в разрез с

---

³²² Ослунд А. Россия: рождение рыночной экономики. – М., 1996. – С. 92, 93.

³²³ См. подробнее: Шерстнёв М. Что год реформы принёс нам... // Свободная мысль. – 1993. – № 7. – С. 51 – 52.

имевшимися традициями, ценностными принципами и моральными нормами большинства социума, что лишь показывало своеобразную борьбу политики Ельцина и Гайдара с советским антирыночным менталитетом. Власть опять противопоставила себя обществу, навязывая своей политикой узкопартикулярные ценности, которые считались оптимальными лишь для неё. Считалось, что реформы чуть ли не механически обеспечат модернизационное обновление общества. Человеческий фактор и моральные регуляторы были отброшены. Поставленные цели оправдывали политику, которую трудно оценивать сбалансированной и прагматической, отвечающей моральным принципам большинства социума. Поэтому реформы не способствовали сокращению моральной амбивалентности в обществе. Тем более, что в условиях либерального общества существует явное несовпадение между общим благом и частными интересами социальной сферы. Но эту проблему, которая должна решаться конституционно-правовыми правилами, обладающими динамическим характером проявления, указывал еще Ю. Хабермас³²⁴.

Ценовая либерализация в условиях несбалансированного рынка могла вызвать лишь неуправляемое и скачкообразное повышение стоимости товаров. Ведь политическая линия определялась нерыночным подходом формирования цен, поддержкой убыточных предприятий. В то же время бывшая монополия государства передавалась новым монопольным структурам в промышленности, торговле и внешнеэкономической сфере. Поэтому такой политический курс, проводимый согласно указаниям МВФ и западных советников, вызвал серьезный падение промышленного производства, рост импорта, разрушение хозяйственных связей. При этом большинство предприятий стремилось работать на основе привычных установок, которые предполагали усилия не на развитие производства, а на распределении ресурсных потоков. Они стремились к получению бюджетных средств в виде госзаказов, дотаций. То есть действия «реформаторов» открыто противоречили интересам и

---

³²⁴ См.: Habermas J. Law and Morality. – Harvard, 1986. – P. 238.

ценностными ориентациям хозяйствующих субъектов, что дает основания говорить об иррациональной сущности проводимой политики. Хотя её основу должна была определять модернизационная парадигма достижения мировой конкурентоспособности и внедрения ценностей демократии. Однако модернизационный курс всегда многогранен, требует внимания к множеству нюансов, связанных с технологическим обновлением, подготовкой трудовых ресурсов, гуманизацией социальных отношений³²⁵.

Западная социально-экономическая модель воспринималась российскими властями в 90-е годы как единственная столбовая дорога развития, а потому она внедрялась самыми настойчивыми мерами с радикальным преодолением традиций прошлого и моральных норм. Одним из средств этого движения стала приватизация. Однако даже известный финансист Дж. Сорос, размышляя о несовпадении рыночных ценностей с социальными, замечает, что «рыночные фундаменталисты склонны пренебрегать социальными ценностями, утверждая, что каковы бы они ни были, они проявляются в поведении на рынке. К примеру, если люди хотят заботиться о других людях или защитить окружающую среду, они способны выразить свои чувства, потратив деньги на соответствующие цели, а их альтруизм станет частью ВВП – точно так же, как потребление предметов роскоши»³²⁶. Как представляется, данная позиция ошибочна и аморальна, так как освобождает политического деятеля от внутренних морально-нравственных переживаний и ответственности перед обществом для реализации некой целесообразности. Однако действия российских реформаторов оказались по своему характеру именно такими.

Приватизация предполагала глобальное переформатирование социальных отношений, моральных установок и могла осуществляться по двум основным вариантам: (а) через перерегистрацию общенародной собственности в

---

³²⁵ См.: Коврыжко В.В. Экономическая модернизация трансформирующихся экономик // Вопросы регулирования экономики. – 2010. – Т. 1, № 1. – С. 39 – 46.

³²⁶ Сорос Дж. Кризис мирового капитализма. Открытое общество в опасности. – М., 1999. – С. 223.

государственную, чтобы по мере складывания соответствующих общественных условий, провести приватизацию определённой её части; (б) через оседлание процессов распада прежней собственности для последующего её «перехвата» наиболее активными управленцами. Как утверждает Н.М. Плискевич, «проблему преобразования собственности видели прежде всего в необходимости скорейшего её дробления, разрушения всеобъемлющей монополии и передачи прав множеству более или менее мелких собственников»³²⁷. Фактически наблюдалась фетишизация ценности рынка, который считался способным самостоятельно регулировать все отношения в обществе. Приоритетной формой воспринималась индивидуальная собственность перед коллективными формами. При этом вопрос о справедливости таких взглядов и подходов, учете суждениям о справедливости большинства общества абсолютно не затрагивался. Ведь проблемы необходимости роста эффективности экономики, качества условий труда, привлечения внутренних инвестиций носителями власти не ставились как актуальные. Считалось, что преодоление монополии собственности государства автоматически создаст слой собственников, сформирует конкурентную среду, заложит рыночные ценности и новые социокультурные основы в российском социуме.

Принудительно проведенная чековая приватизация главой госкомимущества А.Б. Чубайсом не планировала именных чеков и создание условий по развитию рынка ценных бумаг. Поэтому кампания приобрела номинальный характер, так как не предполагала создание широкого слоя собственников, который является в западном обществе ядром среднего класса. Иначе говоря, аморальными мерами ряда политиков, вне всякого понимания должного или справедливости, была осуществлена безвозмездная раздача огромных богатств страны, которые создавались многими поколениями. Фактически, произошла передача контроля над бывшей госсобственностью в

---

³²⁷ Плискевич Н.М. Российская приватизация: революция или эволюционный переход? // Общественные науки и современность. – 1999. – № 4. – С. 38.

руки администраций предприятий и «теневого капитала»³²⁸. Бюрократические структуры в таких условиях оказались ценностно ориентированы на присвоение административной ренты. Это только сильнее обострило диссонанс политики с моралью, углубляя моральную амбивалентность в обществе.

В таких условиях остро стоит задача гуманизации деятельности в сфере политики. Несомненно, существует многозначность вариантов выражения добра и зла, определяющие моральное отношение, которое несет в себе идеал об оптимальном общественном устройстве, эффективной власти, справедливых условиях бытия. Сама диалектичность ценностей добра и зла говорит нам о постоянном нравственном выборе поступков для политика в конкретной ситуации. И так как социальные группы могут воспринимать моральные ценности и смысл политических действий абсолютно по-разному, имеется серьезное препятствие для определения в «чистом виде» содержания добра, зла, справедливости, равенства и др.

Поэтому не приходится удивляться, что рыночные преобразования породили очень неоднозначные моральные оценки в разных слоях социума. Е. Гайдар и его либеральные сторонники полагали, что либерализация ценообразования, масштабная приватизация, внедрение рыночных отношений является их неоспоримой заслугой. Конечно, им удалось разблокировать тяжелую ситуацию, которая сложилась в стране к исходу перестройки. Однако и социальная, и моральная цена таких реформ оказалась чрезвычайно высокой, что не дает возможности признавать их последствия морально и ценностно удовлетворительными. Например, отрасли, ориентированные на внутреннее потребление и оборонные нужды, сельское хозяйство испытали резкое падение. Из-за грандиозного роста цен на товары большинство российского населения оказалось за чертой бедности, отчего было вынуждено вести борьбу за свое выживание. Можно сказать, что реформаторы намеренно не принимали во

---

³²⁸ См.: Реформирование России: мифы и реальность (1989 – 1994). – М., 1994. – С. 325 – 326; Перегудов С.П. Организованные интересы и российское государство: смена парадигм // Политические исследования. – 1994. – № 5. – С. 66 – 68.

внимание социальные проблемы, игнорировали необходимость регулирования социальных отношений и задачу поддержания морально-ценностного консенсуса социума. Постоянное ухудшение положения в образовании, здравоохранении и культуре свидетельствовало о пренебрежении к любым социальным проблемам, наличии у радикальных реформаторов представления о достаточной устойчивости социальных отношений.

Политический курс, избранный российскими властями в 90-е годы, трудно считать инновационным, системным, моральным. «Революционное» насаждение рыночных отношений усиливало рассогласование в общественном сознании россиян, породив моральную дезориентацию и усиление морального релятивизма. Это было вызвано тем, что либеральные ценности рассматривали индивида в качестве инструмента для достижения личных целей и выгоды, опираясь на искаженные представления о благе, справедливости и равенстве, способах их осуществления. Б.В. Салихов справедливо отмечает, что либерально-рыночная идеология политики реформаторов отразилась на специфике ценностных представлений и ориентаций социума. Ведь произошла актуализация денежного измерения социальных интеракций, со стремлением к эквивалентному обмену в ходе любых взаимодействий, падению актуальности человеческих отношений на фоне воинствующего индивидуализма³²⁹. Так как отсутствовало уважительное отношение к праву собственности, было слабым доверие и сотрудничество между социальными агентами, общественное сознание искажённо относилось к рыночные установки. С одной стороны, происходило формирование рыночной инфраструктуры, конкурентной среды и нормативных основ для рыночной модернизации. Но, с другой стороны, сохранялась острая проблема, которая была связана с моральным одобрением большинством социума проводимых российскими политиками реформ, что свидетельствовало о проявлении моральной амбивалентности.

Тенденции эволюции социума и политической сферы во многом

---

³²⁹ См.: Салихов Б.В. Духовно-нравственные основы развития современной российской экономики. – М., 2009. – С. 38.

обусловлены пересмотром имеющихся ценностей, которые испытывают влияние глобальных, либерально-рыночных и модернизационных процессов. Размытое содержание морально-нравственных установок, ранее обеспечивавшие социальное взаимодействие, задает необходимость сохранения тех норм, которые сохраняют основы жизнедеятельности индивида и социума. Однако необходимо принимать во внимание воздействие фактора квазиценностей и антиценностей, который проявляет себя в конкретной политической практике. Ведь моральный кризис в политике во многом связан с дезориентацией и внутренним кризисом субъекта, который стремится к достижению только своих личных смыслозначимых целей. По мнению Н.Н. Кожевникова и Н.В. Сидоровой, «индустриальная (техногенная) цивилизация в гуманистическом измерении во многом исчерпала себя... Приоритетные ориентиры деятельности человека: деньги, собственность, власть заострили множество проблем и привели человечество к опасной грани своего существования. ...Возросшая роль субъекта в мире, с одной стороны, и внутренний разлад и кризис самого субъекта, лишённого веры как в иррациональное начало, так и в рациональное; с другой стороны, подводят индивида к тому, что называют осознанным нигилизмом, к хаосу ценностных ориентиров»³³⁰. Поэтому все очевиднее в современных условиях дает себя знать потребность в полицентричной системе отношений, чтобы преодолеть разобщённость в обществе, смягчить его конфликтогенный потенциал и развивать взаимодействия на базе взаимно приемлемых моральных норм и гуманистических идеалах. К тому же, российское общество за время своего существования и господство системоцентризма в политике жестко не противопоставляло личность и общество, не отвергало инаковость и многообразие, что открывало пути для толерантности и целостности мировосприятия.

То, что российские лидеры в своей политике игнорировали моральные

---

³³⁰ Кожевников Н.Н., Сидорова Н.В. Философское осмысление трансформации ценностей современного мира // Вестник ЯГУ. – Т. 3, № 2. – С. 78 – 79.

установки, не могло не сказаться на результатах реформ. Так как главной целью был признан рынок как инструмент решения всех проблем и способ реализации справедливости в обществе, лишь усиливалась значимость моральных регуляторов деятельности. Как справедливо отмечает А.А. Гусейнов, «место морали в рыночной экономике прежде всего на уровне правил, а не индивидуальных мотивов поведения. Моральное регулирование рынка обществом осуществляется главным образом в процессе выработке тех общих обязательных для всех правил (законов, норм и т.д.), которые строго описывают границы дозволенного и недозволенного в конкурентной борьбе, обозначают её внутреннее пространство. ...Экономика... является вторичным, производным от социальных и нравственных целей общества»³³¹. Отметим, что Россия вступила в рынок при отсутствии массового мелкого производителя, который обладал собственными моральными установками. Полагать, что прежние хозяйственные руководители были противниками рыночных реформ, является ошибочным, так как они лучше всех подготовлены к использованию в своих интересах имевшейся ситуации и рыночных механизмов. И сам директорский корпус представлял собой определённый монолит, что сохраняло возможность ряду его представителям в условиях отсутствия ясной системы персональной ответственности получать льготы без должного коммерческого обоснования. Эти руководители не склонялись к однозначному содействию жёсткого монетаристского варианта реформ. Именно это вынуждало правительство В.С. Черномырдина (1992 – 1997 гг.), а затем В.В. Путина проводить прагматические корректировки либеральной политики.

Заметим, что из-за слабого учета моральных регуляторов, политические субъекты принимают порой меры, которые далеки от моральных норм и требований. Об этом свидетельствовала практика предоставления разнообразным спецэкспортёрам и импортерам различных квот и льгот, что не отвечало целям рыночного реформирования и не предоставляло субъектам

---

³³¹ Гусейнов А.А. Мораль и рынок // Культура российского предпринимательства. – М., 1997. – С. 199.

рынка равенство³³². А возможности коммерческо-финансовому капиталу бесконтрольно вывозить сырьевые ресурсы и импортировать потребительские товары нанесли существенный урон в производственной сфере. Неслучайно целый ряд западных исследователей скептически оценивали результаты и эффективность реформирования российских социально-экономических отношений³³³. Несомненно, подобные оценки вызваны серьезными причинами. Дело в том, что государственные структуры устранились от выполнения функций регулирования и рынка, и социально-экономических отношений, сохранив функции распределения ресурсов. Отказ от активной инвестиционной и экспортно-импортной политики привел к сокращению бюджетных средств для поддержания социальной сферы. И поскольку в течение 90-х годов кризис сохранялся, то рост инфляции вел к удорожанию стоимости жизни. Поэтому целые слои общества были брошены на произвол судьбы, что содействовало внутренней социокультурной противоречивости в силу распространения индивидуалистических ценностных ориентаций, усиливая тем самым моральную амбивалентность, критику действий власти и моральное осуждение проводимой политики.

Очевидно, что в течение 1990-х годов произошло разрушение старой социально-экономической системы, при том что надежды быстро войти в рынок, изменить структуру социальных отношений, обеспечить устойчивую поддержку проводимым преобразованиям оказались преувеличенными. Президент Б. Ельцин, взяв ответственность на себя за осуществляемые реформы, пообещал, что через полгода наступит стабилизация. Однако в течение целого десятилетия совершалось тяжелое угасание экономики и советских социальных гарантий. Так как не имелось четкой ценностной шкалы

---

³³² См.: Афанасьев М.Н. Клиентела в России вчера и сегодня // Политические исследования. – 1994. – № 1. – С. 124, 126; Перегудов С.П. Указ. соч. – С. 69 – 70.

³³³ См., напр.: Brady, Rose. *Kapitalism: Russia's Struggle to Free Its Economy*. – Yale University Press, 2000; Goldman, Marshall I. *The Privatization of Russia*. – Routledge, 2003; Graham, Thomas E. *Russia's Decline and Uncertain Recovery*. – N.Y., 2002; Reddaway, Peter, Glinski, Dmitri. *The Tragedy of Russia's Reforms*. – Washington: United States Institute of Peace, 2001.

в политической линии, то результатом стало возникновение рыночных механизмов в сфере финансового обращения и биржевой практики, а не в сфере производственной деятельности. Поведение индивидов стала определять денежно-финансовая мотивация, основанная на сиюминутной выгоде, что вело к искажению представлений о должном, затрудняло различение добра и зла, возможность принятия адекватных решений, которые отвечали бы интересам широких слоёв социума. И.Н. Дёмина отмечает в этой связи: «...Чтобы рынок был по-настоящему свободным, ему необходимы нравственные устои. Подлинно свободный (рынок совершенной конкуренции) рынок способствует укреплению нравственности. В действительности, это показывает и опыт России, и других стран, рынок – не гарант достижения высокой нравственности»³³⁴. Поистине, реформы вели к вымыванию высококвалифицированных кадров во многих сферах деятельности, что в последствии вызвало рост непрофессионализма и кадровый голод. Хотя рыночные преобразования не смогли преодолеть кризис в российском обществе, их радикальный характер привел к изменению социальных отношений, сделав их в конечном итоге необратимыми. В немалой степени этому благоприятствовала дисперсия моральных норм, широкая диффузия морального партикуляризма.

Распространение положительного образа ценностей свободного рынка, толерантности, культурного плюрализма отчасти дезориентируют индивида, что кладет на политику дополнительную ответственность за выработку приемлемых ориентиров и целей развития общества. Это требует вовлечение широких слоёв в механизмы контроля и реализации проводимой политики. Воплощая в жизнь принцип солидаризма, который обеспечивает конвенциональность всех общественных структур и субъектов, можно указать пути корректировки политики и систему координат морально-ценностных

---

³³⁴ Дёмина И.Н. Ценности рыночной экономики как “ядро” экономической массовой коммуникации // Известия Иркутской государственной экономической академии. – 2013. – № 2. – С. 127.

ориентиров в ней. Данным образом закладывается модель политической культуры, испытывающей позитивное влияние от сформировавшихся отношений власти и социума, от ценностных ориентаций и разнообразных традиций.

Однако проявляющаяся антиномичность отношений между властью и обществом вызывает стремление каждой стороны пренебрегать моральными императивами, что инициирует непрозрачность принимаемых решений, закрепляет неэффективное взаимодействие многих управленческих структур с гражданами. Как полагает Е.Б. Шестопал, в массовом сознании россиян ценности равенства уступили место запросу на права человека и свободную конкуренцию при снижении ценностей ответственности и активизма³³⁵. Бесспорно, провозглашение в Конституции демократического и правового государства не ведет к автоматической выработке моральных норм, которые становятся ориентиром деятельности для всего российского социума.

Ограниченное восстановление регулирующих функций правительства в промышленности позволило создать условия «депрессивной стабилизации», приостановив падение производства. Однако под воздействием рекомендаций МВФ борьба с инфляцией превращалась в самодовлеющую задачу, мешая реальному определению ценностных ориентиров в реструктурировании социальных отношений. Игнорирование моральных норм вызвало использование различными субъектами задержек в выплате зарплат и пенсий, ужесточение налогового бремени, невыполнение государством своих денежно-кредитных обязательств перед предприятиями. А спекулятивные операции Центробанка даже привели к целой серии финансовых кризисов.

Более успешной в деле реорганизации социальных отношений была приватизация, которая приняла принудительный характер путём фактической раздачи государственной собственности вне каких-либо требований справедливости. Во многом приватизация заложила те изменения социальной

---

³³⁵ См.: Шестопал Е. Взаимоотношения граждан и власти в ходе демократического транзита в России // Логос. – 2003. – № 4 – 5. – С. 184.

среды, которые размыли существовавшие механизмы, обеспечили соответствующие моральных норм, поскольку закреплялись индивидуальные и частные формы присвоения дохода. Ведь рыночная модель не требует устойчивых связей между людьми для выживания индивида, создавая «иллюзорное чувство обособленности от общества», что не может не породить кризис в исполнении требований общественной морали ³³⁶. Реформаторы предполагали, что в результате продажи акций предприятий по рыночной стоимости, им удастся обеспечить эффективными хозяевами приватизируемые предприятия, а бюджет получит значительные доходы. В действительности последствия приватизационной программы оказались ложными, противоположными провозглашенным целям, так как не удалось создать широкий слой частных собственников, добиться повышения эффективности работы предприятий, привлечь значительные инвестиции, обеспечить социальную защиту населения за счёт приватизационных доходов.

Приватизация изначально не имела морального оправдания со стороны общества, а значит, придать институту частной собственности необходимой легитимации не могла. По замыслу её организаторов, она предполагала лишь формализацию права частной собственности посредством внеэкономического закрепления новых имущественных прав ³³⁷. Без учёта моральных факторов справедливости, традиций равенства и коллективизма, отсутствия необходимых структурных элементов, контроля за приватизационными фондами, прозрачности залоговых аукционов и многого другого невозможно было обеспечить признания обществом процессов приватизации. Получилось, что основным мотивом приватизации стало утилитарное пополнение бюджета, что превратило её в «законный» способ растаскивания государственного имущества. Как отмечал В.В. Куликов, «безвозмездная раздача богатства»

---

³³⁶ См.: Надурак В.В. Влияние некоторых изменений социальной среды на развитие общественной морали // Довгирдовские чтения IV: тенденции духовно-нравственного развития современного общества. – Минск, 2013. – С. 105.

³³⁷ См.: Экономика переходного периода. Очерки экономической политики посткоммунистической России, 1991 – 1997. – М., 1998. – С. 434 – 465.

оказалась выгодной ещё и потому, что отсутствовали механизмы обеспечения выполнения приватизационных договоров, которые способствовали резкому падению договорной дисциплины, полному развалу хозяйственных связей внутри страны, потере управляемости народным хозяйством³³⁸. При этом приватизация привела к существенному сокращению прав трудовых коллективов в вопросе контроля за собственностью и деятельностью администраций своих предприятий, похоронив идею социального партнёрства и солидарности. А поскольку над имуществом устанавливался менеджерский контроль, происходит отделение предпринимательских функций от собственности. Это порождало противоречия интересов между множеством мелких акционеров, как основных собственников с контрольным пакетом акций, и государством, которое не стремилось юридически оформлять свою ответственность (как управленца и собственника) перед обществом, усиливая моральную амбивалентность внутри социума.

Фактический отказ российского руководства от использования моральных регуляторов, обращения к нравственным установкам индивида при использовании либеральных идеологических подходов, не могло обеспечить вплоть до начала 2000-х годов какой-либо чёткой связи предпринимаемых шагов с позицией разделяемой большинством общества. Длительный период не происходило стимулирование производства, сбалансированной модернизации социальных отношений. Лишь в период президентства В.В. Путина реанимируются ценности долга для представителей власти и проводятся попытки установления контроля за уплатой налогов, за целевым использованием бюджетных средств, решается проблема ликвидации долгов по зарплате и пенсиям и пр. Всё это позволяет оценивать осуществлявшиеся действия даже не с позиций политической или экономической целесообразности, сколько на основе морального самочувствия индивида.

В сложившихся условиях при настойчивом проведении либеральной

---

³³⁸ См.: Куликов В.В. Российская приватизация в шестилетней ретроспективе // Российский экономический журнал. – 1998. – № 1. – С. 12 – 13.

политики российских реформаторов затруднительно найти моральный компонент. Только в 2000-е годы политические субъекты стали обращаться к моральным факторам и связанным с ними этикой ответственности, принципом меньшего зла. Поскольку этика убеждений ориентировала на соответствие с должным, то при президенте В.В. Путине стала усиливаться роль этики ответственности, которая предполагала воздаяние за «предвидимые» последствия совершенных действий ³³⁹. Пренебрежение моралью в сфере социально-экономических отношений могло угрожать не только адекватности политического курса, но и непоправимыми последствиями для общества, связанных с потерей политического и экономического суверенитета страны.

Не является секретом, что политический курс власти не оказывал сколько-либо эффективного противодействия нарушениям в ходе приватизации и залоговых аукционов 90-х годов, закрывая глаза на подделку ценных бумаг, недобросовестную рекламу, финансовые пирамиды, отмывание теневых капиталов, коррумпированность чиновничества и др. В сложившихся экономических условиях работник не избежал отчуждения от собственности, что не могло, естественно, не вызывать недовольства по отношению к олигархам. Поэтому попытка либеральных кругов защитить арестованного и осуждённого (2003 г.) главу кампании «Юкос» М. Ходарковского не получила какого-либо широкого отклика. Слом олигархической модели экономики и ограничение возможностей влияния бизнес-акул на политический курс было лишь нацелено на внедрение неких обязательных этических правил для представителей власти и предпринимателей. Это давало возможность для упорядочивания сложившихся социальных отношений в обществе и обеспечение их развития. Но без учёта ценностных установок и использования моральных регуляторов, добиться в практической деятельности решения имеющихся задач крайне затруднительно, поскольку экономическая деятельность подчинена системе существующих социальных связей внутри

---

³³⁹ См.: Вебер М. Политика как призвание и профессия // Избранные произведения. – М., 1990. – С. 697.

социума и его моральных норм и правил.

Очевидно, что требования морали предусматривают рациональные поступки индивида. Тем не менее, неотвратимо проявляется дилемма между добром и злом, необходимость оценки совершенного поступка. Как отмечает Дж. Мур, «всё, что сделала и может сделать этика, состоит не в определении безусловных обязанностей, а в указании того, какая из нескольких альтернатив, возможных в данных условиях, приведёт к лучшим последствиям»³⁴⁰. Возникает расхождение экономической рациональности, требующей рыночную эффективность и достижение максимальной прибыли, с морально-ценностной ориентирами, которые отвечают представлениям большинства граждан о ценностях долга, солидарности, справедливости и др. Как известно, монетаристские методы управления и предельное сокращение государством своих социальных функций не смогли прекратить депрессию экономики, обеспечить надежную легитимность и моральную поддержку власти. Только финансовый кризис 1998 г., приведший к существенному падению уровня жизни, вынудил перейти к режиму крайних мер по экономии расходов и прямому администрированию. Стала очевидна необходимость поддержания собственного производителя и внутреннего рынка, достижение согласия всех политических сил, которые выступают за восстановление суверенной отечественной экономики.

Моральная переориентация проводимой политики ставили задачу выработки таких общественных ценностей, которые могли бы выполнять задачу своеобразного морального стандарта в современном российском обществе. Для этого возможно использование традиций коллективизма, патернализма, равенства, чтобы обеспечить гармоничное модернизационное развитие. Поскольку разрушение ментальных установок насильственным образом может только способствовать разрушению моральных ценностей, дезориентируя социум, вызывать разногласия внутри его, усиливая моральную

---

³⁴⁰ Мур Дж. Принципы этики. – М., 1984. – С. 34.

амбивалентность. Поэтому мы видим в российском обществе переплетение трех видов ценностных противоположностей: противоположность двух позитивных ценностей, противоположность позитивной и негативной ценностей и противоположность двух негативных ценностей³⁴¹. Моральные конфликты, вызванные противоречивым восприятием и искажённым пониманием рыночных ценностей обществом, закладывают необходимость пересмотра проводимой социальной политики. Ее изменение требует последующей корректировки социальных отношений, рационального применения человеческого капитала, который имеет достаточную квалификацию и готов поддержать сложившуюся систему отношений, моральных норм и ценностей.

Со всей очевидностью следует указать на выросшую злободневность проблемы социальной справедливости в современных условиях. Она во многом определяет оценки политической власти, обеспечивая легитимность её представителей. Современная западная мысль склоняется к концепции социального контракта, который предполагает взаимную выгоду, оказываемой широкое влияние на политическую жизнь, так как определяет равновесие между локковскими естественными правами и кантовским моральным выбором³⁴². Ведь коммунитарский взгляд позволяет оценить с позиций прагматического гуманизма результаты политики, соответствие ее моральным нормам. Но реализация данного подхода для достижения справедливости проблематична по причине отсутствия какого-либо единства в понимании меры социальной справедливости в политической практике.

Несомненно, в постиндустриальной экономике возрастает роль индивида и социальных факторов, поскольку они влияют на условия творческо-трудовой деятельности, качество жизни, информационные потоки. Сознательная воля индивида всегда имеет необходимость в моральных регулятивных

---

³⁴¹ См.: Назаров В.Н. Прикладная этика. – М., 2005. – С. 134.

³⁴² См.: Nussbaum, Martha C. *Frontiers of Justice: Disability, Nationality, Species Membership*. – Harvard University Press, 2006. – P. 14 – 80.

инструментах, которые позволяют осуществлять оценку роли социальных институтов по обеспечению позитивных условий для экономической деятельности, самореализации творческих способностей, понимания целей развития общества. Как отмечает П. Козловски, «...неограниченное накопление частной собственности при достижении определённой степени господства на рынке ведёт к проблеме власти, неограниченное стремление к доходу и пользе превращается в скупость, алчность ведёт к утрате богатства человеческих целей. Координация производства и социального статуса только через успех на рынке, т.е. успешное предвидение платёжеспособного спроса, ведёт к субъективизму в управлении производством и предоставлении жизненных шансов, а также к пренебрежению существенными жизненными целями»³⁴³. Со схожих позиций в ряде работ российских авторов рассматриваются проблемы экономического развития, раскрывается значение человеческого капитала как фактора современной экономической деятельности, определяемой для индивида морально-нравственными императивами³⁴⁴.

Очевидно, что в российских условиях проблема социальной справедливости обострилась вследствие нарушения равенства экономических возможностей, различия позиций по отношению к собственности, обладания материальными и иными ресурсами. Это нарушение вызвано результатами приватизации, сконцентрировавшей огромную собственность в руках немногочисленной группы лиц, породив серьёзную дифференциацию общества в доходах, проблему бедности. Такие последствия вызвали критическое отношение к реформам и резкое моральное осуждение их последствий.

Негативная рецепция социально-экономической политики преимущественно связано с тем, что российский социум оценивает традиционно социальную справедливость, исходя из ценностей эгалитаризма.

³⁴³ Козловски П. Этика капитализма. Эволюция и общество: Критика социобиологии. – СПб., 1996. – С. 66.

³⁴⁴ См., напр.: Духовно-нравственная онтология современного социально-экономического развития: монография. – М., 2011. – С. 55 – 69; Вахтина М.А. Институциональные основания справедливой рыночной экономики. – Самара, 2013. – С. 44 – 62.

Но в современных условиях содержание ценности справедливости и механизмы ее практической реализации так и не определены. Поэтому справедливость может обсуждаться с социально-экономической, правовой, морально-этической точки зрения, но на основе морального сознания социума. А за годы реформ она обрело реверсивный характер и партикулярное свойство. Это вызвано уменьшением слоя, потенциально и реально относящегося к среднему классу, ростом уровня индивидуализма, распространением персоноцентрированности политической практики. Кроме того, при низком уровне заработной платы трудно добиться активной трудовой деятельности и высокого качества жизни работника. Вследствие этого осуществление социальной политики государства по борьбе с бедностью не снимает в обществе социальное напряжение и моральную амбивалентность. Ведь доходы возникшего слоя богатых не ограничены, а потому существует основа для воспроизводства патерналистских чаяний и стремлений к уравнительному равенству. Даже взяв идею социальной справедливости О. Хёффе для рыночного общества на основе обмена³⁴⁵, то неизбежно моральные ценности и критерии требуют корректировки социальных отношений, чтобы определить оптимальный ценностный баланс коллективизма и индивидуализма, свободы и ответственности в социуме, который позволит смягчить сложившуюся несправедливость.

Очевидно, необходимо пересмотреть цели деятельности различных политических институтов и субъектов, стремящихся к краткосрочным результатам своей деятельности, зачастую в ущерб потребностей своих работников. Иначе говоря, осуществление справедливости должно в социальной сфере содействовать диалогу индивидов и социальных групп между собой, обеспечивать индивидуальную мобильность, устойчивость социальной структуры, гармонизировать отношения человека со средой, определять границы между моральной и юридической свободой, распределять жизненные блага на основе потребительской силы труда. Достичь консенсуса

---

³⁴⁵ См.: Хёффе О. Справедливость: Философское видение. – М., 2007. – С. 126 – 128.

очень трудно без выработки общих ценностных подходов и моральных норм всего общества. Это можно видеть в вопросе о роли государства, которое может влиять на распределение согласно минимальному базовому потреблению или потребностей индивида. И эта система распределения связана со многими факторами – от соотношения политических сил до господствующих традиций в обществе. Но, по мнению Р. Планта, лишь «...альтруизм и чувство долга могут быть основой социальной справедливости», обеспечивающими единство общества ³⁴⁶. То есть данный взгляд ещё раз подчёркивает важность использования моральных оснований для решения социальных вопросов в политике государства.

Так же существует необходимость учёта доминирующей системы ценностей в обществе. Поскольку без внимания к моральным нормам и требованиям невозможно долгосрочное и устойчивое увеличение социальных благ, которые являются основой для представлений об общем благе. А это закладывает потребность в равновесии между индивидуальными устремлениями и общественными потребностями социума ³⁴⁷. Только после прихода к власти В.В. Путина были предприняты действия по отношению к государственным иностранным заимствованиям, по обеспечению выплат пенсий и зарплат, сбору налогов, поддержке отечественных экспортёров, развитию импортозамещения. Но реализации задачи стабилизации социальных отношений противостояла не только неэффективность системы управления. Давало знать влияние идей общества потребления, которые задавали известные моральные ориентиры обществу. Хотя эти идеи предоставляли индивиду шанс приспособиться к рыночным правилам поведения, с другой стороны, они подрывали традиционные (советские) моральные нормы, содействуя моральному релятивизму, ослаблявшему нравственные ориентиры. Вместе с тем, руководство страны в 2000-е годы было вынуждено принимать неотложные меры для устранения деформаций в инфраструктуре рынка,

---

³⁴⁶ Plant R. Why social justice ? // Social Justice. From Hume to Walzer. – L., 1998. – P. 281.

³⁴⁷ См.: Холмс Р. Мораль и общественное благо // Мораль и рациональность. – М., 1995. – С. 73 – 77.

осуществлять декриминализацию, поддерживать производство, обеспечивать социальный договор с обществом, минимизировать отрицательные последствия реформ. Однако в социально-экономической сфере продолжали сохранять свое влияние либеральные трактовки взаимоотношений морали и политики на основе персонцентризма, что затрудняло формирование каких-либо общих ценностных установок социума.

В условиях аномии общественного сознания правовые институты не могут эффективно противостоять моральной безнормативности, что обязательно отражается в дезинтеграции социальных связей и укреплении господства политической власти над отдельным индивидом. По мнению, А.В. Оболонского, консервативность массового сознания россиян определяется влиянием таких факторов, как (1) антиличностной сущностью социальных установок, когда не принимается материальная или духовная независимость индивида, который вынужден подчиняться единству (псевдо)коллектива; (2) сращенность индивида с системой власти при ощущении ее порочности, которая основана на боязни серьезных перемен социального уклада; (3) подрыв традиционной системы моральных ценностей, сопровождаемый различными моральными уловками и самооправданиями, которые породили явный дефицит моральных регуляторов индивидуального поведения; (4) в силу длительного существования внеэкономического принуждения обнаруживается недостаточная развитость нормальной трудовой этики; (5) существенная фетишизация власти, воспринимаемая главным стержнем общества, при одновременном неверии в закон и фатальной покорности государству; (6) заметный консервативный национализм и стихийный народный «империализм», который возлагает ответственность за неудачи на других со стремлением нести «цивилизаторскую миссию»; (7) нетерпимость к носителям других взглядов и позиций, что укрепляет господство бюрократического

государства над обществом³⁴⁸.

Считается, что в современном обществе доминируют производственные интересы. На их основе формируются отношения социального партнёрства. Но в России существуют завышенные социальные ожидания и депрессивные настроения при культивировании потребительских настроений. Это порождает при восприятии индивидами друг друга в качестве конкурентов стремления добиваться, в соответствии с либеральным взглядом, справедливости и равенства, стремиться к общему благосостоянию. Закономерно, что Ж. Бодрийяр оценивает общество потребления как построенное на самообмане, так как «счастье» людей в нем определяется уровнем благосостоянием и вещами, которые обеспечивают перед ними равенство индивидов. Так как прежние моральные нормы, которые существовали при конкурентном капитализме не работают в условиях монополистического, то над этим индивидуалистическим обществом, устанавливается принуждение государственно-бюрократического аппарата, использующего альтруистическую идеологию³⁴⁹.

Сокращение различий между людьми и опредмеченность взаимоотношений между ними в таких условиях нивелируется знаками участия, доброжелательностью, усреднёнными моральными нормами и требованиями к индивиду, что понижает значимость духовных и моральных ценностей, приумножает культ гедонизма. Поэтому следствием распространения идеи общества потребления становится духовный и моральный кризис общества. Происходит, говоря словами Р.Г. Апресяна, «абerrация» сознания индивида, оценивающего собственные достижения и положение как мираж, сравнивая их с другими людьми. Оттого статусное положение, обладание какими-либо вещами или символами становятся мнимым общепринятым стандартом в таком обществе. Как отмечает Р.Г. Апресян, сама «конкуренция сталкивает фундаментальную для либерального общества политико-правовую идею

³⁴⁸ См. подробнее: Оболонский А.В. Этика публичной сферы и реалии политической жизни. – М., 2016. – С. 50 – 58.

³⁴⁹ См.: Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры. – М., 2006. – С. 74, 114.

эгалитаризма с фактическими различиями в способностях и возможностях людей», порождая «...социальную ревность, зависть, перерастающую в ненависть, злобу, мстительность»³⁵⁰.

Сами сложившиеся условия диктуют необходимость морально-ценностной корреляции социальных отношений в соответствии с реальными интересами большинства людей. Ведь идеи потребительского характера, несмотря на их деструктивную сущность, являются в силу моральной релятивизации привлекательными лишь для части общества, отражая девальвацию роли института моральных авторитетов, отождествление добра и пользы, отказ от моральной императивности, приводят к стремлению оправдывать использование других людей для достижения своих целей. Поэтому С.В. Бойко и А.М. Магомедова справедливо замечают, что «без развития духовно-нравственной составляющей общества всякое экономическое развитие будет превращаться в дегуманизацию социальных отношений, в безудержное потребление духовно пустых оболочек товаров, в бесконечное насыщение материальными наслаждениями»³⁵¹. И в этом немаловажную роль может играть содействие власти и политических деятелей таким моральным ценностям, которые в целях снижения моральной амбивалентности могут выступать в качестве примеров для подражания. А это создает потребность отказаться от демонстративного потребления и потребительской гонки, укрепить социальную ответственность бизнеса, государства и потребителей. Только необходимо принимать во внимание, что у россиян за годы реформ сложилась поливариативность проявления морально-нравственных ценностей с приоритетом уже личных интересов и доминированием прагматизма³⁵².

В перспективе, по мнению А.В. Оболонского, возможно органическое

³⁵⁰ Апресян Р.Г. Идея морали и базовые нормативно-этические программы. – М., 1995. – С. 226, 227.

³⁵¹ Бойко С.В., Магомедова А.М. Нравственно-этические программы современного общества потребления // Фундаментальные исследования. – 2013. – № 6. – С. 1273.

³⁵² См.: Бубнова О.Ю. Проблема трансформации нравственных ценностей в современном российском обществе (социально-философский анализ): Автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. философ. наук. – М., 2005. – С. 22.

соединение персонцентристского и системоцентристского этических подходов, которое будет соединять индивидуалистическую и общественную мораль, чтобы гармонично сочетать интересы личности и общества³⁵³.

Сложившееся положение в российском обществе отражает эклектичность морально-ценностных ориентаций. Агрессивность массовой культуры стала мешать саморефлексии индивида. Ведь в этой культуре нет места человеку труда и созидательной деятельности, игнорируются вопросы долга, справедливости, честности, иные моральные ценности. Заметим, либеральные идеологи указывают о сильном влиянии стереотипов недуга «homo soveticus» в социально-экономических отношениях, важность распространения либеральных ценностей среди молодёжи при слабом уровне солидарности, гуманности, терпимости в их среде³⁵⁴. Одновременно существует внимание исследователей к моральным ценностям социума, которые составляют основу трудовой этики. Они отмечают, что получила распространение в течение 1990-х годов неформальная экономика и теневая деятельность. Им был характерен корпоративный характер отношений, который сохраняет свое присутствие и в последующий период. Кроме того, в поведении работника проявляется некомпетентность, карьеризм, узость ролевой системы, ригидность и иные деформации, преодолеть которые предлагается через разные виды обучения. Однако эти меры не могут быть эффективны при отсутствии положительных примеров поведения. В итоге трудовые ценности россиян оказываются искажёнными, так как нацелены на то, чтобы меньше работать и больше получать, а также проявляющими индивидуальные притязания, которые часто не подкреплены необходимыми знаниями, волей, работоспособностью³⁵⁵.

³⁵³ См.: Оболонский А.В. Драма российской политической истории: система против личности. – М., 1994. – С. 13 – 14.

³⁵⁴ См, напр.: Ясин Е.Г. Модернизация экономики и система ценностей. – М., 2003. – С.64.

³⁵⁵ См., напр.: Магун В.С. Как меняются российские трудовые ценности // Отечественные записки. – 2007. – № 3. – С. 98 – 117; Рассадина Т.А. Трансформация традиционных ценностей россиян в постперестроечный период // Социологические исследования. – 2006. – № 9. – С. 95 – 101; Шаталова Н.И. Деформация трудового поведения работника // Социологические исследования. – 2000. – № 7. – С. 26 – 33.

Такое положение задает необходимость определения содержания моральных ориентиров, способные содействовать модернизации социума и отношений внутри него с сохранением базовых ценностных основ – коллективизма, солидарности, сотрудничества. Необходимость этого продиктована тем, что на протяжении реформирования социальных отношений сказывалось противоречие между запросом рыночной экономики на самостоятельность индивида и отсутствием деловой этики в предпринимательской сфере и привычки к интенсивному труду. По большей части это определялось влиянием западных стандартов потребления и показывало несоответствие общественного сознания характеру рыночного реформирования, ослабление моральных регуляторов в поведении индивидов.

Очевидно, что существенную угрозу для совершенствования социальных отношений несет нечеткость норм и требований морали, когда рядовые граждане и политики могут разрешить себе приспособить мораль к своим эгоистическим действиям или уклониться от ее соблюдения. В таких условиях возникает представление о релятивизме человеческих добродетелей³⁵⁶. Подобная социальная практика противоречит традиционному российскому морально-ценностному восприятию роли государственной власти, которая призвана поддерживать органическую целостность общества и содействовать осуществлению идеи общего блага. Однако такая позиция не совпадает с западноевропейской традицией солидарности, которая обеспечивается юридическими нормами, регулирующими индивидуальный выбор и получение личных благ. Поэтому согласимся с позицией И.Е. Дискина, который считает, что «...без адекватной этической базы, без сильной мотивации акторов на соблюдение норм, без четко работающей системы санкций за их нарушение повышение качества институтов труднодостижимо. Их наличие – предпосылка для успешной борьбы с коррупцией, показавшей свою эффективность в развитых странах»³⁵⁷.

---

³⁵⁶ См.: Соммер, Дарио Салас. Мораль XXI века: Пер. с исп. – М., 2013. – С. 27, 53.

³⁵⁷ Дискин И.Е. Кризис... И всё же модернизация! – М., 2009. – С. 163.

Как известно, перекосы в доходах неизбежно ведут к снижению влияния стимулов к добросовестному и интенсивному труду, вызывают социальное недовольство по отношению к высокооплачиваемым работникам, обостряют проблему маргинализации в обществе. Государству необходимо возродить принцип равной оплаты за «равный труд» для поддержания трудовой мотивации и обеспечить возможности для самореализации граждан в системе социальных отношений. Однако не на основе личностного менталитета и связей, а профессиональных качеств, так как в условиях рыночного хозяйства индивид стремится освободиться от ограничений моральных императивов, чтобы обеспечить индивидуальный экономический успех. Ведь «экономическая деятельность при капитализме... ориентирована на достижение целей при рациональном, разумном и законном выборе средств»³⁵⁸. Но это не отменяет потребность во всесторонней социальной политике для регулирования общественных отношений. Ведь в отличие от 2000-х годов, когда был принят ряд известных социальных программ, в 90-е годы трудно найти в социальной политике российского государства какую-либо единую морально-ориентированную линию. Политические решения принимались под воздействием тех или иных вызовов, порождённых общественным недовольством, несправедливостью. Это создавало серьёзное отчуждение между политикой и моралью, властью и населением, которые были поглощены решением своих собственных текущих проблем. Да и само государство до сих пор не определилось полностью с вектором социальной политики, поскольку в отличие от латиноамериканской или азиатской моделей, европейский путь требует активную социальную деятельность на основе высокого уровня налогообложения, предполагает устойчивый рост всей экономики и регулирование социальных отношений. Такой подход нуждается в отказе от сложившегося союза государственной бюрократии с частным капиталом, резкое снижение административного своеволия и коррумпированности как не

---

³⁵⁸ Федотова В.Г., Колпаков В.Г., Федотова Н.Н. Глобальный капитализм: три великие трансформации. – М., 2008. – С. 206.

отвечающие моральным идеалам справедливого общества. Вся социальная политика должна быть нацелена на подъём благосостояния граждан, создание условий для высококвалифицированной деятельности, развитие системы занятости, предотвращение деквалификации работников и другие задачи. Только такую экономическую политику можно будет считать соответствующей моральному запросу и ценностным ожиданиям общества, сглаживающей моральную амбивалентность. А для этого требуется обеспечить экономическое восхождение страны, чтобы оживить «депрессивные» районы, вовлечь людей в реальную активную производственную и общественную жизнь, обеспечить уважение к человеку труда, что будет восприниматься как должная деятельность власти, отвечающей идеалам справедливости.

Таким образом, демократизация и модернизация общества и их последствия сильно воздействуют на имеющиеся моральные ценности и политические действия. Но беспринципная погоня за прибылью, игнорирование моральных регуляторов, отказ от правовых норм размывают признание и цели любых преобразований³⁵⁹. Низкая моральная сущность капиталистического общества, которое разрушительным и аморальным образом использует свободы и персонцентристские установки, только порождает запрос на укрепление морально-ценностных ориентиров в политике на основе справедливости и ответственности. Так как регламентировать деятельность индивида трудно, то имеется необходимость воспитания морально-нравственной личности, которая обладает бескорыстностью, чувством долга, ответственностью, которые помогают осуществить на практике идеалы свободы, равенства, справедливости и др. Это предполагает диалектическое единство общего и особенного – универсальных моральных норм, являющихся общими и согласованными, а с другой стороны, индивидуальных, эгоистических моральных принципов. Лишь согласованные моральные ценности и нормы, согласующиеся с социокультурными установками, могут сглаживать противоречия в социуме и обеспечивать сотрудничество в нем.

---

³⁵⁹ См.: Федотова Н.Г., Колпаков В.А., Федотова Н.Н. Указ. соч. – С. 492.

Проблемы, которые существуют в социально-экономической сфере, явственно отражают политический кризис неолиберального подхода. Ведь данный курс исходит из того, что экономические интересы субъекта определяют его инициативность и активность, которая направлена на максимальное удовлетворение индивидуальных потребностей посредством минимизации издержек. Распространяемая идея о чрезмерном значении денег и потребления в жизни человека неизбежно способствует закреплению торжества морального релятивизма, утверждению суррогатной общественной морали, что порождает деформацию деятельности в сфере политики, нивелирует значение ценностей взаимопомощи, ответственности, справедливости, честности. В результате складываются условия для несправедливого использования власти и пренебрежения ею моральными требованиями. Поэтому субъектам политики следует понимать значение того, что все члены общества нуждаются в таких взаимоприемлемых нормах, которые выполняли бы функцию моральных ограничителей и регуляторов в социально-экономической сфере и обладали бы свойством универсальных моральных правил для всего общества. Тем самым такие основания гарантировали бы ответственность политических деятелей за процветание конкретного индивида и всего общества.

Выводы: 1) рыночные реформаторы взяли курс на разрушение советского наследия, стремясь избавиться от любых моральных ограничений своей деятельности; 2) в разных слоях общества сложилась различное отношение и оценка преобразований – одна часть стремилась к безграничному обогащению и оправдывала реформы, а другая, выживавшая любой ценой, их осуждала; 3) в новых условиях возрос спрос на инициативных и активных людей, которые не были обременены моральными исканиями, что закладывало условия для персонифицированности общественного сознания; 4) поскольку человек стал рассматриваться как средство реализации личных устремлений, обнаружилось игнорирование политической властью социальных проблем и обеспечение консенсуса внутри социума; 5) экономический произвол, стремление к финансовому обогащению любой ценой, дикая приватизация разрушили

основы социальной справедливости, приведя масштабному отчуждению индивида от власти и собственности; б) солидарность, чувство долга, коллективизм, альтруизм и прочие прежние социокультурные ориентиры оказались противоречащими курсу на обогащение, потребительство, индивидуализм, что снижало востребованность духовных и моральных ценностей.

3.2. Демократизация социально-политической системы и нравственное сознание современного российского общества

Цель: Показать влияние процессов демократизации в России на моральные основания и нравственное сознание социума.

Задачи:

- рассмотреть особенности кризиса государственности в постперестроечный период;
- показать конституционные изменения, трансформировавшие облик государства, подходы к правам и свободам индивида;
- выявить позиции властей и состояние общественного сознания россиян;
- показать проблемы моральной ответственности политических деятелей перед обществом;
- рассмотреть отношение общества к политическим процессам XXI века и их оценки;
- раскрыть изменения и проблемы в моральных ориентирах россиян за годы реформ.

Социально-политические реформы и демократизация политической системы выявили противоречие между политикой, руководствующейся прагматическими установками, и моральными нормативными ориентирами. Однако уместно задаться вопросом, в какой степени можно реализовать в сфере политики моральные идеалы свободы, равенства, справедливости и ответственности в российских условиях. Рациональный выбор политической линии обращает на себя внимание проблему обеспечения оптимального состояния системы управления. Ведь в этой системе политика есть результат коллективных игр-действий, в которых должны учитываться позиции других субъектов и интересы социальных групп. Однако политический плюрализм и демократия совершенно не гарантируют выработку, существование и влияние

абсолютных моральных норм. Особенно, если отсутствует или имеется слабая поддержка большинства общества (сообразно коллективному выбору Дж. Роулза). Ведь тогда моральные аспекты могут акцентировать проблемы совершенствования социально-политических отношений на основе развития принципа ответственности политических лидеров в соответствии с господствующими в обществе моральными нормами и представлениями.

Затрагивая моральные аспекты политической практики в российском обществе, требуется учитывать, что их оценочная функция в современном мире выстраивается не только на универсальных категориях и духовных ценностях. Следует учитывать, что в настоящий момент доминируют либеральные подходы, имеющие индивидуалистическую трактовку ценностей и добродетелей и персоноцентристский подход в обосновании выработки единых норм. Такие обстоятельства не предоставляют абсолютной уверенности человеку в корректности избранных им действий, не обеспечивают восприятие окружающего мира в целостности, понимание значения ценностно-идеологической составляющей для выявления смысла своих поступков и деятельности. Подрыв духовных и моральных основ деформирует упорядоченную деятельность общества, что неизбежно превращает любой идеал и идеологические взгляды в оторванные от общественных потребностей установки. В результате усиливается моральный релятивизм, который способствует формированию морального кризиса индивидуального сознания, противоречивость социокультурных ориентаций. Л.Д. Рассказов, изучая духовный кризис начала XX в., по причине обострения противоречий между консервативной идеологией и меняющейся социальной средой, приходит к выводу, который можно применить к современному российскому обществу. Он замечает, что «в период перехода общества с одними качественными характеристиками к обществу с другими качественными характеристиками и в целях снижения кризисных издержек... следует идти через создание духовного богатства, чтобы понять ошибочность или односторонность какой-либо идеи и

найти поправку к ней»³⁶⁰. Иначе говоря, ведущую роль в формулировании целей и смысла общественно-политической активности играют именно моральные императивы, которые обеспечивают солидарность внутри социума, всеединство бытия человечества.

Социальная реальность постмодернистского общества вкладывает в бытие политики влияние существующих ценностей и идей для саморефлексии политических субъектов и конструкции политического пространства. Как представляется, посредством выявления тождественности политических идей, моральных принципов и предпринимаемых действий складывается оценка моральной адекватности политического курса конкретным интересам и потребностям социальных групп. Игнорирование общества и моральных ограничителей, неминуемо исключает политических субъектов из пространства поддержки действий власти и выбор ею произвольных и случайных мер, которые нарушают социальную стабильность и обостряют моральную амбивалентность.

Учитывая, что субъекты политики имеют превалирующее право определения взглядов на окружающий социальный мир, которое связано с автономным полем борьбы за власть, обособленным от большинства общества. Это позволяет им совершать свои действия согласно с личными позициями и представлениями о морали³⁶¹. Данная субъективация затрудняет достижение максимального согласия между политическими субъектами, фактически, оставляя обществу только моральные рычаги влияния на политическую жизнь. На общество возлагается роль своеобразного арбитра в политической борьбе за власть и право влиять на субъектов политики посредством согласия с конкретной позицией. Недовольство граждан или их поддержка формируют социальное соглашение с властью, открывает возможность моральной

---

³⁶⁰ Рассказов Л.Д. Природа знания о духовном кризисе // Идеология: дух, смысл, разум: коллективная монография. – Красноярск, 2011. – С. 50.

³⁶¹ См.: Соловей И.В. Философские смыслы поля политики: Автореф. дис. на соиск. учен. степ. доктора философ. наук. – Ижевск, 2012. – С.26.

легитимации проводимой политики, сохраняя также независимость индивида от решений власти. На такой основе складывается «единство» моральных подходов и индивидуальных оценок политика и предпочтений социума, превращая действие политики в акт, который предопределен необходимостью и возможностью его совершения. Это действие должно отвечать избранным средствам и согласовываться с моралью, её универсальными или партикулярными толкованиями.

Кризис плановой экономики и ослабление влияния коммунистической идеологии объективно подтолкнули российских лидеров к принятию на «вооружение» западной модели развития. Данный курс предполагал демократизацию политической системы, которая должна была соответствовать рыночному характеру экономических отношений и ориентации на либеральные ценности. Но, несмотря на общую склонность к демократическому вектору развития, заимствованиям положений из западных подходов к осуществлению модернизационных преобразований, в сознании общества сложилось противоречивое отношение к политическим процессам. Проблемы опоры правящей верхушки и неоправданность ожиданий общества от строительства либеральной модели только поляризуют оценку реформ, средств их осуществления и достигнутых результатов, поскольку это не могло не сказаться на системе ценностей, моральных нормах и поведении конкретного индивида.

Обращаясь к проблемам российской модернизации с позиций морально-ценностного аспекта, мы видим столкновение различных идей и подходов, претендующих на выражение духовных ориентиров общества. И только моральные нормы помогают любому индивиду осознавать себя как личность, свою роль в обществе. Любой отказ от морали или ее упразднение приводят к ошибочному пониманию сущности оправдываемых деяний. Тем не менее, как справедливо отмечает Г.П. Гребенник, «...политический выбор есть в то же время нравственный выбор. Иначе быть не может. Поэтому из морали «выпасть» нельзя, ибо её поле шире собственно политического выбора. Точнее

сказать, моральные структуры залегают глубже тех слоев, в которых плавают некоторые политики, и не подозревающие о глубине своего «водоёма»³⁶². В результате моральные ценности в действиях политических субъектов обретают особое значение и ответную реакцию социума. Но в постмодернистский период политика оказалась устремлена на такие виды социальной активности и взаимодействий, которые образуют очень ограниченные в содержательном плане и по влиянию ценностные ориентиры социума. В итоге власть целерациональным образом стремится контролировать индивидов, пытаясь устранить всякие противодействия своим интересам и целям. Поэтому данный вариант взаимоотношений морали и политики не может считаться приемлемым для российской модернизации.

Преобразования 90-х годов привели к изменению структуры государственной власти и характера социально-политических отношений. По мнению А.П. Бутенко, государство, которое прежде централизованно контролировало все социальные процессы, стало превращаться в демократическое, с общепризнанным разделением властей, открытое нормам международного права³⁶³. Однако процессам демократизации объективно мешал ряд обстоятельств, обострявших противоречия между государством как источником закона и личностью как носителем свободы. Очевидно, что для действенного морального сознания социума необходимо не только существование легитимной власти, но и такие организационно-управленческие действия государства, которые при опоре на моральные и правовые основания регулируют социальные отношения, сглаживают проявление моральной амбивалентности, укрепляют принципы солидарности в обществе.

Ситуацию моральной дезориентации в обществе вызвал кризис российской государственности, связанный с борьбой между законодательной и исполнительной ветвями власти. Дело в том, что после августа 1991 года

---

³⁶² Гребенник Г.П. Проблема отношений политики и морали. – Одесса, 2007. – С. 554.

³⁶³ См.: Бутенко А.П. От коммунистического тоталитаризма к формированию открытого общества в России (политические и правовые проблемы). – М., 1997. – С. 36.

различные политические силы явочным порядком стали устанавливать свою компетенцию, что вело к росту внеправового произвола и игнорированию моральных ограничений. Следствием этого явилось падение авторитета и действенности власти, продолжавшееся на протяжении 90-х годов. В результате перераспределения власти между центром и территориальными субъектами региональные элиты стремились к установлению своего контроля над собственностью в своих регионах и перераспределением ресурсов вне рамок справедливости, равенства, честности, согласия, блага. Эти разногласия осложнялись различным правовым статусом регионов. Поэтому в центре политических коллизий становился не вопрос о реформах, а проблема роли государства и его дееспособности, деятельность которого позволяла бы выработать моральные требования, отвечающие сложившимся социальным реалиям и препятствующие нарастанию морального релятивизма.

В течение двух десятилетий постперестроечная Россия, придерживаясь либеральных принципов и ценностей, искала свою модель развития и способы взаимодействия власти с обществом. В.А. Бачинин выделяет по степени антагонизированности отношений субъектов три модели: (1) нравственная модель властных взаимодействий, когда государство и общество имеют общие интересы, которым преданы одинаково, что отвечает модели должного, когда для государства на первом месте находятся интересы граждан, а для каждого гражданина - интересы государства; (2) моральная модель, основанная на паритетно-договорных взаимодействиях, что предполагает наличие развитого гражданского общества и высокого морального авторитета и компетентности у властных структур государства; (3) имморальная модель властвования, предполагающая силовое давление на общество и расширение властных полномочий, что даёт возможность отбрасывать моральные ограничения и вседозволенно нарушать права и свободы общества³⁶⁴. И выбор определённой модели был осложнен тем, что рассматриваемый период не принес

---

³⁶⁴ См.: Бачинин В.А. Морально-правовая философия. – Харьков, 2000. – С. 146 – 148.

стабильности и развития, вызвав апатию и недоверие населения к реформам, падение нравственности в обществе, рост преступности, появление различных экстремистских организаций. А для решения комплекса сложившихся проблем и проведения необходимых преобразований требовалось учитывать социально-психологические факторы, ценностные предпочтения, определить вектор общественных интересов и специфику самой российской демократии.

Крушение модернистского типа властных отношений лишило социум прежней упорядоченности, отчего сторонники постмодернизма ощущают эпистемологическую неуверенность и недоверие к традиционным институтам. Права человека, либеральная демократия, рынок стали определяющими ценностями общества, возводя моральный партикуляризм в качестве ведущих этических регуляторов. Поэтому приверженность демократии становится главным критерием цивилизованного общества, своеобразной телеологической целью. Ценности свободы, открытости, космополитизма и толерантности превратились в главенствующие, делая мораль служанкой постмодернистской политики. И эти ценностные ориентации должны придавать индивиду и обществу некий высший смысл, инструментально формируя нормы долженствования. Однако, как замечает Р. Свифт, «система централизованной государственной власти становится всё более оторванной от жизни большинства людей, и всё сложнее поверить, что политики (каковы бы ни были их взгляды), занимающиеся макроменеджментом общества и экономики, вообще задумываются о том, что действительно важно для нас»³⁶⁵. В результате возникает расхождение в целях деятельности политиков, цинично преследующих личные выгоды, и ценностных предпочтениях общества, разочаровывающегося во власти, демократических механизмах её осуществления, что лишь обостряет моральную амбивалентность оценок.

Тем не менее, в современном изучении политики тяготение к постмодернистской конфигурации политического пространства, смыслов,

---

³⁶⁵ Свифт Р. Демократия. – М., 2014. – С. 32 – 33.

отношений лишает стороны взаимодействия идеологической ориентации. Характерно, что у постмодернизма разрыв с традицией выражен в нечётких понятиях и контекстах, что отображает её релятивистскую ценностную систему, а это препятствует обоснованию моральных ориентиров, поиск всеобщего блага, справедливости, равенства и пр. Как следствие, происходит отказ от любых предустановленных норм, игнорирование фундаментальных ценностей бытия, необременённость общими метафизическими проблемами. Как отмечает А.А. Трунов и Е.И. Черникова, «сущность человека растворяется в лабильных актах коммуникации, где вместо мысли – спонтанность, вместо ответственности – произвол, вместо ценностей – договорённости, вместо реальности – виртуальность, вместо интенциональности – коммуникативность, вместо истины – убеждение»³⁶⁶. Благодаря этому для политика проявляется возможность поступать через абсолютизацию своей целерациональной активности, которая независима от внешних моральных ограничений, что укрепляет позиции морального релятивизма.

Необходимо принимать в расчёт, что именно система ценностей и моральных требований придаёт смысл и значимость предпринимаемых действий, влияет на их эффективность и результативность, их морально-нравственную значимость, соответствие добродетели, общественным идеалам и представлениям. Поэтому перед политическим деятелем возникает ситуация выбора, предполагающая преднамеренность поступка. Рассматривая проблему совершаемого поступка с позиций И. Канта, Л.Ф. Мулюкова замечает, что «долженствование как возможный поступок всецело зависит от человека, от заложенной в него действующей нравственной воли, постулируемых ценностей и его последующего бесконечного, свободного совершенствования»³⁶⁷. С другой стороны, распространённость патримональных отношений, основанных

---

³⁶⁶ Трунов А.А., Черникова Е.И. Российское государство перед деструктивным вызовом постмодерна // Нравственное государство как императив государственной эволюции. – М., 2011. – С. 216.

³⁶⁷ Мулюкова Л.Ф. Долженствование как возможный поступок // Вестник Челябинского гос. ун-та. Серия: Философия. Социология. Культурология. Вып. 33. – 2014. – № 17. – С. 120.

на личной преданности и всевластии руководителя, ведёт к сужению поля влияния морали. В результате любые должностные полномочия превращаются в инструмент для реализации привилегий. А личное усмотрение в таких условиях не может не расходиться с требованиями морали ³⁶⁸. Поэтому возникает потребность в развитии тех идеалов, которые позволяют двигаться в направлении к более моральному обществу, интеллектуальному и духовному развитию человека и преодолению его эгоизма. Ведь политическая деятельность, пронизанная моральной составляющей, должна предполагать использование мягких технологий воздействия на общество и человека, гармонизацию интересов и отношений между властью и индивидом.

Российское общество вначале восприняло с достаточным энтузиазмом демократические процессы, связанные со свободными выборами и возможностями для личной самореализации. Однако немалый урон этим настроениям нанёс политический кризис 1993 года, ставший основой для конституционного оформления новой российской государственности. Тактические разногласия о характере, методах и темпах реформ внутри политической элиты привели к кризису. Пользуясь пассивным недовольством широких масс населения проводимыми реформами, оппозиция повела натиск на исполнительную власть за контроль над механизмами управления. Общество бездейственно взирало на борьбу ветвей власти, в большей степени доверяя президенту как «законно» избранному лидеру при преобладании скептического отношения к парламентским процедурам ³⁶⁹. Социально-политический кризис 1993 года во многом был связан с игнорированием моральной составляющей в деятельности власти. Ведь реформы проводились через административно-бюрократический аппарат, который игнорировал запросы гражданского общества и больше заботился об узких политических интересах. Противоречие

---

³⁶⁸ См. подробнее: Римский В.Л. Нравственность не может быть регулятором поведения патримональной бюрократии // Нравственное государство как императив государственной эволюции. – М., 2011. – С. 458 – 460.

³⁶⁹ См.: Клямкин И.М. Посткоммунистическая демократия и её исторические особенности в России // Политические исследования. – 1993. – № 2. – С. 16.

между советской формой организации власти и президентскими структурами вели к стремлению получить монопольную власть и влияние. Кроме того, противоборствующие силы ориентировались на различные ценности, поскольку исполнительная власть целенаправленно реализовывала рыночный курс, а оппозиция возражала против его значительных социальных издержек и игнорирование справедливости. Существовало также расхождение относительно роли государства, поскольку реформаторы склонялись к минимизации его вмешательства, тогда как их противники выступали за государственное регулирование и защиту отечественного производителя. При этом имело место усиление тех группировок, которые не приняли «большой скачок» к капитализму, использовавших патриотические лозунги и ностальгические чувства населения по ценностям равенства, справедливости, коллективизма советского прошлого.

Инструментом противостояния стала конституция и конституционные полномочия, поскольку оппозирующие политические силы существовали в едином конституционном поле на равных правовых основаниях. В таких условиях возникало представление, что разногласия исполнительной и законодательной властей носят тактический характер. Но большинство парламентариев, выступая на словах за рыночные отношения, считало приоритетным восстановление системы государственного регулирования социальных отношений как инструмента отстаивания своих ценностных приоритетов, тогда как президентская сторона не отрицала необходимости усиления роли государства. Поскольку в новых условиях прежние моральные нормы не были сколько-либо действенными, требовалось посредством правового регулирования определить функции, компетенцию и ответственность каждого государственного органа. Для того можно было реализовать демократические механизмы, которые способны вести к стабильности социума, но не к ценностному согласию в нем. Поэтому идея демократии могла выступать одним из ориентиров, наряду с другими социальными ценностями,

которые воздействуют на моральные установки субъектов политического процесса. По справедливому замечанию Д. Хелда, «демократия не предполагает согласия по различным ценностям – скорее, она предлагает способ взаимосвязи ценностей и представления разрешения ценностных конфликтов участников открытого процесса, подлежащего соблюдению лишь некоторых условий, защищающих порядок и форму самого процесса»³⁷⁰.

В силу переходного периода развития государства в Конституцию были внесены многочисленные поправки, не обладавшие системным характером. Так, в ней не было чётко прописана система разделения властей, а всевластие Советов сочеталось с широкими полномочиями института президентства. Поэтому Основной закон страны из нормативного регулятивного документа превращался в инструмент политической борьбы, который не мог способствовать реализации правовыми механизмами какой-либо формы должного, поскольку моральные модераторы не были способны оказывать своё влияние на снижение моральной амбивалентности. Сложившаяся разноречивость конституционных норм могла быть использована разными политическими силами для обоснования своих претензий. Так, исполнительные структуры, игнорируя позицию парламентариев о необходимости корректировки либеральных реформ, продолжали монетаристский курс. Противостояние ветвей власти привело к фактическому двоевластию и последующей драматической развязке конфликта.

Политическая линия, которую избрала исполнительная власть, лишь породила нарастание недовольства в различных слоях общества, хотя мотивы этого роста были разными. По мнению В.В. Согрина, одним из определяющих мотивов стал морально-нравственный протест. Он вызвался тем, что новая политическая элита, прежде выступавшая против привилегий коммунистической номенклатуры, в условиях свёртывания системы социальной защиты и стремительного роста социальных контрастов, присвоила

---

³⁷⁰ Хелд Д. Модели демократии. – М., 2014. – С. 429.

себе прежние льготы и госсобственность³⁷¹. В свою очередь, отечественные и зарубежные либеральные идеологи высказывали свое явное недовольство непоследовательностью проведения реформ по внедрению рыночных механизмов, медленной борьбой с монополизмом, огромным бременем социальных обязательств государства³⁷².

«Перетягивание каната» в противостоянии ветвей власти привело к пониманию необходимости разработки новой конституции. Судьба страны и реформ оказалась в заложниках борьбы за власть. Поэтому можно признать справедливой оценку Л.Ф. Шевцовой кризиса российской государственности, согласно которой «ещё очевиднее стала неспособность российских элит к консенсусу», когда возникла потребность в самоограничении своих амбиций, в отказе от биполярной модели политической борьбы, в принятии взаимных обязательств и юридического их оформления³⁷³. Вот почему легко разгорелся накал страстей вследствие возврата либерального реформатора Е. Гайдара в правительство и личных нападок главы Верховного Совета Р. Хасбулатова на президента. Сложившиеся условия исключали моральное соглашение сторон и компромиссные уступки. Следование узкому моральному партикуляризму только разжигало амбивалентность оценок. Предложение Совета Федерации идти «третьим путём», проведя досрочные выборы президента и парламента, не нашло должного отклика в силу того, что данный медиатор не обладал должным моральным авторитетом в системе политических координат, а противостояние сторон быстро достигло своего ценностного апогея. Основная часть населения страны воспринимало происходившие события как далёкие от

---

³⁷¹ См.: Согрин В.В. Политическая история современной России. 1985 – 2001: от Горбачева до Путина. – М., 2001. – С. 137; Согрин В.В. Российская история конца XX столетия в контексте всеобщей истории: теоретическое осмысление // Новая и новейшая история. – 1999. – № 1. – С. 88 – 90.

³⁷² См., напр.: Гайдар Е.Т. Государство и эволюция. – М., 1995. – С. 39; Мау В.А. Экономика и власть. Политическая история экономической реформы в России, 1985 – 1994 гг. – М., 1995. – С. 59 – 65; Ослунд А. Россия: рождение рыночной экономики. – М., 1996. – С. 18 – 19, 76 – 79, 273, 380 – 381.

³⁷³ См.: Шевцова Л.Ф. Дилеммы посткоммунистического общества // Политические исследования. – 1996. – № 5. – С. 82.

повседневных проблем и ценностных потребностей. В то же время серьёзное воздействие на угасающие иллюзии общественного мнения оказали средства массовой информации, обвинившие парламентскую оппозицию в выходе её за рамки закона, которая вместо установленных Конституцией правил оппонирования президенту и правительству перешла к вооружённому сопротивлению, дав основания для проведения силовой акции против себя.

Поражение Верховного Совета (4 октября 1993 года) было обусловлено низким уровнем морального доверия граждан к данному органу власти, отсутствием у него действенной и позитивной альтернативы, склонностью местных структур и чиновничества остаться на стороне реальной власти. Поэтому исполнительная власть взяла на себя инициативу и ответственность за формирование нового политического облика государства и его моральных основ. Новый избирательный закон и Конституция делали ряд шагов по формированию демократической политической системы. В этих условиях успех Либерально-демократической партии и совокупная победа оппозиции на выборах в новый парламент объяснялась потерей морального авторитета демократами³⁷⁴. Ситуацию осложняла лишь размытость социальных интересов широких слоев социума в силу переходного характера развития.

Новые изменения в политической системе не превращали Россию одномоментно в страну подлинной демократии. Конституция закрепила реорганизацию власти на новых принципах. Произошло укрепление позиций президента, без которого не мог быть решён ни один принципиальный вопрос. Интересную мысль о моральном доверии к исполнительной власти высказали В.А. Ачкасов, С.М. Елисеев и С.А. Ланцов, которые отметили, что «по мере ослабления харизматических оснований президентской власти она всё более приобретала тенденцию к правовому оформлению своих особых полномочий,

---

³⁷⁴ См.: Афанасьев М.Н. Поведение избирателей и электоральная политика в России // Политические исследования. – 1995. – № 3. – С. 112 – 113.

замыканию на себя силовых структур»³⁷⁵. При этом законодательная власть была лишена таких инструментов как депутатский запрос и отчёт правительства, возможности создания вертикальной иерархии органов представительной власти, что затрудняло достижение морального консенсуса политических субъектов и преодоление социокультурных противоречий.

Заметим, новая Конституция обеспечивала политические права и свободы человека и гражданина согласно принципам и нормам международного права, хотя прежние социальные завоевания – право на труд, среднее и высшее образование, бесплатное жильё и медицинское обслуживание, доступ к любым государственным должностям и т.п. – не были отражены. Хотя статья 7 Конституции РФ ссылалась на положение о социальном государстве, упоминания о социальной справедливости, распределении общественного продукта и социальной поддержке личности отсутствовали. Такой избирательный ценностный подход к социальным отношениям отвечал, на наш взгляд, либеральным представлениям о роли государства. Поэтому в Основном законе не упоминались обязательства государства перед гражданами, а обязанности самих граждан ограничивались уплатой налогов, охраной окружающей среды и защитой Отечества. По сути, обнаруживалось противоречие К. Шмита. Оно находило своё выражение между демократическим идеалом и реальной моральной практикой государства, поскольку «любая существующая демократия основывается на принципе не только равенства равных, но и на том, что с неравными не следует обращаться как с равными. Поэтому демократия требует, во-первых, гомогенности, и, во-вторых, если возникает потребность, в устранении или искоренении гетерогенности»³⁷⁶. Получалось, что российская власть подводила моральное оправдание своим действиям в осуществлении либерального реформаторского курса социально-политических отношений. Политическая практика наглядно

---

³⁷⁵ Ачкасов В.А., Елисеев С.А., Ланцов С.А. Легитимация власти в постсоциалистическом российском обществе. – М., 1996. – С. 85.

³⁷⁶ Schmitt C. The Crisis of Parliamentary Democracy. – Cambridge: The MIT Press, 2000. – P. 9.

показывала, что постсоветская власть редко вспоминала моральные нормы и использовала их исключительно для оправдания своих действий. А это соответствовало моральному релятивизму и ослабляло влияние морального фактора во взаимодействии морали и политики.

Согласно Конституции 1993 года, было признано право частной собственности, установлен свободный труд без гарантий минимальной оплаты труда, вводилась адресная социальная помощь и многое другое, что суживало социальные права. Произошло складывание антиномии между должным и сущим на новой основе, поскольку Основной закон ориентировался на достижение демократических принципов как некоего идеала, который не мог не испытывать давление конкретных политических, социальных, правовых, моральных условий. И это дополнялось определением того, в какой степени целевые установки власти отвечали ценностным представлениям и моральным установкам большинства общества. Ведь следствием всего этого является определение возможностей власти и политиков по реализации демократических принципов и национальной формы демократии.

Как отмечалось, в результате принятия Конституции были осуществлены институциональные изменения, предполагавшие укрепление позиций президентских структур и более чёткое разделение властей. Но новая структура государственной власти вызывала усиление позиций чиновничества и бюрократизацию всего механизма управления. Произошло также укрепление многопартийности, способствовавшей развитию парламентаризма. Стала складываться и новая система ценностей российского общества, которая испытывала сильное влияние на себе демократических, либеральных и общечеловеческих идей на основе персоноцентризма. Власть вполне обеспечила себе легитимную поддержку, несмотря на выжидательную позицию общества, что подтверждается фактическим отсутствием попыток неконституционного свержения правительства. Поэтому в новых условиях политическая власть, которая призвана определять стратегию и тактику

общественного развития, могла взять на себя функции организующей и контролирующей силы различных институтов и структур, отношений между людьми, общественными группами.

Сформировавшаяся совокупность методов властвования по реализации ценностей согласия, стабильности, легитимности за последние десятилетия позволяет признать Российскую Федерацию в качестве демократического государства. Тем не менее, моральные аспекты политики вплоть до «крымской весны» (2014 год) сталкивались заметным отчуждением социума от власти, что давало большие возможности для манипуляций политических деятелей, бесконтрольности деяний должностных лиц, их произвола при селективном применении демократических процедур. Как отмечал К. Поппер, в условиях демократического режима, «проблема контроля за правителями и проверки их власти является главным образом институциональной проблемой...»³⁷⁷. И эта проблема связана непосредственно с особенностями современной демократии, которую традиционно характеризуют на основе процедурных вопросов и выборов, а не с моральными нормами и установками, определяющими характер и особенности социальных взаимодействий.

Усложнение социальной жизни и доминирование либеральной демократии породили заметный тренд моральной неудовлетворенности степенью эффективности и адекватности современного государства. Трудности воплощения социальной справедливости вызвано стремлением либеральной идеи отбросить абстрактный универсализм с его умозрительным индивидом, что позволяет вывести некое равенство людей, и видеть существование различия между экономической, социальной и политической демократией со своими средствами и возможностями³⁷⁸. Внимание также обращается и на то, что усиливающееся социальное разнообразие государство воспринимает как

---

³⁷⁷ Поппер К. Открытое общество и его враги. – Т. 2. – М., 1992. – С. 153.

³⁷⁸ См.: Поспелова О.В. Современная демократия и её парадоксы // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Сер.: Гуманитарные и социальные науки. – 2011. – № 4. – С. 55 – 57.

одну из угроз своей власти, способствуя обострению противоречия между стремлением к расширению своих властных полномочий и ограничивающим его гражданским обществом³⁷⁹. Это отражает остроту расхождения между частным и общим, что неизбежно возвышает значение морали в жизнедеятельности социума. Дж. Стаут отмечает: «Единственная оправданная форма демократического сообщества – та, где этический авторитет понимается как право на уважение, которое человек обретает тем, что неизменно демонстрирует свою состоятельность в качестве этического арбитра. Это достигается отнюдь не приспособлением своих мнений к мнениям большинства, а скорее высказыванием суждений, которые выносятся для критического рассмотрения на открытую для всех дискуссию»³⁸⁰. Данная мысль, если не брать в расчёт склонность автора к религиозному традиционализму и безусловному приоритету прав и свобод человека, позволяет задуматься над спецификой персоноцентрированной современной демократии, её качественными основаниями. Это дает возможность находить приемлемый баланс между политикой и моралью, сглаживая амбивалентное проявление в их взаимодействии.

Российское общество имеет свои успехи и проблемы в развитии демократических основ. Несомненно, демократия предполагает разнообразные формы участия людей в управлении государством, в контроле за деятельностью органов власти, поддержке гражданского общества. По мнению Д. Мюллера, современное государство сокращает для индивида возможности свободы выбора, создавая тем самым угрозу для либеральной демократии. А потеря обществом единых интересов ведёт к их подмене групповыми, усиливающими влияние морального партикуляризма. Но гораздо большую опасность несут вызовы, создающие провалы в деятельности властных структур. Таковыми, на

---

³⁷⁹ См.: Нестеренко А.Н. Социальное взаимодействие и государство (социально-философский аспект): Автореф. дисс. на соиск. учен. степ. канд. философ. наук. – М., 2012. – С. 4, 16.

³⁸⁰ Стаут Дж. Демократия и традиция. – М., 2009. – С. 381.

взгляд Д. Мюллера, является усиливающаяся неоднородность общества, проявление неосведомлённости и предвзятости граждан, ибо «...качество демократии зависит от качества её граждан – от того, насколько они разбираются в общественных вопросах, насколько готовы активно участвовать в политическом процессе и, если необходимо, рисковать жизнью и личной свободой ради защиты демократических институтов»³⁸¹. Следует согласиться в той части позиции, что гражданское общество, подключаемое к решению своих «местных» проблем, тем самым проявляет не только одобрение определённой политики и приверженность демократическим ценностям. Оно способно осуществлять моральную оценку – одобрение или неприятие проводимой политики, влиять на корректировку принимаемых властью решений, приглушая эффект моральной амбивалентности в позициях субъектов. Ведь проявление морали находит свое выражение прежде всего в общественном мнении. Потребность согласия и согласования частных интересов и моральных ценностей выражается через рекомендации и нормы, обладающих авторитетным влиянием, возвышающим коллективное благо. В результате мораль обретает функцию социального контроля над отдельным индивидом.

К расширению политических и гражданских прав и свобод, которые были связаны с выборностью органов власти, свободой слова, передвижением, предпринимательством и др., россияне отнеслись благожелательно. Поэтому Н.Б. Ильина не согласна с представлениями о низком уровне политической культуры в российском социуме, объясняя скептическое отношение к демократии «эффектом бумеранга», который связан с подражанием западной модели. Поэтому гораздо серьезнее задача определения каналов политического участия и влияния на власть в условиях, когда общественно-политическая деятельность сместилась на периферию жизненных интересов большинства граждан, а солидарность противоречит ставке на себя и ближний круг, что

---

³⁸¹ Мюллер Д. Разум, религия, демократия. – М., 2015. – С. 40.

сужает поле моральной поддержки политики государства³⁸². Вот почему дает себя знать глубокая проблема, которая выявилась в период президентства В.В. Путина, связанная с цивилизационным кризисом демократии и скептическим отношением к её либеральной форме, поиском эффективной модели соединения демократии с государственной системой управления, чтобы учитывать общественные интересы, социокультурные факторы и ценностные запросы, создать действенные моральные механизмы.

Кроме того, примечательна позиция ряда скептиков, предпочитающих утверждать, что в России отсутствует демократия, что она потерпела поражение. Например, С. Фиш полагает, что демократия не смогла прижиться из-за излишне больших природных запасов, господстве государства в экономической сфере, наличии сильной власти президента, преобладающей над парламентом. По его мнению, «нет сомнения, что государственный контроль растёт. Путинизм в добывающей промышленности означает то же самое, что и в любой сфере: разбухающий государственный контроль и сжимающаяся президентская хватка. И даже если правительство будет мотивировано к усилению контроля больше, чем сокращение коррупции, его действия всё-таки могут сократить коррупцию»³⁸³. Похожий взгляд имеет Л.Ф. Шевцова, считающая российскую власть слишком приверженной ценностям «имперскости и державности». Поэтому она нацелена на то, чтобы модернизировать страну, но оставить всё, как есть, что приводит к уничтожению конкурентного и свободного развития общества существующей политической системой. Как полагает Л.Ф. Шевцова, В.В. Путин и российское государство стремятся скрепить существующие социально-политические отношения, отчего «...Россия представляет собой политическое «болото», в котором очень трудно вычленишь реальные национальные интересы и

---

³⁸² См.: Ильина Н.Б. Идея демократии в восприятии российского общества // Политико-философский ежегодник. Вып. 2. – М., 2009. – С. 6 – 11.

³⁸³ Fish, Steven M. *Democracy Derailed in Russia: The Failure of Open Politics*. – N.Y., 2005. – P. 260.

структурировать их. Российская элита этого делать не собирается и продолжает предлагать собственные интересы в качестве общенациональных. Общество же не всегда осознаёт свои общенациональные интересы»³⁸⁴.

Из этого следует, что идеологи либеральной демократии игнорируют мораль и потенциал её применения. Наблюдается также и отторжение «чужеродных» моральных ценностей. Так как механизмы политической власти направлены на укрепление превосходства правящих верхов и поддержания их интересов, а моральное сознание социума не воспринимает западные ценности и идеалы, отчего подыгрывает «антидемократической» политике.

Несомненно, можно признать, что в рамках существующей системы у Государственной думы низкий уровень ответственности за принимаемые решения, ни одна партия не имеет возможностей для реализации своей программы, существует проблема произвола в деятельности регионального чиновничества и пр. Тем не менее, за последние полтора десятилетия удалось ослабить влияние олигархических кланов и криминальных групп на власть, отвергнуть слепое следование демократическим процедурам, которые способствовали снижению эффективности государства и ослаблению регулятивной роли морали. В результате политическое развитие в 2000-е годы стало носить более упорядоченный характер. А с отставкой президента Б. Ельцина политический курс обрел внутреннюю логику и расширяющуюся поддержку общества. Конфликты между реформаторами и олигархами по вопросу дележа власти, банковские войны или принудительные банкротства были смягчены. Сама власть стала периодически разговаривать с обществом, стремиться к диалогу с ним. При этом в политической системе взаимодействие с обществом может происходить с помощью выборов, многопартийности, парламента и депутатского корпуса, лоббистской деятельности, средств массовой информации.

Запрос на центристскую политику и большой уровень морального

---

³⁸⁴ Шевцова Л.Ф. Одинокая держава: Почему Россия не стала Западом и почему России трудно с Западом. – М., 2010. – С. 262.

доверия к политике В.В. Путина отразило стремление В.Ю. Суркова высказаться о необходимости обоснования российской модели демократии, позволяющей установить необходимый для всех диалог власти и общества, а значит, обеспечить моральный консенсус между политикой и моралью. Его идея о суверенной демократии и её будущем вызвала отклик³⁸⁵. Общая нацеленность дискуссии была связана с осмыслением особенностей российского общества и демократии, развитием гражданской солидарности, защитой национальных интересов. А это требует, по мысли И.К. Пантина, и материального, и морального подъёма народных масс, превращение демократии в социальную («сообщественную»)³⁸⁶.

Процессы демократизации и порожденные ими особенности общественно-политической жизни сказались на моральном сознании россиян. Поскольку любой человек находится в центре своих социальных взаимодействий, то его отношения с обществом складываются на основе предпочитаемых ценностей, отражающих его представления о должном поведении, добре и зле, справедливости, равенстве, эгоизме и альтруизме. Однако в переломные этапы развития общества и государства происходит обострение морально-ценностных проблем, что всегда свидетельствует о бесспорном значении моральных регуляторов. Это вызвано тем, что рамки социально допустимого поведения становятся достаточно гибкими. Поэтому из-за своего относительного характера ценностные ориентиры неустойчивы, вызывая в социуме моральный релятивизм и моральную амбивалентность. И значительную часть ответственности за размывание социального согласия и моральных устоев общества следует возложить на политику. При этом она получает реверсию бумерангом в виде дозволения применять морально нечеткие методы и средства в своей деятельности.

---

³⁸⁵ См.: Суверенная демократия. От идеи – к доктрине. – М., 2006; Демократия для России – Россия для демократии. – М., 2008.

³⁸⁶ См.: Пантин И.К. Преодолеть раскол общества и государства // Демократия для России – Россия для демократии. – М., 2008. – С. 46.

Так, на протяжении 90-х годов наблюдается отсутствие в российской политике ясной и продуманной линии по проблеме развития гражданского общества, преодоления приверженности административным методам управления. Следствием этого стал фактический отказ подсоединить общество к процедуре конкуренции политических элит. Кроме того, децентрализация власти открывало перед президентом Б. Ельциным и правительством дополнительное поле для манёвра, которое было связано с передачей ответственности на региональный уровень. Однако такой подход также использовался и региональными элитами, чтобы повысить свой статус и укрепить контроль над подконтрольными территориями. А это неминуемо вело к разобщённости общества и господству морального партикуляризма.

Также сказывались процессы нарастающей аномии, которая была вызвана всеобъемлющим разложением прежней системы духовных и нравственных ценностей. Следствием этих процессов был угрожающий рост девиантного поведения – алкоголизм, наркомания, преступность. Ведь трудности приспособления к новым, уже рыночным условиям определялись разрушением общепринятых и легальных моделей нравственного поведения индивида, что подрывало социальные связи, устоявшийся правовой порядок и моральные традиции. И.М. Клямкин и Л.М. Тимофеев заметили, что «если власть не выполняет свои функции и нет гражданского общества, способного заставить её эти функции выполнять, у человека неизбежно возникает установка на отношения неформальные, параллельные официальным, теневые»³⁸⁷.

Однако либерально-демократические преобразования, пренебрегая столкновением интересов между обществом и государством, ростом моральной амбивалентности, упорно транслировали ценностные антиномии, но уже на персоноцентристской основе. И если ранее государство еще обеспечивало временную стабильность социальных отношений при наличии внутренних коллизий, то в 90-е годы XX века дисбаланс ценностей-целей и ценностей-

---

³⁸⁷ Клямкин И.М., Тимофеев Л.М. Теневой образ жизни. Социологический автопортрет постсоветского общества // Политические исследования. – 2000. – № 5. – С. 126.

средств стал самым серьезным образом угрожать духовному единству общества, основам культуры и самому существованию суверенного российского государства.

Нельзя не заметить, что современный моральный транзит российского общества, баланс отношений морали и политики существенным образом связаны с социальной ответственностью субъектов политики. Мы можем заметить то, что под воздействием процессов глобализации и массового общества складывается возможность добиваться коллективной ответственности, поскольку она сказывается на масштабах и направлении предпринимаемой политики. Однако, с другой стороны, проявляется довольно двусмысленная моральная интенция, которая связана со стремлением отвергнуть индивидуальную ответственность, прикрываясь проблемой риска при согласованном или уже достигнутом соглашении. Последствием данных намерений будет не только приспособление к изменяющимся социальным условиям, но и отказ от собственной субъектности, что приводит к потере ценностных ориентиров и дисперсии моральных норм. Подобный отказ от субъектности, по мнению А.М. Сафина, связан многочисленностью социальных норм и ценностей, среди которых нет, как правило, устойчивых и доминирующих, которые не воспринимались бы в качестве навязываемых господствующей идеологией³⁸⁸. Это мешает моральному осознанию своих поступков и признанию любым политиком своих ошибок, поиску приемлемых альтернатив. По этой причине появляется опасность принятия субъективных решений и совершения авантюрных поступков, угроза которых усиливается в ситуации неопределенности, а потому потенциально с такой моральной релятивизацией могут нацеливаться на использование жестких методов и внеправовых средств для достижения цели.

Современному российскому обществу для поддержания влияния морали в политике настоящим является реализация ответственного поведения,

---

³⁸⁸ См.: Сафин А.М. Онтология ошибки в социальном контексте // Теория и практика общественного развития. – 2014. – № 13. – С. 27.

которое оценивается обществом как справедливое. Отражая отношение субъектов политики к целям и методам действий, оно касается коллективных интересов, предполагая согласованные поступки. Ответственность, складываясь как отношения партнёрства и соучастия в политической практике, требует выполнения социальных требований, смягчение моральной амбивалентности для достижения результата. Очевидно, это выражает необходимость добровольного установления обязанностей за поступки и осознания их последствий для социальных отношений. Следует также учитывать, что политическая ответственность обладает конкретным индивидуальным содержанием и не должна толковаться абстрактно. И только после осуществленного действия, которое касается аспекта бытия, складывается его моральная оценка. Поэтому дисперсия ответственности политического деятеля, который прикрывается аргументами о долге, иерархическом подчинении, дисциплине, представляют собой попытку игнорировать социальный контроль и моральные обязательства перед обществом. Как справедливо отмечает Н.Ф. Шаров, «ответственность... является цементирующим основанием, позволяющим преодолевать... расхождения социальных установок, программ, позиций, которые наблюдаются в разных социальных субъектах»³⁸⁹.

Возникает определённая парадоксальная картина, связанная с расхождением между индивидуалистическим пониманием морали, когда ответственность переводится в конкретное индивидуальное действие политика, способное поставить его над законом, и коллективным способом реализации предложенной стратегической цели обществом, предполагающей коллективную ответственность. Несомненно, определяющим является персональная ответственность политика, руководствующегося абстрактным долженствованием, поскольку коллективная ответственность ставит под

---

³⁸⁹ Шаров Н.Ф. Ответственность как социальная проблема // Вектор науки Тольяттинского гос. ун-та. – 2009. – № 5. – С. 134.

сомнение возможности проявления морального долга ³⁹⁰. Однако личная ответственность политика должна предполагать признание последствий своих действий и себя в качестве инициатора последовавших событий. Да и моральное регулирование может быть связано не только с внутренней саморегуляцией индивида, но и с внешним воздействием существующей политической системы и социума, на которых также возлагается известная доля ответственности за артикуляцию своих интересов и ценностно-смысловых предпочтений. И это в большей степени связано уже с границами ответственности, которые будут регулироваться представлениями о долге, справедливости, совести и другими моральными установками. Поэтому в отечественной философской мысли имеется достаточный интерес к проблематике коллективной социальной ответственности ³⁹¹. Ведь без неё невозможно должным образом реагировать на вопросы, связанные с моральным статусом своей группы, общества, адекватно оценивать с моральных позиций происходящие социальные события, видеть проявление баланса морали и политики.

Без рациональной и целенаправленной фиксации общих приемлемых моральных норм обществу и субъектам политики трудно смягчить моральную амбивалентность, согласовать свои позиции, осуществить модернизацию страны. Поэтому сомнительно наличие врождённых моральных инстинктов у индивидов, существование которых отстаивает М. Хаузер ³⁹². Значимыми условиями по согласованию политических практик с моральными нормами

---

³⁹⁰ См.: Платонова А.В., Кашкин Д.О. Заместительные нравственные переживания в дискурсе о коллективной нравственной ответственности // Вестник науки Сибири. – 2015. – № 1. – С.119.

³⁹¹ См., напр.: Белов А.В. Социальная ответственность: содержание и механизм реализации: Автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. философ. наук. – Волгоград, 2010. – 24 с.; Платонова А.В. На пути к концепции коллективной ответственности: проблемы и перспективы // Вестник Томского государственного педагогического ун-та. – 2013 – № 5. – С. 129 – 134; Прокофьев А.В. О возможностях реабилитации идеи коллективной ответственности // Вопросы философии. – 2004. – № 7. – С. 73 – 85.

³⁹² См.: Хаузер, Марк Д. Мораль и разум: Как природа создавала наше универсальное чувство добра и зла. – М., 2008.

выступает достижение соотношения целей и средств, долженствования и воздаяния, которые имеют прагматический характер. Целесообразность, которая обеспечивает согласование разнообразных социальных ожиданий и нужд, уже несет в себе определенное морально ответственное действие. Бесспорно, для политика является также актуальным адекватное понимание ценностей должного и справедливого в рамках общественного восприятия, чтобы не сказывалась противостояние между моралью и политикой, не проявлялось амбивалентное восприятие морали.

Как известно, властные структуры несут политическую и моральную ответственность перед обществом за эффективную социальную динамику и модернизацию. Однако моральную ответственность не следует рассматривать исключительно через технологические и управленческие критерии, которые могут ориентироваться на узкогрупповую выгоду или односторонний, например, экономический, успех. В современном обществе существует потребность гуманизации механизмов управления и методов властвования, что усиливает роль моральных аспектов в политической деятельности. На наш взгляд, сама морально-этическая ответственность в политической практике будет определяться:

- на основе отношений и взаимодействий субъекта политики с другими индивидами и всем обществом,
- посредством представлений о типичных ситуациях и действиях политика в рамках общественной жизни,
- через представления об определённых и господствующих ценностях и установках в социуме,
- сформированными восприятиями у общества о мотивах политической деятельности субъектов,
- представлениями и особенностями восприятия о последствиях принимаемых властью решениях.

Когерентность между политикой и моралью выдвигает требование

определения содержания и смысла должного деяния, которое соответствовало бы этике ответственности. Бесспорно, что моральные ценности являются необходимыми ориентирами для поступков субъектов политиков и их оценок обществом, выступая в качестве дополнительного инструмента легитимации власти. Благодаря этому действия и оценки должны увязываться с имеющимися моральными нормами или иметь силу общезначимого закона. Сама идея принятия обязательств за будущее человечества во многом соответствует позиции Х. Йонаса, который в своем этическом подходе допускает лишь право рисковать собственной жизнью, а не жизнью человечества³⁹³. Х. Йонас убежден в потребности провозглашения новой этики, полагая, что прежняя, основанная на традициях, ограничивалась исключительно сферой общения между людьми. В современных условиях определяющей оказывается ответственность за существование человечества. Как считает П.А. Гаджикурбанова, возникает «эвристика страха» за будущее, которая диктует потребность пересмотра старых этических ценностей. Для этого необходимо выработать представления о возможных последствиях коллективной практики и отказаться от действий, которые угрожают существованию человечества³⁹⁴.

Следует предположить, что Х. Йонас отступает от антропоцентричной основы этики гуманизма, выставляя на первый план право природы. Целью такого подхода является обеспечение существования целостного бытия и понимания предполагаемых результатов поставленных целей, которым следует быть максимально свободными от влияния конкретных обстоятельств и идеологических пристрастий. Следует согласиться, что при любых условиях меры субъекта политики будут зависеть от его выбора на основе возможных вариантов действий. Процесс этого выбора осуществляется в границах морально-ценностных норм и представлений, которые задают ответственность

---

³⁹³ См.: Йонас Х. Принцип ответственности. Опыт этики для технологической цивилизации. – М., 2004.

³⁹⁴ См.: Гаджикурбанова П.А. Страх и ответственность: этика технологической цивилизации Г. Йонаса // Этическая мысль. Вып. 4. – М., 2003. – С. 167, 169.

за последствия предпочтенного шага. Проблема впоследствии возникает лишь от того, в какой степени политик готов взять личную моральную ответственность за осуществленное действие, насколько социум вовлечен в реализацию объективно или субъективно обусловленных лозунгов и действий.

Стремление последнего времени найти должную моральную опору привело к внедрению различных этических кодексов. При сохранении элементов дистрибутивной экономики, которые предполагают централизованный характер власти, всегда существует угроза влияния олигархии на политику. Крупные собственники, пребывая вне дистрибутивных отношений, пытаются получить возможности неограниченного обогащения, не исключая коррупционные схемы. Слабая эффективность правовых методов регулирования поведения бюрократии в отношениях с бизнесом задает спрос на внедрение определённого морального регулирования деятельности управленческих структур, чтобы смягчить моральный партикуляризм и моральный релятивизм. Формулируя некие требования к профессиональным обязанностям и выполнению социальных ролей, этические кодексы вводят регламентацию деятельности различных субъектов на основе единых правил. Посредством выработанных требований они призваны отстаивать требования долга и ценности общего блага, чем способствуют положительному влиянию на нравственность субъектов власти и моральные установки социума. Однако в российской практике мы наблюдаем слабую конкретизацию предписаний норм поведения, зачастую отсутствие санкций при нарушении требований. Поэтому не существует никаких гарантий, что моральные требования в случае конфликта интересов будут выполнены. Тем не менее, этические кодексы дают дополнительное моральное регулирование в условиях модернизации страны ³⁹⁵. Поэтому А.В. Оболонский отмечает важную особенность взаимодействия

---

³⁹⁵ См., напр.: Сафонов К.Б. Этические кодексы: проблемы создания и применения // Вестник Пермского университета. Серия: Философия. Психология. Социология. – 2013. – Вып. 1 (13). – С. 54 – 57; Шуралева С.В., Ваньков А.В. Систематизация этических правил поведения государственных гражданских служащих в российском и международном праве // Вестник Пермского университета. Серия: Юридические науки. – 2012. – Вып. 1 (15). – С. 192 – 201.

морали и права в сфере политики. Прежде всего, целый ряд действий не регулируется правом, находясь в зависимости от норм групповой морали или нравственного выбора индивида. При этом юридически доказать вину политических деятелей крайне сложно в силу ограниченной области применения закона и прагматического характера политики³⁹⁶.

Это необходимо учитывать, так как в сфере политики обыденный уровень морали регулирует отношения между начальником и подчиненным в любой системе иерархических взаимодействий. Тогда как на нормативно-ценностном уровне моральные требования находят отражение в этических кодексах, лозунгах, групповых требованиях. В свою очередь, мировоззренческий уровень морали, обращается к идеалам, свойственен партийным программам и идеологам.

Несомненно, общественное сознание россиян отличается существенной противоречивостью и эклектичностью. Ведь исчезло былое единство советского народа, а на его смену пришло многообразие частных интересов, которые поддерживаются конгруэнтными моральными установками, обладающими релятивистской сущностью. Складывание рыночных отношений породили житейский прагматизм и более жесткий рационализм, которые базируются на индивидуалистических суждениях. С другой стороны, существуют эмоциональные симпатии, мифологические идеи, коллективистские установки, которые имеют свои начала в предшествующем этапе развития. В этой связи И.Е. Дискин отмечает: «В ходе трансформации меняется актуальность тех или иных ценностей. Соответственно при изменении таких ценностных приоритетов, ценностной конфигурации сдвигается и оценка различных институциональных компонентов, институтов и, в конечном итоге, отношение к модернизационного проекта»³⁹⁷.

Противоречивость моральных норм и нравственных ориентаций

---

³⁹⁶ См.: Оболонский А.В. Этика публичной сферы и реалии политической жизни. – М., 2016. – С. 144.

³⁹⁷ Дискин И.Е. Кризис... И все же модернизация. – М., 2009. – С. 40.

отражалось в расхождении между объективным характером социальных интересов и субъективным пониманием реальной ситуации. Такое положение находит отклик в двойственности и непоследовательности политических предпочтений индивидов. Можно сказать, что конфликт либеральных и традиционалистских принципов стал пронизывать мирозерцание и моральные установки любого человека. При этом результаты социологических опросов свидетельствуют, что большинство респондентов одновременно признают либерально-демократические и антилиберальные позиции и ценности. Поэтому разделение на сторонников и противников реформ в стране часто проводилось по степени соотношения противоположных установок³⁹⁸.

Сложившееся общественно-политическое сознание и моральные установки сказывалось в отношении общества к политическим субъектам, осуществляемой ими политике, на формах политического участия граждан. После массовой активности конца 80 – начала 90-х годов произошел затяжной этап политической апатии. Но недовольство людей своим экономическим положением и политическими возможностями не принимало радикальный или разрушительный характер, зачастую направлялось против отдельных субъектов. Частные проблемы, в которые были погружены индивиды, препятствовали формированию масштабного антиреформаторского протеста и дальнейшему углублению моральной амбивалентности. Но поскольку, в 2000-е годы так и не получилось создать действенные инструменты для поддержания обратной связи государства с социумом, в настроениях россиян преобладает конформизм и отчуждение от политики. Поэтому «сегодня идеалом большинства россиян является аналог «государства всеобщего благоденствия», органически сочетающий, с одной стороны, активную роль государства в экономике, сильную систему социальной защиты, а с другой стороны –

---

³⁹⁸ См., напр.: Капустин Б.Г., Клямкин И.М. Либеральные ценности в сознании россиян // Политические исследования. – 1994. – № 1. – С. 69, 77 – 83; Бущик В.В. Социальная база поддержки рыночных преобразований // Социологические исследования. – 1998. – № 9. – С. 71.

невмешательство государства в частную жизнь граждан, политические и гражданские свободы»³⁹⁹.

Исследование позиций россиян интересно также тем, что разрешает увидеть то, что граждане отвергают идею сокращения влияния значимости государства в жизни общества. Они воспринимают его инструментом – от обеспечения минимальных гарантий и равенства возможностей для каждого до защиты от критической эрозии морали. Зачастую отмечается рост морального релятивизма, который связан с мультиморальностью, признающей право других жить по их собственным установкам, и подвижностью моральных ограничителей⁴⁰⁰. Указанные особенности способны стать важным фактором в обеспечении социальной стабильности, поддерживающими адаптацию индивида к продолжающимся переменам.

Необходимо отметить, что укрепление государственных структур и исполнительной дисциплины в 2000-е годы имеет положительное значение в моральном объединении российского политического пространства, обеспечивая также ограниченную консолидацию общества. Это связано с тем, что эффективность государственного управления, воздействие его на общественное сознание непосредственным образом связаны с социальными ожиданиями, политизацией повседневных интересов, размыванием моральных ценностей. Усиление поддержки идеи «сильной власти», склонность к системоцентризму обусловлена объективными причинами, вызванными хаосом в управлении и административным произволом предшествующего периода.

В сознании россиян идея «жесткой руки» нацелена при сохранении демократических принципов на защиту простого гражданина от нарушения закона и произвола чиновников. Подобная матримональная установка выступает традиционной ценностью российского социума, так как авторитетная и сильная власть государства, исходя из консервативных позиций,

---

³⁹⁹ Двадцать лет реформ глазами россиян: опыт многолетних социологических замеров / Под ред. М.К. Горшкова, Р. Крумма, В.В. Петухова. – М., 2011. – С. 148.

⁴⁰⁰ См.: Там же. – С. 235 – 238.

способна осуществлять справедливую и моральную политическую деятельность. Такая фетишизации власти раскрывает одну из причин, которая способствовала укреплению авторитета и росту рейтинговых оценок деятельности президента В.В. Путина. Поэтому Ю.В. Назарова отмечает такую особенность политического развития, когда при рассмотрении прав человека наблюдается доминирование институциональной этики над индивидуальной, отчего возникает «дилемма аксиологического характера, когда мораль добродетелей вступает в своего рода конфликт с моралью долга»⁴⁰¹. Однако следует отметить, что моральная оценка поддержки политических деятелей граничит с эмоциональными формами восприятия власти и непосредственно связана со стабильностью социума, поиском траектории устойчивого развития. Ведь моральные ориентиры, лежащие в поле уравнилельных взглядов, идея общества равных возможностей, предоставляют достаточные исходные принципы для корректировки реформ и защиты национальной самобытности.

Естественное стремление россиян к обеспечению ценностей безопасности и равенства всех перед законом, по сути, не противоречит демократии. Поэтому можно двойственно трактовать социологические данные об их политических ожиданиях и моральных предпочтениях. Так, Ю.А. Левада отмечает особенности опросов 90-х годов, что «при всякой постановке перед общественным мнением дилеммы «демократия или порядок», порядок неизменно одерживал верх»⁴⁰². Выбор между абстрактными идеалами демократии и реальной личной безопасностью коррелируется слабо, но позволяет, создав альтернативу между свободой и безопасностью, делать ложные выводы о потребности в сильном лидере и авторитарном государстве. С моральной точки зрения, граждане, скорее, склонны иметь дееспособного и достойного руководителя во главе страны, который отстаивает общественные

---

⁴⁰¹ Назарова Ю.В. Аксиология и антропологические практики парламентской культуры: автореф. дис. на соиск. учен. степ, доктора философ. наук. – Белгород, 2013. – С. 27.

⁴⁰² Левада Ю.А. Сочинения: социологические очерки 1993 – 2000. – 2-е изд., перераб. – М., 2011. – С. 221.

интересы и цели. Можно сказать, что существует определённый запрос социума на проявление моральности в политике. Этим возможно объяснить заметное укрепление влияния прежних моральных принципов и ценностей, ограниченное обновление некоторых элементов нормативно-ценностной системы, что закладывает возможности согласия между властью и обществом, достижения некоторого соответствия между политикой и моралью, смягчения моральной амбивалентности.

Обеспечение данного соответствия М.И. Суханова видит на пути социального либерализма, который осуществляется посредством развития различных структурных элементов гражданского общества, способствующих солидарности, гражданскому достоинству и практике социального участия, что может сохранить нравственное жизнеспособное общество⁴⁰³. Но российские либералы никогда не ставили в своих реформах вопрос о моральных ориентирах для общества, нравственном содержании своих действий. Нарушение баланса между целями и средствами приводит к тому, что индивид не может достичь законным образом задуманного результата. А это порождает не только неудовлетворённость своим положением и разочарование властью, но и под воздействием морального релятивизма толерантно начинает относиться к подобным действиям в политической сфере. Поэтому согласимся с мнением Н.Н. Вотинцевой, считающей, что «постмодернистское равенство ценностей формирует у человека специфические душевные состояния. С одной стороны, информация обезличивает человека, с другой стороны, значима только личностная интерпретация. Субъект находится в зависимости от своих желаний и норм общества. Он бессилён перед природной стихией и не видит смысла в самоизменении. Обретая свободу в языке, эта свобода оборачивается множественностью интерпретаций. Всё это обуславливает потерю

---

⁴⁰³ Суханова М.И. Восприятие свободы массовым сознанием россиян (теоретико-политологи-ческий анализ): Автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. политич. наук. – М., 2008. – С. 22.

идентичности»⁴⁰⁴. Применительно к политике этот взгляд можно воспринимать как разложение моральных норм, что вызывает скептицизм и недоверие к демократии. Хотя россияне в целом позитивно относятся к идее демократии, но воспринимают ее главным образом в качестве нормативной ценности, а не как совокупность правил и процедур, которым должны следовать в обязательном порядке любые индивиды.

Можно, несомненно, с точки зрения ценностей демократии критиковать, например, решение 2004 года об отмене прямых выборов глав исполнительной власти в регионах и избрании губернаторов законодательными собраниями этих регионов. Но данная мера унифицировала систему исполнительной власти и укрепила федеральные структуры. Подобной стабилизации политической системы служили меры по превращению парламента в «технический» орган по выработке законодательных актов (ликвидация одномандатных округов, выборы по партийным спискам, запрет на участие в выборах блоков, запрет перехода из одной парламентской фракции в другую и пр.). Такая консервация политической системы вызвала нападки с обвинением в авторитарности власти и свёртывании демократии⁴⁰⁵. В ряде работ В.В. Путина оценивают как сильного политика с подчинённой ему структурой, при том, что моральный авторитет не должен, якобы, принадлежать какой-либо сфере власти, обязан вселять лишь уверенность гражданам, заботиться об общем благе и иметь бескорыстный интерес в защите добра и справедливости. В то же время консервативно настроенные исследователи оценивают довольно положительно социально-политические изменения в России в 2000-х годов, связанных с восстановлением державной мощи, ориентацией на патриотизм, ограниченную

---

⁴⁰⁴ Вотинцева Н.Н. Специфика ценностей и ценностного сознания в трансформирующемся обществе: Автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. философ. наук. – Пермь, 2008. – С. 14.

⁴⁰⁵ См., напр.: Гельман В.Я. Расцвет и упадок электорального авторитаризма в России // Полития. – 2012. – № 4; Петухов В.В. Кризис и перспективы российской демократии // Россия реформирующаяся. Ежегодник. Вып. 8. – М., 2009; Шевцова Л. Как Россия не справилась с демократией: логика политического отката // Pro et Contra. – Т. 8. – № 3. – 2004; Sakwa R. The Crisis of Russian Democracy. – Cambridge University Press, 2011.

социальную справедливость и национальную солидаризацию⁴⁰⁶.

Тем не менее, исследования общественного мнения фиксируют изменения мировоззрения россиян, отражающего ценностное размежевание социума, ослабление советских идеологизированных предпочтений и усиление деполитизированных взглядов, касающихся повседневных проблем. Сложившаяся атомизация социальной структуры в 90-е годы по-прежнему мешает социальной консолидации и солидарности, развитию гражданского общества, более существенно влиять на политику. Эту ситуацию следует воспринимать как аномическую, поскольку она вызвана давлением социальных потрясений на общество и борьбой с властью по поводу выполнения социальных гарантий. В результате возникает соответствующее конвенциональное поведение, при котором моральные нормы, становятся партикулярными и выполняют функцию поддержки осуществляемого политического курса. Следствием становится закрепление скептического отношения к политическим субъектам и крайне низкие оценки их поступков. Поэтому обычный индивид не видит возможности своего влияния на принимаемые решения в политике и не имеет представления о механизмах, которые возможно использовать для отстаивания своих интересов. В результате общественно-политическая жизнь становится симуляционной. Ведь при нарушении социализации и низкой социально-политической компетентности политические субъекты становятся аморальными циниками, которые игнорируют моральные требования, «играя» по своим правилам в демократию.

Как отмечалось, в условиях постмодернизма среда превращает индивида в конформиста, что делает его зависимым от управленческих структур или работодателя. Следствием становится дегуманизация социальных отношений, подрывающая эффективность моральных норм, усиление моральной амбивалентности. Но в российских условиях столкновения либеральных и

---

⁴⁰⁶ См., напр.: Дегоев В.В., Ибрагимов Р.Ю. Россия при Путине: обретения, тревоги, надежды. – М., 2007; Абдуллина Л.С. Репрезентация В.В. Путина как национального лидера // Вестник Башкирского ун-та. – 2015. – Т. 20, № 1. – С. 274 – 277.

традиционных ценностей, у индивида неизбежно проявляется внешняя потребность освоить новые идеалы, модели поведения и взаимодействия, соответствующие персонцентристскому варианту политических отношений. Поэтому проблему социально-политического состояния общества А.С. Ахиезер видит в расколе сознания, в социокультурных противоречиях между либерализмом и соборностью, а Н.И. Лапин выводит нигилистическое отношение людей к своему бытию из «кризисности социума»⁴⁰⁷. Ведь подрывается единая шкала моральных ориентиров, коллективный образ социальной справедливости, представление о характере соизмерения в распределении социальных благ, уважение к праву. Это приводит к диссоциации идеи солидарной ответственности и углубляет раскол в принятии моральных норм в социуме, на которые ориентируются субъекты политики и основные социальные группы, сохраняющие отрицательные экспектации от функций политических институтов. В результате складывается ситуация, когда преодолеть недоверие между ними становится невозможным, что лишь пролонгирует моральную амбивалентность и отчуждение большинства индивидов от власти.

Можно высказать предположение, что при ослаблении роли моральных норм в ценностном взаимодействии морали и политики, усиливается политизация индивидуального сознания и нарастают ожидания от субъектов власти. Так как государство своей политикой обеспечивает консенсусное объединение социума, то возрастание политизации чаще всего ведет к ослаблению действенности моральных норм ради получения любых приоритетов в ходе борьбы за привилегии или власть. В этой связи согласимся с мнением М.В. Данилова, который определил специфику сложившегося взаимодействия политического и неполитического в российских общественных отношениях. Он отмечает, поскольку политика поддерживает общественный

---

⁴⁰⁷ См.: Ахиезер А.С. Критика исторического опыта. – Т. 1. – Новосибирск, 1997. – С. 678 – 684, 727; Лапин Н.И. Кризисный социум в контексте социокультурных трансформаций // Мир России. – 2000. – № 3. – С. 4.

консенсус, то любая политизация общественного сознания связана с ростом конфликтности социума, возможным появлением новых институтов и практик деятельности, активностью масс, тем самым усиливая сферу политического⁴⁰⁸. И это вызвано затруднением или невозможностью решения имеющихся проблем неполитическими способами. Иначе говоря, в новых условиях морально приемлемыми становятся иные средства достижения целей в политической практике. В обществе снижается уровень моральных требований и растет моральный релятивизм во всей совокупности социальных отношений.

Как видим, в переходные периоды развития общества остро дают себя знать проблемы переориентации морального сознания. Это вызвано тем, что формируется ценностный дисбаланс между сложившимися социальными нормами и реальной картиной бытия. Диссонанс между моделями-оценок и моделями-поведения инициирует такие действия, которые по своему характеру будут неизбежно выходить за границы принимаемых и одобряемых поступков. Оттого складывается негативная позиция к происходящим социально-политическим событиям и шагам политиков, которые уже соответствуют релятивистским и партикуляристским моральным подходам. В итоге социум ощущает целый ряд дополнительных объективных трудностей по определению оптимальных идеалов социального развития и соответствующих им политических целей, что лишь затягивает и усугубляет кризисные явления всей социально-политической сферы⁴⁰⁹.

Всегда необходимо принимать во внимание, что моральные нормы обеспечивают сплочённость социума, содействуют предотвращению или

---

⁴⁰⁸ См.: Данилов М.В. Институты, механизмы и технологии политизации общества в постсоветской России (1990-е – 2000-е годы): Диссертация на соиск. учен. степ. докт. политич. наук. – Саратов, 2015. – С. 134 – 140, 155.

⁴⁰⁹ Противоречие между практикой политической власти и демократическими идеалами, рассогласование политики с нормативно-ценностными основаниями было рассмотрено в работах: Руженцев С.Е. Нравственное сознание российского общества и демократизация политической системы // Общество: философия, история, культура. – 2016. – № 12; Руженцев С.Е. Этические основания современной политической деятельности // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 11. – Ч.1.

углублению отчуждения индивидов друг от друга и от власти, а также активизируют их на проявление активности в социальной жизни. Данное свойство морали следует учитывать в обстоятельствах глубокой трансформации всего российского общества, которое пережило ослабление социальной сплочённости, взаимоотдаление социальных групп и глубокое размежевание между ними, падение интереса к моральным императивам и идеалам. Неслучайно россияне, согласно традиционному системоцентристскому подходу взаимодействия человека и власти, сопоставляют любого политического субъекта с «общим делом», что предполагает совпадение с доминирующими моральными ценностями, которым должны отвечать действия политика. Его отступление от авторитетных для социума ориентиров порождает моральную критику или негативную оценку такого индивида. Поэтому россияне воспринимают саму идею демократии как исключительно ценностную идею, которая устраняет социальное зло и задает известное социальное равенство в социальном статусе индивидов посредством государственного патернализма, призванного без насилия регламентировать жизнь социума и воплотить идеалы благополучия, порядка и стабильности.

Выводы: 1) в постперестроечной России возобладало представление о необходимости сокращения роли государства во всех областях жизнедеятельности ради обеспечения идеалов свободы личности в хозяйственной и духовной сферах; 2) новая конституция, расширяя политические права и свободы, во многом была ориентирована на персоноцентристскую модель отношений индивида и власти, морали и политики; 3) политическая власть стремилась игнорировать социокультурные установки, ценностные запросы и социальные интересы большинства, что обуславливалось эклектическим характером общественного сознания, приверженного моральному релятивизму и мультиморальности; 4) моральная ответственность политиков определяется рядом факторов, но выступает важным условием гармонизации отношений между моралью и политикой; 5) в

XXI в. возникли условия для морального консенсуса в обществе на основе эмоциональных форм восприятия политики и учета властью моральных и ценностных ожиданий большинства россиян; б) наблюдается явное укрепление матримональных и системоцентристских ожиданий при сильной атомизации общества, распространении индивидуализма, что вызывает моральную амбивалентность в нравственном сознании.

3.3. Современная идеология: мораль как поле взаимодействия традиционных и либеральных ценностей

Цель: Показать проблемы современных идеологических ориентаций, слабо учитывающих моральный фактор для постановки и реализации своих целей.

Задачи:

- рассмотреть особенности западной модели развития и ее воздействие на кризис российской государственности;
- выявить взаимосвязь идеологии и морали через российский кризис ценностей модернизма и «большой скачок» к капитализму;
- показать партийно-идеологический кризис и изменение политического содержания российской демократии;
- рассмотреть проблемы принятия демократических ценностей российским обществом;
- охарактеризовать специфику общественного сознания россиян и его восприятие роли государства;
- показать результаты реформ в снижении моральных запросов и ослабление моральных регуляторов.

Мораль через христианскую религию в средневековый период и коммунистическую идеологию в Советской России имела, пожалуй, самое значительное влияние на ценностные установки и идеалы социума. Это превращало мораль в существенный компонент общественного сознания и социокультурного бытия. Однако моральные ориентиры, не имея непосредственных структур и механизмов влияния на социально-политическую жизнь, лишь обслуживали политическую сферу и ее субъектов, как и другие стороны жизнедеятельности общества. Поэтому для преодоления разрыва между моралью и повседневной практической деятельностью необходимо создание и функционирование различных этических институтов, которые

должны выполнять роль регуляторов социальных отношений, сокращая деструктивное воздействие политики и массовой культуры, определяющих свободу нравственного выбора индивида ⁴¹⁰. Таким образом можно соединить теорию морали с нравственной практикой индивида, обеспечив профессиональную компетентность, открытость и ответственность при принятии решений.

Главной задачей демократии является обеспечение выражения и представительство общей воли граждан. Но при любой степени их участия в общественной жизни существует проблема ориентации на те или иные идеологические принципы и моральные ценности, задающие шкалу предпочтений и оценок политиков и политических явлений. Выработка моральных ориентиров является результатом intersubъективного взаимодействия индивидов, в процессе которого складывается общее представление о ценностях. Они могут выступать, согласно Аристотелю, как благо (в том числе в форме идеала), обладать, по Э. Фромму, своей иерархией и быть инструментальными ⁴¹¹. Но они обеспечивают коммуникацию на основе общих смысловых значений. Поэтому в политической деятельности затруднительно в текущий момент времени определить, насколько принятое решение является соответствующим морали. Несомненно, можно провести всесторонний анализ складывающихся обстоятельств и определить оптимальный характер действий в интересах большинства. Однако даже стремление, с позиций утилитаризма, ко всеобщему благу абсолютно не гарантирует ущемление частных интересов во имя общих. Ведь поведение политика детерминировано множеством обстоятельств, отчего моральная регуляция допускает широкий выбор действий. Но это не отменяет необходимость получения морального одобрения действий, хотя политик может полностью игнорировать любые моральные требования.

---

⁴¹⁰ Социально-нормативная конкретизация этики в различных областях деятельности человека подробно рассмотрена В.Н. Назаровым в «Прикладной этике» М., 2005.

⁴¹¹ См.: Аристотель. Никомахова этика // Сочинения в 4-х т. – Т. 4. – М., 1983. – С. 79 – 80; Фромм Э. Бегство от свободы. Человек для себя. – М., 2006. – С. 123 – 124, 269, 384.

С позиций объективистского подхода, морально-ценностное измерение политики происходит через достижение консенсуса в обществе в отношении политических ценностей свободы, согласия, легитимности, ориентируя на сознательное выполнение моральных норм, идеалов, социальные установки. В то время как субъективный подход воспринимает моральные ценности в качестве внутреннего опыта индивида, который является формой сознания, сложившимся отношением к деятельности власти, политика. Но как бы индивид или политический субъект не был свободен в выборе моральных ценностей добра, долга, блага, методов действий или их оправдания, определяющими являются социальные условия. Х. Арндт отмечает, «когда человеческое поведение рассматривается с точки зрения морали, всё внимание сосредоточено на личности, а когда поведение рассматривается с точки зрения политики, внимание сосредоточено на мире»⁴¹². Однако это не уменьшает роль моральных установок в политической практике.

В условиях противопоставления индивида и общества, навязывания западных идеалов и разрушения традиционных духовных ориентиров, игнорирования моральных норм, сохранения моральной амбивалентности крайне трудно добиться гармонизации социальных отношений обществе. Такая ситуация только усиливает актуальность сохранения российской цивилизационной идентичности и адекватности политической практики. Ведь мораль связана с условиями совместной жизни людей, поэтому возникает задача достижения цельности в социуме моральных норм. Учитывая, как отмечают Т.М. Чурекова и И.В. Москаленко, что «актуализация смысла нравственной ценности заключается в добровольном самодеятельном согласовании чувств, стремлений и действий конкретной личности с чувствами, стремлениями и действиями другого человека и общества в целом»⁴¹³, возникает потребность определения смысла и места моральных норм и

⁴¹² Арндт Х. Ответственность и суждение. – М., 2013. – С. 212.

⁴¹³ Чурекова Т.М., Москаленко И.В. К вопросу о дефиниции нравственных ценностей и оснований для их выделения // Вестник КемГУ. – 2011. – № 2. – С. 113.

требований социума по отношению к политике.

Разнонаправленный характер моральных ориентаций, приводя к неустойчивости внутреннего состояния индивида, неизбежно порождает моральную релятивацию, аномию и депривацию. Поэтому ценностные ориентиры корректируются, что позволяет квалифицировать сложившееся положение как аксиологический разлом, который требует стабильной системы ценностных координат как для социума, так и для политики. Ведь мораль определяет оценочно-императивное отношение к окружающему миру, регулирует социальные отношения, формирует цели практической деятельности, корректирует потребности, обосновывает мотивы и намерения.

Очевидно, что длительного кризис российского общества только отражает взаимодействие традиционных и либеральных ценностей. Как отмечает А.С. Железнов, «этическое означает... саму возможность существования социальной формы в условиях этого кризиса. В одно и то же время оно является и условием, и проекцией социальной формы»⁴¹⁴.

На индивидуальном уровне идеологические предпочтения отражают мотивацию поведения с нацеленностью на его оправдание со стороны общества или социальной группы. Представляя собой некий набор идей и убеждений, идеология даёт возможность рационализировать и оправдывать предпринимаемые действия в политике. Можно сказать, что отражая ту или иную модель социальных отношений, идеология обслуживает политику. Являясь одним из каналов ментального влияния, она помогает организовывать взаимодействие власти и социума, поскольку идеологический концепт предполагает определённый вариант «хорошего» общества. И так как социальная жизнь ценностно-ориентирована, то власть стремится посредством идеологии наполнить общественное сознание представлением об идеальном обществе как оптимальной модели развития. При этом идеологический посыл пытается воздействовать на мораль, которая всегда обращена к опыту

---

⁴¹⁴ Железнов А.С. Социальное и этическое: обоснование форм единства: Автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. философ. наук. – Екатеринбург, 2013. – С.19.

прошлого, к традиционности, чтобы подкорректировать моральные ориентиры в угоду требованиям группы или сложившейся ситуации. И если мораль выступает в качестве свойства устоявшегося социума, регулируя в нём разнообразные отношения, то идеология представляет собой специфическое ценностное знание о стремлении и организации лучшего будущего.

Обладая связью с общественным сознанием, и идеология, и мораль имеют предназначение оказывать воздействие на поведение людей. Однако моральные нормы базируются на сформировавшихся в течение длительного времени образцах и представлениях о должном и сущем. Эти нормы должны не быть антагонистичными, иметь значительную степень устойчивости, приниматься большинством общества, которое руководствуется ими в своей повседневной практике. В свою очередь, идеология, нацеливаясь на изменение сложившегося общественного устройства, осуществляя внедрение инноваций, вынуждена сопрягаться с моралью. По мнению А.А. Кокорина, взаимосвязь морали и идеологии определяется тем, что любая идеология формируется в сочетании с моральной средой общества, отражая его этические нормы. При том что идеология (особенно господствующая) влияет на мораль, хотя последняя является средством реализации или противодействия идеологических установок. Это позволяет оценивать мораль как своеобразную идеологию, ценностный концепт общества, что делает их взаимодополняющими элементами общественного сознания⁴¹⁵. Именно под таким углом зрения можно видеть ценностное взаимодействие моральных норм и идеологических установок между собой, которые позволяют соотнести традиции и новации в российском обществе.

Однако взаимодействие морали и идеологии трудно отслеживать по причине того, что за последние десятилетия проявилось распространившееся представление о наступлении конца эпохи идеологий. Так, если Ф. Фукуяма провозглашал победу либеральной демократии и отсутствии ей альтернативы, а

---

⁴¹⁵ См.: Кокорин А.А. Идеология: теория, методология, методика (хрестоматийные заметки). – М., 2009. – С. 205 – 207.

значит и современному капитализму, то Дж. Джост уже пытается рассмотреть проблему конца идеологий, разводя политическую и психологическую составляющую в этом вопросе⁴¹⁶. Учитывая, что далеко не всякий индивид готов осмыслить происходящие политические явления, саморефлексируя их, и стремиться реализовать себя как личность, то для большинства социума более приемлемы те идеологические постулаты, которые предлагают ему конкретные структуры и авторитеты. Как отмечает Дж. Джост, «суть идеологической веры охватывает отношение к равенству и традиционалистским сферам относительно охватывающим поведение и ситуативные основания, при том что они оказывают по крайней мере некоторую степень влияния или принуждения на иные мысли индивида, его чувства и поведения»⁴¹⁷. Сомнительно, чтобы «смерть идеологии» обеспечивала психологически ценностный компромисс идей либерализма и консерватизма. Ведь тогда социальные интересы, предпочтения, ценности, мировоззрение всего общества должны быть тождественны или близки друг к другу. Значит, в таком случае должно предполагаться единое идеальное представление об обществе и принципах его организации, в котором нет серьёзной моральной амбивалентности.

Тем не менее, в положении идеологии в обществе наблюдается ряд кризисных проявлений. В западном обществе отмечается кризис традиционных идеологий в связи с усилением импровизации и фрагментарности, ростом космополитизма и универсализации. Ситуация дополняется склонностью значительных групп людей к мифологичности сознания, сочетающего всезнание и неосведомлённость. В результате, как утверждает К.С. Гаджиев, «люди перестают верить как реформаторам, так и революционерам. Великие программы, великие табу и великие отказы более не воодушевляют и не вызывают страха. Но взамен них не разработаны и не предложены какие-либо масштабные положительные идеи, которые могли бы служить в качестве

---

⁴¹⁶ См.: Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. – М., 2010. – С. 198, 323, 503, 517; Jost J. The End of the End of Ideology // American Psychologist. – 2006. October. – Vol. 61, № 7. – P. 651 – 670.

⁴¹⁷ Jost J. Ibid. – P. 667.

идеалов, объединяющих и мобилизующих людей»⁴¹⁸. Это распыляет влияние прежних «глобальных» идеологий, а также ослабляет определение ценностных предпочтений людей в принимаемых политических решениях, принижает роль морального фактора и ценностного выбора в политической деятельности. Можно, конечно, абстрактно исключить идеологию из центра общественной жизни ради достижения согласия и функциональной эффективности структур государства, в моделировании бесконфликтности и автономности существования индивида. Но это не снимает проблему определения ценностных предпочтений и идейной идентичности.

Одним из вариантов обращения к идеологии в политической практике является дискурсивный подход. Формирование партий и выработка ими ценностно-смысловых предпочтений привело к фрагментации политического пространства, к необходимости соответствующих диалоговых механизмов для достижения согласованности интересов. Острый идеологический конфликт внутри общества, несомненно, сказывается отрицательно. Так как противопоставление на «своих» и «чужих» в современном обществе препятствует достижению консенсуса, сопровождаясь столкновением разнообразных ценностей, формированием острой моральной амбивалентности. По мнению Г.И. Мусихина, выход из этого состоит не в изменении смысла идеологии, а содержательном изменении идеологического дискурса. Ведь следует избегать отождествления самой идеологии и идеологических дискурсов, что позволяет воздерживаться от стремления к доминированию определённой «истины», поскольку это предполагает ориентацию не на переустройство мира, а на групповое самосознание и взаимодействие с другими группами⁴¹⁹. В результате происходит отход от жёсткой идеологической детерминации и ценностного противостояния. Тем самым появляется возможность для идеологии не себя проявлять открыто, и легче выйти из

---

⁴¹⁸ Гаджиев К. Метаморфозы идеологии в условиях глобализации // Власть. – 2011. – № 11. – С. 6.

⁴¹⁹ См.: Мусихин Г.И. Дискурсивный анализ идеологий: возможности и ограничения // Политические исследования. – 2011. – № 5. – С. 141 – 142.

конфликтной ситуации.

Учитывая, что в практической деятельности идеология определяет стратегию и тактику реализации идеала и обеспечения массовой поддержки, модели поведения по изменению окружающего бытия, остаётся по-прежнему значимыми умение предложить и донести до общества ту ценностную перспективу развития, которая отвечает его моральному запросу и представлениям о справедливой, честной, эффективной власти. В этом случае идеологии удаётся занять место «посредника» между существующей социальной структурой и ведущей группой, предлагающей свою систему убеждений и ценностей в качестве оптимальной и приемлемой. Однако следует признать, что различие традиционных идеологий и новых идеологических ориентаций можно свести к одному принципиальному положению. Если старые идеологии ориентировались на политическую активность и масштабные движения, то современные, «новые» идеологии преимущественно ориентированы на частные идентичности, готовность отстаивать религиозные, национальные, гендерные и иные разнообразные признаки и свойства в политической сфере деятельности. Очевидно, что отстаивать и выражать любой партией множественность идентичностей в условиях фрагментарности общества крайне трудно. Как указывает, Дж. Шварцмантель, «перед обществом стоит задача создать такую форму идеологической политики, которая бы признавала и ценила многообразие, но при этом не утратила способности объединить людей в более масштабные формы политической активности, то есть сделать именно то, что в прошлом пытались сделать политические идеологии через свои масштабные проекты»⁴²⁰.

Как следует из вышеизложенного, идеология самым непосредственным образом связана с властью и политикой. Являясь выражением коллективных (групповых) норм, идей, верований, идеология предполагает некую модель социальных отношений. Но если моральные требования имплицитны и регулируют реальные действия индивида, то идеологические аспекты нацелены

---

⁴²⁰ Шварцмантель Дж. Идеология и политика. – Харьков, 2009. – С. 218.

на ценностную мотивацию и регулирование действий в будущем или ради его достижения. Получается, что моральные оценки и требования, как правило, направлены от общества к конкретному политику, политической структуре, тогда как идеология используется последними, чтобы воздействовать на индивидуальное сознание и шаблоны коллективного сознания. И для этого применяются коллективные ценностные идеи, которые выражаются в различных социальных формах с целью определения политического целеполагания и соответствующих видов деятельности. Неслучайно Г.И. Мусихин оценивает идеологию как часть культурного контекста общества, поскольку человеческое существование и его деятельность посредством символического проявления приобретает «идеологическое измерение» и смысловое оформление⁴²¹. Ведь споры в политическом пространстве дают возможность предложить обществу ту или иную ценностную перспективу, практическая реализация которой связана с определённой моральной поддержкой или отторжением со стороны общества, стимулируя или сокращая моральную амбивалентность.

Известно, что современные политические преобразования в России существенно изменили прежнюю структуру социальных отношений. Эти изменения осуществлялись «сверху», через административно-бюрократический аппарат. В условиях борьбы за своё выживание и угасания демократического движения общественное сознание россиян тяготело к ценностям коммунистического, национал-патриотического, прагматического и демократического направлений⁴²². Противостояние противоположных ценностных ориентаций затрудняли преодоление морального партикуляризма, установление общего согласия и морального единства общества в отношении власти. Заметим, что Конституция 1993 года закладывала возможность

---

⁴²¹ См.: Мусихин Г.И. Идеология и культура // Политические исследования. – 2012. – № 1. – С. 55.

⁴²² См.: Клямкин И., Лапкин В., Пантин В. Политический курс Ельцина: предварительные итоги // Политические исследования. – 1993. – № 3. – С. 170 – 175; Малютин М.В. Электоральные предпочтения россиян: «парадокс стабильности» // Общественные науки и современность. – 1998. – № 1. – С. 48 – 49.

достижения согласия через партийную состязательность на выборах, придав тем самым смысл существованию партий, значимость идеологических программ по преобразованию общества и защите его интересов.

Вместе с тем, постсоветский период показал ослабление в общественном сознании россиян притягательность большинства идеологий, а дилемма «коммунизм - антикоммунизм» утратила остроту противостояния. Это не означало краха коммунистической идеологии, которая обрела ориентацию не столько на идеалы прежнего марксизма-ленинизма, сколько стала выражать критическое отношение и неприятие проводимых в стране либеральных преобразований. Получалось, что влияние коммунистической идеологии во многом было связано не с её собственными идеями, а с ущемлённостью интересов значительной части населения страны, с моральным неприятием издержек реформ и отношением власти к обществу. При этом из-за утраты целостности общественного сознания и моральной дезориентации старые мифы стали вытесняться другими. Заметную роль стали приобретать националистические идеи, порожденные распадом СССР, ностальгией по «имперской мощи», ущемлением прав русскоязычного населения за пределами России. А существенная тенденция навязывания властью и либеральными политиками западных ценностей и либерально-демократических идеалов не могло не вызывать их психологическое отторжение. Ведь они шли вразрез с матримональными традициями и практикой государственного патернализма, поскольку общество продолжает ожидать от власти таких действий, которые были бы направлены на упорядочение социальных отношений, обеспечение условий экономического роста, гарантий безопасности и прочее⁴²³.

Принимая во внимание, что преобразовательная деятельность индивида в соответствии с персоноцентристским подходом предполагает применение моральной модели в качестве дополнительного элемента в целерациональной деятельности, когда ценности обладают инструментальной сущностью.

---

⁴²³ См.: подробнее: Шестопап Е.Б. Четверть века политических реформ в России с точки зрения психологии // Политические исследования. – 2015. – № 1. – С. 138 – 146.

Очевидно, что любой индивид или политик не воспроизводит автоматически в своих поступках ценности добродетели и справедливости так, чтобы они воспринимались одинаковым образом в разных социальных группах. Во всякой новой ситуации индивид определяет характер деяния и степень добра и зла, которые оценивает с точки зрения своего морального опыта и ценностного восприятия общества. Поэтому такие оценки преимущественно возникают в процессе внутренних усилий, а не внешних.

Вот почему внедрение в российском обществе западных, либеральных или консервативных, ценностей находится вне нравственной самодостаточности, отражая, по мысли Н.Я. Данилевского, в этом «европейничаньи» исключительно наше преклонение перед Западом⁴²⁴. Поэтому лишенные своей почвы моральные идеалы, европейские стандарты и нормы, привносимые извне, не могут не вызывать отторжение. Как замечает С.В. Димитрова, «абсолютизация целерациональности – это такая форма стремления к должному, при которой уничтожается многообразие возможного. Целеполагание – есть по сути, установление значений, отсекаание иных возможностей, в этом залог успешной целереализации»⁴²⁵. В результате мы видим ситуацию, когда в политической сфере отсекаются любые моральные основания и ориентиры ради достижения сиюминутного результата. Возникает явная моральная амбивалентность, противоречие между социальными условиями и моральными запросами.

Как представляется, политический процесс в постсоветской России способствовал определённой адаптации общества к основополагающим демократическим ценностям. Однако использование данного обстоятельства для дальнейшей модернизации общества и формирования соответствующих моральных норм оказалось затруднено из-за преобладания групповых и корпоративных интересов, связанных с распространением морального

---

⁴²⁴ См.: Данилевский Н.Я. Россия и Европа. – М., 2008. – С. 315, 321.

⁴²⁵ Димитрова С.В. Действия и поступки современного человека (аксиологический аспект рассмотрения) // Научные ведомости БелГУ. Серия: Философия. Социология. Право. – 2013. – № 23, вып. 26. – С. 208.

партикуляризма. По мнению Ю.В. Назаровой, «современная тенденция развития культуры публичной политики заключается в утверждении бюрократической модели, являющейся закрытой и замкнутой сферой. С другой стороны, упор только на нравственные ценности в ущерб нормам и без финального определения общественного интереса также не приводит к эффективному результату»⁴²⁶. Ведь проводимая политика в 90-е годы опиралась на вердикт избирателей, который давал юридическое и моральное право на реализацию групповых интересов, создавая возможность выводить из-под огня общественной критики наиболее безответственные и бюрократизированные политические структуры и кланы. Поэтому президент В.В. Путин повёл «борьбу» против господства корпоративных интересов, придерживаясь социального прагматизма, направленного не на кардинальные нововведения, а на проведение локальных модификаций, чтобы сохранить демократическую ориентацию всей политики на основе ценностей стабильности, управляемости и консенсуса. Но в политических отношениях моральные нормы зачастую походили на проявление лояльности, которая имела не идеологический, а административный характер. Отсутствие же общепринятых большинством общества чётких моральных ориентиров неизбежно закрепляет угрозу ретрансляции локальных ценностных интересов и навязывания их большинству, мешает выработке общенациональной идеи, пролонгируя моральную амбивалентность. Опасность локальности связана с консервацией устоявшихся структур и отношений, ограничением самоорганизации, культурной изоляцией. Поэтому возникает потребность в такой идеологии, которая корректировала бы правила политической деятельности с учётом обновления социума, ясной перспективой будущего.

Для решения данной задачи может быть использована идеология, имеющей непосредственную связь с нормативно-ценностной сферой политики. По мнению М. Фридена, идеологии имеют прямое отношение к социальным

---

⁴²⁶ Назарова Ю.В. Аксиология и антропологические практики парламентской культуры: автореф. дис. на соиск. учен. степ, доктора философ. наук. – Белгород, 2013. – С. 27.

группам, которые их производят и потребляют. Они обеспечивают легитимацию, интеграцию, социализацию, упорядочивание и ориентацию действий индивида, поскольку являются формами политического мышления и отражают то, что принимают или не принимают в социальном окружении. При этом идеологии ассоциируются с властью для оправдания и поддержки политических действий, влияния на индивидов, поскольку апеллируют к их ценностным предпочтениям ⁴²⁷. Социальная группа, являясь носителем определённых ценностей и предпочтений, моральных принципов, на основании идеологии пытается найти ориентиры для своей жизни и деятельности, стремясь сохранить или изменить окружающую действительность. В борьбе за влияние конкретной социальной группы на политическом пространстве неизбежно возникает претензия данной идеологии на получение статуса государственной. Поэтому государство должно выступать в роли гаранта и регулятора по обеспечению взаимодействия различных идеологических направлений в рамках устоявшихся политических, социокультурных, моральных норм. Только через взаимодействие моральных и ценностных позиций различных субъектов можно адекватно и комплексно понять проявление моральной составляющей, выявить баланс традиций и новаций реформируемого российского общества.

Выборы в Государственную думу, укрепив интерес к партийной деятельности, способствовали к началу 2000-х годов консолидации региональных элит вокруг сильных лидеров при сохранении у граждан заметного чувства разочарования в эффективности власти, её способности эффективно решать острые проблемы. Использование административных, финансовых и информационных ресурсов партиями власти (например, «Наш дом - Россия», «Единство») обеспечивало преобладание над другими партиями, показывая сильную зависимость поддержки рядовых избирателей от эмоций и внеидеологических пристрастий в системе политических отношений. Однако

---

⁴²⁷ См.: Freedен M. *Ideologies and Political Theory: A Conceptual Approach*. – Oxford, 2006. – P. 22 – 23.

усиление «снизу» настроений в пользу политики «сильной руки», на которую стал опираться В.В. Путин, открывало возможность социального ценностного контракта между обществом и властью, проведение корректировки курса реформ, некоторого смягчения моральной амбивалентности.

Следует заметить, что на протяжении постсоветского периода все партии приняли на вооружение демократические процедуры и парламентские формы борьбы за власть. Как представляется, происходила реструктуризация оппозиции, которая приобретала более сложную дифференциацию, отражая одновременно определённые реальные интересы, идеологические пристрастия и ценностный выбор социальных групп общества.

В политическом спектре России можно выделить следующие основные политико-идеологические ориентации, которые опираются на свои морально-ценностные предпочтения:

1) правые либеральные радикалы (Демократический выбор России, Союз правых сил во главе с Е. Гайдаром, Б. Немцовым, А. Чубайсом, Л. Гозманом), которые выступают за свободный рынок, сокращение социальных обязательств государства, безусловное внедрение западных либеральных ценностей;

2) правый центр (Наш дом – Россия, Единство, Единая Россия), пытающийся воплотить на практике синтез рыночных ценностей и дозированного государственного вмешательства при следовании демократическим правилам и ценностям, выполнении социальных гарантий по отношению к социально незащищённым слоям населения;

3) левый центр (Демократическая партия России, Аграрная партия, блок «Женщины России», Справедливая Россия), занимающий позицию сдержанного отношения к внедрению ценностей свободного рынка и поддерживающий прямое государственное вмешательство в экономику и жизнь социума при осуществлении демократической ориентации в системе взаимодействия власти и общества;

4) левые (КПРФ), исповедующие идеалы и ценности советской модели социализма, возврата на социалистический путь развития как единственного и

эффективного способа реализации справедливости, равенства, социальных гарантий для рядового гражданина;

5) правые националисты (ЛДПР, Конгресс русских общин), пытающиеся одновременно отстаивать ценности свободы и ответственности при опоре на авторитарные методы реализации своих идей и использовании националистической фразеологии⁴²⁸.

Но эволюция идеологического компонента определялось целым рядом особенностей. Государственная власть и президентские структуры в течение 90-х годов брали на себя функции открытого оппонента левых сил, стремясь минимизировать политические и моральные обязательства в отношении с любой структурой. Своих политических противников они использовали как «пугало», что лишь подкрепляло моральный релятивизм. В свою очередь, оппозиционные парламентарии пытались влиять на исполнительную власть с помощью прямого обращения к правительству или через задержки в принятии законов, которые угрожали падением авторитета парламентариев. Складывалась парадоксальная ситуация, в которой депутаты, обладая низким рейтингом доверия, на практике чаще обращались к моральным нормам для сохранения своего влияния и авторитета перед обществом.

Можно также сказать, что и в последующий период развития страны вся социокультурная система не способствовала достижению социальной и политической интеграции, которая подкрепляла бы положительные моральные оценки власти, эффективность моральной апелляции общества к политической сфере. Хотя и в редуцированных масштабах, по-прежнему использовалась моральная демагогия для срыва реализации того или иного закона. Поэтому российский парламент, ущемлённый в своих полномочиях конституционно,

---

⁴²⁸ См.: Краснов В.Н. Система многопартийности в современной России (очерк идеологии). – М., 1995. – С. 9 – 10; Марченко Г.В. Россия между выборами // Политические исследования. – 1996. – № 2. – С. 102 – 104; Головченко В.И. Эволюция роли идеологии в постсоветский период // Известия Саратовского университета: Сер. Экономика. Управление. Право. – 2007. – Т. 7. Вып. 1. – С. 99 – 100; Малицкий В.С. Идеология в современной России // Вестник Адыгейского гос. ун-та. Сер. 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. – Вып. 2. – 2012. – № 2. – С. 249 – 251.

объективно играл роль «проповедника морализма», боролся против злоупотребления властью. Тем самым своими партикулярными моральными нормами он влиял на гуманистические ориентиры в политике.

Заметим, что идеологические представления в современной России имеют ещё ряд ценностных аспектов. Либеральные реформаторы бюрократически и искусственно провозгласили свободу для общества и своих действий от всякой идеологии. В статье 13 Конституции было объявлено идеологическое многообразие, отсутствие государственной или обязательной идеологии, признание политического многообразия и многопартийности, равенство общественных объединений перед законом, запрет на деятельность организаций, посягающих на насильственное изменение основ конституционного строя, государственную безопасность, разжигание различных видов социальной розни⁴²⁹. Но это положение не препятствовало осуществлению реформ с навязыванием обществу партикулярных ценностей либерализма в качестве единственно правильной идеологии, которая якобы возвращает страну на осевую линию развития. Лишь в 2000-е годы натиск либеральной идеологии стал ослабевать, ее влияние было вытеснено прагматическим подходом.

Сложилось мнение, что во время президентства В.В. Путина борьба между партиями и группами интересов была редуцирована, а общество после хаоса предшествующего периода было накрыто «контрреволюционной» волной, которая имела антиолигархический характер и укрепила идеологическое единство элиты⁴³⁰. Прагматическая линия политики получила приоритет над узко идеологическими приоритетами и ценностными предпочтениями. Ведь любая идеологическая система предполагает жёсткие и доктринальные построения. Следует при этом учитывать, что морально-

---

⁴²⁹ См.: Конституция. Официальное издание. – М., 2009. – С. 8.

⁴³⁰ См.: Скочилова В.Г. Идеология в политическом процессе современной России // Вестник Томского государственного университета. Сер.: Философия. Социология. Политология. – 2010. – № 3. – С. 81; Пастухов В.Б. «Перестройка» - второе издание // Политические исследования. – 2011. – № 1. – С. 18.

ценностные установки российского общества, отличающиеся апатичностью, «политически бессознательным» состоянием, не разложились безвозвратно. Широкие слои общества не принимают либерального реформаторства социальной сферы, поскольку оно своими нигилистическими мерами активно содействует распространению морального релятивизма. Российский социум оказался недостаточно восприимчив к идеям и методам сторонников либеральной идеологии, основанной на персоноцентризме.

Отражая известные политические идеалы, либеральные идеи оказали свое содействие в поддержании социокультурной противоречивости и кризиса общества, которое длительное время находилось в положении серьезной моральной дезориентации и заметной моральной амбивалентности. Для российских либералов моральные апелляции к ценностям равенства, ответственности, долга, порядка воспринимаются пережитком советского прошлого. Поэтому их политический курс оказался независим от признанных моральных ориентиров, что соответствовало узкогрупповому моральному партикуляризму. Требования задач реформирования, нестабильность государства по-прежнему порождает появление таких политиков, которые хотят задать действиям моральные принципы, которые совсем мало отвечают интересам и ценностным приоритетам большей части социума. Очевидно, что этика добродетелей, которая появилась в виде классической формы политической морали, под воздействием информационных технологий уступает место институциональной, порождая заметное безразличие к морали, а значит, и моральный релятивизм.

В этом можно видеть определенную опасность, поскольку либеральная идеология стремится подменить мораль посредством навязывания своих ценностей. Ведь происходит вытеснение ряда духовных ценностей и правил поведения в обществе, выработанных общественным сознанием, доктринальными ограничениями, которые служат укреплению власти над людьми. Поэтому стремление идеологии подчинить себе мораль, также как и попытка представить мораль в качестве идеологического основания, является

лишь отражением кризиса внутри социума, в котором ни мораль, ни идеология не выполняют своих непосредственных функций. Кроме того, необходимо принимать во внимание, что в рамках идеологии осуществляется взаимосвязь морали с правом, религией и другими промежуточными звеньями, составляющих отдельную сферу проблемных отношений. Однако в нашем случае склонность права вытеснить мораль об области своего влияния, игнорировать ее в качестве особого элемента идеологии приводит к усилению утилитарной составляющей. Ведь следствием такого вытеснения является, например, формирование узкой профессиональной морали. Стремление посредством профессиональных моральных кодексов обеспечить стабильность политических институтов и ценностей лишь может способствовать стагнации моральных идей, так как тем самым формируются условия для вытеснения морали идеологией.

Поэтому политическую апатию общества следует рассматривать в качестве защитной реакции своих моральных ценностей. Неслучайно, что положительная оценка проводимых реформ в начале 2000-х годов сократилась с 51 % до 34 %⁴³¹. Из этого следует, что стремление политической власти и либеральных политиков подорвать ведущие моральные ценности и традиции воспринималось россиянами в качестве мер, которые не были направлены на общее блага и ослабление моральной амбивалентности. В условиях принудительной «деидеологизации» и сокращения возможностей для самоорганизации индивидов идеологию лишали права выполнять функции социального аттрактора, который отстаивает ценностное содержание определенных идеалов. Тем более в российских условиях идеология носит символический характер, а ее функции существенно латентны⁴³². Вследствие этого общественное сознание, испытывая влияние общекультурного и

---

⁴³¹ См.: Левашов В.К. Морально-политическая консолидация российского общества в условиях неолиберальных трансформаций // Социологические исследования. – 2004. – № 7. – С. 27 – 46.

⁴³² Беридзе Ю.В. Трансформация идеологии в современном российском обществе: Автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. философ. наук / Ю.В. Беридзе. – Краснодар, 2007. – С. 22.

образовательного факторов, социального опыта, профессионального и материального статуса, религиозности, СМИ, традиций и моральных ограничений, обрело противоречивую ценностную ориентацию.

Следует учитывать, что политика не может кардинально трансформировать социокультурные основания общества. Она может в качестве инструмента достижения идеологических целей принять на вооружение те или иные моральные нормы. Это предполагает нахождение баланса традиций и новаций, который должен обеспечивать развитие демократических принципов в структурах управления и в обществе. Указанный баланс закладывает условия, которое обеспечивают смягчение моральной амбивалентности позиций различных социальных групп и индивидов. То есть использование в государственно-партийной деятельности идеологического концепта формализует значение принимаемых решений, призванных определить оптимальные модели развития. Кроме того, идеологический фактор способен повысить уровень мотивации общественной деятельности и гражданскую самодеятельность, которые в современных условиях являются вспомогательными моральными рычагами влияния на политическую власть⁴³³. А это укрепляет легитимацию и авторитет власти, формирует положительную ценностную позицию социума к общему делу на основе представлений о благе, правомерности и справедливости.

Несомненно, для обретения политикой моральности также требуется совпадение целей и интересов элиты и самых широких слоёв общества, в том числе идеологическая поддержка в проведении реформ. Современные исследования фиксируют, что за последние двадцать лет проявляется «снижения уровня идеологического обеспечения деятельности «партии власти», устойчивый рост их мобилизационных возможностей и отказ от

---

⁴³³ См.: Руженцев С.Е. Моральные традиции и модернизация современного российского общества // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2017. – № 3. – Ч. 2. – С. 135 – 137.

радикализма в партийно-политическом позиционировании»⁴³⁴. Однако в 2000-е годы имел место традиционный вариант использования идеологии, при котором предпочитаемая идеологическая модель внедряется и поддерживается бюрократическим аппаратом через политические партии и молодёжные организации. И эта идеологическая модель не отличается от былой советской доктринальности. По мнению О.Ю. Малиновой, «политический пейзаж стал более монотонным, число площадок для политических дискуссий... резко сократилось, а роль «идей» в политическом процессе свелась к легитимации официального курса и сугубо ритуальной демонстрации оппозиционности»⁴³⁵. Можно сказать, что атомизация и выключение индивида из системы политических взаимосвязей сформировались в российском социуме не в результате становления постмодерна, а как резонанс на игнорирование политической властью устоявшихся моральных традиций и ценностей. А ведь еще со времен Н. Макиавелли было признано, что в политической морали главным является благо и процветание государства.

В результате российское общество лишено своего внутреннего согласия, что препятствует поиску общих идей, моральных принципов, стандартов поведения. Наряду с этим дают себя знать свобода выбора и факторы конфликтогенности, способствующие как отчуждению от политики отдельного человека, так и заметной атомизации всего социума. Как следствие, начинает превалировать не выполнение моральных предписаний, сопоставление их рациональным образом с публичной властью, а сугубо индивидуальные пристрастия и чувства, отражая персоноцентристское начало. Вот почему рост конфликтов в процессе принятия решений обостряет проблему существования и сохранения единой системы ценностей⁴³⁶. И так как отсутствует интерес к

⁴³⁴ Ануфриева А.А. Специфика партийного механизма идеологической и мобилизационной поддержки властного курса в России // Власть. – 2010. – № 12. – С. 35.

⁴³⁵ Малинова О.Ю. Идеологический плюрализм и трансформация публичной сферы в постсоветской России // Политические исследования. – 2007. – № 1. – С. 7.

⁴³⁶ См.: Сафонова Е.А. Основные аспекты исследования трансформации политических отношений в условиях постмодерности // Вестник Сибирского государственного индустриального университета. – 2014. – № 1. – С. 69.

идеям и планам достижения справедливого общества, то имеются существенные сомнения, касающиеся возможностей реализации общего блага. Социуму необходима серьезная рефлексия над смысловым содержанием информации, которая обеспечивает связь между индивидом, моралью и политикой. А это можно осуществить через применение традиционной системы ценностей, которая ориентирована на духовный и культурный опыт, абсолютизм моральных норм, диалоговый характер общения⁴³⁷.

Можно предположить, что рассмотрение исторической эволюции российского общества с позиций противостояния архаизации и прогресса, культуры и социальных отношений, предлагаемое А.С. Ахиезером, вполне продуктивно, поскольку представляет собой дуальную позицию в диалектическом проявлении развития. Сводя инверсию к откату к идеалам прошлого, А.С. Ахиезер связывает её с административным натиском на общество, который вызывает дезорганизацию и нравственную деградацию людей⁴³⁸. Но такой взгляд, подтверждаемый российским прошлым и настоящим, существенно базируется на европейской матрице восприятия. Ведь недостаточное культурное развитие общества, идейная расколотость и ценностная слабость диалога – все это препятствует реализации модернистского потенциала. С таких позиций можно утверждать, что российское общество во многом ориентировано на традиционный тип морали, который в определённой степени испытывает воздействие умеренного утилитаризма. Однако взаимодействие между «архаизированным» обществом и реформами власти может приобретать разрушительный характер.

Указанная позиция имеет существенный кантианский оттенок, так как обращена к приоритету прав человека и наличию гуманистических условий его

---

⁴³⁷ См.: Черникова В.Е. Конфликт традиционных моральных ценностей и ценностей информационного общества // Вестник Адыгейского гос. ун-та. – Серия 1: Регионоведение, философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. – 2014. – № 3. – С. 49.

⁴³⁸ См.: Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта. – Т. 1. – Новосибирск, 1998. – С.66 – 67, 70; Ахиезер А.С. Архаизация как категория общественных наук (на опыте России)// Журнал социологии и социальной антропологии. – 2001. – Т. 4, № 1. – С. 96 – 98.

жизни, что соответствует персонцентрическому подходу. Однако без учета российской социокультурной специфики, трудно понять, почему государство в результате демократического обновления слабо поддерживает самодеятельность своих граждан, плохо налаживает равноправный диалог власти и общества. А это затрудняет положительное воздействие морали на принимаемые политикой решения. Имеется также и обстоятельство, связанное с тем, что демократический фасад политической власти слабо препятствует произволу коррумпированного чиновничества. Затрагивая данную проблему и необходимость обновления политической практики в России с учётом социального фактора, И.К. Пантин отмечает: «Пожалуй, ни для какой другой страны, где осуществляется модернизация, демократия, не имеет такого значения, как для России. Без её укоренения нельзя поколебать вековое недоверие народных масс к праву и законности и их упования на сильную власть, сильную не авторитетом, соблюдением законности, пониманием обстоятельств и обстановки, а стремлением к вмешательству во все сферы человеческой жизни, к патронажу по отношению к «низам». Без развития демократии нельзя изменить отношение власти и общества, преодолеть их отчуждение друг от друга»⁴³⁹.

Кроме того, российская власть по давней традиции стремится к унификации политического пространства. Одним из инструментов этого осуществления является идеология. Ведь попытки найти идейно-ценностные основы развития страны и стремление снизить потенциал конфликтности в политике, только усиливает значение идеологии и морали. Д. Белл, рассматривая постиндустриальное общество, отмечает, что «в современном обществе политика управляет социальной структурой. Она превращается в регулирующий механизм перемен. Но... люди следуют различным принципам справедливости, различным иерархиям ценностей и пытаются воплотить их в

---

⁴³⁹ Пантин И.К. Выбор России: характер перемен и дилеммы будущего // Политические исследования. – 2007. – № 4. – С. 135.

форме социальных отношений»⁴⁴⁰. Тем не менее, «Единая Россия» стала притязать на первые роли по выражению общенациональной идеологии в политической сфере, которая опирается на идею сильной России.

Основой идеологических предпочтений «Единой России» стала идея суверенной демократии, ориентированная на традиционные ценности. Поддерживая инновации западного типа, либеральная идеология сохраняет своё влияние в лице ряда представителей правительства и крупного бизнеса, что позволяет говорить о некотором компромиссе в отношении реформ и сохранении традиций. Такая эклектика расширяет поле политического маневра, отражая прагматичный подход и гибкость моральных принципов. Трудно однозначно утверждать, как делают в средствах массовой информации либеральные представители, что в России происходит свертывание демократии и возрождается административно-командная система управления. Скорее, можно говорить о преемственности социальных механизмов, ценностном балансе, позволяющих сохранить стабильность, управляемость, единство общества. Ради этого «Единая Россия» отвергает более радикальные подходы, исходящие от коммунистической и либеральной оппозиции.

Сформировавшаяся политическая линия на либерально-консервативный ценностный синтез может быть достаточно жизнеспособной, поскольку дает возможность объединить ценности свободы личности, плюрализма, гражданского общества, модернизации с моральными идеалами, смягчить моральную амбивалентность в социуме. Как отмечает Н.А. Баранов, «консервативный либерализм тяготеет к осторожным, медленным реформам, соизмеряющим свои шаги с реакцией общества на проводимые преобразования, так как быстрые изменения могут привести к разрушению существующего порядка с существующими представлениями о справедливости, что является взрывоопасным для общества. Он считает необходимым сохранить для большинства народа психологически комфортное состояние. ...Его

---

⁴⁴⁰ Белл Д. Грядущее индустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. – М., 1999. – С. 652.

особенностью является стремление воплотить либеральные идеи через обращение к массовым ценностям...»⁴⁴¹. Конечно, в условиях длительной негативной идеологической идентификации неизбежно проявление циклической волны, которая связана с консервативным настроением массового сознания. Именно этим можно объяснить успех президента В.В. Путина, который опирается на понятные рядовому гражданину ценности стабильности, сплочённости, патриотизма, позволяя «Единой России» идеологически самоидентифицироваться как политическая сила, отстаивающая основные моральные ориентиры общества⁴⁴².

Заметим, что ведущая партия имеет толерантное отношение к социальному и политическому неравенству, не поддерживает искусственное вмешательство в социальные процессы и апеллирует к практическому опыту. Она пребывает в промежуточной позиции между либеральными западниками с их радикальным реформаторством и лево-центристскими силами. Идеологи данной партии не поддерживают модернизацию любой ценой. Они полагают, что преобразования должны принимать во внимание адаптацию страны к складывающимся реалиям, определенному учету интересов граждан. Отказ «Единой России» осуществлять экономические задачи в ущерб социальной обязательностям власти, использование льгот и обещаний, укрепляет ее «надклассовые» позиции, что делает политическое решение более морально мотивированным. Поэтому центристская политика выражает стремление к развитию без застойных явлений и революций, что превращает эту партию, складывавшуюся в качестве политического объединения российской бюрократии, в образование с нечетким мировоззренческим стержнем. Ее стремление изменить свой имидж у электората лишь отражает продолжающиеся идеологические искания правящей элитой. Ведь идеология

---

⁴⁴¹ Баранов Н.А. Основные направления идеологического дискурса в современной России // Политэкс. – 2012. – Т.8. – № 2. – С. 26.

⁴⁴² См. подробнее, напр.: Гончаров В.Э. Идеологический брендинг «Единой России» // Политическая экспертиза: Политэкс. – 2010. – Т.6. – № 1. – С. 68 – 82; Шилов В.И. Партия «Единая Россия» и идеология консерватизма // Научные ведомости Белгородского гос. ун-та. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. – 2010. – № 1. – С. 210 – 218.

продолжает оставаться существенным условием сохранения национально-территориальной целостности страны, ее социокультурной самобытности, инструментом закрепления существующих социально-политических ценностей.

Сама идея консервативной модернизации предполагает учёт национальных особенностей и традиций, но без идеализации природы человека, без рационалистического либерального взгляда, без возвышенной коммунистической оценки народных масс. Тем не менее, продолжает сохраняться отчуждение граждан от власти, что затрудняет «уравновешивание» политической деятельности и её моральной оценки с целью реализации социальной справедливости, солидарности и равенства. Сохраняется низкая согласованность с общественным мнением, что неизбежно связано со слабым осмыслением социальных последствий проводимой политики.

Для укрепления влияния морали в социальной сфере требуется расширение и развитие социального партнёрства, которое обеспечило бы эффективный контроль по соблюдению законности, ответственного поведения политиков и бизнеса перед собственным обществом, реализацию на практике социальной демократии. Однако общество воспринимает «Единую Россию» как на союз чиновников и успешных людей, которое склонно к объединению широкого спектра ценностей, что превращает её идеологическое лицо в неясное. Даже либеральные критики российской демократии затрудняются в её содержательном определении. Например, авторы «Демократия в российском зеркале» (А.М. Мигранян, М.В. Ильин, С. Холмс и др.) не упоминают о защите прав и свобод большинства общества. Поддерживая укрепление государства и удовлетворение социальных запросов граждан, они квалифицируют российскую демократию с позиций того, что российская культура враждебна демократическим ценностям по причине отсутствия свободы СМИ, единого «сущностного» набора нормативов и принципов, которые артикулированы оппозиционной идеологией, справедливости непредсказуемости выборов,

которые обеспечивают развитие страны ⁴⁴³. То есть проявляется явный моральный релятивизм в подходе к судьбе демократической идеи в России. Иначе говоря, если манипулирование мнением избирателей, использование селективной информации СМИ на Западе есть обычная демократическая практика, то в российской ситуации это уже является псевдодемократией, разрушающей основы гражданского общества и демократические добродетели. Очевидно, такой взгляд игнорирует мораль, мешает на практике решать проблемы баланса между традициями и новациями, превращая идеологию в фантом, который применяется в геополитической борьбе Запада.

Как представляется, существенной проблемой остается определение идеологемы развития, так как настроения социума консервативны из-за патерналистских традиций отношений с властью, при которых и правящая бюрократия также стремится к стабильному состоянию ради обеспечения своего положения и благополучия. По сути, реальная власть принадлежит номенклатуре, хотя и российского типа, двойственно относящаяся к государственному вмешательству, опасаясь за свои активы, принятия ответственности за судьбу страны. Этим объясняется, почему время от времени происходят попытки мобилизации властвующих элит для реализации инноваций. А это предполагает общие правила поведения и действий, которые являются обязательными для всех сфер жизнедеятельности и управления. Очевидно, что без нормативных регуляторов и моральных ограничителей невозможно реализовать любой идеологический проект и обеспечить развитие общества, редуцировать моральный релятивизм и моральный партикуляризм.

Это не отменяет решения вопроса о том, в какой степени существующие нормативные и институциональные институты соответствуют задачам проведения модернизации. Принимая во внимание, что стратегия модернизации исходила из либеральной идеологии, которая морально допускала радикальные действия, то ее результатом стала деиндустриализация экономики, разбалансировка социальной сферы, консервация политической системы. По

---

⁴⁴³ См.: Демократия в российском зеркале. – М., 2013. – С. 100, 143, 162, 86.

мнению В.С. Рахманина, политика государства и бизнес-структур не отвечают идеологии и задаче инновационного развития, так как не возник «социально эффективный собственник», а бизнес ориентирован на эксплуатацию существующих индустриальных структур. Вместо инвестиций в человеческий капитал, сохраняется социальное неравенство, которое «является почвой инновационной пассивности массовых слоёв населения, генерируя у них не энергию и способность к модернизации, а недовольство, депривационные фрустрации, стремление к переделу «неправедного богатства» и установлению справедливости»⁴⁴⁴. Поэтому возникают некие этатистские тенденции, которые связаны с администрированием и призваны скорректировать изменения в социуме, осуществить модернизационный процесс, отягощенный ценностным расколом общества. В.И. Пантин отмечает, что «наблюдается явное расхождение модернизационных устремлений во власти и в обществе: власть в России, опирающаяся на большинство населения, хочет модернизировать в основном экономику (да и то фрагментарно и непоследовательно), а непримиримая, внесистемная оппозиция, опирающаяся на меньшинство..., напротив, стремится осуществить модернизацию прежде всего политической системы»⁴⁴⁵. Массовое сознание социума понимает неэффективность преобразований, которые не имеют приемлемых последствий, сопровождаются разнонаправленными процессами в реформировании государства и общества, приводя к нарастанию морального релятивизма.

Поэтому необходимо влияние ряда условий, которые выражают должное и выражены в форме моральных норм, определяют границы и степень свободы субъекта политики и одновременно поле для его действий, препятствуя росту релятивизма. И так как деяние должно соответствовать интересам большинства, его представлениям о добре и зле, существующим моральным нормам, то проявляется стремление социума защитить свои ценностные устои через различные традиции. Как замечает В.В. Варавва, «традиция... является

⁴⁴⁴ Рахманин В.С. Философские парадигмы модернизации // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Сер. 7, Философия. – 2011. – № 2. – С. 46 – 47.

⁴⁴⁵ Пантин В.И. Массовое сознание в современной России: размежевания, противоречия, сопряжения // Вестник Института социологии. – 2015. – № 1 (12). – С. 112 – 113.

защитой хрупкого и беспомощного, как физически, так и духовно человеческого существа, которое со всех сторон подстерегают угрозы, стремящиеся уничтожить его...»⁴⁴⁶. Следует согласиться с тем, что в политической сфере традиция берет на себя роль гаранта порядка и стабильности, который стоит на страже известных моральных ориентиров.

Стратегию инновационного развития нельзя рассматривать только с позитивной позиции в системе взаимодействия морали и политики, если не принимать во внимание ценностные аспекты. Выжидательное отношение российского общества к новациям определяется тем, что для эффективной трансформации политической сферы необходима «реанимация эффективной обратной связи». Эта связь не только позволяет выявить адекватное волеизъявление социума, интересы различных групп, ограничить административный произвол, но и делает возможным выстроить отношения всех участников политического взаимодействия и государственного управления сообразно с правовыми установлениями и моральными нормами. В этом случае требуется формирование общей ценностной системы, выработка которой затруднена из-за скептического отношения социума к предлагавшимся ранее различным «чудодейственным» вариантам «новой идеологии»⁴⁴⁷.

Характер и особенности российских реформ последних десятилетий вызвали заслуженную критику. Но они также усилили запрос общества на более четкие моральные ориентиры. Влияние капитализма на моральные нормы посредством их пересмотра, разложение традиционных ценностей ради экономической выгоды вызвали появление идеи «третьего пути». Ее обосновал Э. Гидденс, а из российских исследователей поддерживает Н.Г. Федотова. Как представляется, Э. Гидденс в рассуждениях о «третьем пути» пытается показать такую модель развития между либеральным и марксистским идеологическим проектами, которая обеспечивает осуществление социальной справедливости

---

⁴⁴⁶ Варавва В.В. Истины традиции и традиция истины // Вестник Воронежского гос. ун-та. Серия: Философия. – 2011. – № 2. – С. 4.

⁴⁴⁷ См.: Инновационная модернизация России. Политологические очерки. – М., 2011. – С.90 – 98.

при сохранении государства всеобщего благоденствия⁴⁴⁸. Поскольку общество с индивидуализированной и потребительской сущностью подвергается дегуманизации через формализацию всех социальных отношений, то резко усиливается актуальность моральных ориентиров в политической сфере. Попытки компенсации их корпоративной моралью не способствуют моральному единству и солидарности в обществе, обостряя проявление моральной амбивалентности. Поэтому социальная дифференциация общества и разрушение ценностных устоев становятся главными угрозами, которые вызывают диссонанс политики с моралью, между обществом и властью.

Очевидно, что бюрократическая система управления подчиняет низшие звенья управления на основе доминирования интересов верховной власти, что возбуждает опасения оппозиционных сил. Вот почему мораль перекликается с общественным контролем, кадровой селекцией, профессионализмом и мобильностью управленческого состава, противодействием коррупции. Ведь на этой основе закладывается дополнительная поддержка общества, источник стимулирования модернизации. Как считает А.А. Галкин, «общественным доверием (в том числе к ориентации на модернизацию) власть сумеет заручиться лишь в том случае, если гражданам будет предоставлено убедительное свидетельство её готовности, решительно порвав с проводимым ранее курсом, качественно модифицировать вектор политики. Таким свидетельством обычно служат институциональные изменения, открывающие большие, чем прежде, возможности влияния общества на политические решения»⁴⁴⁹. Данный подход раскрывает ценностное содержание инновационной деятельности, воспринимаемой на современном этапе в качестве социальной практики, бытия общества.

Сама идеология инновационного развития предписывает рациональную и целенаправленную деятельность в границах общественной системы, существующих социокультурных и моральных основаниях. Но новая идея или

---

⁴⁴⁸ См.: Giddens A. *The Third Way and its Critics*. – Cambridge: Potily Press, 2000. – P. 24.

⁴⁴⁹ *Альтернативы развития. Россия между модернизацией и деградацией*. – М., 2013. – С. 28.

ценность не принимается безоговорочно длительное время из-за низкой эффективности власти и отсутствия быстрых ожидаемых результатов действий. А положительная оценка размывается из-за наличия институциональных ловушек, влияния морального партикуляризма, проблем получения моральной поддержки большинства граждан. Ведь все действия субъектов власти и их последствия вызывают у общества определенную реакцию, оставляя в общественном сознании зачастую устойчивую оценку. Вот почему для снижения степени моральной амбивалентности в политике необходимо существование активного и сознательного общества. Однако это не означает достижение идеалов политического развития, так как тогда бы удалось согласовать все интересы и ценности социальных групп, обеспечить приемлемое для них социальное положение. Альтернативы развития мешают моральной дезориентации общества, препятствуют консервации социальных отношений. Поэтому существует потребность в универсальном институте, который в процессе выработки и реализации решений помогал бы моральному влиянию на политику, разрабатывать стратегию развития России.

Очевидно, что моральное знание обладает мультикультурным свойством, затрудняя достижение абсолютного единообразного подхода к моральным нормам и ценностям для всех слоев общества. С другой стороны, существование ментальных оснований и личной заинтересованности не отрицает имманентного стремления к достижению общих моральных идеалов, которые формируют солидарность в обществе и морально-психологическую сплоченность в нем. Поэтому усиление морального партикуляризма ущемляет возможность формирования единых норм и принципов, которые также, в свою очередь, подвержены антистатичности, ранжированию, цикличности влияния.

Современный прагматизм в политике, чуждающийся морали как средства придания аксиологического смысла своим действиям, считает власть и методы её деятельности в качестве цели в себе, поскольку она опирается на явную абстрактность и относительность политических ценностей. При таком подходе стремление общества к справедливости и общему благу неосуществимо.

Поэтому при определении роли морали в соотношении ценностей традиций и новаций возникает вопрос о причинах неприятия нововведений. Как замечает В.И. Казакова, в российских условиях «с точки зрения нравственных аспектов декларируемое стремление обрести в лице «среднего класса» оплот социальной справедливости вновь воспроизвелось в образе «простого человека», удобного для власти»⁴⁵⁰. Данная мысль свидетельствует, что проблема гармонизации отношений морали и политики не решается, не вырабатывается приемлемая для всех социальных субъектов ценностная и идеологическая основа инновационного развития.

Следует согласиться с суждением В.С. Мартьянова и Л.Г. Фишмана, что в сложившихся условиях «...закономерным следствием слабой легитимности элит становится активный поиск «национальной идеологии» и «базовых ценностей» общества»⁴⁵¹. Без стабилизации социального положения нельзя редуцировать моральную индифферентность и моральный релятивизм. Общество продолжает сохранять отторжение аморализма, что вызывает периодическое стремление ряда субъектов политиков искать условия «договора» с ним. Это усиливает значение морали в политической практике, что позволяет минимизировать системные риски.

Поскольку абсолютизация экономических интересов закладывает игнорирование традиционных ценностей и моральных норм, к любым новшествам складывается скептическое отношение. Поэтому ряд исследователей полагает, что в современных условиях должно быть приоритетным достижение синтеза либерального консерватизма и консервативного либерализма в качестве идеологической основы, обеспечивающего реализацию инноваций через массовые ценности⁴⁵².

⁴⁵⁰ Казакова В.И. Инерция и власть: к вопросу о политических основаниях сопротивления инновациям // Вестник НГТУ им. Р.Е. Алексеева. Серия: Управление в социальных системах. Коммуникативные технологии. - 2013. - № 1. - С. 20.

⁴⁵¹ Мартьянов В.С., Фишман Л.Г. Россия в поисках утопий. От морального коллапса к моральной революции. - М., 2010. - С. 242.

⁴⁵² См.: Баранов Н.А. Либерально-консервативный синтез в России: история и перспективы // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. - 2010. - Т. 3, № 5. -

Бесспорно, что без учёта морали, редукции релятивизации и партикуляризма, нельзя избежать социальной инерции в отношении нововведений. Это задает внимание к повседневным потребностям различных групп общества. Ведь моральные нормы во многом формируют условия для поддержания доверия между обществом и властью. Поэтому согласие и компромисс власти и общества определяется посредством достижения идейного единства элиты и последовательного осуществления политики, закладывая приемлемый баланс традиций и новаций, а также содействуя и моральной легитимации власти, снижению моральной амбивалентности внутри социума.

Проблема соотношения традиций и новаций порождает двойственные оценки. Ведь любое общество существует между полюсами традиций и новаций, которые взаимно полагают друг друга. Однако в российских социокультурных условиях проявления двойственных моральных стандартов и навязывания либеральных ценностей, неминуемо пролонгирует моральную амбивалентность, неустойчивое и «промежуточное» нахождение большинства россиян между современностью и традицией. Это порождает крайние реакции индивидов и социальных групп, о которых указывал А.С. Ахиезер⁴⁵³. К тому же, грубое насаждение либеральных принципов формирует у общества негативную позицию к любой идее реформаторского обновления, вызывая желание защищать моральные основы традиционализма. В результате политические субъекты начинают игнорировать интересы частных лиц и групп, затормаживая осуществление необходимых реформ. Поэтому данная скрытая моральная коллизия находит отражение в политике, когда начинает сочетаться авторитарная деятельность с демократической риторикой, что выражает по своей сути моральный релятивизм партикулярного характера.

Также идея достижения «универсальной» цивилизации неизбежно входит в расхождение с традиционными ценностными суждениями о добре,

---

С. 100 – 102; Пусько В.С. Идеология в конституционном поле современной России // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2015. – Т. 7, № 3. – С. 138 – 139.

⁴⁵³ См.: Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта. – Т. 1 – Новосибирск, 1997. – С. 777.

справедливости, честности, так как пытается выхолостить их содержание, опереться на обезличенные формы контроля за личностью, что редуцирует значение морали для политики. Коммерциализация социальных отношений, по справедливому замечанию В.В. Лапкина, ведет к вытеснению «нетоварных практик взаимности», превращая функции перераспределения и интеграции в политические ⁴⁵⁴. Это передает государству на откуп всякую инициативу реформ, закладывает потенциальную опасность пренебрежительного отношения к традиционным моральным принципам, ведет к моральности исключительно в мелочах, игнорированию идеалов и устремлений социума.

Таким образом, мораль, затрагивая отношение к окружающим людям, ответственность за свои поступки, открывает возможность согласования интересов политики и общества посредством общепринятых моральных норм и ценностей. Последние определяют взаимные обязательства индивидов и власти, поддерживают стабильность социальной системы. Согласимся с точкой зрения Г.Г. Водолазова, который считает, что мораль дает ориентиры общественного развития, решая на каждом этапе проблему соотношения общественного и личного, то есть политики и нравственности ее творцов. Каждый раз эволюция общества подтверждает значимость моральных норм в деятельности любого политика, который вынужден обращаться к моральным аргументам как одному из важных способов поддержания своего авторитета. Понимание объективного характера расхождения субъектов власти и моральных требований предоставляет вероятность отхода от противостояния и развития за счёт другого, нахождения компромисса на основаниях *со-развития* ⁴⁵⁵. постижение специфики социальных процессов с позиций влияния идеологии и морали позволяет видеть деструктивную опасность эгоистических интересов политических элит или отдельных групп общества, опасность утраты социальных перспектив развития и дезинтеграции моральных, правовых и иных

---

⁴⁵⁴ См.: Лапкин В.В. «Модернизация» и «капитализм»: переосмысляя современное развитие // Политические исследования. – 2012. – № 6. – С. 53.

⁴⁵⁵ См.: Водолазов Г.Г. Идеалы и идолы. Мораль и политика: история, теория, личные судьбы. – М., 2006. – С. 797 – 798.

ценностей, размыванию индивидуальной ответственности. Поэтому моральные устои должны обладать неким трансцендентным свойством, чтобы на уровне личности или социума восприниматься как «священные». Автономизация индивидуальной морали, как оборотная сторона персоноцентризма, опасна тем, что возникает склонность к взаимному недоверию в обществе и оправданию собственного негативного поведения. В результате размываются всеобщие позитивные ориентиры, доверие к другим людям и институтам власти.

Как видим, происходящее в постмодернистском обществе увлечение реформами и инновациями подрывает его моральную основу, ведя к формированию в нем двойных стандартов поведения и еще более заметному социокультурному и ценностному расколу социума, а также стремлению политики извлечь любой ценой «прибыль». Либеральный консенсус не может достичь равенства индивидов и организовать взаимопомощь между ними, снять проблему существования зла и несправедливости в современном обществе. Без морального фундамента и без снижения моральной амбивалентности нельзя гармонизировать социальные отношения, что размывает ценностное содержание любых политических и идеологических дискурсов, которые находятся вне моральных основ общества. И в этом состоит значение традиций, являющихся одной из форм рационального поддержания морального самосознания отдельных индивидов и всего социума.

Признавая несовершенный характер российского социума, мы неизбежно задумываемся о возможности развития его моральных оснований. Политический курс в современных обстоятельствах требует не пренебрежительного отношения к морали, а ориентацию на морально-ценностную модель выработки решений и их последующей реализации, чтобы не вызывать укрепление морального релятивизма и смягчить остроту моральной амбивалентности. Отказ от защиты моральных императивов и ценностей приводит к тому, что политика быстро вырождается в безнравственные действия. А деяния, игнорирующие мораль, не способствуют достижению в обществе всеобщего блага, гармонии интересов, истинной

свободы, справедливости, так как большее влияние обретают позиции морального партикуляризма. Опыт реформирования российского общества обнаруживает, что западные стандарты и нормы слабо соответствуют российскому менталитету и социокультурным устоям. Заимствованные либеральные или консервативные образцы жизненного устройства открыто «паразитируют» на уже устоявшихся моральных ценностях. Поэтому, на наш взгляд, моральным ориентиром в политике может и должно являться стремление к минимизации в реальной практике или складывающихся обстоятельствах масштабов принуждения и степени насилия. Только таким образом можно воздействовать и изменять политическую культуру индивидов, совершенствовать общественные отношения.

Выводы: 1) внедрение западной модели либеральной демократии вызвало разрушение социальных связей, ценностную коллизию и моральную дезориентацию российского общества; 2) кризис идеологии, вызванный фрагментарностью сознания отдельного индивида, ростом космополитизма, всеобщее разочарование политикой, размывает посредническую роль идеологии, призванную определять ценностные перспективы развития общества; 3) бюрократизация системы управления свела мораль к лояльности и локальным ценностным предпочтениям, что актуализирует значение идеологических ориентиров развития; 4) первоначально положительное восприятие ценностей демократии сменилось релятивизацией моральных норм и апатией к политике широких слоев; 5) консервативный характер настроений большинства россиян требует поиска оптимального сочетания традиционных ценностей и задач эффективного развития социума; 6) политический прагматизм, приведший к замыканию власти в себе и ориентацию на относительность моральных ценностей, вызвал ослабление действенности моральных регуляторов во всей системе социально-политических отношений.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Моральная проблематика всегда имеет для любого общества особую актуальность. Отражаясь на всех сферах жизнедеятельности, мораль осуществляет воздействие на определение целей и выбора средств в повседневной деятельности индивидов и политической практике. Однако необходимо принимать во внимание то, что моральные предписания и требования пронизывают сферу повседневной межличностной человеческой коммуникации. Однако в политике мораль касается проблем властного регулирования. Приходится также принимать в расчёт, что моральные установки тех, кто осуществляет свою власть, и объектов их подчинения не воспринимается совершенно однозначно и сходным образом. Политики предпочитают переводить требования морали в некий формально или неформально упорядоченные профессиональные требования, имеющие ограниченный или корпоративный характер действия. Тогда как для индивидов, подчинённых любой существующей власти, мораль в политике воспринимается как набор определенных ориентаций и значимых представлений в политической сфере. А без активного и гражданского участия и контроля общества эти значимости могут не приниматься во внимание субъектами власти. Поэтому политическая мораль представляет собой совокупность норм и ценностей, осуществляющих функции ориентации, регулирования взаимодействия и поведения всех участников политического процесса.

Свой подход мы определяем в рамках русской этической традиции, которая основана на мировоззренческой ориентированности, имеющей фундаментальную укорененность этики в системе мировоззрения. Как подмечает В.Н. Назаров, сама русская этика содержит в себе не только теорию нравственности, но и программу нравственных действий ⁴⁵⁶. Несомненно, рассмотрение моральных аспектов в социально-политической жизни

---

⁴⁵⁶ См.: Назаров В.Н. История русской этики. – М., 2006. – С. 8.

российского общества свидетельствует о вторичности этической традиции при одновременном стремлении к достижению «абсолютного добра», в основе которого всегда был поиск справедливости, восприятие Бога как идеала, ответственность перед другими людьми и др.

Такой подход, на первый взгляд, можно оценивать как макиавеллистский. Однако приходится говорить о степени воздействия на политическую практику ценностей морали в зависимости от уровня политической культуры граждан, развития гражданского общества и гарантий для реализации социальных интересов. Любые пожелания общества добродетельной жизнедеятельности чаще всего остаются идеалом, ориентиром, позволяющим политикам корректировать свою политическую деятельность в соответствии с ними. Но без такого учета интересов и настроений общества невозможно принимать адекватные решения, которые соответствовали бы ожиданиям большинства социума и позволяли осуществлять необходимый контроль за властью. Низведение морали до роли услуги политики неизбежно означает автоматическое оправдание любого зла, совершаемого властью, и возможность игнорировать при любом удобном случае ценностные установки общества и его моральные предпочтения. И делать это она может если не явно, то за кулисами. При этом следует принимать во внимание разнообразие моральных подходов, которые пытаются навязать определенную групповую систему ценностных ориентаций. Ведь моральные нормы, регулирующие практическую деятельность в различных сферах, базируются на социокультурных условиях и господствующих ценностных установках для общества.

Социокультурный опыт развития российских социально-политических отношений позволяет выявить идеальные виды взаимодействия между моралью и политикой. Эти виды предполагают:

- подавление моральных требований социума и игнорирование в практической деятельности моральных норм со стороны власти;
- патерналистское содействие и отношений власти к социальным

запросам общества и его основополагающим моральным установкам;

- моральное давление общества на власть, которое сопровождается различными ненасильственными акциями;

- взаимное «сотрудничество» морали и политики через достижение ценностного сопряжения ради получения прагматических результатов.

В повседневных обстоятельствах, как показывает развитие российских социальных отношений, широкие слои граждан и элитные группы политиков должны обязательно придерживаться неких общих нормативно-ценностных установок в целях согласования интересов между ними. Степень и формы такого согласования неизбежно могут широко варьироваться в зависимости от конкретно-исторических условий. Как представляется, сам факт данных согласований всегда остаётся инвариантным на любом этапе развития социума. И проявление этой необходимости вызывается не через какое-либо внешнее воздействие, а на основе формирования ценностного взаимодействия, характера и целей политической практики. Так, возникающая опасность сокращения публичного пространства или размывания системы сдержек и противовесов, когда существующие политические институты испытывают искушение идти на сокращение дискуссий и диалога, игнорирование аргументов для защиты своей позиции, отражает очевидное стремление к отвержению морального фактора при принятии и реализации решений. В основе подобного поведения лежит, по сути, бессилие власти перед запросами общества, отстаивающего согласие, приверженность закону и моральным ориентирам, когда не должно быть ни одной навязываемой ценности, занимающей господствующее положение.

С другой стороны, моральные ценности, отражая социальную специфику, являются подвижными и зависят от конкретного состояния социума. Поэтому во взаимодействии морали и политики, проявляющегося в российских социально-политических отношениях, можно видеть, что

(1) российское общество постоянно оценивает себя по шкале «свобода – справедливость», а любые действия политики и моральные установки ориентированы на данную дихотомию выбора действий;

(2) в каждую эпоху развития российского общества наблюдается своя интерпретация содержания понятий «добро» и «зло», понимаемых в зависимости от масштабов и характера социальных изменений;

(3) идеи прогресса и стабильности образуют еще одну устойчивую дихотомию оценки, поскольку связаны непосредственным образом с цикличностью проводимых реформ и контрреформ.

Данные дихотомические особенности также связаны еще и с противоположными их трактовками. Во многом они отражают либеральный и консервативный подходы к морали и влиянию ее на политику. Постоянно проявляет себя и противоречие в ориентирах между элитой и основной массой общества, так как разное понимание блага, долга, справедливости приводит к периодическим трениям общества с правящей элитой, вынуждая осуществлять «пересмотр» моральных ориентиров. Кроме того, изучения влияния морали в политике позволяет говорить о существовании транзитивных и ситуативных моральных ценностей. На наш взгляд, к транзитивным ценностям российского общества следует отнести ценности справедливости, равенства, долга и др., тогда как к ситуативными можно считать ценности времени, самопожертвования, диктатуры пролетариата, монархии, группы и пр.

В периоды различных модернизационных изменений и аномических потрясений, подобных современным российским, происходят поиски нового консенсуса путём проб и ошибок. И, как можно предположить, именно достижение такого согласия между моралью и политикой требует определения сопряжения интересов между элитой и основной частью общества, что способно стабилизировать всю социальную систему, обеспечить устойчивое развитие социума в рамках принятых моральных оснований. Поэтому процесс взаимодействия морали и политики неизбежно становится волнообразным, со

своей внутренней динамикой. Результатом развития является установление своеобразного динамического равновесия между политикой, обладающей прагматизмом, целесообразностью, и моралью, которой свойственны дифференцированные ценностные представления и предпочтения, порой порождающие моральную амбивалентность.

Ретроспектива взаимодействия морали и политики показывает, что изначально сложился системоцентристский характер политической практики. Для системоцентризма присуще то, что политические институты определяют моральные идеалы и содержание моральных предписаний для общества. Игнорируя интересы отдельного индивида, системоцентризм подавлял эффективное влияние морали на субъектов власти, подчиняя мораль утилитарно-прагматическим целям политики. Преобладание системоцентризма определялось многими историческими и социокультурными факторами. Например, особенности советской системоцентристской политики были связаны с тем, что мораль была подчинена государственной идеологии, которая задавала общественному сознанию необходимые ориентиры и ценности.

Однако в современном российском обществе наблюдается активное возобновление персоноцентристского тренда, связанного с определяющей значимостью интересов, прав и свобод, мотивов отдельного индивида для обоснования исходной базы моральных норм. Спрос на активных и инициативных людей сокращал востребованность солидарности, чувства долга, коллективизма, альтруизма и пр. Но атомизация общества при росте индивидуализма породила, с одной стороны, моральную амбивалентность в сознании и поведении индивида и системоцентристские ожидания у него, а с другой стороны, привела к замыканию власти в себе, которая стала ориентироваться на относительность для себя моральных ценностей.

Очевидно, что взаимодействие морали и политики определяется целым рядом факторов. Они связаны с доминантным влиянием прагматического подхода или идеальных воззрений, характером выдвигаемых целей и

готовностью субъектов власти к их реализации, трактовкой понятий, которые объясняют содержание моральных норм и требований к индивиду. На их основе формируется отношение к тому или иному социальному событию, его оценка, определяется приемлемый и для социума, и для власти диапазон допустимых с позиций устоявшейся морали возможных действий. Ведь на взаимодействие морали и политики оказывают влияние, прежде всего, такие социокультурные особенности российского общества как ценностно-рациональный подход к окружающему миру (по М. Веберу) и коллективистское мировоззрение; явное доминирование должного над сущим; заметное доминирование ценностей социальной справедливости и уравнительности; явное сакральное отношение к власти и ее персонализация; склонность к максимализму и радикализму при отрицании компромисса; внутренняя амбивалентность сознания русского человека, противоречиво сочетающего взаимоисключающих качеств: сострадание и жестокость, мягкость и склонность к насилию, покорность и терпение и т.п.

Проведенный нами анализ позволяет видеть, что:

- ценностные установки морали и ведущие политические ценности могут быть согласованными или несогласованными друг с другом, что может приводить к консолидации социума или конфликту в нем;

- любые базовые ценности непосредственно связаны с идеологическими ориентациями, ведущими потребностями социальных групп, социокультурными особенностями общества;

- ценностные ориентиры как политической элиты, так и широких масс общества определяются их конкретным опытом и социальными интересами, отчего они могут выступать по отношению друг к другу в качестве доминирующих или оппозиционных.

Как показывает опыт исторического развития России, политика является важным социальным регулятором, который определяет характер и границы взаимодействий в обществе. Однако мораль одновременно выступает в

качестве своеобразного основания по упорядочиванию политической практики, воздействуя на мотивацию политических деятелей, восприятие и оценку власти обществом. Мораль, обуславливая содержание обязательств, влияет на должное в представлениях большинства социума, заставляя власть стремиться к ограничению зла и насилия, благу человеческого общежития. Но мораль в политике не обладает безусловным влиянием и не принимается всеми политическими субъектами как обязательное и универсальное средство регулирования социально-политических отношений, что вызывает проявление морального партикуляризма и морального релятивизма. Очевидно, что не существует автоматической адекватности между политикой и моралью, так как их взаимодействие изменяется в зависимости от конкретного состояния социума, моральных установок элиты, готовности ее связывать свои идеалы и стремления с настроениями и ожиданиями общества. Кроме того, политическая мораль обладает во многом корпоративным характером. Ведь в ней наряду с представлениями о долге, добре и зле, совести, справедливости, честности и присутствует стремление к выгоде, самоуверенность и тщеславие, интриги и целесообразность. Поэтому всегда существует дисбаланс индивидуальных моральных стремлений и политических целей общественного морального сознания и нравственным характером действий политических субъектов.

Следует заметить, что идея демократии несёт в себе потенциальную возможность для обеспечения общественного контроля за властью, определения сущности моральных обязательств участников политического процесса. Поскольку моральные ценности в политике будут содержать в себе некие общезначимые идеалы, принципы и подходы, которые должны обладать универсальным характером для всех социальных групп, предполагать рациональные и ответственные решения и действия. Но столкновение моральных идеалов с реальностью является существенным фактором развития моральных норм, которые должны удовлетворять противоречивым требованиям и противоположным интересам, обеспечивая поиск приемлемых

единых идеалов и норм. Однако противоречивое взаимодействие политики и морали вызывает ее искажённое восприятие. Ведь подвластная часть общества воспринимает мораль как реализацию определённых ценностных принципов, тогда как элита обращена к идее морализации права (А.В. Оболонский), предполагающей не только лояльность публичному процессу, но и подчинение нормам права. Необходимо принимать во внимание и субъективное толкование моральных норм и ценностей общества. Поэтому оценить влияние морального фактора на политическую практику можно с определённой дистанции, поскольку индивид, действуя даже самым прагматическим образом, может не воспринимать воздействие на себе существующих моральных предписаний.

Российский опыт показывает нам гибко-адаптивный характер взаимодействия между политикой и моралью, который фиксирует кантовский и макиавеллистский полюса восприятия, образующих противостояние друг другу. Сопряжение политики и морали образует транзитивное противоречие, определяющее нормативно-ценностную структуру российского общества от древности до наших дней, приемлемые способы достижения социального идеала. Поэтому современная Россия также находится в состоянии поиска своей морально-ценностной идентичности, которая, с одной стороны, соответствовала бы сложившимся историческим традициям, а с другой стороны, обеспечивала бы простор для дальнейшего развития. Ведь каждый политический субъект действует в конкретном социокультурном поле, которое обуславливает политическую организацию общества и особенности взаимодействия морали и политики. Если по своему характеру политическая борьба протекает в установленных законом и согласованных участниками взаимодействия рамках, то все стороны придерживаются определенных моральных ограничений и обязательств. В противном случае происходит игнорирование существующих моральных норм и укрепление основ системоцентристской политики.

Можно утверждать, что через всю российскую историю красной нитью

проходит дихотомия между моральными принципами и социально-политической целесообразностью. В практических действиях политиков всех эпох и идеологических ориентаций явно преобладала политическая целесообразность. Однако она определялась принятыми в данную эпоху моральными нормами и ценностями, социокультурными установками и социальными идеалами. Поэтому мы не можем утверждать о полном или однозначном доминировании политических мотивов деятельности над моральными установками. С другой стороны, в российской политической истории отсутствовала безоговорочная моральная ориентация в тех или иных действиях и событиях. Как минимум, возникала потребность в использовании морали как основы для согласования практических действий. Это дает основание утверждать, что мораль и политика взаимно определяют друг друга как важное условие развития социума. Поэтому в теоретической рефлексии следует обязательно учитывать указанное взаимопроникновение, чтобы определять моральные идеалы, которые помогают объединять все общество, направлять деятельность субъектов власти и отражать интересы большинства граждан. Проблемы в изучении взаимоотношений морали и политики связаны с отсутствием согласованных критериев того, что можно относить к моральной сфере поступков политика. А это лишь усиливает проявление морального партикуляризма в политической практике.

В своей работе мы исходим из того, что моральная составляющая играет огромную роль в развитии и трансформации общества. Нами была сделана попытка рассмотреть политическую репрезентацию морали в российских условиях. Ведь различные мыслители, опираясь на свои представления о морали и её воплощении в ценностях долга, справедливости, чести, добра и т.п., стремились найти оптимальную «формулу» моральных рамок и оснований для политики. При осуществлении каких-либо целей в практической деятельности можно много обсуждать то, что порождает большее или меньшее зло, уровень ответственности за совершённый поступок, степень

приверженности своему долгу. Поскольку осуществить измерение величины моральности в политической сфере очень сложно. Но определить некую универсальную шкалу взаимодействия морали и политики возможно по степени приверженности субъектов власти гуманистическим принципам морали. Оправдать или осудить можно различные политические действия, поскольку оценки не могут быть однозначными из-за того, что каждая социальная группа в силу склонности к моральному партикуляризму имеет свое отношение к моральным ценностям и нормам, которые могут не совпадать с позицией других слоев общества. Общим полем могут быть только моральные императивы и общечеловеческие гуманистические идеалы, которые дают шанс власти и политике не доходить до прагматической жестокости и оправдания вульгарной целесообразности. Иначе говоря, взаимоувязка морали и политики не имеет однозначного решения, если не принимать во внимание конкретные социальные интересы определённых слоёв общества, возможности практической реализации моральных императивов и установок при регулировании социальных отношений.

Тем не менее, для политики крайне необходимы моральные нормы и ограничения. Можно утверждать, что политическая сфера обязательно должна являться объектом моральной оценки. Как известно, политика, обращаясь к идеологическим установкам, принимает во внимание те ценностные основания, которые являются предпочтительными в борьбе за власть и реализации программных целей. Учитывая, что мораль является формой индивидуального, группового сознания, которая включает в себя совокупность духовных ценностей и правила человеческого поведения в социуме, поэтому она выступает одним из средств привлечения сторонников и дополнительной поддержки проводимого политического курса. Ведь посредством своих оценочно-императивной, познавательной-ориентационной и воспитательной функций мораль помогает формировать ведущую систему ценностей общества и моделей поведения индивида, которые вызывают общее одобрение или

порицание, обеспечивая единство и взаимопонимание в нем. Однако представления о таких стандартах мобильны, зависят от множества обстоятельств, превращая моральные оценки в подвижные. Отчего моральный релятивизм способен легко трансформировать добро в зло и наоборот. Поскольку нравственность есть следствие практической объективации моральных идей в поступках индивидов, которые в известной мере руководствуются групповыми правилами поведения.

Необходимо также учитывать, что мораль на основе ценностных установок позволяет участникам политических отношений вырабатывать и добиваться соблюдения общих правил взаимодействия, что помогает преодолевать моральный партикуляризм. Без существования каких-либо согласованных основ социальные отношения быстро приобретают откровенно антагонистический характер. Различные интересы и цели при отсутствии общепринятых моральных ориентиров усиливают диссонанс в обществе и ведут к делегитимации власти. Поэтому существует особая роль государственных и социальных институтов в определении и соблюдении всеми участниками политического процесса моральных норм и требований.

На опыте развития российского социума мы видели, что между политикой и моралью непрерывно воспроизводится противоречие, набиравшее ту или иную степень остроты в зависимости от характера и масштаба задач, решаемых властью и обществом. При этом проблема политической целесообразности и поддержания традиционных устоев влияла на трансформацию действий по использованию морали в поддержании усилий государства по мобилизации ресурсов. Поэтому мораль применялась для оправдания усилий политиков, что давало возможность квалифицировать ценностно-рациональное содержание власти, её матримональную сущность, макиавеллистские устремления её ведущих акторов.

Заметим, что так же как и А.В. Прокофьев, мы не поддерживаем идею моральной нейтральности всей публичной сферы и политики. Это определяется

трудностью выделения единого набора благ, который отвечал бы интересам всех социальных групп общества, учитывал изменчивость различных интересов и потребностей. Кроме того, в самом обществе существуют разнообразные противоречия, а также существование индивида не может быть автономным от его социального окружения, от действий политических структур.

Несмотря на постоянный поиск баланса соответствия между моралью и политикой, вызываемого изменениями условий осуществления власти, мы наблюдаем чаще всего опосредованное влияние моральных ценностей на политическую практику. Ведь мораль не может низводиться до примитивной поддержки и оправдания проводимой политической линии. Осмысление исторических фактов говорит об изменчивости и гибкости применения моральных оснований, которые используются для обоснования смысла человеческой деятельности, поскольку они могут быть связаны с имперскими установками, ценностями демократии, либеральными ориентирами и пр. Тем самым мораль в отношениях с политикой обнаруживает тесную связь с обслуживанием ценностных запросов правящих элит и формирования определённой идентичности общества. На протяжении российской истории, в ходе социальных потрясений и войн, реформ и контрреформ между моралью и политикой проявлялось волнообразное, динамическое взаимодействие, обеспечивавшее реализацию насущных задач социума. При этом мораль не выполняет задачу по оправданию идеологических устремлений и установок, если они противоречат интересам и потребностям большинства социальных групп. Можно сказать, что основополагающие обычаи и традиции, обеспечивают в период социальных изменений относительную внутреннюю устойчивость моральных ориентаций индивида для преодоления возникающих в обществе аномических отклонений.

Несомненно, действия российских политиков далеки от соответствия моральным императивам. Однако, предъявляя некие ориентиры, моральные нормы помогают совершенствовать политическую деятельность её субъектов.

В результате политика вынужденно, а то и целенаправленно, обращается к моральным аргументам, что превращает мораль в качестве основы ценностных трактовок действий власти. В этом обнаруживается взаимообусловленность морали и политики, неразрывное единство между ними, которое определяет, в конечном итоге, тенденции развития социума на всех его этапах.

Осмысливая российский опыт политического развития, мы видим, воля и цели правящих групп, которые придерживаются своих моральных основ, обладают доминирующим положением. Любой субъект политики является во многом заложником сформировавшихся факторов и социокультурных условий, которые испытывая воздействие моральной амбивалентности, задают нравственный выбор для индивида, который определяет его отношение к добродетелям, возможность их абсолютизации в сфере политики и государственном управлении. Любые прагматичные обстоятельства всегда сужают выбор, ограничивая политические решения между полюсами анархии и поддержанием порядка. Даже, когда политической власти удалось в советский период формально объединить ценности блага и пользы, основная часть общества осталась вне рамок самостоятельного определения своего морального отношения к действиям субъектов власти. Официальная солидарность и формализация взаимодействий сказывалась разрушительно на обеспечении коммуникации между властью и обществом, подрывая тем самым внутреннее единство и моральное доверие, на поддержание которого были нацелены пропагандистские структуры государства. Поэтому следствием возникающего морального кризиса всего социума и власти всегда становится возрастающая аномия, падение эффективности политики, усиление масштабов морального релятивизма.

Размывание моральных регуляторов в сфере политики способствует нарастанию системного кризиса, который приводит к нарушению сбалансированности между институтами власти и нормативными установками. В результате возникает проблема определения ответственности субъекта власти

перед обществом. Это можно видеть на примере деятельности М.С. Горбачёва и Б.Н. Ельцина. Моральные заблуждения, которые послужили основой для политических действий, способны породить значительные подвижки, подрывая сплочённость социума, а также вызывать отчуждение людей, формируя у них потребность в новых ценностях и идеалах. При этом мораль испытывает на себе дополнительные нагрузки под действием инноваций, что только усиливает ценностное диссонанс внутри социума, а также между властью и обществом. Складывается насущная потребность в принятии мер по сохранению морального базиса общества, чтобы обеспечивать совершенствование существующих социальных отношений. Несомненно, моральный фактор формирует условия для дополнительного поиска адекватных решений в сфере политики, и тем самым влияет на признание обществом действий власти, что определяет общие тенденции развития. Посредством коллективной коммуникации на этой основе происходит определение социальных идеалов, осуществляется корректировка деятельности субъекта, обеспечивается внутреннее совершенствование индивида. Именно через согласование морально-ценностных представлений открывается путь для эффективного политического управления, единства между собой в обществе морали и нравственности, баланс между системоцентризмом и персоноцентризмом.

Очевидно, что моральные проблемы невозможно средствами политики в силу многозначности трактовок и многовариантности подходов к их содержанию. Само понимание должного во властной сфере сжимает трансцендетную сущность аксиологических установок до узкогруппового морального восприятия. Однако, осуществляя всестороннюю оценку политики и ее субъектов, общество вторгается в пространство морали. А опора на мораль дает индивиду понимание границы между нравственным и безнравственным, восприятие доминантных требований государства, особенности идеологического воздействия на массовое сознание. И хотя политика обладает определённым уровнем автономности, отрицать или преуменьшать роль и

влияние моральных факторов на политическое сознание и политическую практику неоправданно и малоэффективно для осмысления российского опыта социального развития. Ведь любой политический субъект мыслит и действует в контексте социокультурных обстоятельств, сложившихся в обществе морального опыта и норм. Поэтому изучение моральных аспектов российских социально-политических отношений позволяет более точно и адекватно понять и осмыслить неоднозначные процессы общественного развития.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Абдуллина Л.С. Репрезентация В.В. Путина как национального лидера / Л.С. Абдуллина // Вестник Башкирского ун-та. – 2015. – Т. 20, № 1. – С. 274 – 277.
2. Августин Блаженный. О граде Божьем / Августин Блаженный // Творения. – Т. 3. – СПб.: Алетейя; Киев: УЦИММ-Пресс, 1998. – 595 с.
3. Аверин Н.М. Русская религиозно-идеалистическая этика как феномен отечественной и мировой культуры / Н.М. Аверин // Вестник Тамбовского ун-та. Серия: Гуманитарные науки. – 2008. – № 9. – С. 24 – 34.
4. Алексеева Т.А. Справедливость как политическая концепция: очерк современных западных дискуссий / Т.А. Алексеева. – М.: МОНФ, 2001. – 244 с.
5. Алексеенкова Е.С. О когнитивной природе власти / Е.С. Алексеенкова // Политика. – 2006. - № 4. – С. 6 – 21.
6. Альтернативы развития. Россия между модернизацией и деградацией. Политологические очерки / Под ред. Ю.А. Красина. – М.: Ин-т социологии РАН, 2013. – 139 с.
7. Анкерсмит Ф.Р. Эстетическая политика / Ф.Р. Анкерсмит. – М.: Изд. Дом ВШЭ, 2014. – 432 с.
8. Ануфриева А.А. Специфика партийного механизма идеологической и мобилизационной поддержки властного курса в России / А.А. Ануфриева // Власть. – 2010. – № 12. – С. 32 – 35.
9. Апресян Р.Г. Идея морали и базовые нормативно-этические программы / Р.Г. Апресян. – М.: ИФРАН, 1995. – 353 с.
10. Апресян Р.Г. Проблемы этики. О систематизации этического знания / Р.Г. Апресян, О.В. Артемьева, Л.В. Максимов // Философские науки. – 1997. – № 1. – С. 64 – 72.
11. Апресян Р.Г. Понятие общественной морали (опыт концептуализации) / Р.Г. Апресян // Общественная мораль: философские, нормативно-этические и прикладные проблемы. – М.: Альфа, 2009. – С. 15 – 35.
12. Арендт Х. Vita active, или о деятельности жизни / Х. Арендт. – СПб.: Алетейя, 2000. – 430 с.

13. Арендт Х. О насилии / Х. Арендт // Мораль в политике. – М.: Изд-во МГУ, 2004. – С. 312 – 378.
14. Арендт Х. Ответственность и суждение / Х. Арендт / Пер. с англ. Д. Аронсона, С. Бардиной, Р. Гуляева. – М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2013. – 352 с.
15. Аристотель. Политика / Аристотель // Соч. в 4 т. – Т. 4. – М.: Мысль, 1983. – С. 375 – 644.
16. Аристотель. Политика. Афинская полития / Аристотель. – М.: Мысль, 1997. – 458 с.
17. Аристотель. Большая этика / Аристотель // Соч. в 4 т. – Т. 4. – М.: Мысль, 1983. – С. 295 – 374.
18. Астахова Е.В. Становление многопартийности в СССР: некоторые аспекты / Е.В. Астахова. – Харьков: Облполиграфиздат, 1991. – 159 с.
19. Афанасьев М.Н. Поведение избирателей и электоральная политика в России / М.Н. Афанасьев // Политические исследования. – 1995. – № 3. – С. 105 – 116.
20. Афанасьев М.Н. Клиентела в России вчера и сегодня / М.Н. Афанасьев // Политические исследования. – 1994. – № 1. – С. 121 – 126.
21. Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта: (социокультурная динамика России): [в 2 т.] / А. С. Ахиезер. – 2-е изд., перераб. и доп. – Новосибирск: Сиб. хронограф, 1997. – Т. 1 : От прошлого к будущему. – 804 с.
22. Ахиезер А.С. Архаизация как категория общественных наук (на опыте России) / А.С. Ахиезер // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2001. – Т. 4, № 1. – С. 89 – 100.
23. Ахиезер А. История России: конец или новое начало? / А. Ахиезер, И. Клямкин, И. Яковенко. – М.: Новое издательство, 2005. – 708 с.
24. Ачкасов В.А. Легитимация власти в постсоциалистическом российском обществе / В.А. Ачкасов, С.А. Елисеев, С.А. Ланцов. – М.: Аспект-Пресс, 1996. – 125 с.
25. Ашкеров А.Ю. Мораль, разум, глобализация / А.Ю. Ашкеров // Социологическое обозрение. – 2002. – Т. 2, № 2. – С. 69 – 84.
26. Баева Л.В. Источники становления ценности / Л.В. Баева // Полигнозис. – 2004.

– № 2. – С.16 – 29.

27. Бакштановский В.И. Социология морали: нормативно-ценностные системы / В.И. Бакштановский, Ю.В. Согомонов // Социологические исследования. – 2003. – № 5. – С. 8 – 19.

28. Бакштановский В.И. Этика политического успеха / В.И. Бакштановский, Ю.В. Согомонов, Ю.В. Чурилов. – Тюмень – М.: Центр прикладной этики, 1997. – 747 с.

29. Баландин Р. Тайны смутных эпох / Р. Баландин, С. Миронов. – М.: Вече, 2004. – 225 с.

30. Баранов Н.А. Либерально-консервативный синтез в России: история и перспективы / Н.А. Баранов // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. – 2010. – Т. 3, № 5. – С. 90 – 102.

31. Баранов Н.А. Основные направления идеологического дискурса в современной России / Н.А. Баранов // Политическая экспертиза: Политэкс. – 2012. – Т. 8. – № 2. – С. 19 – 34.

32. Баталов Э. Советская политическая культура / Э. Баталов // Общественные науки и современность. – 1995. - № 3. – С. 60-70.

33. Бачинин В.А. Морально-правовая философия / В.А. Бачинин. – Харьков: Консум, 2000. – 208 с.

34. Белл Д. Грядущее индустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / Д. Белл / Пер. с англ. – М.: Academia, 1999. – 956 с.

35. Беляева Л.А. Социальная модернизация в России в конце XX века / Л.А. Беляева. – М.: ИФ РАН, 1997. – 173 с.

36. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. Репринтное воспроизведение издания YMCA-PRESS, 1955 г. / Н.А. Бердяев. – М.: Наука, 1990. – 224 с.

37. Бердяев Н.А. Русская идея / Н.А. Бердяев. – СПб.: Азбука-классика, 2008. – 320 с.

38. Бердяев Н.А. Философия неравенства / Н.А. Бердяев / Сост. и отв. Ред. О.А. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, 2012. – 624 с.

39. Берлин И. Две концепции свободы / И. Берлин // Современный либерализм. –

М.: Прогресс-традиция, 1998. – С. 19 – 43.

40. Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры / Ж. Бодрийяр / Пер. с фр. – М.: Республика; Культурная революция, 2006. – 269 с.

41. Бойко С.В. Нравственно-этические программы современного общества потребления / С.В. Бойко, А.М. Магомедова // Фундаментальные исследования. – 2013. – № 6. – С. 1272 – 1276.

42. Боффа Дж. От СССР к России. История неоконченного кризиса. 1964-1994 / Дж. Боффа. – М.: Международные отношения, 1996. – 320 с.

43. Буббайер Ф. Совесть, диссидентство и реформы в Советской России / Ф. Буббайер. – М.: РОССПЭН; Фонд Первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2010. – 367 с.

44. Бутенко А.П. От коммунистического тоталитаризма к формированию открытого общества в России (политические и правовые проблемы) / А.П. Бутенко. – М.: Магистр, 1997. – 48 с.

45. Бущик В.В. Социальная база поддержки рыночных преобразований / В.В. Бущик // Социологические исследования. – 1998. – № 9. – С. 69 – 72.

46. Варава В.В. Истины традиции и традиции истины / В.В. Варава // Вестник Воронежского гос. ун-та. Сер.: Философия. – 2011. – № 2. – С. 3 – 10.

47. Васильев В.А. И. Кант о добродетели / В.А. Васильев // Социально-гуманитарные знания. – 2003. – № 4. – С.208-223.

48. Васильев В.А. Платон о благе и добродетели / В.А. Васильев // Социально-гуманитарные знания. – 2004. – № 3. – С.155 – 170.

49. Васильев В.А. Аристотель о благе и добродетели / В.А. Васильев // Социально-гуманитарные знания. – 2004. – № 4. – С. 161 – 174.

50. Вахтина М.А. Институциональные основания справедливой рыночной экономики / М.А. Вахтина. – Самара: Изд-во СамНЦ РАН, 2013. – 255 с.

51. Вебер М. Политика как призвание и профессия / М. Вебер // Избранные произведения. – М.: Прогресс, 1990. – С. 644 – 706.

52. Венгеров А.Б. Патология государственности / А.Б. Венгеров // Общественные науки и современность. – 1991. – № 5. – С. 19 – 27.

53. Верт Н. Террор и беспорядок. Сталинизм как система / Н. Верт / Пер. с фр. – М.: РОССПЭН; Фонд Первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2010. – 447 с.
54. Вишневский А.Г. Серп и рубль. Консервативная модернизация в СССР / А.Г. Вишневский. – М.: ОГИ, 1998. – 433 с.
55. Водолазов Г.Г. Идеалы и идола. Мораль и политика: история, теория, личные судьбы / Г.Г. Водолазов. – М.: Культурная революция, 2006. – 864 с.
56. Волкова Т.П. Классические философские концепции мультикультурализма и толерантности / Т.П. Волкова // Вестник МГТУ. – Т. 14, № 2. – 2011. – С. 254 – 259.
57. Выжлецов Г.П. Аксиология культуры / Г.П. Выжлецов. – СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 1996. – 152 с.
58. Гаврилова И.Н. Современные теории социальной справедливости / И.Н. Гаврилова // Полития. – 2009. – № 1. – С. 182 – 189.
59. Гавров С.Н. Модернизация во имя империи. Социокультурные аспекты модернизационных процессов в России / С.Н. Гавров. – М.: Едиториал УРСС, 2010. – 352 с.
60. Гаджиев К. Метаморфозы идеологии в условиях глобализации / К. Гаджиев // Власть. – 2011. – № 11. – С. 4 – 8.
61. Гаджикурбанова П.А. Страх и ответственность: этика технологической цивилизации Г. Йонаса / П.А. Гаджикурбанова // Этическая мысль. Вып. 4. – М.: ИФРАН, 2003. – С. 161 – 178.
62. Гаман-Голутвина О.В. О столкновении морального и нравственного начал в российской политике / О.В. Гаман-Голутвина // Политические исследования. – 2005. – № 3. – С. 163 – 171.
63. Галактионов А.А. Русская философия IX – XIX вв. / А.А. Галактионов, П.Ф. Никандров. – 2-е изд., испр. и доп. – Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1989. – 744 с.
64. Галкин А.А. Власть, общество и политический процесс: российская модель / А.А. Галкин // Полития. – 2009. – № 1. – С. 5 – 21.
65. Гароди Р. Марксизм XX века / Р. Гароди. – М.: Прометей, 1994. – 175 с.
66. Гегель Г.В.Ф. Лекции по истории философии / Г. Гегель. – Кн. 2. – СПб.: Наука, 1994. – 432 с.

67. Гегель Г. Работы разных лет / Г. Гегель. – Т. 1. – М.: Мысль, 1970 – 668 с.
68. Гельман В.Я. Расцвет и упадок электорального авторитаризма в России / В.Я. Гельман // Полития. – 2012. – № 4. – С. 65 – 88.
69. Глазьев В.Н. Особенности социальной структуры населения и административного устройства южной окраины России XVI – XVII веков / В.Н. Глазьев // Вестник ВГУ. Серия: История. Политология. Социология. – 2013. – № 1. – С. 24 – 32.
70. Гоббс Т. Левиафан / Т. Гоббс. – М.: Мысль, 2001. – 478 с.
71. Головченко В.И. Эволюция роли идеологии в постсоветский период / В.И. Головченко // Известия Саратовского университета. Сер. Экономика. Управление. Право. – 2007. – Т. 7, Вып. 1. – С. 96 – 101.
72. Гончаров В.Э. Идеологический брендинг «Единой России» / В.Э. Гончаров // Политическая экспертиза: Политэкс. – 2010. – Т. 6. – № 1. – С. 68 – 82.
73. Горбачев М.С. Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира / М.С. Горбачев. – М.: Политиздат, 1988. – 271 с.
74. Гордон Л.А. Современные общественно-политические преобразования в масштабе социального времени / Л.А. Гордон, Э.В. Клопов // Социологические исследования. – 1998. – № 1. – С. 6 – 20.
75. Гофман И. Сталинская война на уничтожение: планирование, осуществление, документы / И. Гофман. – М.: АСТ; Астрель, 2006. – 359 с.
76. Гребенник Г.П. Проблема отношений политики и морали / Г.П. Гребенник. – Одесса: Астропринт, 2007. – 616 с.
77. Громов М.Н. Русская философская мысль X – XVII веков / М.Н. Громов, Н.С. Козлов. – М.: Изд-во МГУ, 1990. – 289 с.
78. Гусев В.А. Политическая теория И.А. Ильина / В.А. Гусев // Политическая наука. – 2001. – № 1. – С. 89 – 103.
79. Гусейнов А.А. Моральная демагогия как форма апологии насилия / А.А. Гусейнов // Вопросы философии. – 1995. – № 5. – С. 5 – 12.
80. Гусейнов А.А. Мораль и рынок / А.А. Гусейнов // Культура российского предпринимательства / Отв. ред. Н.А. Кормин. – М.: ИФРАН, 1997. – С. 189 – 199.

81. Гусейнов А.А. Этика и мораль в современном мире / А.А. Гусейнов // Этическая мысль. Вып. 1 / Отв. ред. А.А. Гусейнов. – М.: ИФРАН, 2000. – С.4 – 15.
82. Гусейнов А.А. Закон и поступок (Аристотель, Кант, М.М. Бахтин) / А.А. Гусейнов // Этическая мысль. Вып. 2 / Отв. ред. А.А. Гусейнов. – М.: ИФРАН, 2001. – С.3 – 26.
83. Гусейнов А.А. Философия, мораль, политика / А.А. Гусейнов. – М.: ИКЦ «Академкнига», 2002. – 302 с.
84. Гусейнов А.А. Цели и ценности: как возможен моральный поступок? / А.А. Гусейнов // Этическая мысль. Вып. 3 / Отв. ред. А.А. Гусейнов. – М.: ИФРАН, 2002. – С.3 – 37.
85. Гусейнов А.А. Мораль и политика: уроки Аристотеля / А.А. Гусейнов // Ведомости. Вып.24: Политическая этика: социокультурный контекст. Тюмень: НИИ ПЭ, 2004. – С.94 – 128.
86. Гусейнов А.А. Мораль между индивидом и обществом (к вопросу о месте морали в современном обществе) / А.А. Гусейнов // Общественная мораль: философские, нормативно-этические и прикладные проблемы / Под ред. Р.Г. Апресяна. – М.: Альфа-М, 2009. – С.36 – 49.
87. Даниелс Р.В. Взлёт и падение коммунизма в России / Р.В. Даниелс. – М.: РОССПЭН; Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2011. – 510 с.
88. Данилевский Н.Я. Россия и Европа / Н.Я. Данилевский. – М.: Ин-т российской цивилизации, 2008. – 816 с.
89. Двадцать лет глазами россиян: опыт многолетних социологических замеров / Под ред. М.К. Горшкова, Р. Крумма, В.В. Петухова. – М.: Весь Мир, 2011. – 328 с.
90. Дворкин Р. Либерализм / Р. Дворкин // Современный либерализм. – М.: Прогресс-Традиция, 1998. – С. 44 – 75.
91. Дегоев В.В. Россия при Путине: обретения, тревоги, надежды / В.В. Дегоев, Р.Ю. Ибрагимов. – М.: Издат. дом «ИМПЕРИУМ XXI век», 2007. – 238 с.
92. Демина И.Н. Ценности рыночной экономики как «ядро» экономической массовой коммуникации / И.Н. Демина // Известия Иркутск. гос. экономич. академии. – 2013. – № 2. – С. 124 – 128.

93. Демократия в российском зеркале / сост. А.М. Мигранян, А. Пшеворский. – М.: МГИМО-Университет, 2013. – 519 с.
94. Димитрова С.В. Действия и поступки современного человека (аксиологический аспект рассмотрения) / С.В. Димитрова // Научные ведомости БелГУ. Серия: Философия. Социология. Право. – 2013. – № 23, вып. 26. – С. 205 – 215.
95. Дискин И.Е. Кризис... И все же модернизация. – М.: Европа, 2009. – 264 с.
96. Дмитриев Т. Спор об основах политического: Лео Штраус versus Карл Шмит / Т. Дмитриев // Социологическое обозрение. – 2012. – Т. 11, № 3. – С. 26 – 40.
97. Дробницкий О.Г. Понятие морали / О.Г. Дробницкий. – М.: Наука, 1974. – 388 с.
98. Дубко Е.Л. Политическая этика / Е.Л. Дубко. – М.: Академический проект; Трикста, 2005. – 720 с.
99. Духовно-нравственная онтология современного социально-экономического развития: монография / коллектив авторов. – М.: КНОРУС, 2011. – 255 с.
100. Ерохов И.А. Кризис политической нормативности / И.А. Ерохов // Политико-философский ежегодник. Вып. 2. – М., 2009. – С.60 – 74.
101. Замалеев А.Ф. Философская мысль в средневековой Руси (IX – XVI вв.) / А.Ф. Замалеев. – Л.: Наука, 1987. – 247 с.
102. Запека О.А. Проблемы свободы в контексте персоналистской этики Н.А. Бердяева / О.А. Запека // Вестник славянских культур. – 2010. – Том 17, № 3. – С. 40 – 44.
103. Захарова Л.Г. Александр II / Л.Г. Захарова // Российские самодержцы. 1801 – 1917. – М.: Международные отношения, 1993. – С. 159 – 215.
104. Зезина М.Р. Какая дорога ведет к храму: споры о перспективах развития страны в общественной мысли 80-х – 90-х гг. XX в. / М.Р. Зезина // Судьба России: вектор перемен / Под ред. Р.Г. Пихои. – Т. 1. – М.: Академический проект, 2007. – С. 96 – 109.
105. Зеленко Б.И. Демократия в Российской Федерации: аксиологический подход // Ценностные ориентиры и приоритеты в трансформирующемся мире / Б.И. Зеленко / Под ред. А.С. Железнякова и З.П. Яхимович. – М.: Изд-во Ин-та социологии РАН,

2010. – С.130 – 146.

106. Зеньковский В.В. История русской философии / В.В. Зеньковский. – Т. 1. – Ч. 1. – Л.: ЭГО, 1991. – 221 с.

107. Зима В.Ф. Человек и власть в 1920 – 1930-е годы: политика репрессий / В.Ф. Зима. – М.: Собрание, 2010. – 240 с.

108. Зиновьев А.А. Коммунизм как реальность / А.А. Зиновьев. – М.: Центрполиграф, 1994. – 495 с.

109. Зиновьев А.А. Гибель русского коммунизма / А.А. Зиновьев. – М.: Центрполиграф, 2001. – 431 с.

110. Ильин В.В. Реформы и контрреформы в России / В.В. Ильин, А.С. Панарин, А.С. Ахиезер. – М.: Изд-во МГУ, 1996. – 400 с.

111. Ильина Н.Б. Идея демократии в восприятии российского общества / Н.Б. Ильина // Политико-философский ежегодник. Вып.2. – М, 2009. – С.3 – 22.

112. Инновационная модернизация России. Политологические очерки / под ред. Ю.А. Красина. – М.: Ин-т социологии РАН, 2011. – 253 с.

113. Йонас Х. Принцип ответственности. Опыт этики для технологической цивилизации / Х. Йонас. – М.: Айрис-пресс, 2004. – 480 с.

114. Кагарлицкий Б.Ю. Реставрация в России. – М.: Эдиториал УРСС, 2000. – 374 с.

115. Казакова В.И. Инерция и власть: к вопросу о политических основаниях сопротивления инновациям / В.И. Казакова // Вестник НГТУ им. Р.Е. Алексева. Серия: Управление в социальных системах. Коммуникативные технологии. – 2013. – № 1. – С. 19 – 27.

116. Каменский А.Б. Под сенью Екатерины / А.Б. Каменский. – СПб.: Лениздат, 1992. – 390 с.

117. Канарш Г.Ю. Справедливость и идея сообщества / Г.Ю. Канарш // Знание. Понимание. Умение. – 2010. – № 4. – С. 77 – 86.

118. Канарш Г.Ю. Социальная справедливость: философские концепции и российская ситуация / Г.Ю. Канарш. – М.: Изд-во Моск.гуманит.ун-та, 2011. – 236 с.

119. Кант И. Критика чистого разума / И. Кант. – М.: Наука, 1999. – 654 с.
120. Кант И. Религия в пределах только разума / И. Кант // Трактаты и письма. – М.: Наука, 1994. – С. 5 – 56.
121. Кант И. Основоположения метафизики нравов / И. Кант // Сочинения в 8 т. – Т. 4. – М.: Чоро, 1980. – С. 78 – 278.
122. Кант И. К вечному миру / И. Кант // Сочинения в 8 т. – Т. 7. – М.: Чоро, 1994. – С. 5 – 56.
123. Каплан Л.Е. Сталин. Человек, который спас капитализм / Пер. с англ. / Л.Е. Каплан. – М.: Покаление, 2007. – 352 с.
124. Капустин Б.Г. Либеральные ценности в сознании россиян / Б.Г. Капустин, И.М. Клямкин // Политические исследования. – 1994. – № 1. – С.68 – 92.
125. Капустин Б.Г. Различия и связь между политической и частной моралью / Б.Г. Капустин // Вопросы философии. – 2001. – № 9. – С.3 – 24.
126. Капустин Б.Г. Моральный выбор в политике: Учебное пособие / Б.Г. Капустин. – М.: КДУ; МГУ, 2004. – 496 с.
127. Капустин Б.Г. Критика политической философии / Б.Г. Капустин. – М.: Издательский дом «Территория будущего», 2010. – 424 с.
128. Кара-Мурза С.Г. Советская цивилизация. – Книга 1-я: От начала до Великой победы / С.Г. Кара-Мурза. – М.: Алгоритм, 2001. – 528 с.
129. Кара-Мурза С.Г. Советская цивилизация. – Книга 2-я: От Великой победы до наших дней / С.Г. Кара-Мурза. – М.: Алгоритм, 2001. – 685с.
130. Кашин В.В. Учение Гегеля о нравственности / В.В. Кашин // Вестник Оренбургского гос. ун-та. – 2005. – № 7. – С.29 – 33.
131. Кашников Б.Н. Исторический дискурс российской справедливости / Б.Н. Кашников // Вопросы философии. – 2004. – № 2. – С. 29 – 42.
132. Кейзеров Н.М. Контрпропаганда: проблемы методологии и методики / Н.М. Кейзеров, Е.А. Ножкин. – М.: Мысль, 1984. – 80 с.
133. Кимлика У. Либеральное равенство / У. Кимлика // Современный либерализм. – М.: Прогресс-Традиция, 1998. – С. 138 – 190.
134. Киселёв Г.С. Трагедия общества и человека. Попытка осмысления опыта

советской истории / Г.С. Киселёв. – М.: Наука, 1992. – 116 с.

135. Клямкин И. Политический курс Ельцина: предварительные итоги / И. Клямкин, В. Лапкин, В. Пантин // Политические исследования. – 1993. – № 3. – С. 148 – 178.

136. Клямкин И.М. Посткоммунистическая демократия и ее исторические особенности в России / И.М. Клямкин // Политические исследования. – 1993. – № 2. – С. 6 – 24.

137. Клямкин И.М. Теневой образ жизни. Социологический автопортрет постсоветского общества / И.М. Клямкин, Л.М. Тимофеев // Политические исследования. – 2000. – № 5. – С. 121 – 132.

138. Коврыжко В.В. Экономическая модернизация трансформирующихся экономик / В.В. Коврыжко // Вопросы регулирования экономики. – 2010. – Т. 1, № 1. – С. 39 – 46.

139. Коган Л.А. В.С. Соловьев и проблема свободы / Л.А. Коган // История философии, № 6. – М., 2000. – С.85 – 107.

140. Кожевников Н.Н. Философское осмысление трансформации ценностей современного мира / Н.Н. Кожевников, Н.В. Сидорова // Вестник Якутского гос. ун-та. – Т. 3, № 2. – С. 78 – 84.

141. Козлов М.И. Социальная справедливость в контексте русской традиции / М.И. Козлов. – Архангельск: КИРА, 2010. – 201 с.

142. Козловски П. Этика капитализма. Эволюция и общество / П. Козловски. – СПб.: Экономическая школа, 1996. – 158 с.

143. Козловски П. Принципы этической экономии / Пер. с нем. / П. Козловски. – СПб.: Экономическая школа, 1999. – 340 с.

144. Кокорин А.А. Идеология: теория, методология, методика (хрестоматийные заметки) / А.А. Кокорин. – М.: Изд-во МГОУ, 2009. – 358 с.

145. Конституция. Официальное издание. – М.: Юридическая литература, 2009. – 64 с.

146. Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права / Н.М. Коркунов. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2003. – 428 с.

147. Костюк К.Н. Политическая мораль и политическая этика в России / К.Н. Костюк // Вопросы философии. – 2000. – № 2. – С.32 – 42.
148. Коэн С. Можно ли было реформировать Советскую систему / С. Коэн // АИРО-XX – Научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века. – Вып. 16. – М.: АИРО-XXI, 2005. – 24 – 45.
149. Кравченко И.И. Политика и мораль / И.И. Кравченко // Вопросы философии. – 1995. – № 3. – С. 3 – 12.
150. Краснов В.Н. Система многопартийности в современной России (очерк идеологии) / В.Н. Краснов. – М.: Обозреватель, 1995. – 320 с.
151. Куликов В.В. Российская приватизация в шестилетней ретроспективе / В.В. Куликов // Российский экономический журнал. – 1998. – № 1. – С. 10 – 17.
152. Лапаева В.В. Становление российской многопартийности / В.В. Лапаева // Социологические исследования. – 1996. – № 8. – С. 34 – 47.
153. Лапин Н.И. Кризисный социум в контексте социокультурных трансформаций / Н.И. Лапин // Мир России. – 2000. – № №. – С. 3 – 47.
154. Лапкин В.В. «Модернизация» и «капитализм»: переосмысляя современное развитие / В.В. Лапкин // Политические исследования. – 2012. – № 6. – С. 41 – 54.
155. Левада Ю.А. Сочинения: социологические очерки 1993 – 2000 / Ю.А. Левада. – 2-е изд., перераб. – М.: Издатель Карпов Е.В., 2011. – 506 с.
156. Левашов В.К. Морально-политическая консолидация российского общества в условиях неолиберальных трансформаций / В.К. Левашов // Социологические исследования. – 2004. – № 7. – С. 27 – 46.
157. Ленин В.И. Задачи союзов молодежи / В.И. Ленин // Полн. собр. соч. – Т. 41. – М.: Изд-во политич. литературы, 1981. – С. 298 – 318.
158. Леонтьев Д.А. Ценность как междисциплинарное понятие: опыт многомерной реконструкции / Д.А. Леонтьев // Вопросы философии. – 1996. – № 4. – С. 15 – 26.
159. Локк Дж. Опыты о законе природы / Дж. Локк // Сочинения в 3 т. – Т. 3. – М.: Мысль, 1988. – С. 3 – 53.
160. Локк Дж. Послание о веротерпимости / Дж. Локк // Сочинения в 3 т. – Т. 3. – М.: Мысль, 1988. – С. 91 – 134.

161. Локк Дж. Два трактата о правлении / Дж. Локк // Сочинения в 3 т. – Т. 3. – М.: Мысль, 1988. – С. 135 – 406.
162. Лосев А.Ф. История античной этики. – Т. 2. Софисты. Сократ. Платон / А.Ф. Лосев. – М.: АСТ, Харьков: Фолио, 2000. – 846 с.
163. Лэш К. Восстание элит и предательство демократии / К. Лэш / Пер. с англ. – М.: Логос; Прогресс, 2002. – 224 с.
164. Лященко Л.М. Александр II / Л.М. Лященко. – М.: Молодая гвардия, 2002. – 359 с.
165. Магун В.В. Как менялись российские трудовые ценности / В.В. Магун // Отечественные записки. – 2007. – № 3. – С.98 – 117.
166. Макаренко В.П. Бюрократия и сталинизм / В.П. Макаренко. – Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовск. ун-та, 1989. – 368 с.
167. Макеева М.В. Справедливость как нормативно-ценностный регулятор общественных отношений / М.В. Макеева // Преподаватель. XXI век. – 2010. – № 3. – С. 235 – 240.
168. Макиавелли Н. Государь / Н. Макиавелли // Избранные сочинения. – М.: Художественная литература, 1982. – С. 301 – 378.
169. Макинтайр А. После добродетели: Исследования теории морали / А. Макинтайр / Пер. с англ. В.В. Целищева. – М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2000. – 384 с.
170. Максимов Л.В. Этический объективизм: основные концепции и подходы / Л.В. Максимов // Этическая мысль. Вып 1. – М.: ИФРАН, 2000. – С. 132 – 147.
171. Максимов Л.В. О субъективистских течениях в современной философии морали / Л.В. Максимов // Этическая мысль. Вып. 5 / Отв. ред. А.А. Гусейнов. – М.: ИФРАН, 2004. – С.3 – 15.
172. Максимов Л.В. Квазиобъективность моральных ценностей / Л.В. Максимов // Этическая мысль. Вып. 6 / Отв. ред. А.А. Гусейнов. – М.: ИФРАН, 2005. – С.27 – 50.
173. Малинкович В. Три революции и две перестройки. Этюды на темы советской истории / В. Малинкович. – М.: Международный ин-т гуманитарно-политич.

исследований, 2008. – 368 с.

174. Малинова О.Ю. Идеологический плюрализм и трансформация публичной сферы в постсоветской России / О.Ю. Малинова // Политические исследования. – 2007. – № 1. – С. 6 – 21.

175. Малицкий В.С. Идеология в современной России / В.С. Малицкий // Вестник Адыгейского гос. ун-та. Сер. 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. – Вып. 2. – 2012. – № 2. – С. 247 – 251.

176. Малютин М.В. Электоральные предпочтения россиян: «парадокс стабильности» / М.В. Малютин // Общественные науки и современность. – 1998. – № 1. – С. 41 – 50.

177. Марков Б.В. Критика тоталитарного опыта / Б.В. Марков, С.П. Щавелев. – Курск: Изд-во Курского мед. ун-та, 2011. – 160 с.

178. Мартьянов В.С. Об условиях возникновения теории справедливости в российской политике / В.С. Мартьянов // Политические исследования. – 2006. – № 4. – С.61 – 73.

179. Мартьянов В.С. Россия в поисках утопий. От морального коллапса к моральной эволюции / В.С. Мартьянов, Л.Г. Фишман. – М.: Весь Мир, 2010. – 256 с.

180. Марченко Г.В. Россия между выборами / Г.В. Марченко // Политические исследования. – 1996. – № 2. – С. 101 – 115.

181. Матвиенко А.Д. Перестройка и нравственные ценности / А.Д. Матвиенко // Социологические исследования. – 1990. – № 11. – С. 55 – 61.

182. Материалы Июньского Пленума ЦК КПСС, 25 – 26 июня 1987 г. – М.: Политиздат, 1987. – 112 с.

183. Мау В.А. Экономика и власть. Политическая история экономической реформы в России, 1985 – 1994 / В.А. Мау. – М.: «Дело Лтд», 1995. – 112 с.

184. Мелешко Е.Д. Христианская этика Л.Н. Толстого / Е.Д. Мелешко. – М.: Наука, 2006. – 309 с.

185. Михайлов Р.В. Этапы становления новых федеративных отношений в

- Российской Федерации / Р.В. Михайлов // Вестник Московск. ун-та. Сер. 12, Политич. науки. – 1998. – № 1. – С. 24 – 32.
186. Момыш-улы Б. Психология войны: книга-хроника / Б. Момыш-улы. – М.-Алма-Ата: Казахстан, 1990. – 240 с.
187. Муздыбаев К. Идея справедливости / К. Муздыбаев // Социологические исследования. – 1992. – № 11. – С.94 – 101.
188. Мулюкова Л.Ф. Долженствование как возможный поступок / Л.Ф. Мулюкова // Вестник Челябинского гос. ун-та. Серия: Философия. Социология. Культурология. Вып. 33. – 2014. – № 17. – С. 115 – 120.
189. Мур Дж. Принципы этики / Дж. Мур / Пер. с англ. – М.: Прогресс, 1984. – 327 с.
190. Мусихин Г.И. Дискурсивный анализ идеологий: возможности и ограничения / Г.И. Мусихин // Политические исследования. – 2011. – № 5. – С. 128 – 144.
191. Мусихин Г.И. Идеология и культура / Г.И. Мусихин // Политические исследования. – 2012. – № 1. – С. 53 – 62.
192. Муфф Ш. К агонистической модели демократии / Ш. Муфф // Логос. – 2008. – № 2. – С.180 – 197.
193. Мюллер Д. Разум, религия, демократия / Д. Мюллер. – М.: Мысль, 2015. – 560 с.
194. Надурак В.В. Влияние некоторых изменений социальной среды на развитие общественной морали / В.В. Надурак // Довгирдовские чтения IV: тенденции духовно-нравственного развития современного общества. – Минск: Право и экономика, 2013. – С. 104 – 106.
195. Назаров В.Н. Прикладная этика / В.Н. Назаров. – М.: Гардарики, 2005. – 302 с.
196. Назаров В.Н. История русской этики / В.Н. Назаров. – М.: Гардарики, 2006. – 319 с.
197. Наше Отечество / Кулешов С.В., Волобуев О.В., Пивовар Е.И. и др. – В 2 ч. – Ч. 1. – М.: Terra, 1991. – 620 с.
198. Наше Отечество / Кулешов С.В., Волобуев О.В., Пивовар Е.И. и др. – В 2 ч. – Ч. 2. – М.: Terra, 1991. – 390 с.

199. Николаев И.В. Морально-когнитивные основы либерального понимания свободы / И.В. Николаев // Политическая концептология. – 2013. – № 4. – С. 200 – 212.
200. Нозик Р. Анархия, государство и утопия / Р. Нозик. – М.: ИРИСЭН, 2008. – 424 с.
201. Оболонский А.В. Перекрестки российской истории: упущенные шансы / А.В. Оболонский // Общественные науки и современность. – 1992. – № 3. – С. 85 – 96.
202. Оболонский А.В. Драма российской политической истории: система против личности / А.В. Оболонский. – М.: Ин-т гос-ва и права, 1994. – 352 с.
203. Оболонский А.В. Советский режим: механизмы властвования / А.В. Оболонский // Общественные науки и современность. – 2010. – № 3. – С. 135 – 151.
204. Оболонский А.В. Этика публичной сферы и реалии политической жизни / А.В. Оболонский. – М.: Мысль, 2016. – 448 с.
205. Оганесян А.К. Равенство и справедливость (Концепции Д. Роулса и Д. Белла) / А.К. Оганесян // Этическая мысль: науч.-публицист. чтения. – М.: Политиздат, 1990. – С.214 – 228.
206. Ойзерман Т.И. Проблема долженствования в философии Гегеля / Т.И. Ойзерман // Вопросы философии. – 1995. – № 5. – С. 98 – 107.
207. Ойзерман Т.И. Категорический императив и абсолютность запрета на ложь в этике Канта / Т.И. Ойзерман // Логос. – 2008. – № 5. – С. 172 – 178.
208. Олейник А.Н. Русская власть: конструирование идеального типа / А.Н. Олейник // Политическая концептология. – 2010. – № 1. – С. 69 – 91.
209. Орлов М.О. Нравственность в политике: социально-религиозные контексты в русской философии / М.О. Орлов // Известия Саратовского ун-та. – Т. 10. – Серия: Философия. Психология. Педагогика, вып. 1. – 2010. – С.23 – 28.
210. Осипов И.Д. Социальная философия В.С. Соловьева / И.Д. Осипов // Минувшее и непреходящее в жизни и творчестве В.С. Соловьева. Мат-лы международн. конф. 14 – 15 февраля 2003 г. – СПб.: Санкт-Петербургское философск. Общество, 2003. – С. 216 – 232.
211. Ослунд А. Россия: рождение рыночной экономики: Пер. с нем. / А. Ослунд. –

М.: Республика, 1996. – 430 с.

212. Пантин В.И. Массовое сознание в современной России: размежевания, противоречия, сопряжения / В.И. Пантин // Вестник Института социологии. – 2015. – № 1(12). – С. 100 – 117.

213. Пантин И.К. Россия: окончание исторического цикла? / И.К. Пантин // Pro et Contra. – Том 4, № 3. – 1999. – С. 112 – 133.

214. Пантин И.К. Выбор России: характер перемен и дилеммы будущего / И.К. Пантин // Политические исследования. – 2007. – № 4. – С. 113 – 135.

215. Пантин И.К. Преодолеть раскол общества и государства / И.К. Пантин // Демократия для России – Россия для демократии. – М.: ИФРАН, 2008. – С. 42 – 46.

216. Пастухов В.Б. «Перестройка» – второе дыхание / В.Б. Пастухов // Политические исследования. – 2011. – № 1. – С. 7 – 28.

217. Перегудов С.П. Организованные интересы и российское государство: смена парадигм / С.П. Перегудов // Политические исследования. – 1994. – № 5. – С. 64 – 74.

218. Петросян В.К. Карл Поппер о политической этике / В.К. Петросян // Человек. – 2010. – № 1. – С. 114 – 125.

219. Петухов В.В. Кризис и перспективы российской демократии / В.В. Петухов // Россия реформирующаяся. Ежегодник. Вып. 8 / Отв. ред. М.К. Горшков. – М.: Ин-т социологии РАН, 2009. – С. 303 – 325.

220. Печерская Н.В. Современный дискурс справедливости: Джон Ролз или Майкл Уолзер? / Н.В. Печерская // Общественные науки и современность. – 2001. – № 2. – С. 77 – 88.

221. Пионткевич Л.Ю. Феномен власти: проблема концептуализации / Л.Ю. Пионткевич // Вестник Томского гос. ун-та. – 2008. – № 308. – С. 41 – 47.

222. Пирогов Г.Г. Социальная справедливость: генезис идей / Г.Г. Пирогов, Б.А. Ефимов // Социологические исследования. – 2008. – № 9. – С. 4 – 11.

223. Пихоя Р.Г. Советский Союз: история власти. 1945 – 1991 / Р.Г. Пихоя. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 2000. – 684 с.

224. Пияшева Л. Программа экономического возрождения России / Л. Пияшева //

- От плана к рынку: будущее посткоммунистических республик. – М.: Catallaxy; Генезис, 1993. – С. 98 – 104.
225. Платон. Государство / Платон // Соч. в 4 т. – Т. 3. – М.: Мысль, 1994. – С. 79 – 420.
226. Платонова А.В. На пути к концепции коллективной ответственности: проблемы и перспективы / А.В. Платонова // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2013. – № 5. – С. 129 – 134.
227. Платонова А.В. Заместительные нравственные переживания в дискурсе о коллективной нравственной ответственности / А.В. Платонова, Д.О. Кашкин // Вестник науки Сибири. – 2015. – № 1. – С. 118 – 125.
228. Плискевич Н.М. Утопизм и прагматизм российского реформаторства / Н.М. Плискевич // Общественные науки и современность. – 1998. – № 1. – С. 13 – 26.
229. Плискевич Н.М. Российская приватизация: революция или эволюционный переход? / Н.М. Плискевич // Общественные науки и современность. – 1999. – № 4. – С. 29 – 43.
230. Плотников Н. «Право на достойное существование» / Н. Плотников // Логос. – 2007. – № 5. – С. 111 – 133.
231. Поздняков Э.А. Философия политики / Э.А. Поздняков. – М.: Весь мир, 2014. – 396 с.
232. Поликарпов В.А. Современные концепции либеральной демократической политики и их позитивные альтернативы: этика дискурса (Ю. Хабермас) и постмарксизм (Ш. Муфф и Э. Лакло) / В.А. Поликарпов, С.В. Поликарпова // Философия и социальные науки. – 2009. – № 3. – С.40 – 47.
233. Попов В.П. Большая ничья. СССР от Победы до распада / В.П. Попов. – М.: Изд-во НЦ ЭНАС, 2005. – 216 с.
234. Поппер К. Открытое общество и его враги / К. Поппер. – В 2 т. – Т. 2. – М.: Феникс; Культурная инициатива, 1992. – 525 с.
235. Поспелова О.В. Современная демократия и её парадоксы / О.В. Поспелова // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2011. – № 4. – С. 54 – 61.

236. Пристланд Д. Красный флаг: империя коммунизма / Д. Пристланд. – М.: ЧП «Айдиономикс», 2011. – 976 с.
237. Прокофьев А.В. Фундаментальное и этическое равенство и проблемы социальной этики / А.В. Прокофьев // *Общественные науки и современность*. – 2002. – № 2. – С. 67 – 77.
238. Прокофьев А.В. О возможности реабилитации идеи коллективной ответственности / А.В. Прокофьев // *Вопросы философии*. – 2004. – № 7. – С. 73 – 85.
239. Прокофьев А.В. Место и характер моральных аргументов в политической практике (идея "моральной нейтральности" публичной сферы и ее альтернативы) / А.В. Прокофьев // *Этическая мысль*. Вып.6 / Отв. ред. А.А. Гусейнов. – М.: ИФРАН, 2005. – С.140 – 162.
240. Прокофьев А.В. О практической приемлемости логики меньшего зла / А.В. Прокофьев // *Этическая мысль*. Вып.8 / Отв. ред. А.А. Гусейнов. – М.: ИФРАН, 2007. – С.229 – 253.
241. Прокофьев А.В. Моральная ответственность в политике: взгляд через призму этики меньшего зла / А.В. Прокофьев // *Философский журнал*. 2011. – № 1. – С. 103 – 114.
242. Прокофьев А.В. Социальная справедливость: нормативное содержание и история становления понятия [электронный ресурс] // <http://iph.ras.ru/page30194324.htm> (дата обращения 26.06.2017).
243. Пусько В.С. Идеология в конституционном поле современной России / В.С. Пусько // *Историческая и социально-образовательная мысль*. – 2015. – Т. 7, № 3. – С. 136 – 140.
244. Путч. Хроника тревожных дней. – М.: Прогресс, 1991. – 288 с.
245. Пыжиков А.В. Рождение сверхдержавы. 1945 – 1953 годы / А.В. Пыжиков, А.А. Данилов. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. – 319 с.
246. Пыхтеева Е.В. Насилие и ненасилие: политико-философский анализ / Е.В. Пыхтеева // *Научные ведомости Белгородского гос. ун-та*. – Сер.: История. Политология. Экономика. Информатика. – № 1(120), т.21. – 2012. – С. 215 – 219.

247. Разин А.В. Модели нравственного поведения / А.В. Разин // Этическая мысль. Вып. 2. – М.: ИФ РАН, 2001. – С. 74 – 88.
248. Разин А.В. Современная мораль и ее философские основания / А.В. Разин // Этическая мысль. Вып. 12. – М.: ИФРАН, 2012. – С.33 – 44.
249. Разин А.В. Моральные дилеммы: причины возникновения и способы разрешения / А.В. Разин // Дискурсы этики. – 2013. – № 1. – С. 57 – 69.
250. Рассадина Т.А. Трансформации традиционных ценностей россиян в постперестроечный период / Т.А. Рассадина // Социологические исследования. – № 9. – 2006. – С.95 – 101.
251. Рассказов Л.Д. Природа знания о духовном кризисе / Л.Д. Рассказов // Идеология: дух, смысл, разум: коллективная монография / отв. ред. В.Ю. Колаков. – Красноярск: Литера-принт, 2011. – 302 с.
252. Рахманин В.С. Философские парадигмы модернизации / В.С. Рахманин // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Сер. 7, Философия. – 2011. – № 2. – С. 42 – 48.
253. Рахшмир П.Ю. Идеи и люди. Политическая мысль первой половины XX века / П.Ю. Рахшмир. – 2-е изд., перераб. – Пермь: Изд-во Пермск. ун-та, 2001. – 272 с.
254. Реабилитация: Политические процессы 30 – 50-х годов / Сост.: Курилов И.В., Михайлов Н.Н., Наумов В.П.; Под общ. ред. Яковлева А.Н. – М.: Политиздат, 1991. – 461 с.
255. Реформирование России: мифы и реальность (1989 – 1994). – М.: Academia, 1994. – 384 с.
256. Римский В.Л. Нравственность не может быть регулятором поведения патримональной бюрократии / В.Л. Римский // Нравственное государство как императив государственной эволюции. – М.: Научный эксперт, 2011. – С. 453 – 461.
257. Роговин В.З. Власть и оппозиция / В.З. Роговин. – М.: Товарищество «Журнал «Театр»», 1993. – 400 с.
258. Рормозер Г. Кризис либерализма / Г. Рормозер / Пер. с нем. – М.: ИФРАН, 1996. – 292 с.
259. Роулз Дж. Теория справедливости / Дж. Роулз. – Новосибирск: Изд-во НГУ,

1995. – 532 с.

260. Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. Человек и мир / С.Л. Рубинштейн. – СПб.: Питер, 2003. – 512 с.

261. Руженцев С.Е. Возникновение этического познания политики // Вестник ВГУ. Серия: Философия. - 2016. – № 1. – С. 59 – 66

262. Руженцев С.Е. Возможности морального поведения в политике // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. – 2015. – № 2. – С.108 – 112.

263. Руженцев С.Е. Концепция Дж. Роулза и ее критика в западной философской мысли: аспекты политической морали // Право и практика. – 2016. – № 2. – С. 157 – 166.

264. Руженцев С.Е. Либеральный взгляд на роль морали в политике // Вестник ВГУ. Серия: Философия. – 2016. – № 3. – С. 121 – 129.

265. Руженцев С.Е. Мораль и политика в российском общественном сознании // Право и практика. – 2017. – № 1. – С. 242 – 249.

266. Руженцев С.Е. Моральная рефлексия современной политики // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. – 2016. – № 6. – С. 9 – 14.

267. Руженцев С.Е. Моральные аспекты в политике советского государства // Право и практика. – 2017. – № 2. – С. 96 – 101.

268. Руженцев С.Е. Моральные традиции и модернизация современного российского общества // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2017. – № 3. – Ч.2. – С. 135 – 139.

269. Руженцев С.Е. Моральный дискурс советской политики // Клио. – 2015. – № 7. – С.62 – 66.

270. Руженцев С.Е., Жиброва Т.В. Моральный конфликт как философская и этическая проблема // Вестник ВГУ. Серия: Философия. – 2015. – № 1. – С.60 – 65.

271. Руженцев С.Е. Моральные идеалы и социальная ответственность в политике // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 8. – С.190 – 196.

272. Руженцев С.Е. Моральные ценности социально-экономической сферы современной России // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2016. – № 3. – С.144 – 151.
273. Руженцев С.Е. Нравственное сознание российского общества и демократизация политической системы // Общество: философия, история, культура. – 2016. – № 12. – С. 41 – 46.
274. Руженцев С.Е. Соотношение традиций и новаций в идеологии российского общества // Клио. – 2015. – № 10. – С.76 – 81.
275. Руженцев С.Е. Социально-политическая практика и требования моральных идеалов // Право и практика. – 2016. – № 2. – С. 158 –167.
276. Руженцев С.Е. Этический взгляд на идеологию и мораль в современном российском обществе // Право и практика. – 2016. – № 1. – С.130 – 137.
277. Руженцев С.Е. Этические искания современного российского общества в условиях модернизации // Общество: философия, история, культура. – 2016. – № 11. – С. 38 – 43.
278. Руженцев С.Е. Этические основания современной политической деятельности // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 11. – Ч.1. – С.118 – 122.
279. Рыжков Н.И. Перестройка: история предательств / Н.И. Рыжков. – М.: Новости, 1992. – 399 с.
280. Савкина А.В. Понятие сакрального в условиях современного общества / А.В. Савкина // Полигнозис. – 2010. – № 1–2. – С.66 – 72.
281. Сазанов Д.С. Советская интеллигенция в условиях «перестройки»: трансформация ценностных ориентаций / Д.С. Сазанов // Вектор науки ТГУ. – 2011. – № 4. – С. 154 – 157.
282. Салихов Б.В. Духовно-нравственные основы развития современной российской экономики. Монография / Б.В. Салихов. – М.: Изд-во МГОУ, 2009. – 160 с.
283. Сафин А.М. Онтология ошибки в социальном контексте / А.М. Сафин //

- Теория и практика общественного развития. – 2014. – № 13. – С. 26 – 28.
284. Сафонов К.Б. Этические кодексы: проблемы создания и применения / К.Б. Сафонов // Вестник Пермского университета. Серия: Философия. Психология. Социология. – 2013. – Вып. 1(13). – С. 54 – 57.
285. Сафонова Е.А. Основные аспекты исследования трансформации политических отношений в условиях постмодернити / Е.А. Сафонова // Вестник Сибирского государственного индустриального университета. – 2014. – № 1. – С. 66 – 70.
286. Сахарова М. В. Свобода и равенство: история неоконченного спора о справедливости / М.В. Сахарова // Философские науки. – 2010. – № 1. – С. 77 – 91.
287. Свендсен Л. Философия зла / Л. Свендсен / Пер. с норв. – М.: прогресс-Традиция, 2008. – 352 с.
288. Свифт Р. Демократия / Р. Свифт. – М.: Книжный клуб Книговек, 2014. – 208 с.
289. Селиверстов В. Уроки правильного понимания насилия по Хане Арендт / В. Селиверстов // Культиватор. – 2009. – № 1. – С. 53 – 62.
290. Семёнов В.С. Уроки XX века и путь в XXI век: социально-политический анализ и прогноз / В.С. Семенов. – М.: ИФРАН, 2000. – 411 с.
291. Семенова Р.У. Политическая мораль: некоторые основания когнитивного дискурса / Р.У. Семенова // Вестник Томского гос. ун-та. – Вып. 287. – Томск, 2005. – С. 147 – 152.
292. Скочилова В.Г. Идеология в политическом процессе современной России / В.Г. Скочилова // Вестник Томского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Политология. – 2010. – № 3. – С. 76 – 85.
293. Скрипник А.П. Моральное зло в истории этики и культуры / А.П. Скрипник. – М.: Политиздат, 1992. – 351 с.
294. Смирнов А.В. Исторический опыт реформирования российского общества во второй половине XX века / А.В. Смирнов, С.Е. Руженцев // Реформирование российского общества: опыт, проблемы, перспективы. – Воронеж: ВГТУ, 2007. – С. 118 – 121.
295. Смирнов П.И. Ценность: стимул деятельности и одно из понятий социологии / П.И. Смирнов // Credo New. – 2011. – № 1. – С.139 – 157.

296. Смирнов П.И. Фундаментальные ценности общества: универсальная типология / П.И. Смирнов // *Credo New*. – 2011. – № 2. – С.67 – 85.
297. Сморгунов Л.В. Философия и политика. Очерки современной политической философии и российская ситуация / Л.В. Сморгунов. – М.: РОССПЭН, 2007. – 176 с.
298. Согрин В.В. М. Горбачев: личность и история / В.В. Согрин // *Общественные науки и современность*. – 1992. – № 3. – С. 136 – 146.
299. Согрин В.В. Либерализм в России: перипетии и перспективы / В.В. Согрин. – М.: Магистр, 1997. – 40 с.
300. Согрин В.В. Российская история конца XX столетия в контексте всеобщей истории: теоретическое осмысление / В.В. Согрин // *Новая и новейшая история*. – 1999. – № 1. – С. 70 – 92.
301. Согрин В.В. Политическая история современной России. 1985 – 2001: от Горбачева до Путина / В.В. Согрин. – М.: Весь Мир, 2001. – 272 с.
302. Солник Ст. «Торг» между Москвой и субъектами федерации о структуре нового российского государства: 1990 – 1995 / Ст. Солник // *Политические исследования*. – 1995. – № 6. – С. 95 – 108.
303. Соловьев В.С. Три силы / В.С. Соловьев // *Сочинения: в 2 т. – Т. 1.* – М.: Правда, 1989. – С. 19 – 31.
304. Соловьев В.С. Оправдание добра / В.С. Соловьев // *Сочинения: в 2 т. – Т. 1.* – М.: Мысль, 1988. – С. 47 – 548.
305. Соловьев В.С. Право и нравственность / В.С. Соловьев. – Минск: Харвест, 2001. – 147 с.
306. Солоневич И.Л. Народная монархия / И.Л. Солоневич. – М.: Ин-т русской цивилизации, 2010. – 624 с.
307. Соммер, Дарио Салас. Мораль XXI века: Пер. с исп. / Дарио Салас Соммер. – М.: Кодекс, 2013. – 480 с.
308. Сорос Дж. Кризис мирового капитализма. Открытое общество в опасности / Дж. Сорос / Пер. с англ. – М.: ИНФРА-М, 1999. – 262 с.
309. Спиридонова В.И. Эволюция концепции общего блага в западной

- политической мысли / В.И. Спиридонова // Полигнозис. – 2001. – № 1. – С.41 – 56.
310. Стаут Дж. Демократия и традиция / Дж. Стаут. – М.: Изд. дом «Территория будущего», 2009. – 464 с.
311. Суверенная демократия. От идеи – к доктрине. – М.: Европа, 2007. – 60 с.
312. Сутор Б. Политическая этика / Б. Сутор // Политические исследования. – 1993. - № 1. – С. 61 – 71.
313. Сухов А.Д. Русская философия: особенности, традиции, исторические судьбы / А.Д. Сухов. – М.: ИФРАН, 1995. – 157 с.
314. Сэндел М. Справедливость. Как поступать правильно? / М. Сэндел / Пер. с англ. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2013. – 352 с.
315. Тарасов К.Н. Проблема соотношения государственной власти и социума в работах И.А. Ильина в контексте общественно-политической доктрины российского консерватизма / К.Н. Тарасов // Вестник Пермского университета. Сер. История. – Вып. 3(17), 2011. – С. 20 – 27.
316. Титаренко А.И. Антиидеи. Опыт социально-этического анализа / А.И. Титаренко. – М.: Политиздат, 1984. – 478 с.
317. Токарева С.Б. Коллективная и личная ответственность в обществе / С.Б. Токарева // Власть. – 2012. – № 3. – С.44 – 48.
318. Толмачёв Е.П. Александр II и его время / Е.П. Толмачёв. – В 2-х кн. – М.: Терра-книжный клуб, 1998. [кн. 1 – 438 с.; кн. 2 – 288 с.]
319. Толочко П.П. Власть в Древней Руси. X – XIII века / П.П. Толочко. – СПб.: Алетей, 2011. – 200 с.
320. Трунов А.А. Российское государство перед деструктивным вызовом постмодерна / А.А. Трунов, Е.И. Черникова // Нравственное государство как императив государственной эволюции. – М.: Научный эксперт, 2011. – С. 214 – 225.
321. Федоров Ю.М. Универсум морали / Ю.М. Федоров. – Тюмень: Тюменский научный центр СО РАН, 1992. – 418 с.
322. Федотова Н.Г. Глобальный капитализм: три великие трансформации / Н.Г. Федотова, В.А. Колпаков, Н.Н. Федотова. – М.: Культурная революция, 2008. – 608

с.

323. Федотова В.Г. История России в контексте процессов модернизации / В.Г. Федотова // Россия реформирующаяся. Вып. 12: ежегодник / Отв. ред. М.К. Горшков. – М.: Новый хронограф, 2013. – 528 с.
324. Ферр Г. Антисталинская подлость / пер. с англ. / Г. Ферр. – М.: Алгоритм, 2007. – 464 с.
325. Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город /пер. с англ. / Ш. Фицпатрик. – М.: РОССПЭН; Фонд Первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2008. – 336 с.
326. Франк С.Л. Этика нигилизма / С.Л. Франк // Вехи. Интеллигенция в России: сб. ст. 1909 – 1910. – М.: Молодая гвардия, 1991. – С. 153 – 184.
327. Фромм Э. Бегство от свободы. Человек для себя / Э. Фромм. – М.: АСТ, 2006. – 571 с.
328. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек / Ф. Фукуяма. – М.: АСТ, 2010. – 584 с.
329. Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность. Московские лекции и интервью / Ю. Хабермас. – М.: АО «КАМИ», 1995. – 252 с.
330. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие / Ю. Хабермас. – СПб.: Наука, 2001. – 380 с.
331. Хабермас Ю. Вовлечение Другого. Очерки политической теории / Ю. Хабермас. – СПб.: Наука, 2001. – 418 с.
332. Хабермас Ю. Проблема легитимации позднего капитализма / пер. с нем. / Ю. Хабермас. – М.: Праксис, 2010. – 264 с.
333. Хаузер, Марк Д. Мораль и разум: Как природа создавала наше универсальное чувство добра и зла / Марк Д. Хаузер. – М.: Дрофа, 2008. – 639 с.
334. Хелд М. Модели демократии / М. Хелд. – 3-е изд. – М.: Изд. дом «Дело», 2014. – 544 с.
335. Хёффе О. Справедливость: Философское введение / О. Хёффе / Пер. с нем. – М.: Праксис, 2007. – 192 с.
336. Холмс Р. Мораль и общественное благо / Р. Холмс // Мораль и

рациональность. – М.: ИФРАН, 1995. – С. 64 – 78.

337. Ципко А. О зонах, закрытых для мысли / А. Ципко // Суровая драма народа: ученые и публицисты о природе сталинизма. – М.: Политиздат, 1989. – С. 175 – 257.

338. Чаадаев П.Я. Полное собрание сочинений и избранные письма / П.Я. Чаадаев. – Т. 1. – М.: Наука, 1991. – 801 с.

339. Чаадаев П.Я. Философические письма / П.Я. Чаадаев // Статьи и письма. – М.: Современник, 1989. – С. 38 – 146.

340. Черникова В.Е. Конфликт традиционных моральных ценностей информационного общества / В.Е. Черникова // Вестник Адыгейского гос. ун-та. – Серия 1: Регионоведение, философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. – 2014. – № 3. – С. 45 – 50.

341. Чичовачки П. Призрачное здание «истинной морали» Канта / П. Чичовачки // Этическая мысль. – Вып. 7. – М.: ИФРАН, 2006. – С. 127 – 147.

342. Чурекова Т.М. К вопросу о дефиниции нравственных ценностей и оснований для их выделения / Т.М. Чурекова, И.В. Москаленко // Вестник КемГУ. – 2011. – № 2. – С. 112 – 116.

343. Шапиро И. Моральные основания политики / И. Шапиро. – М.: КДУ, 2004. – 304 с.

344. Шаров Н.Ф. Ответственность как социальная проблема / Н.Ф. Шаров // Вектор науки Тольяттинского гос. ун-та. – 2009. – № 5. – С. 133 – 138.

345. Шаталова Н.И. Деформация трудового поведения работника / Н.И. Шаталова // Социологические исследования. – 2000. – № 7. – С. 26 – 33.

346. Шварцмантель Дж. Идеология и политика / Дж. Шварцмантель. – Харьков: Изд-во Гуманитарный Центр, 2009. – 312 с.

347. Шевченко В.Н. Российское государство. Опыт философского прочтения / В.Н. Шевченко, Р.И. Соколова, В.И. Спиридонова. – М.: Прогресс-Традиция, 2012. – 512 с.

348. Шевченко В.Н. Модернизация российского общества или особый путь развития / В.Н. Шевченко // Современное государство, социум, человек:

российская специфика. – М.: ИФРАН, 2010. – С. 102 – 154.

349. Шевцова Л.Ф. Дилеммы посткоммунистического общества / Л.Ф. Шевцова // Политические исследования. – 1996. – № 5. – С. 80 – 90.

350. Шевцова Л.Ф. Как Россия не справилась с демократией: логика политического отката / Л.Ф. Шевцова // Pro et Contra. – Т. 8. – № 3. – 2004. – С. 36 – 55.

351. Шевцова Л.Ф. Одинокая держава: Почему Россия не стала Западом и почему России трудно с Западом / Л.Ф. Шевцова. – М.: РОССПЭН, 2010. – 272 с.

352. Шерстнёв М. Что год реформы принёс нам.../ М. Шерстнёв // Свободная мысль. – 1993. – № 7. – С. 46 – 57.

353. Шестопал Е.Б. Взаимоотношения граждан и власти в ходе демократического транзита в России / Е.Б. Шестопал // Логос. – 2003. – № 4. – С. 178 – 185.

354. Шестопал Е.Б. Четверть века политических реформ в России с точки зрения психологии / Е.Б. Шестопал // Политические исследования. – 2015. – № 1. – С. 136 – 150.

355. Шилов В.И. Партия «Единая Россия» и идеология консерватизма / В.И. Шилов // Научные ведомости Белгородского гос. ун-та. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. – 2010. – № 1. – С. 210 – 218.

356. Шипунова Т.В. Социальная справедливость: понятие, виды, критерии оценки / Т.В. Шипунова // Проблемы теоретической социологии. Вып.5: Межвуз. сб. / Отв. ред А.О. Бороноев. – СПб.: Астерион, 2005. – С. 227 – 247.

357. Шмитт К. Понятие политического / К. Шмитт // Вопросы социологии. – 1992. – № 1. – С. 37 – 67.

358. Штаудингер Ф. Этика и политика / Ф. Штаудингер. – СПб.: Типо-литография «Энергия», 1906. – 37 с.

359. Шуралева С.В. Систематизация этических правил государственных гражданских служащих в российском и международном праве / С.В. Шуралева, А.В. Ваньков // Вестник Пермского университета. Серия: Юридические науки. – 2012. – Вып. 1 (15). – С. 192 – 201.

360. Эйдельман Н.Я. «Революция сверху» в России / Н.Я. Эйдельман. – М.: Книга, 1989. – 125 с.

361. Экономика переходного периода. Очерки экономической политики посткоммунистической России, 1991 – 1997. – М.: ИЭПП, 1998. – 1113 с.
362. Эпоха Ельцина: Очерки политической истории / Ю. Батулин, А. Ильин, В. Кадацкий и др. – М.: Вагриус, 2001. – 815 с.
363. Юсим М.А. Этика Макиавелли / М.А. Юсим. – М.: Наука, 1990. – 158 с.
364. Ясин Е.Г. Модернизация экономики и система ценностей / Е.Г. Ясин. – М.: ГУ ВШЭ, 2003. – 83 с.
365. Яценко А.С. Философия права Владимира Соловьева / А.С. Яценко. – СПб.: Сенат. Тип., 1912. – 43 с.

Диссертационные исследования

366. Аитова Г.Ш. Новое в понимании справедливости в эпоху глобализации: социально-философский анализ: Автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. философ. наук / Г.Ш. Аитова. – Москва, 2011. – 36 с.
367. Белов А.В. Социальная ответственность: содержание и механизм реализации: Автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. философ. наук / А.В. Белов. – Волгоград, 2010. – 24 с.
368. Беридзе Ю.В. Трансформация идеологии в современном российском обществе: Автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. философ. наук / Ю.В. Беридзе. – Краснодар, 2007. – 29 с.
369. Бубнова О.Ю. Проблема трансформации нравственных ценностей в современном российском обществе: Автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. философ. наук / О.Ю. Бубнова. – Москва, 2005. – 28 с.
370. Вавилова Е.Ю. Диалектика добра и зла: Автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. философ. наук / Е.Ю. Вавилова. – Иваново, 2008. – 24 с.
371. Веригин А.Б. Нравственный долг, права и обязанности человека как социальные регуляторы общественных отношений: социально-философский анализ: Автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. философ. наук / А.Б. Веригин. – Краснодар, 2012. – 31 с.
372. Воронкова О.А. Кризис идеологии и развитие социально-политического дискурса в России (1985 – 2010 гг.): Автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд.

философ. наук / О.А. Воронкова. – Москва, 2011. – 26 с.

373. Вотинцева Н.Н. Специфика ценностей и ценностного сознания в трансформирующемся обществе: Автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. философ. наук / Н.Н. Вотинцева. – Пермь, 2008. – 19 с.

374. Данилов М.В. Институты, механизмы и технологии политизации общества в постсоветской России (1990-е – 2000-е годы): Дисертация на соиск. учен. степ, доктора политич. наук / М.В. Данилов. – Саратов, 2015. – 477 с.

375. Данилкова М.П. Концепция теории ценностей с позиций диалектической методологии: Автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. философ. наук / М.П. Данилкова. – Новосибирск, 2008. – 20 с.

376. Железнов А.С. Социальное и этическое: обоснование форм единства: Автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. философ. наук / А.С. Железнов. – Екатеринбург, 2013. – 21 с.

377. Калимуллина Н.Р. Возможности и механизмы воздействия власти на ценностные ориентиры общества: Автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. философ. наук / Н.Р. Калимуллина. – Томск, 2010. – 23 с.

378. Коломак А.И. Свобода и ответственность в современном мире: Автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. философ. наук / А.И. Коломак. – Ставрополь, 2006. – 22 с.

379. Коновалов А.В. Ответственность в сфере социальных регуляций: политический аспект: Автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. философ. наук / А.В. Коновалов. – Новосибирск, 2005. – 18 с.

380. Минкинен Л.Д. Онтологические и теоретико-познавательные основания этического идеала: Автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. философ. наук / Л.Д. Минкинен. – СПб., 2006. – 23 с.

381. Назарова Ю.В. Аксиология и антропологические практики парламентской культуры: Автореф. дис. на соиск. учен. степ, доктора философ. наук / Ю.В. Назарова. – Белгород, 2013. – 42 с.

382. Никонова С.И. Государственная политика в области идеологии и культуры в контексте советской действительности: Автореф. дис. на соиск. учен. степ. доктора

историч. наук / С.И. Никонова. – Казань, 2009. – 44 с.

383. Нестеренко А.Н. Социальное взаимодействие и государство (социально-философский аспект): Автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. философ. наук / В.И. Наседкин. – Москва, 2012. – 23 с.

384. Соловей И.В. Философские смыслы поля политики: Автореф. дис. на соиск. учен. степ. доктора философ. наук / И.В. Соловей. – Ижевск, 2012. – 41 с.

385. Суханова М.И. Восприятие свободы массовым сознанием россиян (теоретико-политологический анализ): Автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. политич. наук / М.И. Суханова. – М., 2008. – 31 с.

386. Федоров Г.С. Диалектика взаимоотношений политической и частной морали: Автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. философ. наук / Г.С. Федоров. – Чебоксары, 2010. – 20 с.

387. Шипов А.Л. Российская власть в оценках граждан (1993 – 2008 гг.): Автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. политич. наук / А.Л. Шипов. – Волгоград, 2009. – 27 с.

Зарубежные исследования

388. Blackledge, Paul. Marxism and Ethics: Freedom, Desire and Revolution. – Albany: SUNY Press, 2012. – 249 p.

389. Brady, Rose. Kapitalizm: Russia's Struggle to Free Its Economy. – New Haven: Yale University Press, 2000. – 289 p.

390. Brown, Archie. The Gorbachev Factor. – New York: Oxford University Press, 1997. – 444 p.

391. Carter, Stephen L. Civility: Manners, Morals, and the Etiquette of Democracy. – N.Y.: HarperCollins, 1999. – 352p.

392. Cunningham F. Theories of Democracy. A critical introduction. – N.Y.: Routledge, 2002. – 248 p.

393. Feteris, Erelin T. Rationality of Legal Discourse in Habermas's Discourse Theory // Informal Logic. – Vol. 23, № 2. – 2003. – P. 139 – 159.

394. Fish, Steven M. Democracy Derailed in Russia: The Failure of Open Politics. – N.Y.: Cambridge University Press, 2005. – 313 p.

395. Freedman M. *Ideologies and Political Theory: A Conceptual Approach*. – Oxford, 2006. – 592 p.
396. Garcelon M. *Revolutionary Passage / From Soviet to Post-Soviet Russia, 1985 – 2000*. – Philadelphia: Temple University Press, 2005. – 312 p.
397. Giddens A. *The Third Way and Its Critics*. – Cambridge: Polity Press, 2000. – 200 p.
398. Gill, Graeme J. *The Collapse of Single-party System*. – N.Y.: Cambridge University Press, 1994. – 272 p.
399. Goldman, Marshall I. *The Privatization of Russia: Russian Reform Goes Awry*. – L.: Routledge, 2003. – 304 p.
400. Graham, Thomas E. *Russia's Decline and Uncertain Recovery*. – N.Y.: Carnegie Endowment, 2002. – 103 p.
401. Gustafson, Thane. *Capitalism Russian-Style*. – Cambridge: Cambridge University Press, 1999. – 264 p.
402. Habermas J. *Law and Morality // The Tanner Lectures on Human Values*. – Vol. VIII: 1988 / Ed. S. McMurrin. – Salt Lake City: Utah University Press, 1988. – P. 217 – 279.
403. Harris, J. *Subverting the system: Gorbachev's reform of the party's apparatus, 1986-1991 / J. Harris / – N.Y.: Rowman&Littlefield publishers, 2003. – 190 p.*
404. Ignatieff M. *The Lesser Evil: political ethics in the age of terror*. – N.Y.: Princeton, 2004. – 212 p.
405. Jost J. *The End of the End of Ideology // American Psychologist*. – 2006. October. – Vol. 61, № 7. – P. 651 – 670.
406. Kane J. *The Politics of Moral Capital*. – Cambridge: Cambridge University Press, 2003. – 277 p.
407. Kotkin, Stephen. *Armageddon Averted: Soviet Collapse, 1970 – 2000*. – New York: Oxford University Press, 2008. – 304 p.
408. Kühler M. *Political Legitimacy and Its Need for Public Justification // Political Legitimization without Morality? / Ed. J. Kuhnelt*. – Springer, 2008. – P. 53 – 58.
409. Macintyre, Alasdair. *A short History of Ethics*. – 2nd ed. – London: Routledge,

1998. – 304 p.

410. Marks, Joel. – *Ethics without Morals: In Defense of Amorality*. – N.Y.: Routledge, 2012. – 150 p.

411. Mendras, Marie. *Russian Politics: The Paradox of a Weak State*. – N.Y.: Columbia University Press, 2012. – 320 p.

412. Nelson, L.D. *Radical reform in Yeltsin's Russia: political, economic, and social dimensions* / L.D. Nelson, I.Y Kuzes. – Armonk, New York: M.E. Sharpe Inc., 1995. – 272 p.

413. Niebuhr R. *Moral Man and Immoral Society: A Study in Ethics*. – Westminster John Knox Press, 2013. – 320 p.

414. Nussbaum, Martha C. *Frontiers of Justice: Disability, Nationality, Species Membership*. – Harvard University Press, 2006. – 487 p.

415. Oakeshott M. *Morality and Politics in Modern Europe*. – New Haven: Yale University Press, 1993. – 192 p.

416. Plant R. *Why social Justice? // Social Justice. From Hume to Walzer* / Ed. By Boucher and P. Kelly. – L.: Routledge, 1998. – p. 269 – 284.

417. Rachels, J. *The elements of moral philosophy* / J. Rachels, S. Rachels. – 7th ed.

418. N.Y.: McGraw-Hill Humanities, 2011. – 224 p.

419. Reddaway, Peter. *The Tragedy of Russia's Reforms* / Reddaway Peter, Glinski Dmitri. – Washington: United States Institute of Peace, 2001. – 768 p.

420. Rescher N. *Fairness. Theory and Practice of Distributive Justice*. – New Brunswick: Transaction Publishers, 2002. – 134 p.

421. Ryavec, Karl W. *Russian Bureaucracy: Power and Pathology*. – Lanham: Rowman & Littlefield publishers, 2003. – 283 p.

422. Sakwa, Richard. *The Crisis of Russian Democracy*. – Cambridge: Cambridge University Press, 2011. – 418 p.

423. Sandel, Michael J. *Liberalism and the Limits of Justice*. – Cambridge: Cambridge University Press, 1998. – 252 p.

424. Sandel, Michael J. *Public Philosophy. Essay on Morality in Politics*. – Harvard University Press, 2006. – 292 p.

425. Schmitt C. *The Crisis of Parliamentary Democracy*. – Cambridge: The MIT Press, 2000. – 184 p.
426. Slote, M. *Moral sentimentalism* / M. Slote // *Ethical Theory and moral practice*. – 2004. – Vol. 7, № 1. – P. 3 – 13.
427. Smith, Kathlin. *Mythmaking in New Russia: Politics and Memory in the Yeltsin Era*. – N.Y.: Cornell University Press, 2002. – 256 p.
428. Steen, Anton. *Political Elites and the New Russia: The Power Basis of Yeltsin's and Putin's Regimes*. – N.Y.: Routledge Curzon, 2003. – 225 p.
429. Tannenbaum J. *Acting with Feeling from Duty* // *Ethical Theory and Moral Practice*. – 2002. – Vol. 5, № 3. – 321 – 337 pp.
430. Urban, Michael. *Cultures of Power in Post-Communist Russia: An Analysis of Elite Political Discourse*. – Cambridge: Cambridge University Press, 2010. – 230 p.
431. Walzer, Michael. *Spheres of Justice: A Defense of Pluralism and Equality*. – N.Y.: Basic Books, 1983. – 345 p.